

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

*Материалы
международной конференции
Вып. 4*

Москва
2017

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

Типология морфосинтаксических параметров

**Материалы международной
конференции**

Вып. 4

Москва
2017

УДК 81.44

ББК 81.2

Т 43

*Рекомендовано к изданию Ученым советом Института
языкознания РАН и редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Протокол № 4 от 24 января 2018 г.*

Рецензенты:

*С.Г. Татевосов, д-р филол. наук, проф. МГУ им. М.В.Ломоносова
О.И. Беляев, канд. филол. наук, МГУ им. М.В.Ломоносова, Инсти-
тут языкознания РАН*

Т 43

Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы между-
народной конференции «Типология морфосинтаксических параметров
2017». / Под ред. Е.А. Лютиковой и А.В. Циммерлинга. М.: Гос. ИРЯ
им. А. С. Пушкина, 2017. 287 с.

ISBN 978-5-98269-179-8

Вып. 4 серии тематических публикаций «Типология морфосин-
таксических параметров» посвящен проблемам грамматической
семантики и процедуре семантического анализа в параметрической
типологии. Статьи выпуска сгруппированы в три тематических раз-
дела, посвященные проблемам формальной русистики, параметри-
ческому описанию грамматических систем языков мира и анализу
коммуникативно-грамматического интерфейса.

Vol. 4 in the thematic series “Typology of morphosyntactic parameters”
concerns the problems of grammatical semantics and the implementation
of semantic methods in parametric typology. The papers are grouped
into three sections: a) issues in formal Russian linguistics; b) parametric
descriptions of grammatical systems in various world’s languages; and
c) information structure-to-grammar interface.

УДК 81.44

ББК 81.2

ISBN 978-5-98269-179-8

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2018

Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг

Параметрическая грамматика и семантика 5

I. Параметрическая грамматика и формальная русистика

Д.Б. Тискин

Дублирование вершины при сочиненном компоненте:

данные русского языка 20

И.С. Бурукина

О возможности подъёма подлежащего в русском языке 34

А.В. Циммерлинг

Есть ли согласование? Гипотеза Пospelова и конкуренция

предикативов и согласуемых прилагательных в русском языке 45

О.В. Митренина

Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке

как предложная группа 64

М.В. Трубицина

Несубстантивные названия в русском языке: к вопросу о полноте

парадигм 71

II. Параметрическая типология грамматических систем

G. Torcolacci

The syntax-morphology interplay on southern Italo-Romance

verbal inflection 84

P. Khullar

Syntactic Doubling of Agreement Features in Awadhi: A Functional

Perspective 99

П.М. Аркадьев

Дейктические превербы адыгских языков и типология инверсива 105

Е.С. Клягина

Зона «сверхпрошлого» в кубанском диалекте кабардино-

черкесского языка 120

Д.Д. Мордашова

Когнаты глагола *vilja в скандинавских языках: на пути
грамматикализации. 132

А.Б. Шлуинский

Конструкции с предикативным причастием в лесном диалекте
энецкого языка. 146

Н.В. Макеева, А.Б. Шлуинский

Битранзитивная конструкция в языке акебу. 161

Л.С. Козлов

Директивно-локативная конкуренция в финно-пермских языках 177

И.А. Хомченкова, М.А. Сидорова

Неканонические функции комитатива в горномарийском языке 192

III. Коммуникативно-грамматический интерфейс**Е.Л. Рудницкая**

Делимитативный аффикс -riktV- и фокусная частица (h)ələ в
эвенкийском языке как вершины двух разных проекций DelimP и FocP . 209

П.С. Плешак, М.А. Сидорова

Аппроксимативные количественные конструкции как контекст для
именных групп малой структуры в мокшанском и горномарийском
языках 222

А.А. Козлов

Горномарийская частица =ok и грани эмфатической идентичности. 240

Е.А. Христофорова

Влияние коммуникативной организации речи на выбор
семантического классификатора. 255

Резюме и ключевые слова 267

Summaries and keywords 273

Данные об авторах 279

Authors' information 282

Contents 285

*доктор филологических наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Московский педагогический
государственный университет*

А. В. Циммерлинг,

*доктор филологических наук,
Государственный институт русского языка имени А.С.Пушкина,
Московский педагогический государственный университет,
Институт языкознания РАН*

Параметрическая грамматика и семантика¹

В статье характеризуется роль семантики в современной лингвистической типологии и обосновывается необходимость применения семантического аппарата для параметризации многофакторных морфосинтаксических феноменов.

Ключевые слова: параметрическая грамматика, лингвистическая типология, семантика, языковое варьирование, интерфейсы, падеж, согласование, контроль, грамматические категории.

The paper addresses the role of semantics in modern linguistic typology. We argue that semantic analysis is essential for the parametrization of multifactorial morphosyntactic mechanisms.

Keywords: parametric grammar, linguistic typology, semantics, cross-linguistic variation, interfaces, case, agreement, control, grammatical categories.

Настоящий выпуск продолжает серию «Типология морфосинтаксических параметров», начатую изданиями [ТМП 2014; ТМП 2015; ТМП 2016]. Конференции «Типология морфосинтаксических параметров», проводимые с 2011 г., являются форумом, где традиционно встречаются представители различных лингвистических школ, обсуждающие преимущества своих подходов в типологически ориентированных описаниях языков мира. Лейтмотивом конференции 2017 г. был интерес к семантическим исследованиям и вкладу механизмов грамматики в интерпретацию высказывания. В этом отражается как общая тенденция развития лингвистики, так и состояние современной лингвистической типологии, которая стремится перейти от описания языкового многообразия к его предсказанию на основе разрабатываемых формальных моделей. Семантика, структура значения — основное средство интерпретации грамматики; при этом многие на первый взгляд

¹ При поддержке проекта ГИРЯ им. А.С. Пушкина «Параметрическая грамматика языков России».

формальные морфосинтаксические механизмы, такие как приписывание падежа или контроль согласования, оказывается трудно объяснить, обходя категории семантики.

Семантическая проблематика появляется в типологически ориентированных исследованиях языкового варьирования в первую очередь в качестве *tertium comparationis* — основания для сравнения. Как только лингвистическая типология переходит от изучения формально идентифицируемых явлений, таких как закономерности линейного порядка слов в составляющих разных типов, строение фонологических инвентарей или состав формальных грамматических категорий, к исследованию многофакторных морфосинтаксических феноменов, возникает потребность в идентификации этих феноменов в произвольном естественном языке. По-видимому, впервые принцип примата семантики в типологическом исследовании провозглашают Э. Кинэн и Б. Комри: «Мы намереваемся выявить универсальные свойства относительных клауз, сравнивая их формальные характеристики в большом количестве языков. Для этого необходимо иметь в значительной степени независимый от синтаксиса способ идентификации относительных клауз в произвольном языке. Наше решение этой проблемы состоит в том, чтобы использовать по сути семантическое определение относительной клаузы»².

Выбор типа значения в качестве критерия отбора лингвистических феноменов, конечно, также сопряжен с определенными трудностями. Можно ли сравнивать значения языковых выражений разных языков и говорить об идентичности значений языковых выражений разных языков? Можем ли мы игнорировать место данного значения данного языка в системе семантических противопоставлений этого языка? Если следовать рассуждениям Ф. де Соссюра, содержание слова (и любого другого языкового знака) «... определяется, как следует, лишь через привлечение существующего вне его. Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью, а это уже совсем другое» [Соссюр 1933: 115]. Таким образом, межязыковая идентификация значения оказывается затруднена разнообразными системными отношениями, в которое данное значение вступает с другими значениями конкретных языков. «То, что сказано о словах, относится к любым явлениям языка, например к грамматическим категориям. Так, например, значимость французского (или русского) множественного числа не покрывает значимости множественного числа в санскрите (или старославянском), хотя их значение чаще всего совпадает: дело в том, что санскрит обладает не двумя, а тремя числами (мои глаза, мои уши, мои руки, мои ноги по-санскритски или по-старославянски стояли бы в двойственном числе);

² “We are attempting to determine the universal properties of relative clauses (RCs) by comparing their syntactic form in a large number of languages. To do this it is necessary to have a largely syntax-free way of identifying RCs in an arbitrary language. Our solution to this problem is to use an essentially semantically based definition of RC” [Keenan, Comrie 1977: 63].

было бы неточно приписывать одинаковую значимость множественному числу в языках санскритском и французском, старославянском и русском, так как санскрит (старославянский язык) не может употреблять множественное число во всех тех случаях, где оно употребляется по-французски (по-русски); следовательно, значимость множественного числа зависит от того, что находится вне и вокруг него» [там же].

Решение проблемы межъязыковой идентификации значения возможно в области функциональной переводимости. «Эквивалентность при существовании различия, — пишет Р.О. Якобсон, — это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики. Как и любой получатель вербального сообщения, лингвист является его интерпретатором. Наука о языке не может интерпретировать ни одного лингвистического явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы или в знаки другой системы. Любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости» [Якобсон 1978: 18]³. Использование максимально нейтрального с точки зрения теоретических пресуппозиций критерия функциональной эквивалентности хотя и усложняет работу типолога, но зато позволяет последовательно проводить в жизнь постулат о примате значения при межъязыковом сравнении. Принцип эквивалентности межъязыковых / внеязыковых смыслов как инварианта преобразований языковых текстов друг в друга лежит в основе теории лингвистических моделей «Смысл \leftrightarrow Текст», которая представляет внутриязыковые парафразы, например залоговые преобразования предложений (*Иван написал статью* \leftrightarrow *Статья написана Иваном*) и конверсивные пары (*Иван продал квартиру Свете* \leftrightarrow *Света купила квартиру у Ивана*) как внутриязыковые переводы [Мельчук 1974; Мельчук, Жолковский 2016]. Практически любые уровневые модели грамматики используют идею сохраняющих смысл преобразований, сопоставляющих единой глубинной структуре варианты синонимичных поверхностных структур [Chomsky 1965]. На данном принципе в существенной степени построены классические трансформационные грамматики русского языка, см. монографию Е.В. Падучевой «О семантике синтаксиса» и монографию И.И. Ковтуновой «Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения» [Падучева 1974; Ковтунова 1976]. Концепция И.И. Ковтуновой отражена в академической грамматике русского языка [Шведова 1982, Т. II: 190-214] и получила дальнейшее развитие в работах [Падучева 1985; 2016; Янко 2001; 2008; Циммерлинг 2008; 2016; Лютикова 2012]. Она позволяет строить исчисление линейных и акцентных вариантов одного и того же предложения, которые соотнесены между собой при помо-

³ Дискуссионный момент, возникающий в связи с этой выглядящей бесспорно формулировкой, связан с тем, какие именно фрагменты текстов имеет смысл рассматривать как знаки; в частности, можно ли считать знаками конкретное словосочетание или высказывание, а также модели предложения, предположительно соотнесенные с особой семантикой.

щи трансформационных правил, т.н. линейно-акцентных преобразований. Инвариантом преобразований служит тождество лексико-синтаксической структуры, т.е. дерева предложения, узлы которого уже заполнены лексически выраженными терминальными символами.

Такого рода подход позволяет значительно шире взглянуть на совокупность явлений, традиционно изучаемых параметрической грамматикой. Он не вынуждает исследователя *a priori* проводить жесткую границу между областью грамматических и лексических явлений. Безусловно, набор грамматических категорий является одним из параметров межъязыкового варьирования. Примеры вариативности языков в отношении основных грамматических категорий хорошо известны: в тюркских языках отсутствует грамматическая категория рода, во многих языках Юго-Восточной Азии — категории числа и падежа, и т.д. При этом, однако, отсутствие в языке грамматической категории не означает, что некоторое значение в нем не может быть выражено: «языки различаются между собой главным образом в том, что в них не может не быть выражено, а не в том, что в них может быть выражено» [Якобсон 1978: 19]. «Если в данном языке отсутствует какая-либо грамматическая категория, ее значение может быть передано на этот язык лексическим путем. Форма двойственного числа, как, например, старорусское «брата» переводится с помощью числительного: *two brothers* (два брата)» [там же]. Противопоставление грамматического и лексического способов выражения значения по умолчанию понимают как дихотомию; однако, как справедливо отмечает В.А. Плунгян, «когнитивные категории, которыми оперирует человек, редко имеют четко очерченные границы; представляется полезным взглянуть на такую традиционную область, как грамматика, именно в аспекте ее внутренней неоднородности. Бинарное противопоставление грамматического и неграмматического должно быть дополнено характеристиками многочисленных переходных явлений...» [Плунгян 1998: 3]. Программа исследования “аналогов” грамматических категорий — языковых конструкций, не имеющих грамматического статуса, но имеющих высокую регулярность и близкое к эталонным грамматическое значение — чрезвычайно активно и плодотворно развивается в последнее время как во внутриязыковом, так и в межъязыковом аспектах. Среди таких языковых феноменов — серийные конструкции, выражающие акциональные и аспектуальные значения [Плунгян 2011; Гращенков 2017]; посессивные и указательные конструкции, создающие эффект определенности [Ионова, Лютикова 2015; Лютикова 2016]; нумеративы, классификаторы и плавающие кванторы в языках неклассификаторного типа [Yadroff, Billings 1998; Madariaga 2005; Иншакова 2015]. Важно, что грамматическая типология получает возможность параметризации этой переходной зоны: в каких областях “аналоги” грамматической категории в первую очередь подвергаются облигаторификации и где располагаются «точки кристаллизации» новых грамматических категорий, для каких зна-

чений из Универсального грамматического набора в наибольшей степени характерно развитие аналоговых и замещающих способов выражения, какие из значений полиграммемных морфологических категорий наиболее часто воспроизводятся замещающими языковыми средствами.

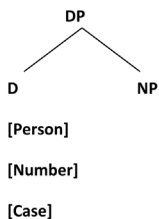
Использование функционально понимаемого единства значения в качестве основания для межъязыкового сравнения позволяет рассматривать морфологические и синтаксические феномены в рамках единой параметрической типологии. Противопоставление морфологии и синтаксиса не может быть выведено ни на семантических основаниях («морфологические» vs. «синтаксические» значения), ни на основе специфики связи между формой и значением (правила «морфологической» vs. «синтаксической» композиции). Как отмечает А. Марантц, «каждый, кто работал с проблемой областей в грамматике — какова область действия «лексических фонологических правил», какова область возможного «специального (идиоматического) значения», какова область очевидно особых соотношений между структурой и значением, — знает, что эти области не только не совпадают с тем, что мы называем словом, но и, на самом деле, даже не совпадают друг с другом»⁴. Такой подход открывает новые возможности в моделировании морфосинтаксических категорий: все грамматически релевантные значения могут быть представлены как формальные признаки, характеризующие некоторые категориальные классы языковых объектов. Языковые единицы организуются в систему расширенных проекций [Grimshaw 1991], где группы лексических категорий оказываются вложены в совокупность функциональных оболочек, задающих грамматические свойства и дистрибуцию соответствующей проекции. В этой архитектуре для некоторого значения возможен достаточно ограниченный набор способов репрезентации, легко поддающийся параметризации. Во-первых, значение может выражаться как лексическое (то есть ассоциироваться с лексической вершиной) или функциональное (то есть ассоциироваться с функциональной оболочкой лексической вершины). Во-вторых, функциональное значение может выражаться в виде одного из формальных признаков некоторой лексической или функциональной вершины, а может и задавать собственную функциональную проекцию. Сравним две репрезентации именных групп в (1a-b). В (1a) представлена структура именной группы, где грамматические категории числа, лица и падежа представлены как формальные признаки, характеризующие единую вершину D. В (1b) эти грамматические категории получают собственную синтаксическую репрезентацию в виде функциональных проекций числа, определителя и падежа соответственно. Выбор между структурами (1a)-(1b) для конкретного языка

⁴ “Everyone who has worked on the issues of domains — what are the domains for «lexical phonological rules», what are the domains of «special meanings», what are the domains of apparently special structure/meaning correspondences — knows that these domains don’t coincide in the «word» and in fact don’t correlate (exactly) with each other” [Marantz 1997: 202].

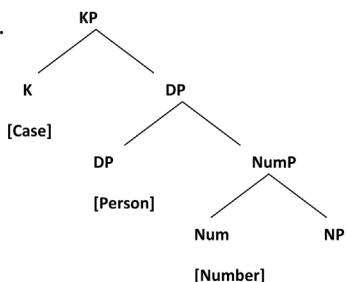
обосновывается в первую очередь дистрибуцией формальных признаков по функциональным проекциям. Так, например, структура (1b) предполагает, что в некоторых синтаксических контекстах мы можем наблюдать NP, лишенную всех трех формальных признаков (то есть недоопределенную в отношении всех трех грамматических категорий), NumP, обладающую только признаком числа, но не лица и падежа, и, наконец, DP, которая имеет признаки лица и числа, но является беспадежной. Структура (1a), напротив, предпочтительна в том случае, когда признаковые характеристики именной группы не могут быть последовательно отделены от нее. Думается, что указанные противопоставления позволяют разрабатывать параметрические системы с чрезвычайно мощным предсказательным потенциалом и существенно обогащают универсальную структуру параметра, предлагаемую Дж. Лонгобарди [Longobardi 2005].

(1)

a.

b.

Наконец, еще одно важное направление развития параметрической грамматики, учитывающей разнообразные семантические схождения и противопоставления — это область на стыке лексической типологии и лексического синтаксиса. Исследования семантики лексических единиц в языках мира позволяют заключить, что лексические значения объединяются в рамках одной лексемы не произвольным образом, но на основании регулярных семантических соответствий и переходов [Рахилина, Резникова 2013]. При этом обнаруживаются нетривиальные корреляции между сдвигом значения и грамматическими характеристиками лексических единиц: например, глаголы речи регулярно используются в качестве каузативных глаголов, что вызывает их переход в синтактико-грамматический разряд имплицативных предикатов. Такого рода факты позволяют предположить существование некоего грамматического «каркаса» в структуре лексического значения, предопределяющего грамматические характеристики лексемы и подвергающегося реорганизации при семантическом сдвиге. На сегодняшний день наиболее подробно разработана структура глагольного значения, представимая в виде разного рода событийных шаблонов или лексико-синтаксических структур [Rapaport Hovav, Levin 1998; Ramchand 2008], из которых выводимы аргументные и акциональные характеристики глагольных лексем. По-видимому,

следующим шагом в этом направлении мог бы быть параметрический анализ структуры именных и атрибутивных значений.

Имеется определенный ресурс для применения параметрического подхода и к внутриязыковым преобразованиям. Здесь необходимо учитывать проблемы двух типов. Во-первых, важно, как именно задается отношение между допустимыми вариантами реализации одной и той же структуры, например, отношение между разными линейными порядками и / или коммуникативными структурами (*κ*-структурами) предложения. Считаются ли все *κ*-структуры предложения взаимно выводимыми и регулируемые общими условиями грамматической правильности, ср. [Ковтунова 1976; Янко 2001; Bailyn 2004] или же между ними реализуется векторное отношение, т.е. конкретная *κ*-структура имеет ровно один источник в виде другой *κ*-структуры [Падучева 1985; Лютикова 2012; Циммерлинг 2008]? Второй подход выглядит более перспективным, поскольку он, в отличие от первого подхода, позволяет строить исчисление предложений с уже расставленными коммуникативно значимыми фразовыми акцентами. Вместе с тем, он является и более обязывающим, поскольку выявление ассиметрии между базовым и производным вариантами требует большего количества априорных допущений, в связи с чем те или иные решения, например, постулат о приоритете *κ*-структур нерасчлененных предложений на *κ*-структурами расчлененных предложений [Циммерлинг 2016] или постулат о наличии базового порядка в языках с нерестриктивным порядком слов типа русского [Лютикова, Циммерлинг 2016], могут показаться контринтуитивными, ср. обсуждение в [Дымарский 2017]. Во-вторых, могут возникнуть проблемы с валидацией данных и оценкой жесткости грамматических норм. Можно ли представлять колебания в значениях параметров грамматики в разных диалектах или региональных вариантах языка, ср. [Wilson, Henry 1998], как реализацию одних и тех же грамматических отношений? Данный вопрос затрагивается в статье А.В. Циммерлинга, где обсуждаются настройки параметра, разрешающего подъем аргумента в современном русском языке [Циммерлинг 2017]. Являются ли предложения рус. *Мне было известно, что Р* и *Мне было известно, что Р* реализацией одной и той же синтаксической структуры? Совместимы ли они в употреблении одних и тех же носителей языка? Действительно ли русские предикативы типа *известно* имеют факультативные формы тв. п.? На эти вопросы однозначно не отвечает ни предшествующая лингвистическая традиция, ни новейшие работы. Если допускающие разное описание фрагменты грамматики обнаруживаются даже в столь хорошо известных языках, как современные английский и русский, можно предположить, что данная проблема вдвойне актуальна для оценки варьирования в текстах малоизученных и слабо кодифицированных языков, данные о которых типологи обычно получают либо методом эlicitации в полевых условиях, либо путем анализа корпусов текстов небольшого объема.

Статьи выпуска разбиты на три раздела. Раздел I содержит работы в области параметрической грамматики и формальной русистики. Инвентарь методов современной лингвистической семантики демонстрирует статья Д.Б. Тискина (наст. вып.), где обсуждаются логико-семантические и формально-синтаксические условия дублирования синтаксических вершин (предлогов и знаменательных слов) в сочиненных конструкциях русского языка, в том числе, в контексте отрицания и ограничительного наречия *только*. Особенностью данных конструкций с дублированием, согласно Д.Б. Тискину, является то, что результирующая структура с сочинением семантически неинтерпретируема, либо ее интерпретация игнорирует наличие синтаксического повтора, ср. корпусный пример *Не кушайте Mentos и не пейте Колу-Лайт одновременно* (ГИКРЯ), где сфера действия операторного слова *одновременно* включает оба вложенных глагола (*кушать* и *пить*), но не включает ни одного отрицания. Тем самым, синтаксис подобной конструкции, по Д.Б. Тискину, не вполне соответствует ее семантике. В статьях И.С. Бурукиной, О.В. Митрениной и А.В. Циммерлинга обсуждается круг проблем семантико-синтаксического интерфейса, связанных с параметрами подъема, контроля согласования и предикатно-аргументными отношениями в клаузах без стандартного подлежащего в им.п. И.С. Бурукина исходит из классического понимания подъема как операции вынесения несентенциального аргумента из зависимой клаузы в вышестоящую клаузу, в типичном случае сопровождающейся преобразованием финитного предиката в нефинитный. Согласно ей, ИГ в дат. п. при глаголах *помочь* и *помешать* в предложениях типа *Маша помогла / помешала Пете подготовиться к экзаменам* не является валентностью матричного глагола *помочь*, а перемещается в главную клаузу в результате операции подъема⁵. Источник дат. п. автор статьи видит в том, что субъект инфинитива (PRO) в языках типа русского и исландского, ср. [Moore, Perlmutter 2000], изначально оформлен дат. п., в том числе, в независимых инфинитивных предложениях, ср. *Пете не выиграть*. А.В. Циммерлинг в своей статье рассматривает нестандартный случай, когда подъему в позицию подлежащего подвергается не ИГ, а весь сентенциальный аргумент. Современный русский язык не допускает подъема субъекта одно- и многоместной предикации в позицию подлежащего главной клаузы: структура **мне кажутся они опаздывать* невозможна. Однако на нульместные предикации, где нет ненулевого подлежащего, которому соответствует семантическая роль, как выясняется, этот запрет не действует, ср. пару предложений с эксплетивным подлежащим *это: мне показалось, что это неумно* \Rightarrow *это показалось мне сантиментально, приторно и неумно* (А.П. Чехов). Глаголы типа *казаться* традиционно рассматриваются как операторы подъема, но корпусные данные показывают также, что часть носителей русского языка

⁵ Трудность для такого анализа представляют несентенциальные употребления типа рус. *Маша помогла Пете с экзаменами*.

допускают и предложения типа *Становится известным (тв. п.), что есть машина Лопаткина* (НКРЯ, 1956 г.), где творительный предикативный приписывается именной вершине в отсутствие внешне выраженной финитной вершины. Так как без сентенциального аргумента такие предложения невозможны, ср. **становится известным*, естественно заключить, что именно сентенциальный аргумент, попадающий в позицию подлежащего, является контролером тв. п.⁶ Проверка этой гипотезы связана с уточнением статуса русских предикативов, в том числе — предикативов, допускающих дативно-предикативную структуру (*стыдно, жаль, известно* и т.п.). Другой продуктивный тип дативных предложений — дативно-инфинитивные структуры вида *Грузовикам здесь не проехать, Ему было не выиграть* находится в центре внимания О.В. Митрениной. Вслед за работой [Fleischer 2006] О.В. Митренина принимает гипотезу о биклаузальности дативно-инфинитивных структур в русском языке, где глагол *быть* / нулевой модальный оператор и инфинитив относятся к разным клаузам, и комбинирует ее с ранее высказывавшейся в генеративной русистике идеей о том, что дательный падеж во всех случаях связан с вершиной, содержащей морфосинтаксический признак посессивности {+HAVE}. Более частная, но важная для анализа русской грамматики проблема обсуждается в статье М.В. Трубициной, которая изучает несубстантивные названия как группы особого типа, маргинально способные уподобляться стандартным ИГ, контролировать согласование предиката и морфологически выражать падеж.

Раздел II содержит работы, посвященные параметрической типологии грамматических систем языков мира. Морфосинтаксис глагольного согласования в итало-романских диалектах юга Италии исследуется в статье Дж. Торчолаччи, который доказывает, что многообразие стратегий личностно-числового маркирования в данных диалектах полностью предсказывается различием лексических и вспомогательных глаголов. Копирование морфосинтаксических признаков в стандартном и разговорном варианте языка авадхи (рассматриваемом также как диалект восточного хинди) обсуждается в статье П. Хуллар. В ряде статей проблемы глагольной и именной систем изучаются в перспективе грамматикализации показателей тех или иных морфосинтаксических категорий. Грамматика инкорпорирующих абхазо-адыгских языков исследуется в работах П.М. Аркадьева и Е.С. Клягиной. В статье П.М. Аркадьева дейктические превербы адыгейского и кабардинского языков, прежде всего, цислокативный преверб *qə-*, основное значение которого — обозначать направленность действия в сторону говорящего или дейктического центра, — изучаются как маркеры категории инверсива, основной функцией которой служит кодирование соотношения ролевых и референциальных характеристик актантов. От канонических языков с категорией инверсива

⁶ Типологически ориентированное описание сентенциальных аргументов см. в работе [Schmidtke-Bode 2014].

«адыгский инверсив» отличается тем, что он семантически избыточен и не снимает неоднозначность, а также тем, что основным контролером его употребления служит роль непрямого объекта, а не пациенса. Чувствительность «адыгского инверсива» к соотношению лиц непрямого объекта и агенса битранзитивного глагола (А) и абсолютива непереходного (S) нетривиальна в свете свойственной западнокавказским языкам морфологической эргативности. Статья *Е.С. Клягиной* посвящена анализу семантической области «сверхпрошлого» в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка, где выделяется три синтетических и четыре аналитических формы. Особенность видо-временной системы данного диалекта сравнительно с другими идиомами кабардинского языка, по *Е.С. Клягиной*, состоит в том, что противопоставление семантических зон прошлого и сверхпрошлого сохраняется только в перфективных контекстах, но снимается в имперфективных. Другой фрагмент видо-временной глагольной системы, связанный с зоной будущего, исследуется на материале скандинавских языков в статье *Д.Д. Мордашовой*, которая прослеживает пути грамматикализации глагола *vilja* ‘хотеть’, связанные со значениями интенциональности, (не)возможности, хабитуальности и собственно футуральности. В статье *А.Б. Шлуинского* рассматриваются две конструкции с предикативными причастиями в лесном диалекте энецкого языка. Автор показывает, что конструкции с собственно причастием в качестве синтаксической вершины и с плеонастическим именем, от которого зависит причастие, имеют разную семантику и синтактику: первая, но не вторая конструкция чувствительна к акциональной семантике и может рассматриваться как начальная стадия грамматикализации новых глагольных форм. Одно из ключевых понятий современной типологии — понятие стратегии кодирования — рассматривается в совместной статье *Н.В. Макеевой* и *А.Б. Шлуинского* на материале языка акебу (семья ква), где одновременно представлены три разные стратегии кодирования битранзитивных предикатов: основной из них, что является типологической редкостью, в данном языке является посессивное оформление битранзитивного предиката. В статье *Л.С. Козлова* обсуждается регулярное совмещение директивной и локативной семантики в падежных конструкциях финно-пермских языков: автор стремится доказать, что широкое употребление показателей директивных падежей в зоне локатива является общей чертой данных языков. Близкая проблематика — расширение употребления показателей комитатива и их экспансия в иные семантические зоны — обсуждается на материале горномарийского языка в совместной статье *И.А. Хомченковой* и *М.А. Сидоровой*.

Раздел III содержит четыре работы, где на материале различных языков изучаются проблемы коммуникативно-грамматического интерфейса. В статье *Е.Л. Рудницкой* исследуются маркеры коммуникативных категорий в эвенкийском языке. Два разноуровневых показателя — деривационный аффикс *-riktV-* с делимитативным (ограничительным) значением и фокусирующую частицу *(h)ələ* — автор статьи предлагает трактовать как вершины двух разных

функциональных проекций DelimP и FocP. Существенный аспект анализа состоит в том, что вершиной синтаксической проекции признается не слово, а аффикс: правомерность такого анализа Е.Л. Рудницкая обосновывает при помощи диахронических соображений — реликтами левого ветвления в алтайских языках. П.С. Плешак и М.А. Сидорова, авторы совместной статьи, выполненной на материале двух финно-угорских языков — мокшанского и горномарийского, — стремятся доказать, что конструкции с аппроксимативным значением ‘человек пять’, ‘около пяти человек’ являются т.н. ИГ малой (неполной) структуры: аналогичная гипотеза ранее уже доказывалась для ряда европейских языков, включая современный русский. Предложенное решение напрашивается, поскольку противопоставление ИГ неполной структуры ИГ полной структуры (группам детерминатора, DP) связано с реализацией категории определенности/неопределенности, но ценность анализа состоит в том, что на материале конкретных языков выделяются морфосинтаксические признаки, манифестирующие данное различие. Детальные описания дискурсивных частиц обычно выполняются на материале языков, представленных большим числом говорящих или большими корпусами текстов. Лакуну частично восполняет статья А.А. Козлова, где дается словарное и грамматическое описание горномарийской энклитики =ok; по мнению автора статьи, эта частица добавляет в высказывание две пресуппозиции — исчерпывающую (подобную той, которую вводят английские конструкции с клефтом типа *It was John that Mary kissed* ‘Мария поцеловала именно Джона’) и пресуппозицию данности фокусного референта. Еще более редкий в исследованиях коммуникативно-грамматического интерфейса материал появляется в статье Е.А. Христофоровой, где обсуждаются семантические классификаторы русского жестового языка. Тем самым, статьи настоящего выпуска серии «Типология морфосинтаксических параметров» не только показывают многообразие проблем, связанных с параметризацией грамматических значений и их морфосинтаксических показателей, но и дают представление о круге языков, на материале которых уже проверяются различные теоретические концепции и модели объяснения.

Литература

- Bailyn 2004 — Bailyn J. Generalized inversion. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2004. V. 22. P. 1–49.
- Chomsky 1965 — Chomsky N. 1965. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, Mass.: MIT.
- Fleisher 2006 – Fleisher N. *Russian dative subjects, case, and control*. Manuscript. University of California, Berkeley, 2006.
- Grimshaw 1991 — Grimshaw J. *Extended projection*. Unpublished manuscript, Brandeis University, Waltham, Mass, 1991. (Also appeared in J. Grimshaw, *Words and Structure*, Stanford: CSLI, 2005).
- Keenan, Comrie 1977 — Keenan E., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar. *Linguistic Inquiry*. 1977. V. 8. P. 63–99.

Longobardi 2005 — Longobardi G. A minimalist program for parametric linguistics? H. Broekhuis et al. (eds.) *Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk*. Berlin–New York: Mouton De Gruyter, 2005. P. 407–414.

Madariaga 2005 — Madariaga N. Russian Patterns of Floating Quantification: (Non-)Agreeing Quantifiers. P. Kosta, G. Hassler, L. Schürcks & N. Thielemann (eds.) *Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages*, Potsdam Linguistic Investigation, Peter Lang: Frankfurt-am-Main, 2005.

Marantz 1997 — Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. Vol. 4.2. Proceedings of the 21st Annual Penn Linguistics Colloquium, ed. by A. Dimitriadis L. Siegel, C. Surek-Clark and A. Williams. Philadelphia: Penn Linguistics Club, 1997. P. 201–225.

Moore and Perlmutter 2000 — Moore J., Perlmutter D.M. What does it take to be a dative subject? *Natural Language and Linguistic Theory*. 2000. Vol. 18. No. 2. Pp. 373–416.

Ramchand 2008 — Ramchand, Gillian. *Verb Meaning and the Lexicon: A First-Phase Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Rappaport Hovav, Levin 1998 — Rappaport Hovav M., Levin B. Building Verb Meanings. In M. Butt and W. Geuder (eds.). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 97–134

Schmidtke-Bode 2014 — Schmidtke-Bode K. *Complement clauses and complementation systems: A cross-linguistic study of grammatical organization*. PhD. der Friedrich-Schiller-Universität Jena, 2014.

Wilson, Henry 1998 — Wilson J., Henry A. Parameter setting within a socially realistic linguistics. *Language in Society*. 1998. V. 27, No. 1. P. 1–21.

Yadroff, Billings 1998 — Yadroff M., Billings L. The syntax of approximative inversion in Russian (and the general architecture of nominal expressions). *Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997*, ed. by Ž. Bošković, S. Franks, and W. Snyder. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 319–338.

Гращенков 2017 — Гращенков П.В. Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков: дисс. ... доктора филол. наук. М., МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017.

Дымарский 2017 — Дымарский М.Я. Когда черемуха цвела (к постулату о базовом порядке слов в русском языке // Культура русской речи (Гротовские чтения). V международная конференция. М.: ИРЯ РАН, 2017.

Иншакова 2015 — Иншакова Е. С. Употребление аппроксимативной инверсии (на материале Национального корпуса русского языка): дипломная работа. М., РГГУ, 2015.

Ионова, Лютикова 2015 — Ионова А. А., Лютикова Е. А. Сфера действия адекватных операторов и синтаксис именной группы в русском языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2015. № 2. С. 68–87.

Ковтунова 1976 — Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1976.

Лютикова 2012 — Лютикова Е.А. О двух типах инверсии в русской именной группе // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 2 (24). С. 65–106.

Лютикова, Циммерлинг 2016 — Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. Архитектура клаузы и информационная структура // *А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. М.: Языки славянской культуры. *Studia Philologica*, 2016. С. 9–22.

Мельчук 1974 — Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». М.: Наука, 1974.

Мельчук, Жолковский 2016 — Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. 2-е издание, испр. и доп. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016.

Падучева 1974 — Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.

Падучева 1985 — Падучева Е.В. Высказывание и его отнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Падучева 2016 — Падучева Е.В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // *А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. М.: Языки славянской культуры. *Studia Philologica*, 2016. С. 25–75.

Плунгян 1998 — Плунгян В.А. Грамматические категории, их аналоги и заместители. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., МГУ, 1998.

Плунгян 2011 — Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.

Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е.В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 3–31.

Сюссюр 1933/1999 — Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А.М. Сухотина. М., Соцэкгиз, 1933. Переиздание: Курс общей лингвистики/Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. М. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 432 с.

ТПП 2014 — Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. — 272 с.

ТПП 2015 — Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. Под редакцией Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М.: МПГУ, 2015. — 515 с.

ТМП 2016 — Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. Под редакцией М.Б. Коношенко, Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга. — Москва, МПГУ, 2016. — 420 с.

Шведова 1982 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). *Русская грамматика*. В 2 т. М.: Наука, 1982.

Циммерлинг 2008 — Локальные и глобальные правила в синтаксисе // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2008»*. Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2008. С. 551–562.

Циммерлинг 2016 — Циммерлинг А.В. Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке // А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова (ред.). *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. Москва: Языки славянской культуры. *Studia Philologica*, 2016. С. 76–103.

Циммерлинг 2017 — Циммерлинг А.В. Есть ли согласование? Гипотеза Поспелова и конкуренция предикативов и согласуемых прилагательных в русском языке — наст. вып.

Янко 2001 — Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры. *Studia philologica*. 2001. — 384 с.

Янко 2008 — Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры. *Studia philologica*. 2008. — 312 с.

Якобсон 1978 — Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике* / Отв. ред. В.Н. Комиссаров. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.

I

Параметрическая грамматика и формальная русистика

Дублирование вершины при сочинённом комплементе: данные русского языка⁷

В работе представлены данные русского языка, в котором вершина (предлог, ограничительная частица, отрицание и т. д.), комплементом которой является конъюнкция, может дублироваться при каждом из конъюнктов, при том что результирующая структура оказывается семантически неинтерпретируемой или интерпретируется, как если бы дублирования не было. Рассматриваются различные варианты анализа таких случаев: озвучивание нижней копии вершины наряду с верхней, а также постсинтаксическое передвижение вершины к каждому из конъюнктов Across-the-Board.

Ключевые слова: дублирование, отрицание, передвижение Across-the-Board, постсинтаксическое передвижение, предлоги, русский язык, сочинение.

The paper presents new as well as known Russian data where a head— a preposition, the particle *tol'ko* ‘only’, negation, etc.—whose complement is conjunctive has an occurrence at each conjunct. Such configurations are detectable where the resulting structure is uninterpretable on the surface because the head semantically requires a plural complement but each conjunct is singular, or gets interpreted as if no doubling took place. I discuss two possible analyses for such deviant configurations—Across-the-Board movement with incomplete deletion of lower copies and the post-syntactic lowering of the head onto each of the conjuncts.

Keywords: Across-the-Board movement, conjunction, doubling, negation, prepositions, PF lowering, Russian.

1. Введение

Для формальной семантики, принимающей принцип композиционности значения, прототипической и наиболее удобной для описания является ситуация, когда каждый из компонентов значения предложения, имеющий нетривиальную сферу действия, ассоциирован с определённым синтаксическим узлом, выражается столько же раз, сколько встречается в семантическом представлении предложения, и локализован в нём так же, как в синтаксисе локализован его экспонент. Отступления от этого идеала многообразны:

⁷ Автор благодарит за ценные замечания и предложения П. М. Аркадьева, Е. Ю. Иванову, М. Крижа, П. В. Руднева, Я. Г. Тестельца, а также анонимных рецензентов ТМП-2017 и ряда других конференций. Ответственность за недостатки работы лежит целиком на авторе.

от чисто согласовательных морфем до семантически нечленимых идиом и конструкций.

Настоящая работа посвящена одной разновидности нарушений синтактико-семантического параллелизма в русском языке — случаям, когда та или иная вершина (в частности, предлог или отрицание), компонентом которой является сочинённая составляющая, дублируется при каждом из конъюнктов, тогда как значение всего комплекса легче всего описать как вычисляемое без учёта дублирования. Например, строки Ф. И. Тютчева *Но между ним и между нами / Есть связи естества сильней* легче всего интерпретировать, предположив, что значение *между* входит в их семантическое представление только один раз, причём его аргументом является значение сочинённой именной группы *ним и нами*, а дублирование предлога вызвано обстоятельствами, не имеющими отношения к семантике. Таким образом удалось бы и объяснить значение, которое имеет это предложение в действительности, и избежать вопроса о том, почему в нём нарушено селективное требование *между* — семантическая множественность компонента.

Построение статьи таково. В §2 рассматриваются случаи дублирования, для которых альтернативные трактовки, насколько нам известно, не предлагались. В §3 представлены случаи, для которых такие трактовки были предложены, однако есть основания и для анализа в терминах дублирования. §4 посвящён возможным путям формализации дублирования в рамках синтаксической теории.

2. «Ядерные» случаи

2.1. Предлоги

2.1.1. Проблема для интерпретации

В русском языке говорящий, желая употребить конъюнкцию именных групп (ИГ) с одним и тем же предлогом, как правило стоит перед выбором: присоединить единственное вхождение предлога к сочинённой ИГ (1) или, как в (2), образовать конъюнкцию на уровне предложных групп (ПГ).

(1) Ей очень хотелось [_{ПГ} с [_{ИГ} [_{ИГ} отцом] и [_{ИГ} братом]] на бега, на Семеновский плац.

(2) Ей очень хотелось [_{ПГ} с отцом] и [_{ПГ} с братом] на бега, на Семеновский плац. [П. Д. Боборыкин. «Поумнел» (1890)]⁸

Такая свобода выбора ограничена в нескольких отношениях. Так, Санников [2008: 141] приводит перечень предлогов, которые, по его мнению, не могут дублироваться, т. е. допускают сочинение на уровне ИГ, но не ПГ:

⁸ Примеры с такой атрибуцией взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), <http://ruscorpora.ru>. Другие использованные корпуса: Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ), <http://webcorpora.ru>; корпус «ruTenTen11».

между, *(по)среди* и *из* (в конструкциях типа *состоять из*)⁹. В то же время уже Сатюкова [2015: 480] показала, что *между* в текстах допускает повтор:

(3) Он жизнь свою делил между поэтическими и между политическими впечатлениями... [В. П. Мещерский. Мои воспоминания (1897), по Сатюкова 2015: 480]

(4) Я думаю, что между этой моралью и между всеми другими моральями пропасть так велика, что едва ли стоит ее называть моралью. [А. В. Луначарский. Мораль и свобода (1923)]

К этому можно добавить аналогичные повторы для *из* и для аналогичного по свойствам предлога *на* при предикатах со значением деления на части:

(5) Цензура состояла из цензуры как таковой и из самоцензуры. [Евгений Евтушенко. Плач по цензуре // «Огонек». № 5, 1991]

(6) Городок был яркий, белый, резко разделенный на свет и на тень, с многочисленными кондитерскими. [В. В. Набоков. Подвиг (1932)]

Несмотря на специфику *(по)среди*¹⁰, список В. З. Санникова, если добавить к нему *на*, разумеется, неслучаен: это предлоги, аргумент которых должен обозначать расчленённое множество, а потому должен быть оформлен как конъюнкция (*между домом и магазином, между учителем и его учениками*) и/или быть употреблён в форме мн. ч. (*между городами России, между посёлками Судак и Новый Свет*)¹¹. Если же в предложении, как в (3)–(6), встречается сочетание предлога такого рода с одиночной ИГ в ед. ч., возникает проблема для синтактико-семантического интерфейса: поскольку — при допущении принципа композиционности [см., например, Pagin & Westerståhl 2010] — вычисление значения синтаксической структуры происходит параллельно построению этой структуры, составляющей типа [*между* [*этой моралью*

⁹ Суждения самого В. З. Санникова относительно *среди* и *из* несколько менее определённые, чем относительно *между* (знак «??» вместо «*»).

¹⁰ На деле *(по)среди*, по-видимому, стоит особняком, поскольку сочетания с ИГ в единственном числе типа **(по)среди дома и магазина* крайне сомнительны вне зависимости от повтора предлога, тогда как *между домом и магазином, на жилую и нежилую часть* (ср. (i)), *(состоять) из кухни и комнаты* (вариант примера В. З. Санникова) вполне приемлемы.

(i) Город делится на жилую часть и курортную, которая теряется в логу среди хвойного леса. [livejournal.com]

¹¹ Ср. противопоставление сентенциональной и термовой конъюнкции в [Падучева 1974], где разбираются примеры типа *Земля состоит из суши и воды*, где конъюнкция термовая в терминах Е. В. Падучевой, поскольку данное предложение не может быть получено трансформацией предложений **Земля состоит из суши* и **Земля состоит из воды*.

]] должно быть приписано какое-то значение, а как раз этого невозможно сделать. Если же одиночная ИГ имеет мн. ч., как в *между политическими впечатлениями*, то вычисление значения возможно, но интерпретацией будет ‘внутри множества, состоящего из политических впечатлений’ и требуемая для (3) интерпретация ‘внутри множества, состоящего из поэтических впечатлений и политических впечатлений’ будет недостижима.

2.1.2. Конкуренция стратегий

Исследуемый здесь повтор предлога не может быть описан без апелляции к синтаксической структуре сочиняемых единиц. Так, по-видимому, при сочинении более чем двух ИГ выборочный повтор предлога снижает приемлемость:

(7) а. Где проходит грань между дружбой, между безумием, между эгоизмом и между любовью? [Google]

б. ?Где проходит грань между дружбой, безумием, эгоизмом и между любовью?

Тем не менее, если конъюнкция оказывается «многоуровневой» (т. е. и сами сочиняемые составляющие представляют собой конъюнкции ИГ), то вместо механического повтора предлога при всех отдельных ИГ, как в (8)б, происходит его дублирование только при конъюнктах верхнего уровня ((8)а):

(8) а. договор между [США и Великобританией] (с одной стороны) и между Францией (с другой стороны)

б. *договор [между США и между Великобританией] (с одной стороны) и между Францией (с другой стороны)

В связи с этим повтор предлога может выступать средством разрешения структурной неоднозначности в контекстах, которые иначе были бы двусмысленны:

(9) У нас расхождение между тем / что мы видим / и тем / что говорится / и между тем / что было на самом деле / есть. [Обсуждение японского кинематографа на семинаре // Из коллекции НКРЯ, 2007]

‘видимое и говоримое расходится с действительным’; *‘видимое расходится с говоримым’

Учитывая, что и те предлоги, которые не налагают ограничений на присоединяемую ИГ, при повторе могут облегчать опознавание слушающим синтаксической структуры, можно сопоставить дублирование предлогов типа *между* с дублированием прочих предлогов. В диахроническом аспекте такое сопоставление на материале НКРЯ показывает, что и доля повторов *между*

(таблица 1), и доля повторов частотных предлогов без соответствующих селективных ограничений (таблица 2) с течением времени падает.

Таблица 1

Период	Повторов	Всего вхождений <i>между</i>	% повторов
–1917	42	78527	0,05
1918–	15	115492	0,01
Всего	57	194076	

Дублирование между в основном корпусе НКРЯ. Различие между периодами статистически значимо (χ^2 , $p < 0,001$)

Таблица 2

Предлог	Период	ПГ и ПГ	Пр [ИГ и ИГ]	% ПГ и ПГ
<i>в</i>	–1917	506	6888	6,84
	1918–	575	12909	4,26
<i>с</i>	–1917	215	3651	5,56
	1918–	213	5977	3,44
<i>на</i>	–1917	219	3152	6,50
	1918–	224	6517	3,32

Конкуренция стратегий оформления конъюнкции с предлогом в основном корпусе НКРЯ [Тискин на рец.]. Для каждого из выбранных предлогов различие между периодами статистически значимо (χ^2 , $p < 0,001$)

Сказанное позволяет предположить, что по крайней мере часть повторов обычных предлогов обусловлена теми же факторами, что заставляют говорящего предпочесть повтор *между* его однократному употреблению.

2.1.3. Дублирование самостоятельных слов

Наряду с дублированием предлогов, хотя и значительно более маргинально, встречается дублирование знаменательных слов, чья семантика (по крайней мере, в традиционном представлении) требует, чтобы одна из их валентностей заполнялась ИГ со значением расчленённой совокупности:

(10) Вы сравните Китай, и сравните СССР, и после этого любому нормальному человеку станет всё ясно. [livejournal.com]

Поскольку для сравнения требуется как минимум два объекта, *сравнить* требует либо множественного прямого дополнения (как в *сравним наши результаты*, т. е. ‘сопоставим результат(ы) *X*’а и результат(ы) *Y*’а друг с другом’), либо двух дополнений (*что* и *с чем*). Как и в случае предлогов выше, сравните Китай само по себе не имеет осмысленной интерпретации.

Другую группу случаев, в которых интерпретация поверхностной структуры с дублированием привела бы к семантической аномальности, составляют употребления частицы *только*. Эта частица в своём ограничительном употреблении ассоциируется с фрагментом предложения, несущим фокус. Традиционный подход к семантике *только* и его переводных эквивалентов [Roos 1985] состоит в том, что пресуппозицией предложения с *только* является содержание соответствующего предложения без *только*, а ассерцией — то, что замена фокусной составляющей на другую, обозначающую другую сущность из того же (задаваемого контекстом) множества, не сохраняет истинности:

$$(11) \llbracket [S \dots \text{только} \dots [XP P]_F] \rrbracket \text{ определено, е. т. е. } \llbracket [S \dots XP] \rrbracket = 1; \\ \text{когда определено, } \llbracket [S \dots \text{только} \dots [XP P]_F] \rrbracket = 1, \text{ е. т. е. } \forall x \in \llbracket P \rrbracket \forall \alpha (\llbracket \alpha \rrbracket = x \Rightarrow \llbracket [S \dots \alpha] \rrbracket = 0)$$

Тогда если в предложении *S* имеется сочинённая структура, в которой каждый из конъюнктов несёт *только*, то существует только две возможности для непротиворечивой интерпретации. Одна состоит в том, что множество *P* от конъюнкта к конъюнкту не остаётся одним и тем же: так, в (12) альтернативами *новостей* будут, например, сериалы и футбол, а альтернативами *получаса* — два часа, весь день и т. д.

(12) Он смотрит только новости и только полчаса. [Владимир Войнович. Москва 2042 (1986)]

Другой вариант состоит в том, чтобы при тождестве *P* оба конъюнкта также обозначали одно и то же, вступая друг с другом в аппозитивные отношения: в (13) только возраст означает то же самое, что и только год рождения.

(13) Сын деревенского грамотея, впоследствии лектора райкомовской группы, Сергея Потаповича Растягаева, Сергей Сергеевич спал и видел себя на войне, **и только возраст, и только год рождения** — 1925 — удерживал его в тылу. [Виктор Астафьев. Трофейная пушка // «Знамя», 2001]

В случае же, когда значения конъюнктов явно не совпадают, а множество альтернатив остаётся одним и тем же, мы не ожидаем встретить конъюнкцию фраз с *только*: сказать, что нечто верно *только для A* (и тем самым не для его альтернативы *B*) и при этом верно *только для B* (а тем самым не для *A*), — очевидное противоречие¹². Тем не менее, такие примеры встречаются:

¹² Ср. разбор примера Туда ходят только «Дон» и «Магдалина» в [Падучева 1974: 164].

(14) Ты представляешь себе, какой ужас — трудовой день, результатом которого является **только сытость и только сон!** [А. С. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку (1948–1959)]

(15) ...необузданный старый принц <...> карабкался по кручам, водружая на недостижимых вершинах дворцы и хижины, **только дворцы и только хижины.** [И. Э. Бабель. Статьи в газете «Заря Востока» (1922)]

Во избежание противоречия остаётся предположить, что дублирование *только* в (14)–(15) неинтерпретируемо и *только* на деле относится к конъюнкции в целом: ‘только [сытость и сон]’ (и никакая другая комбинация возможных результатов трудового дня), ‘только [дворцы и хижины]’ (и никакой другой набор возможных построек).

3. Случаи, допускающие альтернативную трактовку

В данном параграфе мы рассмотрим ещё две группы случаев, для которых ранее были предложены описания, не постулирующие десемантизированного повтора. Суть таких описаний в обоих случаях сводится к тому, что повторяющийся элемент не является носителем того значения, которое ему традиционно приписывается, и всего лишь маркирует присутствие в структуре другого, не имеющего выражения элемента — носителя данного значения.

3.1. Отрицание

3.1.1. Придаточные с *чтобы*

Из-за прозрачной семантики ярким случаем несовпадения числа вхождений в поверхностной структуре и числа вхождений в семантическом представлении предложения оказывается группа модальных контекстов употребления отрицания. К ней принадлежат, в частности, конъюнкции глагольных групп (ГГ) внутри клаузы, вводимой *чтобы*:

(16) Не было дня, чтобы Костя не вспоминал о вас и не беспокоился. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

Фактическое значение (16) состоит в том, что Костя вспоминал и беспокоился каждый день, т. е. не было дня, когда была бы ложна конъюнкция ‘вспоминал & беспокоился’. Если же попытаться предсказать семантику (16), приписывая каждому вхождению отрицания значение обычного пропозиционального отрицания «¬», то получится ‘Во всякий день или вспоминал, или беспокоился’. Такие условия истинности, однако, выражаются с помощью *или*:

(17) Не проходило и дня, чтобы Серпина чего-нибудь не сломал или не вывихнул... [Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)]

Значение (17), как и в предыдущем случае, не выводится из поверхностной структуры: учёт всех отрицаний и дизъюнкции предсказывает для него

условия истинности ‘Во всякий день и ломал, и вывихивал’ — более сильные, чем наблюдаемые в действительности.

И для (16), и для (17) условия истинности предсказывались бы верно, если бы существовала возможность описать вложенное отрицание как **единственное** и расположенное выше конъюнкции/дизъюнкции в семантическом представлении (в отличие от **двух** отрицаний ниже союза в поверхностной структуре). Признание дублирования (как бы последнее ни описывалось) не является единственным способом достичь такого описания. Как указывает П. В. Руднев (л. с.), альтернативная трактовка могла бы состоять в том, что прилагательное *не* в русском языке вообще не несёт значения отрицания, а выражает согласование глагола с несущей отрицательную семантику функциональной вершиной выше в синтаксической структуре [Zeijlstra 2004].

(18) ... чтобы ... [NegP Neg ... [VP [VP не вспоминал ...] и [VP не беспокоился]]]

Такая трактовка находит параллель в решении, предлагаемом С. Г. Татевосовым [Tatevosov 2011, 2015; сходную идею см. в Biskup 2007] для значений, традиционно приписываемым глагольным префиксам: по Татевосову, префиксы только выражают согласование глагола с функциональными вершинами, расположенными в дереве структуры существенно выше глагола. Так, для дистрибутивного *пере-* (как в *их всех переловили*) релевантные фрагменты структуры имеют вид

(19) ... [VP ... v [*nepe-distr* Distr ... [... пере-ловили ...]]]

Отставив в сторону вопрос о том, возможно ли описать русское отрицание более экономным способом, сформулируем всё же одно возражение изложенной точке зрения. Как показано в (18), для получения верных условий истинности мы должны предположить, что сочинение происходит на уровне составляющих, меньших, чем NegP. При этом сочинение на уровне NegP или несколько выше приводило бы к тем же неверным условиям истинности, что и «наивная» теория, согласно которой все вхождения *не* интерпретируемы. Если бы такое сочинение было возможно, (16)–(17) были бы неоднозначны; на деле же неоднозначности не наблюдается, но чем блокируется «высокая» конъюнкция/дизъюнкция — неизвестно.

3.1.2. Одновременно

Примеры типа (16)–(17) не исчерпывают аномальных употреблений отрицания при конъюнкции. Другую их группу составляют предложения со значением невозможности или нежелательности наступления некоторой ситуации, описываемой конъюнкцией глагольных групп:

(20) ...наступает миг осознания одиночества в большом мире и одновременно — его открытости, так что невозможно **не ужаснуться и не восхититься одновременно**. [Александр Бобраков-Тимошкин. Чудотворец // «Русская жизнь», 2012]

(21) а. Никогда не программируйте и не пейте пиво одновременно. [ГИКРЯ]

б. Не кушайте Mentos и не пейте Колу-Лайт одновременно... [ГИКРЯ]

Как и (16), (20) утверждает, что обязательно имеют место оба состояния (ужас и восхищение), а не хотя бы одно из них. При этом сфера действия *одновременно* включает оба вложенных глагола, но не включает ни одного отрицания. Такая конфигурация возможна, если интерпретируемое отрицание в (20) расположено выше конъюнкции. Аналогичная ситуация наблюдается в (21)¹³: говорящий рекомендует воздерживаться от совершения двух действий вместе, но сохраняет нейтралитет относительно желательности совершения каждого из них в отдельности.

3.2. Если

Для нескольких языков известно явление, при котором интерпретация конъюнкции обстоятельственных клауз, в частности условных, не соответствует предсказаниям «наивной» теории, приписывающей обстоятельственное значение вводящему клаузу союзу. Несоответствие заключается в том, что, помимо ожидаемой интерпретации ‘при выполнении любого из условий *p* и *q*’, конъюнкция *если p* и *если q* допускает ещё и интерпретацию ‘при выполнении *p* и *q* вместе, но не обязательно при выполнении только одного из них’. Будут ли в конкретном случае возможны (и одинаково естественны) обе интерпретации, существенным образом зависит от семантики конъюнктов, ср. (22) и (23)¹⁴.

(22) Воздействие одного человека — если он соблюдает правила и если они адекватны для данной экосистемы — практически неощутимо. [Борис Жуков. Человек не ходит как хозяин // «Знание-сила», 2014]

¹³ Пилотный опрос носителей показал, что предложения, подобные (21), являются скорее маргинальными, чем абсолютно недопустимыми. ГИКРЯ содержит по меньшей мере 7 примеров таких предложений (включающих *одновременно*).

¹⁴ Эти примеры приводятся в [Тискин 2016]. Ранее аналогичное наблюдение было сделано в [Reich 2009] для немецкого (ii), а М. Криж (л. с.) отыскал пример из французского (iii).

(ii) Wenn du nach Hause kommst und wenn der Gerichtsvollzieher vor der Tür steht...
‘Если ты приходишь домой и если у дверей стоит пристав...’

(iii) Si vous êtes né(e) à l'étranger ou dans un des territoires d'Outre-mer et si vous ne connaissez pas votre No de sécurité sociale...

‘Если Вы родились за границей или на одной из заморских территорий и если Вы не знаете Вашего номера социального страхования...’

Значение ‘при выполнении p и q вместе’ требует трактовки и как «интерсективной» конъюнкции (операции пересечения множеств), но тогда собственно условное значение должно вводиться в интерпретацию уже после конъюнкции. Этой цели может служить нулевой оператор, постулируемый в структуре выше *если*, или набор операций сдвига типа (type-shifting, [Partee 1987]). Решение такого рода мы предложили в [Тискин 2016]. Между тем, значение ‘при выполнении p и q вместе’, естественное для (22), можно было бы получить, если бы было показано, что в семантическом представлении (22) присутствует только одно вхождение *если*, в сферу действия которого входит конъюнкция. Предложения типа (23) (а также менее вероятное прочтение (22)) трактовались бы при этом как содержащие по два вхождения *если* как в поверхностной структуре, так и в семантическом представлении.

4. К анализу дублирования

Рассмотренный выше материал достаточно разнороден: дублируемые единицы относятся к разным частям речи, имеют разную степень обязательности и различные просодические характеристики (наряду с клитиками дублируются и полноударные слова). Такое разнообразие не позволяет заранее исключить, что мы имеем дело с несколькими различными явлениями, совпадающими в (некоторых) своих внешних проявлениях. Рассмотрим, тем не менее, возможные направления анализа¹⁵.

4.1. Копирование с неполным удалением

Рассматривая случаи типа (24), Meyer & Sauerland [2016] предлагают считать, что интересующая нас интерпретация является результатом передвижения

¹⁵ Я. Г. Тестелец (л. с.) предлагает сопоставить дублирование (или его отсутствие) и эллипсис, в частности в свете запрета на сокращение левосторонней вершины — ограничения, обоснованного в [Казенин 2007: 105] на материале, отличном от нашего. Запрет сводится к тому, что в конфигурации [$X Y$] ... [$X Z$] невозможен эллипсис второго вхождения X , если Y и Z — зависимые, соответственно, первого и второго вхождений X . Этот запрет позволяет с уверенностью заключить, что в (1) мы действительно имеем дело с конъюнкцией ИГ, а не с конъюнкцией ПГ с последующим эллипсисом второго вхождения предлога c (ср. проблему «размеров» конъюнктов, т. е. проблему выбора теоретиком описания в терминах «высокой» конъюнкции с последующим эллипсисом или же «низкой» конъюнкции, в [Казенин 2011]). Нам, однако, неочевидно, каким образом данное ограничение может помочь анализу наших основных примеров: если трактовать возможность эллипсиса как «возможность сократить совпадающий материал» [Казенин 2007: 92], то этой возможности должна предшествовать возможность **использовать** данный материал **более одного раза**, а как раз она в случаях (3)–(6), (10) и т. д. требует объяснения.

may, выдвигающего его из обоих дизъюнктов сразу (т. е. «Across-the-Board» [de Vries to appear]). Структура, которая возникает после передвижения (и после спровоцированного им передвижения *Jane*), схематически показана в (25).

(24) *Jane may sing or Jane may dance.*

Возможная интерпретация: ‘Джейн разрешено по своему усмотрению петь или танцевать’

(25) $Jane_2 may_1 [[Jane_2 may_1 sing] \text{ or } [Jane_2 may_1 dance]]$

В нормальном случае при передвижении озвучивается либо только верхняя, либо только нижняя (в нашем случае — нижняя в каждом из дизъюнктов) копия. Почему же в (24) одна из нижних копий (во втором дизъюнкте) остаётся неудалённой, так что элементы (24) линейно расположены так, как будто никакого передвижения не происходило вовсе? Предположение М.-К. Мейер и У. Зауэрланда состоит в том, что если один из дизъюнктов удовлетворяет требованию удалить повторяющийся материал, то для другого это требование теряет абсолютную обязательность.

Говоря о применимости такого анализа к материалу §§2–3, необходимо отметить, что, в отличие от селективно ограниченных предлогов типа *между*, *may* и без передвижения не приводит к появлению неинтерпретируемых структур. Что же касается отрицания, то никакие семантические ограничения не мешают всем вхождениям *не* в (16)–(17) быть интерпретируемыми *in situ* (как *may*), однако такая интерпретация почему-то оказывается недоступна. С другой стороны, анализ Мейер и Зауэрланда может быть применим к предлогам в малопримлемых, но сравнительно частых случаях координации типа (26)¹⁶, а также к модальному предикату при асимметричной координации, как в (27) (в отличие от симметричной в (28)).

(26) **В не** меньшей, **а в** большей степени возненавидел он, помимо театра, поэта Пушкина и талантливого артиста Савву Потаповича Куролесова. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]

(27) Но пасхальные яйца можно не только красить, а можно, например, обклеить... [ruTenTen11]

(28) Облицовку можно не снимать, а можно снять, дело ваше. [Google]

По-видимому, от асимметричного решения в стиле Мейер и Зауэрланда можно было бы решительно отказаться, будь в нашем распоряжении достаточное количество бесспорных примеров дублирования при повторяющемся союзе, где каждое вхождение повторяющегося элемента «зажато» между союзом и конъюнктом (29).

¹⁶ Некоторую проблему для такого решения составляют (явно аграмматичные) примеры, как будто бы показывающие, что передвигается не предлог, а отрицание:

(iv) Но тут народ во френдленте уже предлагает потратить последний **не на не** Лексус а на соль и спички. [ГИКРЯ]

Такие примеры, однако, практически не встречаются. Причину этого мы усматриваем в том, что *и... и* вынуждает дистрибутивную интерпретацию конъюнкции [Апресян и Пекелис 2012; Szabolcsi 2015], несочетаемую с «совместными» значениями, вычисление которых и составляет основную проблему настоящей статьи.

4.2. Постсинтаксическая операция

Поскольку решение, апеллирующее к синтаксическому передвижению, сталкивается с некоторыми затруднениями, целесообразно обратиться к решениям, в которых за дублирование отвечает другой компонент грамматики. Таким компонентом может быть постсинтаксическое (PF-) передвижение, опускающее терминальный узел в позицию, занимаемую нижележащим терминальным узлом, с образованием единого фонетического слова [Embick & Noyer 2001: 561 ff.] (ср. «прыжок аффикса» в [Chomsky 1957: §5.3, (29) (ii)]). Предположим, что в случае, когда опускаемый узел наталкивается на конъюнкцию, постсинтаксическое передвижение должно применяться «Across-the-Board», так что копия спускаемого узла присоединяется к каждому из конъюнктов. Такое передвижение невидимо для интерпретации, поскольку на уровне LF никакого передвижения не происходит.

Допуская передвижение такого рода, мы можем проанализировать, к примеру, (4) как

(30) ...~~между~~ [*между* [[этой моралью]]] и [*между* [всеми другими моральями]]], ...,

где курсивом выделены копии, недоступные для интерпретации. В случае отрицания такое решение находит дополнительную мотивацию в том, что в русском языке в нормальном случае (в частности, при отсутствии противопоставления типа *не... а*) невозможно отрицание конъюнкции ГГ, расположенное выше этой конъюнкции [Падучева 1974: 166]: (31) не может означать ‘Неверно, что Вася и играл в футбол, и разбил окно’¹⁷.

(31) Вася не играл в футбол и разбил окно.

Если допустить, что отрицание ведёт себя так по причине недостаточной линейно-синтагматической несамостоятельности (претерпевает обязательный спуск, т. к. нуждается в носителе, а дублирование возникает как следствие

¹⁷ Заметим, что в ряде других языков, в частности в английском, это возможно (см. [Hengeveld & Mackenzie submitted: §3.2] и цитируемую там литературу).

применения операции спуска «Across-the-Board»), (16)–(17) и (20)–(21) оказываются другими проявлениями той же тенденции, хотя и требуется объяснить, при каких именно условиях отрицание ведёт себя таким образом, а также почему для предлогов спуск оказывается необязательным.

Очевидным и существенным недостатком постсинтаксического анализа является то обстоятельство, что он неспособен выявить причины, по которым спуск претерпевают просодически полноценные единицы (§2.1.3), не испытывающие необходимости в носителе. Следует, однако, учитывать и относительную маргинальность таких употреблений даже по сравнению с дублированием предлогов типа *между*.

Литература

Апресян и Пекелис 2012 — Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Сочинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.

Казенин 2007 — Казенин К. И. О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке. Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 92–107.

Казенин 2011 — Казенин К. И. Проблема «размеров» конъюнктов в русском языке: данные некоторых типов сочинительных конструкций. Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 46–60.

Падучева 1974 — Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка). М.: Наука, 1974.

Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: ЯСК, 2008.

Сатюкова 2015 — Сатюкова Д. Н. О повторе предлогов перед однородными определениями в русском языке: опыт корпусного анализа. Acta Linguistica Petropolitana. 2015. Т. XI, ч. 1. С. 469–512.

Тискин 2016 — Тискин Д. Б. «Аппозиционные» и «соопределяющие» условные клаузы: к вопросу о локализации условной семантики. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Т. 15 (22). М.: РГТУ, 2016. С. 756–768.

Тискин на рец. — Тискин Д. Б. Внешняя и внутренняя адвербиальная модификация предложных групп типа Pr + Adj + N в русском языке. Acta Linguistica Petropolitana. На рец.

Biskup 2007 — Biskup P. P(refixe)s and P(reposition)s. Ms., Universität Leipzig. 2007. URL: [http://home.uni-leipzig.de/biskup/P\(refixe\)s%20and%20P\(reposition\)s_Biskup.pdf](http://home.uni-leipzig.de/biskup/P(refixe)s%20and%20P(reposition)s_Biskup.pdf).

Chomsky 1957 — Chomsky N. Syntactic Structures. Mouton & Co, 1957.

Embick & Noyer 2001 — Embick D., Noyer R. Movement operations after syntax. Linguistic Inquiry. 2001. Vol. 32. No. 4. Pp. 555–595.

Hengeveld & Mackenzie submitted — Hengeveld K., Mackenzie L. Negation in Functional Discourse Grammar. Submitted.

Meyer & Sauerland 2016 — Meyer M.-C., Sauerland U. Covert Across-the-Board Movement Revisited. Presented at NELS 47. URL: <http://umass2016.nelsconference.org/wp-content/uploads/2016/09/meyer-sauerland.pdf>.

Pagin & Westerståhl 2010 — Pagin P., Westerståhl D. Compositionality I: Definitions and Variants. *Philosophy Compass*. 2010. Vol. 5. No. 3. Pp. 250–264.

Partee 1987 — Partee B. Noun phrase interpretation and type-shifting principles. *Studies in discourse representation theory and the theory of generalized quantifiers*. Groenendijk J., de Jongh D., Stokhof M. (eds.). De Gryuter, 1987. Pp. 115–141.

Reich 2009 — Reich I. What Asymmetric Coordination in German tells us about the syntax and semantics of conditionals. *Natural Language Semantics*. 2009. Vol. 17. No. 3. Pp. 219–244.

Rooth 1985 — Rooth M. Association with Focus. Ph.D. diss. University of Massachusetts. 1985.

Szabolcsi 2015 — Szabolcsi A. What do quantifier particles do? *Linguistics and Philosophy*. 2015. Vol. 38. No. 2. Pp. 159–204.

Tatevosov 2011 — Tatevosov S. Severing perfectivity from the verb. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 216–244.

Tatevosov 2015 — Tatevosov S. Severing imperfectivity from the verb. *Slavic Grammar from a Formal Perspective*. Zybatow G. et al. (eds.). Peter Lang, 2015. Pp. 465–494.

de Vries to appear — de Vries M. Across-the-Board Phenomena. *Blackwell Companion to Syntax*. To appear.

Zeijlstra 2004 — Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord. Ph.D. diss. Utrecht University, 2004.

On the possibility of subject raising in Russian

О возможности подъёма подлежащего в русском языке¹⁸

В статье рассматривается возможность подъёма вложенного подлежащего в матричную клаузу (subject raising) в русском языке. Демонстрируется, что, несмотря на общепринятое в современной генеративной лингвистике мнение, русский язык допускает подъём подлежащего в конструкциях с глаголами *помочь* и *помешать*: подлежащее инфинитивного оборота получает тематическую роль от вложенного предиката и в то же время проявляет свойства матричного зависимого. Это ставит под сомнение существующие ограничения на синтаксический подъём и требует общего пересмотра современной теории.

Ключевые слова: подъём подлежащего, объектный контроль, нефинитная клауза.

The present paper investigates the possibility of long distance subject raising in Russian. We demonstrate that at least one case of subject-to-object raising can be found in Russian: constructions with the verbs *pomoč* ‘help’ and *pomešat* ‘prevent’. We suggest that in such sentences a dative DP is base-generated as the subject of an embedded infinitival clause, receiving a thematic role from the embedded predicate, and undergoes obligatory movement into the matrix clause. This phenomenon questions the generally accepted ‘tensedness’ / CP restriction for subject-to-object raising.

Keywords: subject-to-object raising, object control, non-finite clause.

1. Введение

Согласно классическим работам [Williams 1987; Lasnik 1998], славянские языки, включая русский, запрещают подъём вложенного подлежащего за пределы нефинитной клаузы. Обязательная маркированность славянских инфинитивов признаком времени (tensedness) и наличие внешней проекции

¹⁸ Автор благодарит участников конференции Типология морфосинтаксических параметров, 2017, в особенности Якова Тестельца, Петра Аркадьева и Павла Руднева, за ценные комментарии и замечания. Автор также выражает благодарность Марселю ден Диккену за обсуждение данного исследования. Все ошибки и неточности допущены автором.

СР считаются главными ограничениями передвижения. [Stepanov 2007] также ограничивает подъём в русском языке границей ТР и предлагает в качестве примера моноклаузальные модальные глаголы и аспектуальные предикаты по типу *начать*, *закончить*.

В данной статье представлены новые данные, которые ставят под сомнение существующую гипотезу и требуют пересмотреть структуру ограничения на передвижение. В конструкциях с глаголами *помочь* и *помешать* именная группа в дательном падеже изначально является подлежащим вложенного инфинитива и в обязательном порядке перемещается в главную клаузу (2а), в отличие от внешне похожих конструкций с контролем нулевого местоимения (2b).

- (2) а. [Петя помог Машеі [__і прочитать книгу]]
 б. [Петя заставил Машуі [PROі прочитать книгу]]

Раздел 2 содержит описание семантических и синтаксических свойств предложений с *помочь* и *помешать* в сравнении с конструкциями с глаголами объектного контроля. В разделе 3 представлены доказательства того, что дативная именная группа в предложениях с *помочь* и *помешать* в действительности является подлежащим меньшей клаузы. Раздел 4 предлагает предварительный анализ рассматриваемых конструкций. В заключении кратко обсуждается значение полученных данных с точки зрения универсальной грамматики и перспективы дальнейших исследований.

2. Синтаксические и семантические свойства конструкций с *помочь* и *помешать*

2.1. Аргументная структура

Глаголы объектного контроля в русском языке представляют собой неоднородный класс. С одной стороны, выделяются имплицативные глаголы, присоединяющие прямой объект в аккузативе: *заставить*, *убедить*, *уговорить*. С другой стороны, в отдельную подгруппу можно объединить дезидеративные глаголы с дативным аргументом: *велеть*, *разрешить* и т. п. Помимо аргумента, выраженного именной группой (ИГ), все эти предикаты допускают вложенную инфинитивную или финитную условную клаузу (2).

- (2) а. Маша заставила Петю сдать экзамен / чтобы он сдал экзамен.
 б. Маша велела Пете сдать экзамен / чтобы он сдал экзамен.

Помочь и *помешать* также разрешают косвенный объект в дательном падеже и вложенную клаузу. Однако в отличие от «обычных» глаголов объектного контроля *помочь* и *помешать* запрещают одновременное употребление дативной ИГ и финитного условного предложения в позиции аргумента (3).

- (3) а. Маша помогла Пете сдать экзамен.
 б. #Маша помогла Пете, чтобы он сдал экзамен.
 с. Маша помогла Пете подготовиться, чтобы он сдал экзамен.

В случае имплицативных глаголов объектного контроля наличие двух выраженных аргументов (именной группы и вложенной клаузы) является обязательным (4a). Деизидеративные предикаты допускают наличие одной зависимой ИГ, обозначающей событие, маркированной аккузативом (4b, 4c)¹⁹. *Помочь* и *помешать* отличаются от этих двух типов предикатов: они так же разрешают употребление одной ИГ вместо вложенной клаузы, однако приписывают ей дательный падеж (4d).

- (4) а. *Ростуризм заставил продажу туров в Египет.
 б. Ростуризм разрешил продажу туров в Египет.
 с. Глостер приказал отступление.
 д. Решение Ростуризма помогло продаже туров в Египет.

2.2. Нестрогая кореферентность

В случае глаголов *помочь* и *помешать* дативный аргумент интерпретируется как единственный кореферент подлежащего вложенной клаузы; нестрогая кореферентность и семантическая связь подлежащего нефинитной клаузы одновременно с дативным аргументом и с матричным подлежащим (split coreference) не допускается.

Это легко проверить, используя во вложенной клаузе элемент, требующий множественное подлежащее (ИГ во множественном числе или собирательное существительное). К таким относятся глаголы, образованные по модели раз-ся (*разбежаться, разойтись, разругаться*), и модификаторы по типу *вместе*. Использование данных слов во вложенной клаузе разрешается при матричном имплицативном глаголе объектного контроля (*заставить, убедить*), даже если дативный аргумент обозначает строго единичный референт (5a, 5c). При этом вложенное PRO семантически интерпретируется как объединение референтов дативной ИГ и матричного подлежащего. В противоположность этому глаголы по модели раз-ся и модификаторы по типу *вместе* запрещены при матричном глаголе *помочь* или *помешать* и не-множественном дативном контролёре (5b, 5d).

- (5) а. Иван убедил директора разойтись в семью²⁰.
 б. *Иван помешал директору разойтись в семью.
 с. Директор заставил Ивана подготовить отчёт вместе.
 д. *Директор помог Ивану подготовить отчёт вместе.

2.3. Семантический тип

Как упомянуто выше, глаголы объектного контроля, требующие прямое дополнение в аккузативе, по своей семантике относятся к имплицативным

¹⁹ В данной статье свойства деизидеративных предикатов рассматриваются лишь в сравнении с глаголами *помочь* и *помешать* и не даётся их формальное описание. См. подробный анализ деизидеративных глаголов объектного контроля в [Burukina To appear].

²⁰ Грамматичность примеров, представленных в данной статье, была проверена в ходе опроса 48 носителей русского языка (20 — 35 лет, с в.о.).

предикатам, в то время как большинство глаголов контроля с дативным аргументом являются дезидеративами. *Помочь* и *помешать* образуют третью группу: они относятся к классу фактивных предикатов. *Помочь* и *помешать* не включают деонтическую модальность, однако подразумевают значение истинности вложенной пропозиции [Brennan 1993]. Эта пресуппозиция сохраняется в конструкциях с сентенциальным отрицанием и в вопросительных предложениях (6).

(6) Петя помогал Маше выполнять задание.

Помогал ли Петя Маше выполнять задание?

Петя не помогал Маше выполнять задание.

Пресуппозиция: Маша выполняла задание

Таким образом, несмотря на то, что на поверхностном уровне конструкции с глаголами *помочь* и *помешать* похожи на предложения с дезидеративными предикатами и имплицативными глаголами объектного контроля, разница в основных семантико-синтаксических свойствах наталкивает на мысль о том, что *помочь* и *помешать* необходимо выделять как отдельный класс глаголов, допускающих нефинитную клаузу в позиции аргумента. В следующем разделе мы продолжим анализ синтаксических свойств предложений с *помочь* и *помешать* и представим доказательства того, что дативная ИГ изначально занимает позицию во вложенной клаузе.

3. Свидетельства подъёма подлежащего

Чтобы доказать, что речь действительно идёт о перемещении, необходимо подтвердить, что:

1. рассматриваемая конструкция состоит из двух клауз,
2. рассматриваемая ИГ изначально находится в зависимой клаузе,
3. ИГ действительно перемещается в матричную клаузу,
4. матричный предикат не определяет тематическую роль рассматриваемой ИГ.

3.1. Биклаузальность

Помочь и *помешать* могут выбирать своим комплементом как нефинитную клаузу, так и финитное условное предложение с союзом *чтобы*. Во втором случае очевидно, что вложенный предикат не образует сериальную конструкцию с матричным глаголом. Допустимость вложенного сентенциального отрицания (7a) и независимой темпоральной референции (7b) указывают на то, что размер зависимого инфинитивного оборота так же не меньше ТР.

(7) а. Ты мне очень помог вчера сдать в конце года этот экзамен.

б. Ничто не могло помешать Васе не делать домашнее задание.

Биклаузальность предложений с *помочь* и *помешать* противоречит анализу подобных конструкций в терминах реструктуризации [Wurmbrand 2003] или теории составных предикатов.

3.2. Дативная ИГ как аргумент вложенной клаузы

Стандартные диагностики подъёма подлежащего направлены на то, чтобы определить, получает ли рассматриваемая ИГ тематическую роль от вложенного предиката [Davies and Dubinsky 2004]. Первый такой тест — сохранение идиоматической интерпретации вложенной коллокации. Предполагается, что небуквальное прочтение возможно, только если все компоненты идиомы лексически выражены и изначально образуют одну составляющую. Так нулевое PRO в случае объектного и субъектного контроля не поддерживает идиоматизацию, и вложенная конструкция в примере (8a) может интерпретироваться только буквально²¹. Однако, идиоматическая интерпретация сохраняется в случае матричного предиката *помочь* или *помешать* (8b), что говорит о том, что ИГ *чёрная кошка* изначально была частью вложенного устойчивого выражения.

- (8) а. Я заставляю чёрную кошку_i PRO_i пробежать между ними.
 ≠ Я заставляю их поссориться.
 b. Я не помешал чёрной кошке пробежать между ними.
 = Я не помешал им поссориться.

Второй тест — проверка вложенной пассивизации. Если рассматриваемая именная группа получает тематическую роль от вложенного предиката, то предложения с активным залогом и с пассивным залогом во вложенной клаузе должны получать одинаковую интерпретацию. Это ожидаемо неверно для имплицативных глаголов контроля: в примере (9a) уговариваемый соответствует агенту вложенной клаузы, а в примере (9b) — пациенсу. В то же время предложения (9c) и (9d) означают одно и то же: необходимо помешать реализации одной и той же ситуации.

- (9) а. Директор уговорил Гарри быть убитым Волан-де-Мортом.
 b. ≠ Директор уговорил Волан-де-Морта убить Гарри.
 c. Нам необходимо помешать Гарри быть убитым Волан-де-Мортом.
 d. Нам необходимо помешать Волан-де-Морту убить Гарри.

Следуя [Davies and Dubinsky 2004] мы полагаем, что результаты представленных диагностик показывают, что в случае глаголов *помочь* и *помешать* дативная ИГ получает тематическую роль от вложенного предиката.

3.3. Дативная ИГ как компонент матричной клаузы

Дативная ИГ обладает свойствами аргумента матричной клаузы. Во-первых, она должна подчиняться принципам связывания A и B с учётом

²¹ Предложения с дезидеративными предикатами так же могут проходить тесты на подъём подлежащего (i). Подобные случаи не рассматриваются в данной статье. См. подробный анализ дезидеративов в [Burukina To appear]. Предполагается, что предложения с дезидеративными предикатами содержат нулевую модальную вершину, которая обуславливает возможность и подъёма, и контроля.

- (i) Я не позволю чёрной кошке пробежать между вами.
 = Я не позволю вам поссориться.

локальной области, которая включает в себя матричный глагол. Пример (10a) демонстрирует, что личное местоимение, вложенное в инфинитивную клаузу, может быть связано матричным подлежащим, поскольку его локальная область ограничивается нефинитной клаузой. В то же время дативный прономинал с глаголами *помочь* и *помешать* не может быть кореферентен с подлежащим (10b).

- (10) а. Маша_k уговорила Петю_i PRO_i поехать с ней_k на море.
 б. Маша_i сама помешала себе_i / ей^{*}_{i/k} поехать с Петей на море.

Аналогичным образом реципрокальное местоимение друг друга, локальной областью которого является минимальная клауза с (не)выраженным подлежащим, может употребляться на позиции дативного аргумента с глаголами *помочь* и *помешать* и интерпретируется как кореферентное матричному подлежащему (11).

- (11) а. Дети_i помогли друг другу_i сделать домашнее задание.
 б. Дети_i убедили друг друга_i PRO_i сделать домашнее задание.
 в. Дети_k заставили родителей_i PRO_i поговорить друг с другом_{i/*k}.

Во-вторых, дативная ИГ может быть отделена от вложенной нефинитной клаузы матричным адьюнктом (12a). Можно возразить, что (12a) является примером дистантного (дальнего) неограниченного скрэмблинга²². Однако, как подчеркивается в работах [Bailyn 2003; Циммерлинг 2013 и др.], дистантный скрэмблинг в русском языке, как правило, ограничивается перемещением составляющей из вложенной клаузы в фокусную позицию на левой границе матричного предложения. Произвольная перестановка составляющих на границе вложенной и матричной клауз стандартно не допускается, что подтверждается неприемлемостью примеров по типу (12b).

- (12) а. Желаю, чтобы вы помогли ребёнку все вместе адаптироваться.
 б. #Я решил как можно быстрее вчера вернуться в понедельник домой.
 с. Я решил вчера [как можно быстрее вернуться в понедельник домой].

Отметим также, что идея приписывания тематической роли через границу клаузы, предложенная [Williams 1980] и сопоставимая с данными в подразделах 3.2. и 3.3., опровергается допустимостью употребления квантификатора, относящегося к дативной ИГ, за пределом данной ИГ (quantifier float). Мы предполагаем, что грамматичность (13a) и (13b) свидетельствует о том, что дативная ИГ изначально находится во вложенной клаузе и после перемещается в матричную, оставляя за собой копию, при этом квантификатор может быть озвучен в любой из двух позиций (модификатор *по доброте душевной*, относящийся к матричному предикату, и модификатор *без проблем*, характеризующий вложенное действие, отмечают границу нефинитной клаузы).

²² Long-distance scrambling. Русская терминология взята из работы [Циммерлинг 2013].

(13) а. Петя поможет всем девочкам по доброте душевной без проблем поступить в университет.

б. Петя поможет девочкам по доброте душевной без проблем всем поступить в университет.

3.4. Дативная ИГ не аргумент матричного предиката

Матричный предикат не приписывает тематическую роль дативной ИГ. Это подтверждается двумя свойствами конструкций с глаголами *помочь* и *помешать*: 1) отсутствием селективных ограничений на референт дативной ИГ, и 2) комплементарной дистрибуцией дативной ИГ и финитной условной клаузы на позиции аргумента. Рассмотрим подробнее каждый из этих аргументов.

Импликативные глаголы объектного контроля требуют, чтобы аккузативная ИГ имела семантический признак [+Animate], и примеры с неодушевлёнными аргументами оцениваются как абсурдные, не имеющие смысла ((14a) в сравнении с (14b)). В то же время глаголы *помочь* и *помешать* не накладывают никаких ограничений на дативную ИГ при наличии нефинитной клаузы: ИГ может указывать как на одушевлённый объект, так и на неодушевлённый (14c, 14d). Таким образом, можно предположить, что предикаты *помочь* и *помешать* не имеют непосредственного отношения к дативной ИГ, сопровождающей инфинитивный оборот, и не связаны с ней тематически.

(14) а. Врач уговорил больного быстрее залечить руку.

б. *Врач уговорил руку больного быстрее зажить.

с. Врач помог руке больного быстрее зажить.

д. Экономический кризис помешал 50% зданий быть достроенными вовремя.

Что касается комплементарной дистрибуции дативной ИГ и вложенной финитной клаузы (см. примеры (3) продублированные в (15)), она свидетельствует о том, что дативная ИГ и финитная клауза претендуют на одну и ту же позицию единственного аргумента глаголов *помочь* и *помешать*.

(15) а. Маша помогла Пете подготовиться к экзаменам.

б. #Маша помогла Пете, чтобы он подготовился к экзаменам.

Если предикат лицензирует два независимых аргумента, мы ожидаем, что они обязательно будут употребляться вместе, за редким исключением случаев опущенного топика; этот принцип хорошо иллюстрируют импликативные глаголы контроля или дитранзитивные предикаты (16).

(16) а. Маша заставила *(Петю) помыть посуду.

б. Маша дала *(Пете) яблоко.

Глаголы *помочь* и *помешать* разрешают только **один** аргумент — то, чему пытаются помочь либо помешать, и этот аргумент может быть выражен либо финитной условной клаузой, либо инфинитивным оборотом с дативной [+Animate] ИГ, либо отдельной дативной ИГ без сопровождающей вложенной клаузы.

Данные, представленные в данном разделе, подтверждают необходимость анализа предложений с *помочь* и *помешать* как содержащих подъём вложенного подлежащего в матричную клаузу. В следующем разделе мы попробуем предложить предварительное формальное описание подобных конструкций.

4. Анализ

4.1. Общая структура

Предикаты *помочь* и *помешать* имеют одну валентность: ситуация, на реализацию которой необходимо повлиять. Данная валентность может заполняться именной группой, обозначающей событие, или клаузой. В случае нефинитной клаузы допускается подъём вложенного подлежащего в одну из матричных позиций. Подробное уточнение итоговой позиции мы оставляем для дальнейших исследований, однако на данный момент мы предлагаем, что дативная ИГ может подниматься в структурную позицию объекта при глаголах *помочь* и *помешать* – Спес, VP. Общая схема предложений с *помочь* и *помешать* представлена в (17).

(17) а. [_{VP} Петя [_{v'} [_{v0} помог_i] [_{VP} [_{v0} t_i] [_{CP} чтобы Маша поступила в университет]]]]

б. [_{VP} Петя [_{v'} [_{v0} помог_i] [_{VP} [_{v0} t_i] [_{DP} Машиному поступлению в университет]]]]

с. [_{VP} Петя [_{v'} [_{v0} помог_i] [_{VP} Машек [_{v'} [_{v0} t_i] [_{CP} t_k поступить в университет]]]]]]

4.2. Источник дательного падежа и обязательность перемещения

Мы считаем, что в предложениях с *помочь* и *помешать* можно выделить два потенциальных источника дательного падежа. Во-первых, матричные предикаты, по видимому, обладают способностью приписывать лексический дательный падеж, что становится заметно в примерах по типу (18).

(18) а. Капитан помешал отступлению врага.

б. Маша помогла Петину поступлению в университет.

Во-вторых, в русском языке структурный дательный падеж приписывается подлежащему нефинитного предложения. Эта идея была предложена в работах [Moore and Perlmutter 2000; Fleisher 2006; Landau 2008 a.o.]. Одним из аргументов²³ в поддержку дативного вложенного подлежащего является допустимость вложенных вторичных предикатов, требующих согласование с антецедентом, в дательном падеже даже в том случае, если контролёр маркирован аккузативом (19).

²³ В качестве второго аргумента [Moore and Perlmutter 2000] приводят так называемые самостоятельные инфинитивные конструкции по типу *Пете завтра рано вставать*. Задачей настоящей работы не является подробный анализ данного вопроса; однако отметим, что мы разделяем позицию [Fleisher 2006 и др.] о биклаузальности подобных предложений и не считаем данный довод состоятельным.

(19) а. Так вот, Таня с ее деликатной магией уговорила меня PROi самому заняться литографией²⁴.

б. Чтобы заставить учеников PROi самими разбираться в этом деле, полезно поставить им такой вопрос²⁵...

Мы предполагаем, что любое подлежащее вложенной нефинитной клаузы маркируется дательным падежом, однако только PRO остаётся внутри инфинитивного оборота, тогда как референтные ИГ и рго передвигаются за его пределы. В данной статье мы не ставим своей задачей объяснить природу такого разделения и оставляем вопрос о мотивации передвижения ИГ для дальнейших исследований; несколько возможных подходов приводятся в [Sigurðsson 2008; Landau 2008].

Рассмотрим ещё пару примеров, важных для понимания механизма подъёма в русском языке. Мы полагаем, что в отличие от, скажем, английского языка, подъём подлежащего в русском языке может быть необязательным. Рассмотрим примеры (20). Отрицательные местоимения на *ни-* в русском языке являются единицами отрицательной полярности (negative polarity items, NPI) и должны попадать в сферу действия sentенциального отрицания. В (20а) sentенциальное отрицание расположено во вложенной клаузе и не может лицензировать матричное местоимение. В (20б) дативная ИГ также перемещена в главную клаузу. Это подтверждается не только допустимостью матричного модификатора между дативной ИГ и инфинитивом, но и запретом на *ни-*местоимение. Однако допустимость отрицательного местоимения в (20с) говорит о том, что в этом случае дативная ИГ всё ещё находится в пределах инфинитивной составляющей.

(20) а. Директор уговорил *всех* / **никого* не брать деньги из общей кассы.

б. Врачи помогли *всем* / **никому* все вместе не заболеть.

с. Врачи помогли все вместе *никому* не заболеть.

Вторым подходом, позволяющим описать данное явление, является анализ подъёма подлежащего как передвижения с созданием копий. В таком случае примеры (20б) и (20с) имеют одинаковую синтаксическую структуру: в обоих случаях дативная ИГ перемещается и оставляет за собой точную копию. Любая из копий может быть озвучена; при этом выбор нижней копии влечёт за собой использование лексической единицы отрицательной полярности (20б), а выбор верхней копии — единицы положительной полярности (20с). Мы оставляем более подробное рассмотрение данного вопроса для дальнейших исследований.

5. Заключение

В данной статье мы предоставили доказательства допустимости подъёма подлежащего в русском языке. Такая возможность имеет большое значение

²⁴ А. Вознесенский «На виртуальном ветру» (1998) // НКРЯ.

²⁵ М.М. Бахтин «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе» (1942-1945) // НКРЯ.

для универсальной грамматической теории, поскольку противоречит как минимум одному из двух общепринятых постулатов:

1. все инфинитивы в русском (и других славянских языках) являются СР,
2. СР является непроницаемой для подъёма подлежащего.

Результаты предварительного анализа русских нефинитных комплексов при глаголах *помочь* и *помешать* показывают, что по размеру они больше чем ТР. По всей видимости, инфинитивная клауза может содержать достаточно развернутую левую периферию и допускает внутреннюю топикализацию, вынос фокуса и адьюнкты, ориентированные на говорящего (21).

(21) а. Маша помогла Пете именно к экзамену по русскому подготовиться, а не по физике.

б. Маша точно помогла Пете, по-моему, к экзамену по русскому подготовиться.

Явление передвижения вложенного подлежащего за пределы СР подробно изучено на материале корейского и японского языков [Yoon 2007]. Однако в этом случае речь идёт о зависимой финитной клаузе с выраженным союзом (22).

- (22) а. Cheli-nun Yenghi-ka yenglihay-ss-ta-ko mitnun-ta
(корейский)
C.-TOP Y-NOM умный-PST-DECL-COMP считать-DECL
'Чели считает, что Йенгхи была умная.'
- б. Cheli-nun Yenghi-lul yenglihay-ss-ta-ko mitnun-ta
C.-TOP Y.-ACC smart-PST-DECL-COMP считать-DECL
'Чели считает, что Йенгхи была умная.' [Yoon 2007]

Примеры, подобные (22), не проходят тесты на сохранение идиоматического значения и вложенную пассивизацию, и анализируются в терминах гипер-подъёма. Предполагается, что ИГ в аккумулятиве и вложенное предложение образуют единую минимальную клаузу; при этом вложенное предложение становится предикатом аккумулятивной ИГ за счёт наличия ко-индексированного местоимения [den Dikken 2017]. Несмотря на изящность такого анализа, очевидно, что он не подходит для русского языка: в случае глаголов *помочь* и *помешать* дативная ИГ изначально является частью вложенной клаузы и не может быть связана с вложенным предикатом через местоимение (про или PRO).

Таким образом, остаётся необходимым понять, как вложенное подлежащее в русском языке преодолевает СР барьер? Следует ли всегда считать СР непроницаемой границей? Мы надеемся, что дальнейшее изучение подъёма на материале русского и других славянских языков поможет найти ответы на эти вопросы.

Литература

Циммерлинг 2013 – Циммерлинг А.В. Типология порядка слов в славянских языках // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских

языков (преимущественно в свете языковых контактов). СПб.: Алетея, 2013. С. 7-80.

Bailyn 2003 – Bailyn J. *Does Russian Scrambling Exist?* Word Order and Scrambling. Karimi S. (ed.). Oxford: Blackwell, 2003. Pp. 156–176.

Brennan 1993 – Brennan V.M. Root and Epistemic Modal Auxiliary Verbs. Ph.D. dis. UMass Amherst, 1993.

Burukina To appear – Burukina I. Object control: deriving desiderativity. Proceedings of Formal Description for Slavic Languages 12.5. To appear.

Davies and Dubinsky 2004 – Davies W.D., Dubinsky S. *The Grammar of Raising and Control: A Course in Syntactic Argumentation*. Malden, MA: Blackwell Pub, 2004.

den Dikken 2017 – den Dikken M. Predication in the syntax of hyperraising and copy raising. *Acta Linguistica Academica*. 2017. Vol. 64. No. 1. Pp. 3-43.

Fleisher 2006 – Fleisher N. Russian Dative Subjects, Case, and Control. Manuscript. University of California, Berkeley, 2006.

Landau 2008 – Landau I. Two Routes of Control: Evidence from Case Transmission in Russian. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2008. Vol. 26. No. 4. Pp. 877–924.

Lasnik 1998 – Lasnik H. Exceptional Case Marking: Perspectives Old and New. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997*. Bošković Z., Franks S., Snyder W. (eds.). Michigan Slavic Publications, 1998. Pp. 187–211.

Moore and Perlmutter 2000 – Moore J., Perlmutter D.M. What Does It Take to Be a Dative Subject? *Natural Language & Linguistic Theory*. 2000. Vol. 18. No. 2. Pp. 373–416.

Stepanov 2007 – Stepanov A. On the Absence of Long-Distance A-Movement in Russian. *Journal of Slavic Linguistics*. 2007. Vol. 15. No. 1. Pp. 81–108.

Sigurðsson 2008 – Sigurðsson H.Á. The Case of PRO. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2008. Vol. 26. No. 2. Pp. 403–50.

Williams 1980 – Williams E. Predication. *Linguistic Inquiry*. 1980. Vol. 11. No. 1. Pp. 203–38.

Williams 1987 – Williams E. Implicit Arguments, the Binding Theory, and Control. *Natural Language & Linguistic Theory*. 1987. Vol. 5. No. 2. Pp. 151–80.

Wurmbrand 2003 – Wurmbrand S. Infinitives: Restructuring and Clause Structure. Manuscript. 2003.

Yoon 2007 – Yoon J.H. Raising of Major Arguments in Korean and Japanese. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2007. Vol. 25. No. 3. Pp. 615–53.

Есть ли согласование? Гипотеза Пospelова и конкуренция предикативов и согласуемых прилагательных в русском языке²⁶

В статье анализируется семантико-синтаксический интерфейс русского языка на примере нескольких конструкций с именными предикативами и проверяются ранее высказанные в русистике гипотезы о корреляции между таксономическим предикатным значением этих конструкций и отсутствием субъектно-предикатного согласования. Омонимия несогласуемых предикативов и согласуемых адъективов системно важна для русской грамматики. Употребление форм творительного падежа среднего рода прилагательных в контексте V_{LINK} — Z-ым, что P отражает механизм подъема сентенциального аргумента и может рассматриваться как нестандартная форма согласования или субъектного контроля.

Ключевые слова: предикативы, согласование, подлежащее, сентенциальный аргумент, подъем, семантико-синтаксический интерфейс.

This paper discusses the syntactic-semantic interface of Russian with focus on Russian constructions with non-agreeing nominal predicatives. I check the claims previously advanced by Nicolai S. Pospelov and Lev V. Shcherba about the correlation between the taxonomic semantics of these constructions and the absence of the subject-predicate agreement. The homonymy of non-agreeing predicatives and agreeing adjectival elements is a milestone of Russian grammar. The assignment of the predicative instrumental to adjectival elements filling in the frame V_{LINK} — Z-ым, that P is triggered by raising of the sentential argument and can be viewed as a non-trivial case of predicate agreement or subject control.

Keywords: predicatives, agreement, subject, sentential arguments, raising, syntactic-semantic interface.

1. Предикативы в узком и широком понимании

Предикатив в узком понимании термина — неглагольный элемент, для которого употребление в позиции лексической вершины сказуемого является единственным. В русском языке предикативы, удовлетворяющие

²⁶ При поддержке проекта РНФ 16-18-00203 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

данному определению, строятся по двум моделям: дативно-предикативной структуре (ДПС), $N_{\text{DAT}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRED}$ (*жаль, надо, нельзя, пора* ‘пришло время’, *стыдно, боязно, невдомек, немоготу*) и двусоставной схеме $N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRED}$ (*навеселе, подшофе, начеку*).

В широком понимании предикативом называют любой элемент, способные выступать в позиции лексической вершины в ДПС (*весело, грустно, холодно, необходимо, жалко, хорошо, удобно, уместно, плохо, тяжело, легко, безразлично, все равно, не по себе, не в силах* и т.п.) или схеме $N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRED}$ (*не в духе, в ярости, не в своей тарелке, не в себе* и т.п.) и предположительно выражающие то же самое таксономическое предикатное значение, что и предикативы в узком понимании. Л.В. Щерба в 1928 г. охарактеризовал это значение как «состояние» [Щерба 2008: 90—91]. Хотя Л.В. Щерба не дал строгого определения, его комментарии не оставляют сомнения в том, что под состояниями он имел в виду класс локализованных во времени ситуаций, соотнесенных с конкретными референтами. Тем самым, он примерно на полвека опередил подход, получивший распространение в семантических исследованиях 1970—1990-х гг. [Davidson 1980; Булыгина 1982: 31—38; Kratzer 1995], ср. также [Циммерлинг 20176].

1.1. Дистрибутивный критерий предикатива

Условием признания предикатного элемента предикативом в широком понимании является невозможность его употребления в аргументных позициях подлежащего и дополнения, а также в позиции несогласованного определения уровня именной группы. Не удовлетворяет данному критерию элемент *в сюртуке*, который как отметила Т.В. Булыгина [Булыгина 1982: 32], выражает значение состояния, но не является словом КС, ср. тестовый контекст (1а).

(1) а. На сцену поднялся [_{DP} человек в сюртуке].

б. *На сцену поднялся человек в ярости.

Наличие у предикатива (в широком понимании) параллельно сохраняющихся наречных употреблений и употреблений в роли вводного слова, с нашей точки зрения, является менее значимым признаком. Синтаксическим признаком предикатива является возможность модификации наречием, вводные слова модифицированы быть не могут. Поэтому (2а) и (2б) уместно рассматривать как синтаксические омонимы: нельзя утверждать, что вводное слово *все равно* является результатом механического помещения предикатной единицы *все равно* в парентетический контекст, или наоборот.

(2) а. Мише (совершенно) все равно_{PRED}, на каком языке делать доклад.

б. *Миша #совершенно все равно# сделает доклад.

Для словарного описания предикативов имеет смысл ввести еще одно ограничение — учитывать только те элементы, которые представлены лексическими единицами и связанными сочетаниями и исключить из рассмо-

трения свободные сочетания, которые не могут быть перечислены в словаре синтаксической конструкции [Циммерлинг 2018]. Ср. открытый ряд выражений, соответствующих предикатному значению ‘*X находится в Y-е*’, где *Y* — неметафорическое обозначение пространства: *X в городе, в комнате, в постели, в гостинице* и т.п. По-видимому, все элементы, обслуживающие конструкцию ДПС в русском языке, являются лексемами, идиомами или связанными сочетаниями. Так, ряд *X-у до лампочки, X-у до фонаря* в зн. ‘*X не имеет предпочтений, Р или не Р*’, нельзя продолжить произвольно в виде **X-у до светильника, *X-у до прожектора* и т.п.

1.2. Предикативы на –о и коррелятивные наречия на –о

Соотношение предикативов с финалью –о²⁷ и непредикативных наречий на –о является традиционной темой русистики. Употребления коррелятивных элементов на –о в парах типа *X-у было грустно*_{PRED} vs *X грустно*_{ADV} *усмехнулся*, как правило, можно объяснить в терминах трансформационных парафраз типа ‘То, что/ как *X* делал *P*, было грустно’ [Филипенко 1996: 386], при этом в академических грамматиках за основу обычно берут наречное употребление, а предикативное употребление трактуют, как производное [Шведова 1982: 704], хотя прямых доказательств этому нет²⁸. Имеются пары типа (За-б), где никакой интуитивно приемлемой парафразы, соединяющей употребления коррелятивных предикатива и наречия нет, так как лексические значения несопоставимы, ср. разг. *X-у лениво* = *X-у лень*.

(3) а. Иван лениво_{ADV} встал и пошел в магазин. (Иван встал и пошел в магазин).

б. Ивану было лениво_{PRED} встать и пойти в магазин. (Пресуппозиция: Иван не встал и не пошел в магазин).

Защитники гипотезы Щербы, прежде А.В.Исаченко [Исаченко 1955] отстаивали идею о том, что предикативы на –о возникали за счет модификации значения наречий, что искажает реальную перспективу. В действительности, предикатив лениво₂ образован не от наречия лениво₁, но оба они в разные периоды образованы от основы прилагательного ленив-. Появление новых предикативов ДПС связано не со вставкой наречий в контекст <*X-у Z-во*>, а с расширением круга производящих основ, от которых могут быть образованы внутренние состояния, соответствующие критерию (ii). Отстаиваемый нами подход не является совершенно новым — близкие идеи в XIX в. высказывал А.В. Попов [Попов 1881], но апробирован он был лишь в последние десятилетия (Циммерлинг 1998а: 73; 2010; Say 2013).

²⁷ Реже — е (ср. *негоже, внове, излишне*).

²⁸ Косвенное доказательство состоит в том, что число предикативов ДПС, как показывает история русского языка и корпуса текстов, с 1800 г. до 2010-х гг. существенно увеличилось [Циммерлинг 2017а]. Однако для непредикативных наречий на –о такое исследование просто не проводилось.

Таким образом, есть основания постулировать регулярную синтаксическую омонимию деадъективных предикативов и наречий на *-о*.

2. Гипотеза Щербы и гипотеза Пospelова

Гипотеза Щербы, развитая его последователем В.В.Виноградовым [Виноградов 1947: 401-421] о том, что слова состояния образуют в русском языке особую часть речи — категорию состояния (КС), опирается на ряд спорных допущений теоретического и сравнительно-исторического характера, ср. критическое обсуждение в [Sperber 1972; Апресян 1985; Циммерлинг 1998] и уводит в сторону от проблем семантико-синтаксического интерфейса современного русского языка. В то же время, другой последователь Л.В. Щербы, Н.С. Пospelов, в 1955 г. выдвинул другую важную гипотезу, которой русисты уделили недостаточно внимания. Н.С. Пospelов первым эксплицитно высказал предположение, что значение состояния реализуется в русском языке не в любом синтаксическом окружении, но именно в структурах без субъектно-предикатного согласования [Пospelов 1955: 64]. В соответствии с этим, Н.С. Пospelов предложил ограничить рассмотрение конструкцией ДПС. Мотивация Н.С. Пospelова понятна, так как ориентированные на схему предикативы $N_{\text{NOM}} - V_{\text{LINK}} - \text{PRED}$ типа *навеселе, не в себе*, можно рассматривать как элементы, выражающие согласование на синтаксическом уровне, при помощи связки, т.е. как морфологически дефектные предикативные прилагательные.

- (4) [_{CoP} Миша и Петя]_{NOM.PL} с утра были_{3PL} навеселе_{PRED/ADJ} / не в себе_{PRED/ADJ}

Напротив, предикативы ДПС реализуются в структурах, где никакого контролера предикатного согласования быть не может, и связка выступает в дефолтной форме 3 л. ед.ч. ср.р.

- (5) а. [_{CoP} Мише и Пете]_{DAT.PL} стало_{3SG.N} стыдно_{PRED} / грустно_{PRED}.
б. После этого стало_{3SG.N} стыдно_{PRED} / грустно_{PRED}.

К сожалению, тезис Н.С. Пospelова не привлек должного внимания теоретиков из-за не вполне удачного описания фрагментов русского синтаксиса, которым Н.С. Пospelов иллюстрировал свою гипотезу. Поскольку Н.С. Пospelов считал конструкцию ДПС безличной, но признавал возможность заполнения позиции подлежащего sentенциальным аргументом, он был вынужден постулировать явно контринтуитивное разделение слов КС в контекстах типа *Мне скучно, приятно* и якобы омонимичных им кратких прилагательных в контекстах типа *Мне приятно, что Р*. [Пospelов 1955: 62, 64]. Между тем, нет достаточных оснований признавать sentенциальную составляющую подлежащим в контекстах типа *Мне приятно, что Р*, см. альтернативный анализ в [Циммерлинг 2012; Zimmerling 2014; Циммерлинг, Трубицина 2015]. В любом случае, sentенциальный аргумент не является контролером согласования предикатива и не дает оснований представлять предикатив ДПС в контекстах <X-у Z-во> vs <X-у Z-во, что Р> в виде пары омонимов.

О.Н. Селиверстова, автор выдающейся работы о таксономии предикатных значений, отказалась признать состояниями все предикаты, построенные по схеме PRED — Inf, ср. *Мне трудно ходить, мне приятно помогать им, Мне жаль уходить, Мне больно говорить об этом*, и квалифицировала их как предикаты модальности, омонимичные состояниям типа *Мне очень приятно, мне больно* [Селиверстова 1982: 131]. Помимо того, что такое решение не соответствует терминологической традиции (в значении слов *жаль, трудно, больно, приятно* нет модального оператора), оно не подкреплено семантическим анализом: не доказано, что добавление инфинитива вообще меняет таксономический тип состояний на какой-то другой.

Мы покажем, что гипотеза Поспелова имеет под собой серьезные основания, и что предикативы ДПС действительно являются несогласуемыми словами, и что отклонения от семантики состояния в русских дативных предложениях объясняются тем, что эти предложения в действительности являются омонимами ДПС.

Верификация гипотезы Поспелова требует выделения более узкого предикатного класса, по сравнению с тем, который имели в виду Л.В. Щерба и его сторонники, и ограничение рассмотрения т.н. внутренними состояниями.

3. Внешние и внутренние состояния

Примем следующее разграничение внешних и внутренних состояний. Внешние состояния обозначают свойства локуса, ситуации, имеющей четко определяемые параметры 'где' и 'когда' во внешнем мире. Внутренние состояния обозначают актуальные положения дел, соотносённые с референтным одушевленным субъектом в течение некоторого отрезка времени [Циммерлинг 2017б: 22]. Предложение *Вчера Иван был в городе* выражает внешнее состояние, обозначаемая им ситуация квантифицируется экстенционально, как событие внешнего мира. Построенное по той же схеме предложение *Вчера Иван был в ярости* — внутреннее состояние и квантифицируется только интенционально по своему субъекту. Гипотеза Поспелова поддается проверке, если инвариантом ДПС является значение внутреннего состояния:

(i) валентность на дат. п. лица в русском языке отражает способность предикатива ДПС обозначать актуальные положения, соотносённые с референтным одушевленным субъектом в течение некоторого отрезка времени.

Опровергнуть (i) можно в двух случаях: 1) если найдутся примеры, где ДПС нарушает условие одушевленности, 2) если предложение ДПС не выражает значения состояния.

3.1. Дативно-инфинитивные предложения и подъем аргумента

В русском языке есть 3-4 конструкции с актантом в дат. п., внешне похожих на ДПС. Одной из них является дативно-инфинитивная структура (ДИС), где лексической вершиной является инфинитив. В независимых предложениях ДИС ограничение на одушевленность не соблюдается, ср. *Так тому и быть*,

Грузовикам здесь не проехать, Саду — цвести и т.п. [Циммерлинг 2010]. Слово *надо* и некоторые другие модальные предикативы могут вводить предложение ДИС в качестве внутреннего аргумента, что исторически является реликтом древнерусской системы, где предложения ДИС имели более широкую дистрибуцию. В [Циммерлинг 2016: 360] обсуждается структура (6а), который синонимична структуре (6б), где ИГ *пирог*у остается в подчиненной финитной клаузе.

(6) а. **Пирог**_i {- Anim} **надо** [_{инф} остыть _____i].

б. **надо** [_{ср} чтобы пирог остыл].

Элемент *надо* в (6а-б) выступает в роли предикатива, но (6а) не является предложением ДПС с ИГ *пирог*у в качестве семантического субъекта. Элемент *пирог* порождается в зависимой инфинитивной клаузе и переносится в главную: данный механизм известен как подъем аргумента. Если в роли субъекта ДИС выступает одушевленная группа, возникает неоднозначность. Предложение (7а), сюда по контексту, имеет интерпретацию ‘Х было надо, чтобы Y ехал’, эксплицитно выраженную в (7б), а не интерпретацию ‘Норма поведения предписывала Y-у ехать’ (ДПС), отраженную в (7в), где ИГ *гранадерскому офицеру* является элементом, порожденным в матричном предложении.

(7) а— **Надо** было **г[ранадерскому] о[фицеру]** [_{инф} ехать _____i]. Я подразнил его, а он с досадой поехал. [М. П. Загряжский. Записки (1770—1811)].

б. **Надо** было, [_{ср} чтобы ехал гранадерский офицер].

в. Гранадерскому офицеру **надо** было ехать.

В настоящих предложениях ДИС, в том числе, вводимых модальным предикативом, ср. *Васе пора уезжать, Васе неприлично опаздывать, Васе негде спать*, возможно только матричное прочтение, подъем ИГ в дат. п. лица из инфинитивного оборота исключен.

3.2. Предложения с глаголом казаться

Механизм подъема аргумента представлен также в предложениях типа (8а) с полузнаменательной связкой и предикативом, спорадически встречающихся в консервативных формах языка — современная норма предписывает в данной позиции форму краткого прилагательного в тв.п., см. обобщение [Bailyn 2012: 194—196].

(8) а. Это показалось мне сантима^{PRED}нтально, прито^{PRED}рно и неумно^{PRED}, а между тем я находился уже в таком настроении, когда во всем искал прежде всего «глубины мысли». [А. П. Чехов. Огни (1888)].

б. мне показалось, [_{ср} что это сантима^{PRED}нтально и неумно^{PRED}].

(9) Это показалось мне сантима^{ADJ.INSTR.SG.N.}нтальным, прито^{ADJ.INSTR.}рным и неумным^{ADJ.INSTR.SG.N.}

Подъем аргумента диагностируется в (8а) благодаря тому, что слова *сантима^{PRED}нтально* и *неумно^{PRED}* не являются предикативами ДПС и не могут быть употреблены в контексте (10).

(10) *мне было сантима^{PRED}нтально и неумно^{PRED}.

3.3. Предложения с неуправляемым дат. п.

51

Отклонение от семантики состояния наблюдается в предложениях, где структура, омонимичная ДПС, возникает при неуправляемой форме дат.п. В (11) *грязно ему там* выражает значение 'X считает, что там грязно'. В литературном русском языке *грязно* (как и *пыльно, пасмурно, солнечно*) обозначает ситуации, которые должны описываться одинаково любым потенциально возможным наблюдателем [Циммерлинг 1999: 224]. Поэтому предложение (12) проблематично.

(11) Первое дело из подвала сюда взгромоздился. **Грязно ему**, видите ли, там. Умные люди на это не смотрят, а глядят, как бы для хозяйства было поудобнее. [П. С. Романов. В темноте (1923)].

(12) ^{*/??}мне тут грязно.

В перечисленных в (3.1-3.3.) структурах, омонимичных ДПС, семантика не соответствует значению актуального признака, предписываемого (i). Предложения (6а), (7а), (8а), (11), нарушающие условие одушевленности субъекта, выражают не состояния, а иные предикатные типы.

3.4. Дативно-номинативные структуры и ономимия предикатив vs адъектив

В русском языке имеется обширный класс предложений с подлежащим в имен. п. и дополнением в дат. п. (дативно-номинативные структуры, ДНС), где лексическая вершина может быть глагольной (*Васе нравятся Света и Катя*), адъективной (*Эти задачи понятны Васе*) или предикативной, по крайней мере, в традиционном понимании [Апресян 1985: 308], ср. *Васе эти задачи были по силам*. Подлежащее ДНС контролирует форму предиката в рода и числе, при элементах типа по силам согласование фиксируется формой связки. Дополнение в дат.п. обычно бывает одушевленным, но возможны и предложения типа (13). Предложения ДНС могут обозначать, а могут и не обозначать состояния, так, (13) просто передает значение 'X (нынешние вертолеты) не имеют параметра Y'.

(13) Столь впечатляющие данные (Y) вряд ли по силам даже **нынешним вертолетам** (X). [Игорь Андреев. Уверенные шаги // «Техника — молодежи», 1982].

Предикативы на -о и согласуемые формы кратких прилагательных ср.р. ед.ч. на -о во всех описаниях трактуются как омонимы, поскольку направление синтаксической связи в предложениях с ними различно, ср. (14а-в).

(14) а. Мне непонятно_{PRED} почему выбрали Ивана.

б. Это решение_{NOM.SG.N} мне_{DAT} непонятно_{ADJ.SG.N}.

в. Эти решения_{NOM.PL} мне_{DAT} непонятны_{ADJ.PL}.

Такое же соотношение бесподлежащей структуры ДПС и подлежащей структуры ДНС с дополнением в дат.п. возникает при элементах, не выражающих согласования морфологически — *X-у (не) по силам / (не) по душе делать P vs X-у Y-и (не) по силам/ (не) по душе*. В данном случае омонимия предикатива и адъективной вершины игнорируется большинством русистов.

(15) а. Мне_{DAT} было_{PRET.3.SG.N} по силам_{PRED} [_{CP} решить [_{DP} эти задачи]_{ACC.PL}].

б. Мне_{DAT} были_{PRET.3.PL} по силам_{ADJ} [_{DP} эти задачи]_{NOM.PL}.

Параллелизм (14а-б) и (15а-б) побуждает признать регулярную омонимию предикатива ДПС vs адъективной вершины ДНС, что сделано в [Циммерлинг 2016], мы анализируем элементы типа *по силам* в (15б) не как предикативы, а как омонимичные им дефектные прилагательные, выражающие согласование синтаксически. Тем самым, (15б) не является контраргументом против гипотезы Поспелова. ДПС и ДНС несинонимичны: несогласуемая конструкция ДПС выражает значение внутреннего состояния, а согласуемая конструкция ДНС — значение отношения/внешнего состояния.

3.5. Реликты словоизменения

или конкуренция предикативов и прилагательных?

Имеются два факта, которые можно трактовать двояко — 1) как сохранение у предикативов ДПС реликтовых форм словоизменения; 2) как конкуренцию предикативов и форм тв.п. и род.п. коррелятивных прилагательных в двух синтаксических контекстах.

3.5.1. Что же здесь плохого и стыдного?

Предикативы адъективной морфологии могут употребляться в диалогическом контексте <X-у Z-во> — *Что же здесь Z-вого? / ничего Z-вого*, причем форма род.п. ед.ч. ср.р. образуется от основы *стыдн-*, отсутствующей в свободном употреблении у большинства информантов. Словарь С.И. Ожегова снабжает прилагательной стыдный ‘вызывающий чувство стыда’ пометой *устар.* [Ожегов 1964: 766], а основной корпус НКРЯ фиксирует лишь 77 употреблений формы *стыдного*²⁹, при 13043 случаях употребления предикатива *стыдно*.

(16) — Ты знаешь, хоть и **стыдно**_{PRED}, а поел — и сразу в сон, как голодную собаку... — А что же **стыдного**_{PRED/ADJ}? И, чтобы ему в самом деле не было **стыдно**_{PRED}, поспешила солгать, что ей тоже хочется спать. [Константин Симонов. Живые и мертвые (1955—1959)] [омонимия не снята]

Примеры типа (16) сами по себе не проблематичны, поскольку речь идет о непродуктивном клишированном употреблении: многие предикативы ДПС,

²⁹ Форма *стыдным* зафиксирована 68 раз, *стыдному* — 7 раз, *стыдные* — 48 раз, *стыдной* — 38 раз, *стыдными* — 20 раз.

в том числе, ср. *X-у совестно, боязно*, вообще не допускают продолжения диалога с помощью *Ничего Z-вого, что же здесь Z-вого*.

(17) А. — Мне совестно/боязно, муторно, тревожно, холодно, известно, что Р.

Б. — *Что же здесь совестного, муторного, тревожного, холодного, известного.

К тому же, у тех носителей русского языка, которые допускают (16), прилагательное *стыдный* не утрачено полностью. Тем не менее, для оценки гипотезы Пospелова нужно дать ответ, образована ли форма *стыдного* от предикатива *стыдно*, или нет.

3.5.2. Было Z-вым, что Р

Вторым возможным реликтом согласования является употребление формы тв.п. ед.ч. ср.р. в контексте *X-у было/стало Z-вым, что Р*; в большинстве случаев Р — семантический актанта со значением ‘информация’, см. (18а).

(18) а. — Мне, — пока еще секретно — сообщили, будто департаменту_{DAT} полиции **стало известным**_{ADJ.INSTR.SG.N} **что** вы переслали какое-то письмо отсюда. [Г. А. Гершуни. Из недавнего прошлого (1908)].

б. Департаменту_{DAT} полиции стало известно_{PRED} **что** вы переслали письмо отсюда.

В той же позиции возможны несогласуемые предикативы ДПС, которые гораздо более частотны. В контексте *X-у стало становится известным_{ADJ}/ясным_{ADJ}/очевидным_{ADJ}/понятным_{ADJ}/известным_{ADP} что Р* НКРЯ фиксирует 26 примеров типа (18а), при 569 примерах типа (18б): *X-у стало/становится известно_{PRED}/ясно_{PRED}/очевидно_{PRED}/понятно_{PRED}/известно_{PRED} что Р*. В отсутствие сентенциального аргумента замена предикатива на прилагательное в тв.п. ед.ч. ср. р. невозможна, ср. (19).

(19) *Полицейским_{DAT} стало_{3SG.N} понятным_{ADJ.INSTR.SG.N}.

Употребления типа (18а) не клишированы и не привязаны к конкретным предикативам. По-видимому, речь должна идти о реализации того же параметра грамматики, который в контекстах типа (9в), повторенного ниже в виде (20а) в стандартном варианте литературного русского языка требует формы тв.п. прилагательного после полувспомогательного глагола *казаться*. Форма тв. предикативного требуется также в том случае, когда при глаголе *казаться* стоит не эксплетивное местоимение *это*, как в (20а), а финитное придаточное, как в (20б). То же самое правило распространяется на случаи употребления инфинитивных групп, см. (20в) и, наконец, на употребления несентенциальных групп (NP/DP) в позиции подлежащего, как в (20г).

(20) а. Это показалось_{3SG.N} мне неумным_{ADJ.INSTR.SG.N}.

б. Мне показалось_{3SG.N} неумным_{ADJ.INSTR.SG.N} [CP что Р].

в. [InfP Делать глоссы] мне показалось_{3SG.N} неумным_{ADJ.INSTR.SG.N}.

г. [DP Эти решения]_{NOM.PL} мне показались_{3PL} неумными_{ADJ.INSTR.PL}.

д. Мне показалось, [CP что [DP эти решения]_{NOM.PL} — неумные_{ADJ.NOM.PL}].

Такая дистрибуция формы тв. предикативного показывает, что предложения (20а-г) являются структурами с подъемом аргумента из зависимой предикации, вводимой полузнаменательным глаголом *казаться*, при этом (20г) показывает лексически заданное субъектно-предикатное согласование в числе между стоящей во мн.ч. группой *эти решения* и матричным глаголом *казаться*, а также прилагательным *неумными*, которые тоже принимают форму мн.ч. В (20а-в) согласование дефолтное, глагол *казаться* стоит в 3л.ед.ч. ср.р., однако появление формы тв.п. свидетельствует о наличии синтаксического контролера. В (20а) таким контролером является эксплетивное местоимение *это*, однако в (20б-в) внешне выраженным контролером может быть только сентенциальный аргумент — придаточное [_{ср} что Р] в (20б) и инфинитивная группа [_{инф} Делать глоссы] в (20в). Это ставит лингвиста перед неприятным выбором — либо признать, что в русском языке сентенциальный аргумент может контролировать приписывание предикативного падежа, либо постулировать для (20б-в) нулевое эксплетивное подлежащее типа *это* и приписывать ему те же контролирующие свойства. Ни сентенциальный аргумент, ни эксплетив *это* не являются стандартными грамматическими подлежащими в русском языке, однако их поведение в (20а-в) подкрепляет точку зрения о том, что в некоторых синтаксических конфигурациях они проявляют свойства неканонических подлежащих [Zimmerling 2009; Циммерлинг 2012]. Данная перспектива анализа кратко обсуждается ниже в п. 4.

Предложения типа (18а) свидетельствуют о наличии идиолектов русского языка, где контролирующие свойства сентенциальных аргументов проявляются не только при глаголах *казаться*, *показаться*, *представляться*, но и при ненулевых формах глагола *быть*, а также глаголах *стать*, *становиться*, *делаться*. Сентенциальный аргумент, как показывает НКРЯ, может оформляться не только изъяснительным придаточным, вводимым союзом *что*, см. (21) и (22), но и альтернативным бессоюзным придаточным, см. (23),

(21) Но для нас едва ли может быть **сомнительным**, что задолженность последнего крестьянского достояния — наделной земли, ничего не может создать, кроме неминуемого обнищания и разорения новых залогодателей. [А. И. Шингарев. Новая Дума и старые думы // Русская мысль, 1908] [омонимия не снята]

(22) — **Становится известным**, что есть машина Лопаткина, которая льет трубы точно по старому стандарту. [Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)] [омонимия не снята]

(23) Вот только для меня теперь **стало сомнительным** — стоит ли вообще доживать до глубокой старости... [Николай Амосов. Голоса времен (1999)] [омонимия не снята]

3.5.3. Конкуренция предикативов с прилагательными и приписывание предикативного падежа

Изложенные факты с высокой вероятностью свидетельствуют о том, что в описанных в 3.5.1. и 3.5.2. контекстах реализуются не реликтовые формы

словоизменения предикативов, а конкуренция несогласуемых предикативов и форм косвенных падежей коррелятивных прилагательных. Согласуемые и несогласуемые формы в предложениях с сентенциальным аргументом в контексте *было/стало Z-вым, что P ~ было/стало Z-во, что P* задают нетождественные синтаксические структуры. Предложения типа *было/стало Z-вым, что P*, допустимые в идиолекте части носителей русского языка, являются структурами с подъемом сентенциального аргумента, выбор тв.предикативного служит морфосинтаксическим маркером того факта, что сентенциальный аргумент поднимается в позицию подлежащего матричного предложения. Предложения ДПС не предполагают подъема аргумента, что было показано выше в 3.1. и 3.2.; правда, класс предикативов, используемых в контексте *было/стало Z-во, что P*, не совпадает с классом предикативов ДПС. С этой оговоркой, можно заключить, что все употребления типа (18а-б) *Департаменту полиции стало известно_{ADJ.INSTR} что P ~ департаменту полиции стало известно_{PRED} что P* используют разные элементы, а не разные формы одного и того же предикатива. Если принять этот анализ, гипотеза Поспелова полностью соответствует фактам современного русского языка: предикативы ДПС всегда являются несогласуемыми, а формы согласования присущи их омонимам — адъективным выражениям, формирующих конструкцию ДНС, и употреблениям форм род.п. и тв.п. кратких прилагательных, указанным в данном разделе.

4. Сентенциальный аргумент и эксплетив как контролеры неканонического согласования.

4.1. Творительный предикативный

В отличие, например, от польского языка, тв. предикативный в современном³⁰ русском языке приписывается фонологически выраженной вершиной [Matushansky 2008; Bailyn 2012: 194]. Исключения единичны, ср. клише *X молотком*, представленное в основном корпусе НКРЯ 55 раз. Попытка вставить в контекст *<X — Z-ом>* другой оценочный предикат приводит к аномалии: (24) *Она скотиной.

4.2. Эксплетив это и слабые подлежащие при предикативах

Эксплетивный элемент *это* (с непредметной референцией) в русском языке является т.н. слабым подлежащим в смысле [Циммерлинг 2012], поскольку в русском языке нет глагольных или связочных предикатов, которые сочетаются только с *это*, а не с другими типами грамматических подлежащих. В двусоставных предложениях *это* может выступать в качестве маркера

³⁰ Старая норма, разрешающая тв.предикативный после нулевой связки, представлена еще у А.С.Грибоедова (1824 г.): *А тетушка? Все девишкой, Минервой? Все фрейлиной Екатерины Первой?*

коммуникативной нерасчлененности в одном из классов русских нерасчлененных предложений, т.н. А-предложений, описывающих наблюдаемые ситуации [Циммерлинг 2016б: 101]. В примерах типа (25) эксплетив *это* стоит в неаргументной позиции и не является подлежащим.

(25) Это $\{_A$ он решил погладить пару полосатых \backslash брюк. $\}$

Поведение *это* в предложениях с предикативом ДПС описано в [Zimmerling 2009; 2014; Летучий 2014]. В таких предложениях эксплетив *это* отсылает к некоторой пропозиции, которая может быть выражена сентенциальным аргументом: *мне это было приятно* ~ *мне было приятно делать Р* ~ *мне было приятно, что Р*.

Имеется запрет на одновременное использование дат.п. лица, безударного эксплетива *это* и сентенциального аргумента.

(26) а. Полицейским было известно, $[_{CP}$ что Гершуни послал письмо из города].

б. Полицейским это было известно.

в. *Полицейским это было известно, $[_{CP}$ что Гершуни...].

г. Было известно, $[_{CP}$ что Гершуни послал письмо из города].

Комбинация *это* + сентенциальный аргумент в некоторых случаях возможна, но добавление дат.п. лица делает предложение неграмматичным, несмотря на то, что комбинация дат.п. лица + сентенциальный аргумент при том же предикативе допустима. См. примеры из [Циммерлинг 2012: 580]:

(27) а. *Это* приятно, $[_{CP}$ что Вася принес извинения].

б. ***Мне** *это* было приятно, $[_{CP}$ что Вася принес извинения].

в. Мне было приятно, $[_{CP}$ что Вася принес извинения].

г. Приятно (было), $[_{CP}$ что Вася принес извинения].

Такие ограничения на совместную дистрибуцию характерны для подлежащеподобных элементов (приоритетных актантов), поскольку двух и более подлежащих при одном предикате быть не может. При этом русский язык допускает не более двух кандидатов на роль приоритетного актанта предикатива ДПС. Дистрибутивные запреты, отраженные в (26а-г) – (27а-г), говорят о наличии иерархии приоритетных актантов (неканонических подлежащих). В [Zimmerling 2014] эта иерархия для предикативов ДПС выстроена так:

(ii) дат.п. лица > > сентенциальный аргумент > это.

Запись (ii) означает, что эксплетив *это* выбирается в качестве приоритетного актанта только в том случае, если стоящие в иерархии выше сентенциальный аргумент и дат.п. лица отсутствуют, а дат.п. лица имеет приоритет над сентенциальным аргументом. В предложениях (26б) и (27а) эксплетив *это* стоит в неаргументной позиции. Придаточное, вводимое союзом *что*, в (26а) и (27в) остается в позиции внутреннего аргумента (т.е. дополнения, в терминах традиционной грамматики), а в предложениях (26г) и (27г), где дат.п. лица отсутствует, перемещается в позицию подлежащего.

В предложениях без сентенциального аргумента эксплетив *это* может занимать любые линейные позиции по отношению к связке и дат.п. лица: *Мне это было приятно* ~ *Это мне было приятно* ~ *Мне было это приятно* и т.п.

4.3. Сентенциальные аргументы и нулевые эксплетивы

57

В [Летучий 2014] предложена другая иерархия слабых подлежащих, где сентенциальный аргумент имеет приоритет на дат.п.: сентенциальный аргумент >> дат.п. Такое решение частично возвращает к точке зрения Н.С. Поспелова, полагавшего, что наличие сентенциального аргумента в предложениях *Мне приятно, что Р ~ мне приятно делать Р* несовместимо с употреблением безлично-предикативных слов. В отличие от Н.С. Поспелова, А.Б. Летучий не утверждает, что в парах типа *Мне было приятно vs Мне приятно, что Р/ Мне приятно делать Р*, реализуются омонимы — предикатив vs краткое прилагательное, но он, как и Н.С. Поспелов, полагает, что сентенциальный аргумент выбирается в качестве приоритетного актанта даже тогда, когда дат.п. лица внешне выражен. Такой подход влечет ряд теоретических и эмпирических проблем: 1) накопленные факты свидетельствуют о том, что предикативы ДПС несовместимы с несентенциальным подлежащим в им.п. [Циммерлинг 2016]; 2) валентность на дат.п. лица является общим диагностическим признаком предикативов ДПС, наличие валентности на придаточное и инфинитив являются менее значимыми признаками для классификации предикативов ДПС; 3) сентенциальные аргументы попадают в позицию подлежащего в русском языке, в основном, в результате топиализации [Циммерлинг, Трубицина 2015], а грамматический ранг группы в дат.п. лица не зависит от того, стоит ли она в реме или в теме; 4) неясно, как действует предполагаемый механизм понижения дат.п. лица в грамматической иерархии, нет подтверждений того, что группа в дат.п. лица интерпретируется как дополнение при заполнении сентенциальной валентности предикатива.

В предложениях с предикативами, лишенными валентности на дат.п. лица, ср. *абсурдно, что Р*, эксплетив *это* может как предварять *что-Р* - аргумент, так и следовать за ним, ср. предложение (28а) и его топиализованный вариант (29б)

(28) а. *Это* (было) вообще абсурдно, [_{CP} что Вася извинялся].

б. {_{TopiP} [_{CP} Что Вася извинялся]} *это* (было) вообще абсурдно.

Примечательно, что *это* в обеих позициях может быть опущено, ср. (29а-б).

(29) а. (Было) вообще абсурдно, [_{CP} что Вася извинялся].

б. {_{TopiP} [_{CP} Что Вася извинялся]} (было) вообще абсурдно.

Также ведут себя предикативы ДПС в предложениях без дат.п. лица, при этом можно проверить совместимость инфинитивных групп и внешне выраженного эксплетива.

(30) а. *Это* было приятно, [_{CP} что Вася извинился].

б. {_{TopiP} [_{CP} Что Вася извинился]} *это* было приятно.

в. *Это* было приятно — [_{InfP} поесть утром].

г. {_{TopiP} [_{InfP} Поесть утром]} *это* было приятно.

Варианты без *это* указаны в (31а-г), символ Ø может пониматься как нулевой аналог эксплетива это, либо как самостоятельная синтаксическая сущность.

(31) а. Ø Было приятно, [_{CP} что Вася принес извинения].

б. {_{TopiP} [_{CP} Что Вася извинился]}, Ø было приятно.

в. Ø Было приятно [_{InP} поесть утром].

г. {_{TopP} [_{InP} Поесть утром]} Ø было приятно.

Такое распределение, в принципе, подтверждает предсказываемую (ii) иерархию слабых подлежащих сентенциальный аргумент >> *это*, но при условии, что все примеры в (30) – (31) имеют одинаковое число клауз и одинаковую структуру. Возможны три гипотезы:

А. *Что* *P*-придаточное и инфинитивная группа в структурах типа (30) – (31) всегда стоит в аргументной позиции, а эксплетив везде является факультативным коррелятивным элементом и нигде не стоит в аргументной позиции. Такая точка зрения соответствует русской грамматической традиции, ср. [Mel'cuk 2014: 183].

В. *Что* *P*-придаточное и инфинитивная группа в структурах типа (30) – (31) нигде не стоит в аргументной позиции, позицию подлежащего в (30а-г) занимает это эксплетив, а в (30а-г) — нулевой эксплетив Ø. Такая точка зрения соответствует западной генеративной традиции.

С. *Что* *P*-придаточное и инфинитивная группа в структурах типа (30) – (31) продвигаются в позицию подлежащего при соблюдении дополнительных условий, например, при топиализации и отсутствии разрывов и извлечений. Такая точка зрения отстаивается в [Циммерлинг, Трубицина 2015], где показано, что инфинитивные группы в русском языке допускают извлечения и нарушают стандартные островные ограничения для подлежащих. В этом случае (30б, г) и (31б-г) являются структурами с сентенциальным подлежащим, а (30а, в) и (31а, в) — структурами с эксплетивом *это*/Ø в позиции подлежащего.

Введение в описание нулевого эксплетива Ø оправдано, если его предполагаемая дистрибуция в русском языке не дублирует дистрибуцию внешне выраженных сентенциальных аргументов: на материале русских предложений с несогласуемым предикативом *это* в полной мере проверить нельзя. Ни сентенциальный аргумент, ни эксплетив *это*, ни его гипотетический нулевой вариант Ø не задают лексически заданного согласования: согласование связки при них является дефолтным (3 л. ед.ч.ср.р.), что в терминах традиционной грамматики равнозначно отсутствию согласования.

4.4. Эксплетивы, сентенциальные аргументы и творительный предикативный

Предложения вида (*X-y*) *кажется Z-вым* являются структурами с подъемом, при этом финитное придаточное трансформируется в малую клаузу с формой тв.предикативного [Bailyn 2012: 196], а эксплетив *это* ведет себя как аргумент. При отсутствии внешне выраженной финитной вершины (T°) творительный предикативный не приписывается.

(32) а. Это неумно, [_{CP} что Вася извинился].

б. Мне кажется, [_{CP} что это неумно].

в. Это кажется мне неумным_{INSTR}.

г. Это было неумным_{INSTR}.

д. *Это неумным.

Та же трактовка должна быть распространена на предложения с глаголами было, стало, делаться, причем в структуре (X-у) *было/стало/сделалось Z-вым* эксплетив это обычно отсутствует.

(33) Было очевидным_{INSTR}, [CP что P]_{CP} что ФНС свободно действовал под крылом и защитой Р. Хасбулатова]. [Вячеслав Костиков. Роман с президентом (1996)] [омонимия не снята].

Представляется, что структуру (33) трудно истолковать иначе, как в терминах подъема сентенциального аргумента: *что P*- аргумент прилагательного *очевидно* поднимается в позицию подлежащего (СпецТР в традиционной генеративной нотации), следствием чего является появление тв.предикативного. Объяснить (33) в терминах подъема нулевого эксплетива Ø нельзя, тем более, что подчиненная предикация уже имеет подлежащее в имен.п. Однако запись с нулевым эксплетивом можно использовать в представлении предложений, где форма тв. предикативного не появляется, и подъема сентенциального аргумента не происходит.

(34) а. Было очевидным_{INSTR}, [CP что P]_{CP}^{SUB}.

б. Ø Было очевидно_{PRED}, [CP что P]_{CP}^{NON-SUB}.

Подведем предварительные итоги. Конкуренция неизменяемого предикатива и согласуемого прилагательного в предложениях с сентенциальным аргументом отражает нечто большее, чем сохранение исторических форм косвенных падежей у адъективных элементов. Речь идет о нестандартном механизме субъектно-предикатного согласования или субъектного контроля, в терминах работы [Stiebels 2007], возникающем при подъеме сентенциального аргумента в позицию матричного подлежащего. При предикативах ДПС такой механизм невозможен, отражением чего является конкуренция структур (34а) и (34б) в идиолекте части носителей русского языка. Предикатные значения типа ОЧЕВИДНО, ПОНЯТНО, СОМНИТЕЛЬНО, ЧТО Р оставляют носителю таких идиолектов русского языка выбор: либо поднять сентенциальный аргумент в позицию подлежащего и построить структуру с тв.предикативным, либо оставить ЧТО Р в позиции внутреннего аргумента и построить структуру с несогласуемым предикативом и нулевым субъектом/структуру ДПС. Морфосинтаксис инкорпорирующих абхазо-адыгских языков изучается в статьях П.М. Аркадьева и Е.С. Клягиной.

4.5. Структура с подъемом сентенциального аргумента в НКРЯ

Корпусные данные показывают, что конструкция с прилагательным в тв. предикативным и сентенциальным аргументом при ненулевых формах связок *быть, стать, становиться* довольно распространена, хотя конкурирующая с ней конструкция с несогласуемым предикативом является намного более частотной.

Мы протестировали соотношение прилагательное ср.р. vs предикатив в 7 парах: *очевидным/очевидно, явным/явно, ясным/ясно, понятным/понятно, известным/известно, странным/странно, сомнительным/сомнительно*. Учитывалось 5 форм связок: было, стало, становится, сделалось, делается. Отдельно подсчитывались употребления с внешне выраженным дат.п. лица. Статистика отражена на рис. 1, темным маркером выделены показатели конструкции ДПС.

Связка	Схема	Прилагательное в тв. п.		Предикатив	
было	<i>было.. Z-вым/Z-во, что P</i>	32		2529	
	<i>X-у было.. Z-вым/Z-во, что P</i>	0		995	
стало, становится	<i>стало.. Z-вым/Z-во, что P</i>	406		2788	
	<i>X-у стало Z-вым/Z-во, что P</i>	26		636	
сделалось, делается	<i>сделалось Z-вым/Z-во, что P</i>	54		45	
	<i>X-у сделалось Z-вым/Z-во, что P</i>	6		16	
		Всего: 524	с дат. п. 32	Всего: 7009	ДПС: 1647

Рис. 1. Конкуренция предикативов и согласуемых прилагательных в контексте *Z-вым/Z-во, что P*.

Результаты показывают, что вероятность выбора структуры с прилагательным в тв.п. и подъемом сентенциального аргумента выше всего при наименее употребительных связках *сделалось, делается* (54, 5%). Для связок *стало, становится* вероятность выбора структуры с подъемом сентенциального аргумента в предложении без внешне выраженного дат. п. лица составляет 12, 7%, а для связки *было* — 1,2 %. Наличие внешне выраженного дат. п. лица — фактор, понижающий вероятность выбора структуры с подъемом сентенциального аргумента (в среднем — 1,9 %), при связке *было* и дат.п. лица такая структура не встретилась вовсе. Тем самым, корпусные данные подтверждают выделенное положение конструкции ДПС в русской грамматике.

5. Выводы

Анализ подтвердил выделенное положение конструкции ДПС в русской грамматике. Гипотеза Поспелова, утверждающая, что конструкция ДПС при наличии внешне выраженного дат.п. лица используется для обозначения состояний, и что предикативы ДПС являются несогласуемым элементами, верна. Омонимия несогласуемых предикативов и согласуемых адъективных элементов, используемых для выражения широкого круга предикатных значений, системно важна. Конкуренция неизменяемого предикатива и согласуемого прилагательного в предложениях с сентенциальным аргументом отражает механизм нестандартного субъектно-предикатного согласования или субъектного контроля, возникающего при подъеме сентенциального аргумента в позицию матричного подлежащего.

Список сокращений

ACC — винительный падеж; ADJ — прилагательное; ADV — наречие; DAT — дательный падеж; INF — инфинитив; INSTR — творительный падеж; N — средний род; NOM — именительный падеж; PL — множественное число; PRED — предикатив; PRET — претерит; SG — единственное число; V_{LINK} — связка.

CoP — сочиненная группа; CP — группа придаточного; DP — группа детерминатора; InfP — группа инфинитива; NP — именная группа; NON-SUB — группа, не являющаяся приоритетным аргументом; SUB — группа, являющаяся приоритетным аргументом; TopicP — группа темы; Ø — нулевой субъект; [_{XP}] — формальная составляющая вида X; {_{XP}} — коммуникативная составляющая вида X.

ДПС — дативно-предикативная структура; ДИС — дативно-инфинитивная структура; ДНС — дативно-номинативная структура; КС — слово категории состояния.

Литература

Bailyn 2012 — Bailyn J. *Syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Matushansky 2008 — Matushansky O. A Case Study of Predication. // F. Marušić and R. Žaucer, eds., *Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang, pp. 213-239.

Mel'cuk 2014 — Mel'cuk I. Syntactic Subject: Syntactic Relations, Once Again // В.А.Плунгян, М.А.Даниэль, Е.А.Лютикова, С.Г.Татевосов, О.В.Федорова (ред.). *Язык. Константы. Переменные. Памяти А.Е.Кибрика*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014 г. С. 169—216.

Say 2013 — Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives” // *Current studies in Slavic linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, 2013. P. 225–246.

Sperber 1972 — Sperber W. Ist die Zustandkategorie eine für die Beschreibung der Grammatik slawischer Sprachen notwendige Wortart? // *Zeitschrift für Slawistik*, 1972, Bd. 17.

Stiebels 2007 — Stiebels, B. Towards a typology of complement control. In: *Studies in Complement Control (ZAS Papers in Linguistics 47)*. Ed. Barbara Stiebels. ZAS Berlin. 1–80.

Zimmerling 2009 — Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian // *Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure [Linguistik International, Band 21]* /G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup (eds.). Peter Lang, 2009. P. 253— 265.

Zimmerling 2014 — Zimmerling A. Sentential arguments and event structure // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, выпуск 13 (20). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2014). М: РГГУ, 2014. P. 710-727.

Апресян 1985 — Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки лексем // *Russian linguistics*, 1985. Vol. 9. No. 2—3.

Булыгина 1982 — Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // О.Н.Селиверстова (ред.) *Семантические типы предикатов*. М.: Наука, 1982. С. 7—85.

Виноградов 1947 — Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л.: Учпедгиз. 1947.

Золотова 1982 — Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Исаченко 1955 — Исаченко А.В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // *Вопросы языкознания*. 1955, № 6. С. 48—65.

Летучий 2014 — Летучий А.Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // *Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Сер. Филологические науки*. 2014, № 1. С. 62—84.

Попов 1881 — Попов А. В. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881.

Ожегов 1964 — Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд-е 6-е, стереотипное. М.: Советская энциклопедия, 1964.

Поспелов 1955 — Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // *Вопросы языкознания*. 1955. № 2. С. 55—65.

Селиверстова 1982 — Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // О.Н. Селиверстова (ред.) *Семантические типы предикатов*. М.: Наука, 1982. С. 86—157.

Филипенко 1996 — Филипенко М.В. О сфере действия наречных модификаторов глаголов. // *Московский лингвистический журнал*. Т.2. 1996. С. 386—404.

Шведова 1982 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). *Русская грамматика* в 2 т. М.: Наука, 1982.

Циммерлинг 1998а — Циммерлинг А.В. История одной полемики // *Язык и речевая деятельность*. 1998. № 1. С. 63—87.

Циммерлинг 1999 — Циммерлинг А.В. Субъект состояния и субъект оценки // *Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке*. П.ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтиной. М.: Индрик, 1999. С. 221—228.

Циммерлинг 2010 — Циммерлинг А.В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 9 (16). Материалы международной конференции «Диалог 2010». М.: РГГУ, 2010. С. 549—558.

Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А.В. Неканонические подлежащие в русском языке // *От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко*. М.: Языки славянской культуры, 2012. Стр. 568—590.

Циммерлинг 2016а — Циммерлинг А.В. Предикативы параметрического признака в русском языке // *Труды ИРЯ РАН*, вып. 10. М.: ИРЯ РАН. С. 358—369.

Циммерлинг 2016б — Циммерлинг А.В. Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения русского языка // Архитектура клаузы в параметрических моделях. Синтаксис, информационная структура, порядок слов. А.В.Циммерлинг, Е.А.Лютикова (ред.). М.: Языки славянской культуры. 2016. С. 76 — 103.

Циммерлинг 2017а — Циммерлинг А.В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, вып. 15 (23). М.: РГГУ, 2017. Т2. С. 466 — 482.

Циммерлинг 2017б — Циммерлинг А.В. Внутри и снаружи. К типологии предикатов состояния. // Н.Д. Арутюнова, С.Ю. Бочавер, М.Л. Ковшова, Т.Е. Янко (ред.). Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. Москва: Языки славянской культуры, 2017. С. 17—41.

Циммерлинг 2018 — Циммерлинг А.В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке // *Slavistična revija*, 2018, №. 1, С. 45—64.

Циммерлинг, Трубицина 2015 — Циммерлинг А.В., Трубицина М.В. Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям // *Rhema*. Рема. 2015, №. 4. С. 71—104.

Щерба 2008 — Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 4-е Изд. М.: ЛКИ, 2008.

Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа

В работе предлагается анализ структуры дативно-инфинитивных предложений на основе дистрибутивной морфологии. Предполагается наличие в этих предложениях двух клауз: внутренняя клауза включает в себя инфинитивное предложение, а внешняя содержит скрытый матричный предикат, сформированный морфосинтаксическими признаками EXIST+HAVE и некоторым дополнительным материалом из предикации на правой периферии. При этом *быть* рассматривается как вспомогательный, а не как экзистенциальный глагол. Данная схема помогает объяснить некоторые особенности дативно-инфинитивных предложений.

Ключевые слова: дательный падеж, инфинитивы, посессивность, дистрибутивная морфология.

This paper suggests a structure underlining the dative-infinitive construction in Russian. The structure is biclausal: the embedded clause includes the infinitive, whereas the matrix clause is headed by a hidden matrix predicate formed by morphosyntactic features EXIST+HAVE and some material from the predication of the matrix clause. *Byt'* 'to be' is the auxiliary and not the existential verb. This approach enables us to explain some peculiarities of the dative-infinitive construction in Russian.

Keywords: Dative case, infinitives, possession, distributed morphology.

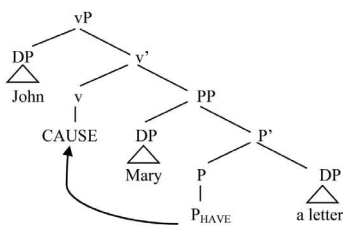
В работе предлагается анализ структуры дативно-инфинитивных предложений, например: *Грузовикам здесь не проехать; Ей летом поступать.*

Эта работа — часть более общего исследования, цель которого — по возможности определить единую синтаксическую структуру, стоящую за различными употреблениями дательного падежа в русском языке.

Согласно распространенному в современной генеративной лингвистике взгляду, номинатив и аккузатив — два структурных падежа клаузы, связанных с функциональными вершинами T и v [Лютикова 2016: 54]. Есть основания предполагать, что дательный падеж также является структурным и приписывается по универсальной схеме, похожей на схему приписывания винительного падежа. Его источником является функциональная вершина, несущая признак посессивности HAVE. В основе моего анализа лежит подход, описанный в [Harley 2000] для структур с дитранзитивными глаголами:

(1) *John gave Mary a letter.*

Рис. 1. Структура Harley для глаголов с тремя аргументами: *John gives Mary a letter*.

В основе подхода Харлей лежит дистрибутивная морфология, которая предполагает, что глагол *give* ‘давать’ формируется в результате сложения морфосинтаксических признаков CAUSE и HAVE после перемещения HAVE в вершину *v*.

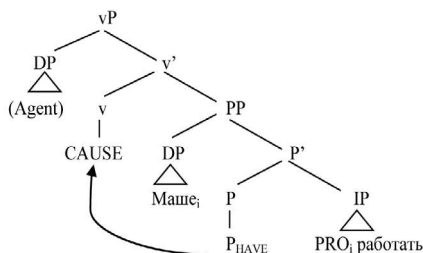
Похожую структуру можно предполагать у предложений с деонтической модальностью (модальностью долженствования):

- (2) Директор велел/приказал Маше работать.
- (3) Маше надо работать.

В (2) источник долженствования — *директор*, а в (3) — некая неназываемая сила (внутренняя потребность, необходимость заработка и пр.), которая, подобно директору в (2), заставляет Машу работать.

Деонтическая модальность традиционно описывается как обладание ([Bhatt 1999] и др). Структуру предложений (2) и (3) можно представить на основе схемы Харлей:

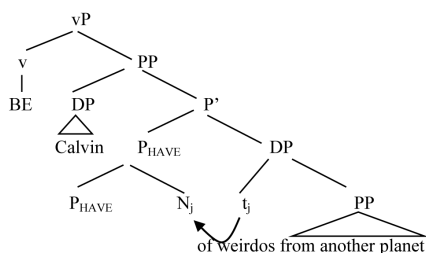
Рис. 2. Структура предложений *Директор приказал Маше работать* и *Маше надо работать*.

Для (2) агенс — *директор*, а в (3) — та неназываемая сила, которая заставляет Машу работать. Признак HAVE перемещается в вершину *v* и вместе с CAUSE они соответствуют деонтическим словам «надо», «заставил» и пр.

Кроме того, опираясь на [Noonan 1993], Харлей предлагает анализ предложений с глаголами психологических состояний с перемещением именного элемента, обозначающего психологическое состояние (например, *fear* ‘страх’) в вершину HAVE с формированием нового элемента *afraid* ‘бояться’ = *have+fear* ‘иметь+страх’.

Рис. 3. Структура Харлей для «психологических состояний» *Calvin is afraid of weirdos from another planet* ‘Кальвин боится странных типов с другой планеты’.

Рассмотрим предикативы, собранные и оцененные с точки зрения частотности в [Бонч-Осмоловская 2003]. Для самых частых из них подходит описанная схема, предполагающая, что предикативы возникают как результат сложения HAVE со смысловым элементом (другой подход к определению частотности предикативов см. в [Циммерлинг 2017]):

известно = ‘иметь знание, что...’ (Мне известно = ‘Я **имею** знание, что...’)

ясно = ‘иметь понимание, что...’

страшно = ‘иметь страх, что...’

интересно = ‘иметь интерес, что...’

и т.д.

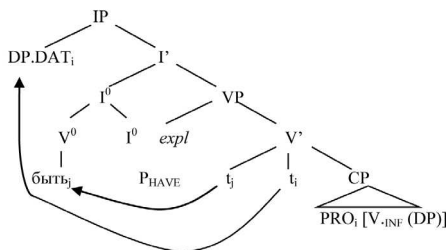
Можно предположить, что дательный падеж во всех случаях связан с вершиной, содержащей морфосинтаксический признак посессивности HAVE. Так, дативно-инфинитивные конструкции могут быть описаны по аналогичной схеме, если взять за исходную точку анализ Николаса Флейшера [Fleisher 2006]. Основные идеи этого анализа:

- В предложениях типа *Мне не сдать экзамен* две клаузы, а не одна.
- Верхний предикат — экзистенциальное *быть* без внешнего аргумента, но с двумя внутренними.

- Дативный субъект здесь не подлежащее, а экспериенцер более высокого модального предиката;
- Второй аргумент — инфинитивная клауза с PRO вместо подлежащего, это то, что «выпало» экспериенцеру (Вслед за [Moore and Perlmutter 1999] Флейшер использует выражение *in the cards* \approx 'уготовано').

Флейшер схематично изображает свою структуру следующим образом (не раскладывая V' как бинарную структуру):

Рис. 4. Структура Флейшера для дативно-инфинитивных конструкций

Флейшер следующим образом показывает наличие двух клауз в предложениях типа *Мне не сдать экзамен*:

а) При изменении времени на настоящее или будущее появляется глагол *быть*:

- (4) а. Я не сдам экзамен (одна клауза, изменяется глагол).
 б. Мне было (будет) не сдать экзамен (появляется *быть*).

б) Место отрицания. В русском языке отрицание предшествует финитному глаголу, если мы отрицаем событие (*не пришел*). При наличии вспомогательного глагола *быть* показатель отрицания не оказывается перед ним (*Город не был окружен врагом*). Но в рассматриваемых конструкциях не расположено после вспомогательного глагола: *Грузовикам здесь было не проехать*.

Но тогда возникает вопрос: почему невозможны предложения следующего типа:

- (5) *Мне *не было* сдать экзамен.

в) В будущем времени *быть* не сочетается с совершенным видом: **Грузовики будут проехать*. Но в рассматриваемых конструкциях подобное сочетание допустимо. Предложенная Флейшером биклаузная структура это объясняет: *быть* и инфинитивный глагол находятся в разных клаузах.

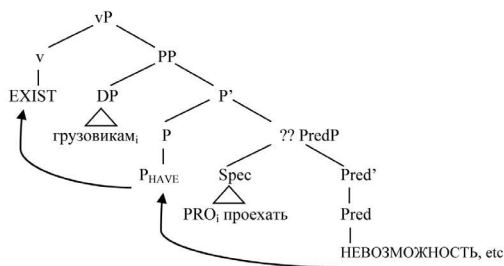
г) Флейшер указывает, что *быть* в подобных конструкциях всегда находится в форме среднего рода и единственного числа, а именно эта форма возникает при безличных предикатах.

Флейшер приходит к выводу, что *быть* в дативно-инфинитивных конструкциях — экзистенциальный глагол. Но пример (4) показывает, что *быть* ведет себя как вспомогательный глагол: в настоящем времени он реализуется нулевой формой.

Можно предположить, что быть в подобных конструкциях — это вспомогательный глагол при скрытом матричном предикате, в котором соединяются значение EXIST+HAVE и некоторый дополнительный материал из предикации на правой периферии.

Опираясь на модель Харлей, можно предложить следующий анализ дативно-инфинитивных конструкций русского языка:

Рис. 5. Структура дативно-инфинитивных конструкций

Источником дательного падежа в этой схеме, как и в случае с дитранзитивным глаголом, является P_{HAVE} . Признак EXIST в вершине v соответствует с экзистенциальной (алетической) модальности, которая выражает суждения о бытии (реальности) тех или иных объектов/действий. Объединение признаков EXIST+HAVE+НЕВОЗМОЖНОСТЬ реализуется как *нет* (истор. ‘не есть тут’). Место признака невозможности могут занимать признаки с другими значениями

Эта схема помогает объяснить, во-первых, упомянутую выше загадку Флейшера. Почему является недопустимым предложение (5)? Возможно, решение связано с тем, что вспомогательный глагол относится к **скрытому** матричному предикату. А перед скрытым материалом в некоторых случаях отрицание не ставится (см. [Тестелец 2008]).

Во-вторых, мы получаем ответ на вопрос, сформулированный в статье Е.В.Падучевой [Падучева 2017] следующим образом: «Остается непонятным, почему у предикативного инфинитива в одних контекстах возникает значение необходимости, а в других — невозможности: как это связано с контекстом; какие особенности контекста отвечают за это различие. И почему значение необходимости предпочитает несовершенный вид глагола, а значение невозможности — совершенный».

Е.В. Падучева подразумевает следующий контекст:

(6) Тебе не выходить / Тебе не выйти.

(7) а. Тебе не выходить (несов. вид) — нет необходимости выходить.

б. Тебе не выйти (сов.вид) — нет возможности выходить (например, слишком много людей).

Аналогичным образом:

(8) а. Мне не ехать завтра с утра (несов. вид) — нет необходимости ехать.

б. Мне не уехать завтра с утра (сов.вид) — нет возможности уехать (например, слишком много дел).

Эти данные можно суммировать в форме таблицы 1:

	утверждение	отрицание
несов.вид	НЕОБХОДИМОСТЬ Тебе выходить. Мне ехать завтра с утра.	ОТСУТСТВИЕ НЕОБХО- ДИМОСТИ Тебе не выходить. Мне не ехать завтра с утра.
сов. вид	(-) *Тебе сочинить музыку. *Тебе выйти. *Мне уехать завтра с утра	ОТСУТСТВИЕ ВОЗМОЖ- НОСТИ Тебе не выйти. Мне не уехать с утра.

Таблица 1. Значения необходимости и возможности в дативно-инфинитивных предложениях

В клетке, соответствующей утвердительным предложениям с глаголом в совершенном виде все примеры оказываются грамматически неправильными. Как можно их «исправить»? К ним можно добавить:

- отрицание, вопрос или сослагательность;
- модальное состояние (трудно, хорошо);
- деонтическую модальность (надо), приказ;
- ...

Если таких добавлений нет, в правой периферии в вершине Pred ничего не оказывается, и тогда скрытый матричный предикат не получает необходимых признаков.

Полученная таблица представляет интерес для формальной логики. Предложения из правой верхней клетки Тебе не выходить; Мне не ехать завтра с утра — это, строго говоря, не отсутствие необходимости, а то явление, которое называется контингентностью. Контингентность — это конъюнкция возможности и не-необходимости, возможность не утверждается, но и не отрицается:

$$\Diamond \wedge \neg \Box$$

Тогда таблица соответствует триплету модальных состояний, который формальные логики выработали безотносительно к материалу конкретных языков [Béziau 2003, Béziau 2012]:

- Необходимость
- Контингентность (конъюнкция возможности и не-необходимости)
- Невозможность

Можно предполагать, таким образом, что это логическое разграничение обнаруживается в грамматике.

Предложенное в статье решение, как мы надеемся, может стать основой для выработки единого подхода к дативным конструкциям в русском языке.

Литература

Бонч-Осмоловская 2003 — Бонч-Осмоловская А. А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования. Дис... канд. фил. наук. М., 2003.

Лютикова 2017 — Лютикова Е.А. Формальные модели падежа: теории и приложения. Языки славянских культур, М., 2017.

Падучева 2017 — Падучева Е.В. Конструкция с предикативным инфинитивом, ms. М., 2017.

Тестелец 2008 — Тестелец Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке// Динамические модели: Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 773-789.

Циммерлинг 2017 — Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, вып. Труды Международной конференции «Диалог 2017», т. 2. М.: РГГУ, 2017. С. 466-482.

Béziau 2003 — Béziau J-Y. New light on the square of oppositions and its nameless corner. Logical Investigations. 2003. 10, 218–232.

Béziau 2012 — Béziau J-Y. The Power of the Hexagon. Logica Universalis, June 2012, Vol. 6, Issue 1–2, pp 1–43.

Bhatt 1999 — Bhatt, R. Covert Modality in Non-finite Contexts. Ph.D. dissertation, University of Pennsylvania, Philadelphia.

Fleisher 2006 — Fleisher N. Russian Dative Subjects, Case, and Control, ms. UC Berkeley, 2006.

Harley 2002 — Harley H. Possession and the double object construction. Yearbook of Linguistic Variation 2: 2002. 29–68.

Moore and Perlmutter 1999 — Moore J, Perlmutter D. 1999. Case, agreement, and temporal particles in Russian infinitival clauses. Journal of Slavic Linguistics 7.219–246.

Noonan 1993 — Noonan M. Statives, perfectives and accusativity: the importance of being Have. In: Proceedings of the West Coast Conference on Formal Linguistics 11, CSLI, 1993. 354-370.

Pesetsky 1995 — Pesetsky, D. Zero Syntax: Experiencers and Cascades. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995.

Несубстантивные названия в русском языке: к вопросу о полноте парадигм³¹

В настоящей статье описаны морфосинтаксические свойства названий, а именно их способность к контролю согласования и падежному маркированию. Предложена классификация названий, основанная на комбинации значений двух признаков: субстантивированности и наличия внутренней структуры. Основывающаяся на значении упомянутых параметров классификация призвана объяснить обширную вариативность морфосинтаксических свойств внутри множества названий.

Ключевые слова: названия, имена собственные, структура ИГ, субстантивация, неполная парадигма, падежное маркирование, согласование.

The paper discusses morphological and syntactic properties of Names (including titles) in Russian such as their ability to control agreement and bear a case marker in certain instances. I suggest a classification of such expressions that is based on the two parameters: a) substantivation; b) presence of internal structure. I account for the variation across Names by dividing them into three classes that have different combinations of values of two parameters mentioned above.

Keywords: names, proper names, DP structure, substantivation, case deficiency, case marking, agreement.

Названия – подкласс имён собственных, способных появляться в предложении в соположении с сортовым (в иной терминологии – родовым) словом и без него, и в последнем случае иногда проявлять свойства именной группы: контролировать согласование и морфологически выражать падеж. При этом внутренняя структура названий бывает крайне разнообразна: от именной группы до клаузы. Внешний синтаксис этих единиц отличается значительной вариативностью, объяснение которой мы попытались дать в своем исследовании.

³¹ Автор выражает благодарность Я.Г. Тестельцу, Е.А. Лютиковой, А. Alexiadou и аудитории конференций «Formal Approaches to Russian Linguistics 2017» и «GeNSLing 2017», где были представлены ранние версии этого исследования. Все ошибки и неточности остаются на совести автора. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

Структура настоящей статьи такова. В параграфе 1 рассматриваются исследования о синтаксических свойствах выражений, выступающих в функции названий. В параграфе 2 обсуждаются особенности синтаксического поведения названия, в частности, их способность контролировать согласование и выражать падеж, а также некоторые другие их свойства. В параграфе 3 предложена классификация названий по степени их субстантивации. В последней части статьи содержатся выводы.

1. Предшествующие исследования названий

Нормативный статус согласования несубстантивных названий без сортового слова не до конца определён в литературе. К примеру, справочник [Розенталь и др. 1999] не допускает согласования с элементами названия, где нет *ведущего* слова, т.е. вершины. Признавая существования практики таких употреблений, авторы справочника отмечают их как отклоняющиеся от нормы: «если в составном наименовании нет ведущего слова в форме именительного падежа, то название обычно субстантивируется и сказуемое ставится в среднем роде, например: *«На всякого мудреца довольно простоты» поставлено на сцене Малого театра; «Не брани меня, родная» исполнялось вторично*. Ср. то же при наличии ведущего слова в сочетании: *«Во поле березонька стояла» слышалось где-то вдалеке*. Неоправданны поэтому встречающиеся иногда конструкции типа *«Не в свои сани не садись» возобновлены в репертуаре театра»*³². Допускается согласование по среднему роду с названиями, образованными от неименных частей речи, без сортовых слов. При этом для названий, по структуре являющихся сочинёнными группами, даётся рекомендация избегать употреблений без сортового слова, поскольку согласование с ними вызывает комический эффект (*«Волки и овцы» распроданы*³³) либо вообще не возможно.

Названия как один из типов не окончательного субстантивированных элементов в русском языке подвергались изучению на корпусном материале в работах [Кондрашев 2012; Холодилова 2013]. В докладе М.А. Холодиловой отмечалось, что внутренние элементы ряда названий демонстрируют поведение, схожее с поведением именной вершины. Например, в (1) можно наблюдать согласование по числу с неноминативным именем внутри названия, а в (2) показано согласование с названием по роду³⁴.

(1) Хотя, действительно, **«Глазами клоуна» были прочитаны** довольно поздно...

[Холодилова 2013]

(2) Еще **была «V значит Вендетта»** – 2 часа на одном вдохе и не моргая хотелось!

[Холодилова 2013]

³² Розенталь, Джанджакова 1999: §188 п.6.

³³ Там же.

³⁴ Такой анализ не является единственно верным, поскольку стратегия согласования с сортовым словом «картина» или «кинолента» (см. 2.1) тоже могла бы стать причиной появления такой формы глагола.

М.А. Холодилова отмечает также, что элементы названий, ведущие себя, как вершины, в целом соответствуют критериям вершинности, приведённым в работе [Zwicky 1985: 6, 11]³⁵. Названия («long proper names») упоминаются в статье [Testelefs 2011: 138]: они анализируются как единицы, имеющие неполную парадигму и неспособные (или имеющие слабую способность) сочетаться с прилагательными. Корпусные данные показывают, что вторым свойством названия не обладают, а первое имеет исключения.

2. Особенности синтаксического поведения названий

В этом параграфе будут рассмотрены синтаксические свойства названий, а именно стратегии адъективного и предикативного согласования (2.1) и возможности падежного маркирования, демонстрируемые некоторыми названиями (2.2).

При поиске примеров были использованы интернет-ресурсы (поиск Google – G и сайт kinopoisk.ru – K) и корпус Araneum Russicum Maximum семейства Aranea (A).

2.1. Согласование

Интересным свойством названий является то, что для тех из них, что не обладают именной внутренней структурой, возможны несколько стратегий согласования. Рекомендации нормативной грамматики, рассмотренные в первой части статьи, не останавливают носителей русского языка, и при помощи элементарного интернет-поиска и лингвистических корпусов можно найти немало тому примеров. Ниже перечислены типы согласования, сопровождающие названия в найденных нами контекстах.

Следует отметить, что отбор материала для исследования сопряжён с некоторыми трудностями анализа. Существенная часть названий, а именно названия, содержащие существительные мужского и женского рода, при согласовании являются неоднозначными для анализа: с одной стороны, согласование по женскому или мужскому роду может быть проанализировано как контролируемое элементом названия, с другой – нулевым элементом с признаками сортового слова, например:

(3) Как пишет сам Пауло, **"Вероника решает умереть"** **была** опубликована в Бразилии в 1998 году.

[G]

Встречаются также вариации, при которых возможно влияние сортового слова в предикатной позиции на форму глагола:

³⁵ В частности, речь идёт о способности вершины быть дистрибутивным эквивалентом всего названия:

- (i) «Москва слезам не верит» => «Москва»
- (ii) «А зори здесь тихие» => «Зори»

(4) Я уже давно увлекаюсь творчеством Пауло Коэльо и **"Вероника решает умереть"** **была** самой первой **книгой**, которую я прочитала.
[G]

В дальнейшем изложении мы постарались избежать использования примеров, которые могут проанализированы двояко, однако мы не исключаем возможности более удачного анализа для некоторых из них.

2.1.1. Согласование с элементом названия

Этот тип согласования объединяет в себе случаи предикативного и адъективного согласования с именными элементами названия или элементами, интерпретируемыми как именные. Контролёром согласования всегда выступает элемент названия следующих типов: а) номинативное существительное в форме единственного или множественного числа; б) элемент, который имеет подходящую форму, чтобы быть реинтерпретированным как существительное в единственном или множественном числе.

(5) [Печаль пришла в очередной раз неожиданно.] **Снимаются новые** «А зори здесь тихие». [G]

(6) Когда «Летят журавли» были отсняты, фильм послали на отзыв начальству. [G]

(7) Хотя, действительно, «Глазами клоуна» были прочитаны довольно поздно и, кажется, правда не без труда – но и в них были замечательные места. [Холодилова 2013]

Апеллятивы, переходя в статус названия, могут изменить свои морфосинтаксические свойства и интерпретироваться синтаксисом как элементы с именной морфологией. Так, «Намедни» обнаруживает признаки существительного множественного числа, а «ВА-БАНКЪ» (в исходной форме *ва-банк*, наречие) – единственного числа мужского рода.

(8) Как я указывал в самом начале, «Намедни» **были выдвинуты** на «ТЭФИ-95» по разряду передач об искусстве. [Холодилова 2013]

(9) «ВА-БАНКЪ» **стал** группой московской Рок-Лаборатории, в 1987 участвовал в «Рок-панораме». [G]

(10) В 1987 г. с лёгкой руки А. К. Троицкого «ВА-БАНКЪ» **оказался** первой в СССР непрофессиональной группой, сумевшей выехать за рубеж на фестиваль «Роб Реггей» в Варшаве. [G]

Подробнее о закономерностях, стоящих за согласованием с элементом названия или названием целиком см. в части 3 настоящей статьи, где предложен анализ обсуждаемого явления.

2.1.2. *Согласование по признакам сортового элемента*

Ниже рассматриваются случаи предикативного и адъективного согласования, в которых, вопреки нашим ожиданиям, контролёром выступает не само название или его часть, а некоторый нулевой элемент, содержащий морфосинтаксические признаки сортового слова.

(11) К нашей теме вечера отлично подходит оscarоносный **«В поисках Немо»**. [A]

(12) Осенью 1999 года **«Ногу свело!»** отметила свой десятилетний юбилей. [G]

В некоторых случаях сортовое слово присутствует в предложении, но не находится в соположении с названием. В примерах (13–14) и (4) предикативное согласование происходит с именем в составе группы глагола.

(13) ...**«собор парижской богаматери»** – я когда читала думала, что как мультик :biggin: а оказалась интересной книгой (после этого очень нравится гюго). [G]

(14) **«В поисках Немо»** стал одним из самых любимых публикой **фильмов** Pixar, который принес 868 миллионов долларов сборов по всему миру. [A]

2.1.3. *«Дефолтное» согласование*

К такому типу согласования относятся случаи согласования по ед.ч. ср.р. при отсутствии контролёра внутри DP, содержащей название (15).

(15) А у меня **«Ну, погоди»** было почему-то с Микки-Маусом вместо волка. [G]

Подобный тип согласования типичен для одного схожего с названиями явления – цитат. Цитаты, как и названия, могут появляться в сочетании с сортовым словом (*крик «Помогите!»*), однако при его отсутствии не способны контролировать согласование, так как, видимо, не подвергаются субстантивации.

Отдельным интересным случаем являются предложения, где происходит референциальное согласование по множественному числу. Такой тип согласования встречается чаще всего у названий коллективов (16), но в редких случаях обнаруживается и с названиями артефактов (17), если речь идёт о коллективе создателей (работников) артефакта.

(16) **«Ногу свело»** **изображали** нищих, просящих подаяния в одном из московских метро, что было крайне негативно воспринято членами жюри. [G]

(17) **«Как я встретил вашу маму»** уже 7 сезонов **наклепали**. [G]

Следует отметить, что в предложении (17) при смене типа согласования на «дефолтный» изменится и референт названия, отчего предложение теряет смысл (18).

(18) ?? «Как я встретил вашу маму» уже 7 сезонов **наклепало**.

2.1. Предлоги

Выбор некоторого способа согласования с названием неизбежен, чего никак нельзя сказать о маркировании падежа на названии. Употребление названия с падежным маркером регулярно конкурирует с немаркированным «замороженным» употреблением и вообще встречается сравнительно нечасто. Причиной может служить то, что падежный маркер зачастую разрушает целостность названия, что может привести (но не обязательно приводит) к затрудненному узнаванию.

Корпусное исследование показывает, что названия без падежного маркирования значительно более популярны, чем их маркированные конкуренты. Такой выбор носителей языка затрудняет постановку обсуждаемых единиц в косвеннопадежные контексты, что отмечалось в статье [Testelets 2010]. У более маргинальных маркированных вариантов такой проблемы не возникает.

	Маркированные формы	Немаркированные формы
Nom, Acc (предлог)	+	+
Gen, Dat, Instr, Loc (предлог)	+	(+)
Nom, Acc (глагол)	+	+
Gen, Dat, Instr, Loc (глагол)	+	—

Таблица 1. Распределение падежных контекстов среди маркированных и немаркированных форм.

Таблица 1 показывает, что в такой ситуации значим источник падежа. Неизменяемые формы, зависящие от предлога и получающие от него косвенный падеж, но не имеющие маркирования, встречаются в корпусах. Аналогичные употребления в позициях зависимых глагола крайне редки.

Маркированный предложный:

(19) Рыба должна быть как у волка в **ну погодях**, што бы бетон трескался от удара. [G]

(20) При этом Нина, как Леонид Парфенов в "**Намеднях**", демонстрировала объекты своих рассказов. [G]

(21) Если Фредерик Генри «прощается» с оружием ради любви, то в **«По ком звонит колокол»** — сливаются торжество долга и апофеоз любви. [G]

Маркированный инструментальный:

(22) А у меня есть диск с **лови волной** и игра достижение стс... [G]

(23) [Я рыдал над мультфильмом карлон, когда он улетал...] А я над **иван василичем меняет профессию**, когда царь прощался и уходил в свое время... [G]

Маркированный датив:

(24) Как ни странно, но царю всея Земного шара **Ивану Васильевичу** **меняет профессию**, как-то все **фиолетово** в радужной перспективе вездесущей лучистой энергии межзвездного пространства. [G]

Немаркированный генитив:

(25) Автор **«На западном фронте без перемен»** представляется читателю как обычный солдат. [A]

Немаркированный предложный:

(26) У Ремарка все это хорошо описано в **«На западном фронте без перемен»**. [A]

Немаркированный инструментальный:

(27) Может я попутал с **«На западном фронте без перемен»**. [A]

Как показывают примеры (21), (26–27), название, начинающееся на предлог, допускает включение в предложную группу.

2.3. Другие свойства

Многословные названия, будучи использованными в разговорной речи, часто подвергаются сокращениям до 1–2 слов, иногда – с изменением формы этих слов, а именно приведением к номинативной форме.

(28) Портрет Дориана Грея => Дориан Грей

(29) Иван Васильевич меняет профессию => Иван Васильевич

(30) Москва слезам не верит => Москва...

Такая стратегия позволяет говорящему избавиться от сложностей, связанных с синтаксической структурой названия, превратив его в обыкновенную именную группу, способную выступать дистрибутивным эквивалентом названия.

Ещё одно интересное свойство названий заключается в том, что зачастую одушевлённые существительные в их составе теряют признак одушевлённости, см. примеры (31 аб).

(31) а. Я читаю «Русский репортёр» / ?«Русского репортёра»

б. Я читаю «Коммерсант» / ??«Коммерсанта»

Потеря одушевлённости в целом говорит об отрыве названий от своих апеллятивных соответствий по крайней мере в случае обозначения артефактов. Имена коллективов здесь могут сохранять одушевлённость (*Несколько лет назад один из московских театров хотел пригласить «Короля и Шута» для участия в постановке рок-оперы*), чаще всего, в случаях, где одушевлённым существительным можно привести в соответствие одушевлённого референта/ов. Одушевлённость у названий коллективов с неодушевлённым

существительным в основе может развиваться при том же условии (*Отличная идея пригласить «Кирпичей» и «Сальвадор»*).

3. Анализ синтаксиса названий

Показанные в 2.1–2.3 свойства названий свидетельствуют о том, что они формируют сложный и неоднородный класс явлений, которые могут по-разному вести себя в предложении. В этой части статьи мы продемонстрируем, что названия можно разделить на три условных подкласса, синтаксическое поведение которых определяется одной тенденцией и тем, насколько каждый из подклассов ей следует.

Достаточно устойчивый лексический состав названий указывает на то, что они, как и идиомы, хранятся в лексиконе, а не конструируются в процессе порождения речи. Однако существенная часть рассмотренных названий не является по природе субстантивными, т.е. происходит от апеллятивных выражений по структуре отличных от именных. Имеют ли названия внутреннюю иерархическую структуру или являются «плоскими»? Для ответа на этот вопрос уместно рассмотреть дистрибуцию этих языковых выражений, что было сделано в части 2. Названия при употреблении без сортового слова занимают типичные для именных групп позиции, хотя степень субстантивации, дающей им такую возможность, варьируется. Из примеров, рассмотренных в 2.1 и 2.2, становится ясно, что некоторые названия на шкале субстантивации находятся довольно низко, а некоторые, напротив, способны вести себя как полноценное существительное, вершина именной группы.

Мы полагаем, что в процессе субстантивации элементы названий проходят морфосинтаксическую реинтерпретацию: для нормального функционирования в предложении названию требуется именная вершина. Не имея таковой, несубстантивное название выделяет элемент, способный выступать в качестве вершины – квазивершину. Окончание выделенного элемента (т.е. буквально его конечные фонемы) определяет тип склонения существительного, признаки (род, число) и парадигма которого присваиваются квазивершине.

(32) (*Отзыв на мультфильм «Хороший динозавр»*) На фоне шедевров Пиксар - это очень слабый мульт. Надеюсь что с $[[_{\text{head}}$ **в поисках** **дори**] $[_G]$ они не наладжат.

(33) Таким образом, «Горько 2», сам того не ожидая, для меня встал в один ряд с Терминатором, $[[_{\text{head}}$ **Назадом** **в будущее**], Друзьями Оушена и немногими другими огранёнными алмазами кино. $[_G]$

(34) ...Да у него там до фига вроде Оскаров, начиная с $[[_{\text{head}}$ **Поймая** **меня если сможешь**] $[_G]$ того же Скорсезе.

Чаще всего квазивершина – это существительное или схожее с ним имя, находящееся на левой границе выражения, либо всё выражение целиком. Последнее часто происходит в случае, когда название достаточно коротко,

чтобы обладать фонетической слитностью, однако возможны исключения. Такие структуры можно назвать «склеенными» (35–36).

(35) Впрочем, можно вспомнить и Тетушку Чарлея, и [[_{head} **В джазе только девушек**]], и еще множество подобных историй с переодеваниями. [G]

(36) «Пятая колонна» вышла в море намного позже [**По-ком-звонит-колокола**], уже глубокой ночью, часа за два до рассвета. [G]

Выражения, в которых роль квазивершины берёт на себя элемент на левом краю названия, являются в некоторой степени «прозрачными» для синтаксических операций. Однако степень пропускающей способности этих выражений чаще всего невелика: в качестве квазивершины часто выбирается не морфологическое, а фонетическое слово, к примеру, существительное с предлогом, как в (32) и (37).

(37) ...зацени [[_{head} **В душу**] я танцую] меня прям за душу взяло. [G]

Третьим подклассом названий является множество «замороженных» выражений, которые не содержат именной квазивершины и могут иметь неполную парадигму, вследствие невозможности маркировать падеж. Для названий с «замороженной» структурой в позиции подлежащего характерны типы согласования, не требующие контроля со стороны названия или его элементов, т.е. дефолтное и согласование по сортовому слову.

Предлагаемые нами структуры трех типов названий отражены в (38)³⁶.

(38) а. [_{NP} [_N Москвы] слезам не верит]	«прозрачные»
б. [_{NP} [_N Ну_погодей]]	«склеенные»
в. [_{XP} На западном фронте без перемен]	«замороженные»

Структуры в (38аб) отображают устройство названий, которые обладают дистрибуцией, совпадающей с именной, и имеют подобие именной вершины. В качестве признаков их близости к именным группам также можно указать способность названий присоединять прилагательные-адъюнкты и препозитивные (посессивные местоимения и прилагательные) и постпозитивные (генитивные) посессоры (39–42). Последнее косвенно указывает на то, что названия могут быть комплементами DP, поскольку посессор занимает позицию спецификатора этой функциональной проекции (см. [Лютикова 2017: 180–181]).

(39) ...в том числе и **знаменитое** «На западном фронте без перемен». [A]

(40) Я ехал и вспоминал Э.М. Ремарка, **его** «На западном фронте без перемен». [A]

³⁶ Элементы названий, которые мы считаем квазивершинами, приведены с косвенно-падежными маркерами для наглядности.

- (41) ...вспомнили о **ремарковском** «На западном фронте без перемен»... [А]
- (42) Достаточно почитать «На западном фронте без перемен» **Ремарка** [А]
(о Первой мировой) и воспоминания...

Что касается квазивершины, то она проходит стандартные тесты для вершин составляющих: является морфосинтаксическим локусом названия и его дистрибутивным эквивалентом (см. 2.3; критерии вершины см. в [Zwicky 1985: 9, 11]).

Структуры типа (38в), в отличие от (38аб) не могут считаться полноценными именными группами, поскольку обладают лишь рядом признаков, свойственных им. Их дистрибуция в целом соответствует дистрибуции ИГ, хотя довольно редки случаи их употребления в косвеннопадежных позициях при глаголе (в то время как с предлогами их можно встретить довольно часто). Несмотря на отсутствие других признаков выделения элемента-вершины, начальный элемент названия «замороженной» структуры может выступать в качестве дистрибутивного эквивалента оригинала (43).

- (43) Одним из проектов, что нам представили, был сиквел мультфильма «Облачно, возможны осадки в виде фрикаделек» – «**Облачно... 2: Месь ГМО**» [К]

Теперь рассмотрим еще раз согласование и падежные позиции, соотнося используемые стратегии с выделенными нами типами названий.

	«Склеенные»	«Прозрачные»	«Замороженные»
Согласование с (квази)вершиной	+	+	—
Согласование по грамматическому роду сортового слова	—	—	+
Дефолтное согласование	—	—	+

Таблица 2. Распределение стратегий согласования среди выделенных подклассов названий.

Как показывает таблица 3, стратегии согласования, затрагивающие признаки элементов названия (т.е. его вершины или квазивершины) доступны только для «склеенных» и «прозрачных» структур. Согласование, контролируемое фантомом сортового слова, и «дефолтное» допустимы только в случае с «замороженными» выражениями.

Результаты анализа падежных контекстов, в которых встречаются разные типы названий, также подтверждает предложенную нами классификацию (Таблица 4).

	«Склеенные»	«Прозрачные»	«Замороженные»
Nom, Acc (предлог)	+	+	+
Gen, Dat, Instr, Loc (предлог)	+	+	—
Nom, Acc (глагол)	+	+	+
Gen, Dat, Instr, Loc (глагол)	+	+	—

Таблица 3. Распределение случаев падежного маркирования среди выделенных подклассов названий

Наибольшую сложность для анализа языковых данных здесь представляет тот факт, что распределение конкретных названий по предложенным нами подклассам может происходить различно в идиолектах носителей (в основном речь идет об объеме класса «замороженных» структур). Таким образом, в идиолекте одного носителя «*Москва слезам не верит*» будет выражением «прозрачной» структуры, способным к контролю согласования и падежному маркированию, для другого же это название окажется принципиально неизменяемым, т.е. «замороженным».

5. Выводы

Выше мы предложили классификацию названий, основанную на значениях двух признаков: субстантивированности названия и наличия у него внутренней структуры (таблица 4). Мы определили субстантивированность у двух классов, показав их способность функционировать как существительное (осуществлять контроль согласования, маркировать падеж) и наличие внутренней структуры у одного класса (способность выбирать квазивершину, сокращаться до неё).

	Субстантивированность	Внутренняя структура
«Склеенные»	+	—
«Прозрачные»	+	+
«Замороженные»	—	—

Таблица 4. Значения признаков субстантивированности и наличия внутренней структуры для трех типов названий.

В таблице 4 приведён неполный список возможных комбинаций значений. Логически возможным остаётся не субстантивированное выражение, у которого есть внутренняя структура. Таким выражением будет являться любая стандартная составляющая. Мы добавили этот вариант в таблицу 5.

	Субстантивированность	Внутренняя структура
«Склеенные»	+	—
«Прозрачные»	+	+
«Замороженные»	—	—
Стандартная составляющая	—	+

Таблица 5. Полный набор комбинаций базовых признаков классификации.

Два из трех выделенных классов названия способны контролировать согласование и выражать морфологический падеж – классы «склеенной» и «прозрачной» структуры.

Два из трех классов способны образовывать сокращённые варианты – классы «прозрачной» и «замороженной» структуры. Это не объясняется предложенной классификацией. Можно допустить, что способность сокращаться не связана с выделением вершины у названия или связана не во всех случаях.

Наконец, нам удалось показать, что «замороженные» структуры действительно имеют неполную парадигму, что отчасти подтверждает тезис, выдвинутый в работе [Testelets 2010].

Список сокращений

Nom – именительный падеж; Acc – винительный падеж; Gen – родительный падеж; Dat – дательный падеж; Instr – творительный падеж; Loc – предложный падеж; [ŃP] – группа названия; [Ń] – вершина группы названия; [XP] – группа произвольного/неопределённого типа; [X] – вершина группы произвольного/неопределённого типа; [head] – вершина группы.

Источники

A – Araneum Russicum Maximum; G – Google Search; K – Сайт с обзорами и рецензиями на кинофильмы Kinopoisk.ru

Литература

Карташов 2012 – Карташов А. Типы имён собственных и наименований и их грамматическая специфика в современном русском языке. Выпускная квалификационная работа на соискание степени бакалавра филологии. Санкт-Петербург, 2012. – 87 с.

Лютикова 2015 – Лютикова Е. А. Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке //Русский язык в научном освещении. – 2015. – №. 30. – С. 44–74.

Лютикова 2017 – Лютикова Е.А. Синтаксис именной группы в безартиклевом языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: 2017 – Том 1. 357 с.

Розенталь и др. 1999 – Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1999. URL: <http://evartist.narod.ru/text1/20.htm>

Холодилова 2013 – Холодилова М.А. Свойства вершины у элементов названий в русском языке. Устный доклад. Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы Санкт-Петербург, 12–14 сентября 2013 г. – 6 с.

Matushansky 2013 – Matushansky O. Sorts of proper names. Oral talk. Semantics and Philosophy in Europe (SPE) 6, St. Petersburg, June 10–13, 2013. – 24 p.

Moltmann 2013 – Names, sortals, and the mass-count distinction. Ms., Université Paris I. Testelets 2010 – Testelets Y.G. Case Deficient Elements and the Direct Case Condition in Russian // Язык и речевая деятельность. Петербургское лингвистическое общество. Том 9. 2006. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2010. С. 126–143.

II

Параметрическая типология грамматических систем

The syntax-morphology interplay on southern Italo-Romance verbal inflection³⁷

Задача настоящей статьи – пролить свет на природу морфологии глагольного согласования в ряде итало-романских диалектов юга Италии. В статье будет показано, что морфонологическая форма и дистрибуция лично-числового маркирования глаголов в этих диалектах полностью зависит от их морфосинтаксических компонентов. В этой связи будет рассмотрено два класса глаголов – лексические и вспомогательные. Мы считаем, что существование различных стратегий лично-числового маркирования обусловлено различной синтаксической природой этих классов глаголов.

Ключевые слова: глагольное согласование, дистрибутивная морфология, южноитальянские диалекты.

The gist of this paper is to shed light on the nature of verbal agreement morphology of a set of southern Italo-Romance dialects. Specifically, it will be proposed that the shape and distribution of person and number marking on southern Italo-Romance verbs is purely dependent on morphosyntactic ingredients. In this respect, two classes of verbs will be explored, amongst which lexical verbs, on a side, and auxiliaries, on the other, the different syntactic nature of which will be considered to be the trigger for different person and number marking strategies.

Keywords: verbal inflection, ϕ -agreement, Distributed Morphology, southern Italian dialects.

1. Introduction

Works on morphological typology have shown that a large number of Indo-European languages features syntheticity, viewed as the possibility of combining an inflectional morpheme together with a root [Schwegler 1990]. Synthetic languages, however, can exhibit synthetic characteristics in different ways, based on the morphosyntactic nature of the inflectional morpheme that combines with the root. Fusional languages, for instance, generally make use

³⁷ My sincere acknowledgments go to the organizing committee of the Typology of Morphosyntactic Parameters (TMP) 7 conference for allowing me to present my ongoing research at the Pushkin State Russian Language Institute (25th – 27th October 2017), as well as for inviting me to publish this article in the proceedings volume. My deepest gratitude goes to Prof. van Oostendorp, one of my doctoral supervisors, who has been a valuable help in view of the analyses presented in this paper, as well as to Prof. Mensching and Prof. Fava, who have intensively supervised me on different topics of theoretical linguistics during the preparation of this article.

of a single inflectional morpheme to denote multiple syntactic and/or semantic features. A typical example of fusional morphology is represented by the Latin word *bonus* ‘good-NOM’, whose ending *-us* denotes multiple syntactic features, amongst which masculine gender, nominative case and singular number. In this respect, fusional languages oppose to agglutinative languages, i.e. Japanese, which make use instead of single morphemes for every and each semantico-syntactic feature [Greenberg 1954; Dressler 1985, 2005].

Italian, on a par with a large number of Italo-Romance dialects, features fusional morphology in the same way as Latin. This situation is illustrated in the paradigms in (1), which show that singular verbs in the present indicative of Latin (cf. 1a), Italian (cf. 1b), as well as of a southern Italo-Romance dialect spoken in the town of Mascioni, in western Abruzzo (cf. 1c), admit the overt expression of a single inflectional morpheme at the right-end of the verb, whose function is that of expressing person and number information.

(1) a. Latin <i>dormio</i> ‘sleep-IND-PRES-1SG’ <i>dormis</i> ‘sleep-IND-PRES-2SG’ <i>dormit</i> ‘sleep-IND-PRES-3SG’	b. Italian <i>dormo</i> ‘sleep-IND-PRES-1SG’ <i>dormi</i> ‘sleep-IND-PRES-2SG’ <i>dorme</i> ‘sleep-IND-PRES-3SG’
c. Dialect of Mascioni, Western Abruzzese [Manzini and Savoia 2005, vol. I: 210] <i>’ormo</i> ‘sleep-IND-PRES-1SG’ <i>’ormi</i> ‘sleep-IND-PRES-2SG’ <i>’orme</i> ‘sleep-IND-PRES-3SG’	

All verbs in the 1st and 2nd person singular in the languages in (1) exhibit the selection of *-o* and *-i* in word-final position in order to encode speaker and address, respectively, as well as singular and presumably indicative mood and present tense. A different situation is at play in the case of 3rd person singular verbs. Only Latin, as opposed to Italian and the dialect of Mascioni, admits the selection of the consonant *-t* after the root, the content of which includes morphosyntactic information such as person, number and presumably tense and mood. The other languages, instead, exhibit the overt expression of the thematic vowel *-e* which allegedly is devoid of morphosyntactic information [Wanner 1987; Scalise 1984]. All in all, the arrangement of verbal inflection morphology illustrated in (1) is in line with the generalization put forward by Forchheimer (1953) who asserts that languages tend to follow the same pattern, whereby 1st and 2nd person are commonly overtly expressed by means of a dedicated morphological marker, as opposed to 3rd person, which is generally not morphophonologically realized.

A subset of southern Italo-Romance dialects, however, seems not to conform to the western Abruzzese pattern illustrated in (1c). As a matter of fact, a wide set of southern Italian dialects spoken approximately in the geolinguistic area that stretches from Naples, in the west, to Bari, in the east, shows that the overt marking of person and number features encoded at the right-edge of verbs in the

present indicative is restricted to some forms of the verbal paradigm and strictly depends on the syntactic nature of the verb. These facts are illustrated in the singular paradigm of the lexical verbs *eat* (cf. 2a) and *sleep* (cf. 2b), as well as of the auxiliary *have* followed by a past participle (cf. 2c), of the dialect of Mola di Bari, an Apulo-Barese variety spoken twenty kilometres south-east of Bari, on the Adriatic coast.

(2) a.

'mandʒ 'eat-IND-PRES-1SG'

'mandʒ 'eat-IND-PRES-2SG'

'mandʒ 'eat-IND-PRES-3SG'

c.

aʃʃ *'fatt* 'have-IND-PRES-1SG done'

a *'fatt* 'have-IND-PRES-2SG done'

a *f'**fatt* 'have-IND-PRES-3SG done'

b.

'dorm 'sleep-IND-PRES-1SG'

'durm 'sleep-IND-PRES-2SG'

'dorm 'sleep-IND-PRES-3SG'

It is worth noticing that the lexical verbs in (2a) and (2b) are not uniformly inflected. While the verb *eat* in (2a) admits syncretic forms throughout the singular paradigm, the verb *sleep* undergoes metaphony, i.e. the selection of the high vowel /u/ in stressed position, on the verb encoding 2nd person singular. A completely different situation is attested in (2c), which shows that an inflectional marker is found only to the right of 1st person singular *have*, while the remaining forms are bare, regardless of the fact that 3rd person singular *have* is able to trigger Raddoppiamento Fonosintattico, i.e. the presence of a double consonant at word-initial position of the past participle³⁸.

2. The nature and dimension of Agree(ment) on southern Italian verbs. Auxiliaries versus lexical verbs

2.1. Agree

In the late eighties of the last decade, works on the theory of verb movement, couched within the Government and Binding framework, have massively proliferated [Emonds 1978; Pollock 1989, 1997a, 1997b; Torrego 1984; Suñer 1994]. In his work concerned with the theory of verb movement, Pollock 1989 proposes that inflected verbs in English and French occupy different syntactic positions. This assumption is underpinned by the fact that French inflected verbs are followed by aspectual adverbs which, in turn, must precede English inflected ones. Since aspectual verbs are considered to be merged VP-internally, Pollock's idea is that inflected verbs in French undergo movement from the VP-area to Infl^o, a syntactic position higher than V^o, while English inflected verbs, on the contrary,

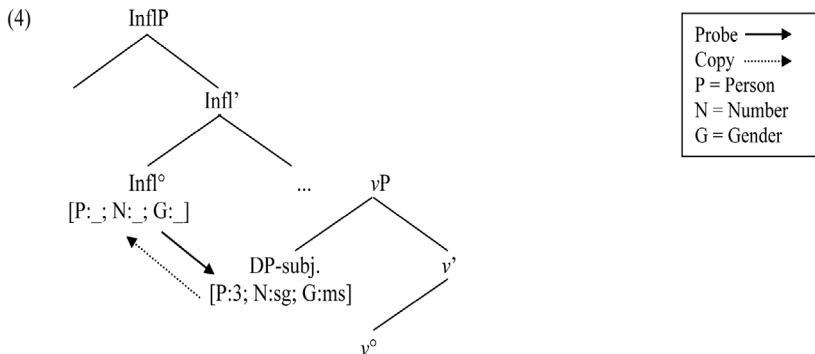
³⁸ For an overview of the phonological phenomena of Raddoppiamento Fonosintattico, see Loporcaro 1988, 1997; Fanciullo 1997; a.o. As far as the literature of metaphony is concerned, see Maiden 1991; Calabrese 1998; a.o.

do not undergo movement, and therefore stay in V° . Southern Italian inflected verbs, on a par with French ones, seem to occupy a higher syntactic position than aspectual adverbs. This is illustrated in (3), which shows that the aspectual adverb 'semb 'always' follows the inflected verb.

87

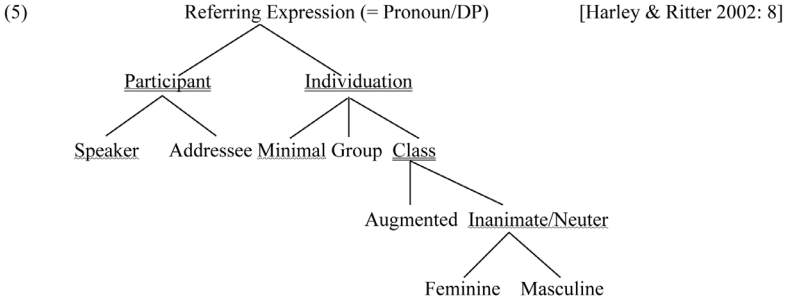
- (3) 'kudd 'mandʒ 'semb
 he-NOM eat-IND-PRES-3SG always
 'he always eats'

In line with what hypothesized for French inflected verbs, I propose that inflected verbs in southern Italian dialects occupy Infl° , after having undergone movement from the syntactic position they are initially, or internally, merged, i.e. V° . Following Chomsky 2001: 3, I consider verbs in Infl° as being endowed with uninterpretable person, number and gender, i.e. ϕ , features. Because of this, the verb in Infl° requires to enter an Agree relation with the DP-subject, whose merging position corresponds to Spec,VP or Spec,vP, depending on the kind of Aktionsart it inherits [Vendler 1967]. The operation Agree implies that the ϕ -feature values interpretable on the DP-subject are copied into the feature matrix of the verb in Infl° , which is endowed with uninterpretable ϕ -feature values. An example of Agree between a verb merged in Infl° and a DP-subject located in Spec, vP is given in the structure in (4).

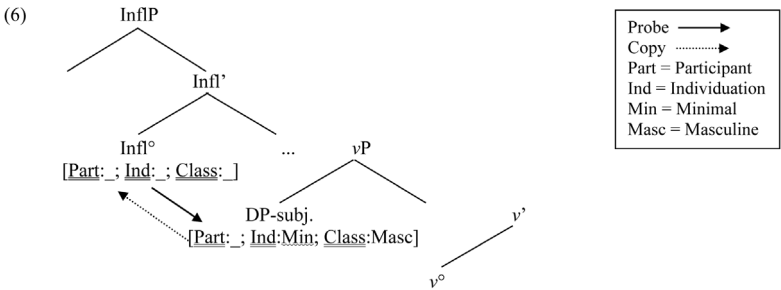

The DP-subject, by acting as the goal of the Agree relation, must be asymmetrically c-commanded by the probe, i.e. Infl° . In this respect, Agree can be viewed as a probe-down copy-up relation, where the probe (asymmetrically) c-commands the goal. In Harley & Ritter 2002, pronominal elements are considered to be composed of ϕ -features organized within a geometric representation. The dominating node of such a geometry corresponds to what the authors call Referring Expression which, in turn, hosts two daughter nodes, i.e. Participant and Individuation. Participant is the equivalent of person while Individuation, conversely, corresponds to number. Participant further branches into Speaker and Addressee, i.e. first and second person, respectively, while Individuation branches

into Minimal, Group and Class. Minimal is the equivalent to singular while Group and Class are the equivalents to plural and gender, respectively³⁹. The geometry under scrutiny here is illustrated through the hierarchical structure in (5).

The hierarchical tree in (5) includes three nodes that differ from the others because of being curly underlined. This special way of designing Speaker, branching below Participant, Minimal, merged below Individuation, and Inanimate/Neuter, located below Class, is justified by purely acquisitional facts. In their article, Harley & Ritter observe that Speaker, Minimal and Inanimate/Neuter are generally acquired before their sister nodes. This is to say that, with reference to Participant, Speaker is acquired before Addressee. At the same time, Minimal is acquired before Group and Inanimate/Neuter is acquired before Augmented. Based on theoretical approaches put forward by a group of linguists of the Prague School [Jakobson 1932, 1941], as well as on works on the theory of markedness of phonological features [Avery & Rice 1989; Rice & Avery 1991, 1993; a.o.], Harley & Ritter propose that morphosyntactic nodes that are acquired before others correspond to defaults, while those that are acquired late are marked. Capitalizing on the feature inventory proposed by Harley & Ritter, I propose the syntactic tree in (6), which is an updated version of the one outlined in (4).

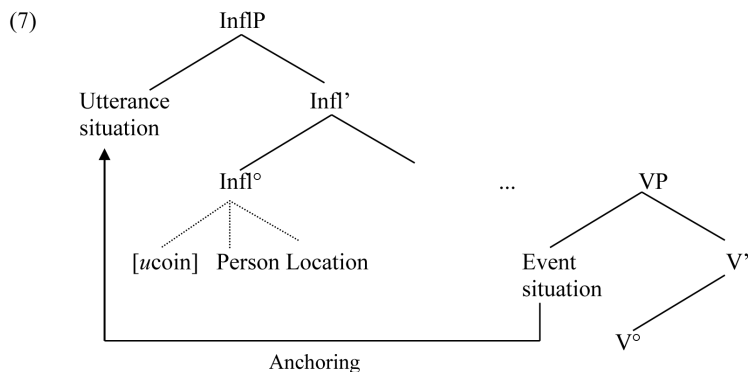
³⁹ The idea that person is reserved to first and second person only, with the exclusion of third, goes back to several works put forward throughout the twentieth century, amongst which Jespersen 1924, Forchheimer 1953, Benveniste 1966 and Jakobson 1971, a.o.

The DP-subject in (6) is underspecified for Participant. This is due to the fact that 3rd person pronouns do not inherit person specification, and therefore are uninterpretable for this feature. After *Agree* takes place, the interpretable values encoded on the DP-subject are copied onto the feature matrix of Infl°, and the verb in Infl° gets interpretable for the same ϕ -feature values encoded on the DP-subject.

2.2. Agreement on southern Italian verbs.

The puzzle: auxiliaries versus lexical

In this section, the dimension of agreement attested for southern Italian verbs will be scrutinized. More specifically, it will be considered whether the overt expression of ϕ -feature values encoded on verbs in Infl° is free or somehow conditioned by morphosyntactic factors. Before delving into this type of investigation, I propose in (7) a fine-grained version of the internal structure of Infl°, based on what proposed in Ritter & Wiltschko (2010).

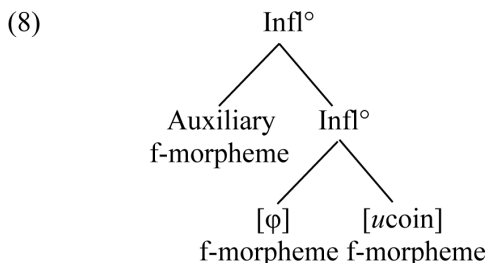
According to Ritter & Wiltschko (2010), Infl° is a syntactic head that contains a triplet of morphosyntactic features, amongst which [ucoin], Person and Location. [ucoin] is a feature whose function is that of expressing the anchoring mechanism that pertains between the Event situation anchored in Spec,VP and the Utterance situation specified in Spec,InflP. If the Event and the Utterance situations coincide in their time references, then [ucoin] is valued as +. This corresponds to the specific case where present tense interpretation is conveyed. In the opposite situation, i.e. where the Event situation does not coincide with the Utterance situations in terms of time reference, [ucoin] is valued as – and past tense interpretation is rendered. Roberts & Holmberg (2010), by scrutinizing the word-order parameter in a wide set of languages, posit that a markedness convention is available in universal grammar, the function of which is that of determining the degree of markedness of a given syntactic configuration. More concretely, Roberts & Holmberg propose that consistent head-final and consistent head-initial configurations are unmarked, i.e. defaults, as opposed to mix systems, i.e. languages that admit both head-final

and head-initial properties, which are rather considered as marked. Capitalizing on the logic of the above-referred markedness convention, one might conclude that [+coin] is default, as opposed to [-coin], which is marked. This depends on the fact that the Event and the Utterance situations share the same time reference in the former case, and not in the latter. What I aim to propose in this section, as well as in the remainder of this paper, is that the degree of markedness expressed by [ucoin] is able to single out the set of ϕ -feature values encoded on auxiliaries to be morphophonologically expressed in a group of southern Italian dialects. This mechanism will be considered to be unattested in the case of lexical verbs which allow the overt marking of marked morphosyntactic feature values in combination with roots endowed with stressed mid-high, and not low, vowels.

2.2.1. Auxiliaries

Within the framework of Distributed Morphology [Halle & Marantz 1993, 1994], functional and lexical material are considered to differ in their morphemic nature, inasmuch as functional heads correspond to f-morphemes and lexical heads such as roots, on the contrary, are treated as instances of l-morphemes [Halle 1992; Harley & Noyer 1998]. In this section, I propose that present perfect auxiliaries correspond to functional material, i.e. f-morphemes, externally merged in a syntactic position sandwiched between Infl° and v° , i.e. in the locus of the syntax where outer aspect [Slabavoka 2001; Travis 2005; Borer 2005] is encoded. Southern Italian present perfect auxiliaries, similarly to lexical verbs (cf. 2.1.), undergo movement to Infl° . This assumption is supported by the fact that aspectual adverbs such as *always* and *never* can be found between the auxiliary and the past participle (cf. a *s'semb 'fatt* 'have-PRES-3SG always done'). At this point, it would be relevant to investigate the type of syntactic structure that gets activated after the present perfect auxiliaries in (2c) undergo movement from the syntactic position they are externally merged to Infl° . In view of this, I propose to resort to the syntactic operation called Incorporation [Roberts 2010] according to which syntactic material gets incorporated into a movement-triggering head only in that specific case where "the features of the incorporee are properly included in those of the incorporation host" [Roberts 2010: 65]. Based on Chomsky (1995), Roberts (2010) proposes that the displacement of object clitics to the left of inflected verbs in a language like French is possible because clitics are defective. The idea of defectiveness proposed by Roberts (2010) relies on the assumption of 'structural deficiency' put forward by Cardinaletti & Starke (1999) and is based on the hypothesis that clitic pronouns consist of the inflectional part of a full pronoun only. In this respect, Roberts (2010), by adopting and updating Déchaine & Wiltschko (2012), proposes that Romance clitics are ϕ in nature, thus corresponding to a piece of syntactic structure contained in D. However, if one were to follow the theory of Incorporation depicted above, it would be straightforward to assume that auxiliaries cannot incorporate with their host, i.e. Infl° , inasmuch as the set

of morphosyntactic features contained in the syntactic head that hosts auxiliaries, i.e. Asp° , is a superset of the features encoded in Infl° . Contrary to this, I propose that auxiliaries can incorporate with their host, i.e. Infl° , because they share the same morphemic nature with this head. In other words, it is to say that auxiliaries and Infl° share the property of being f-morphemes. The syntactic structure in (8) illustrates the configuration of Infl° after a present perfect auxiliary has moved from the position it was externally merged to Infl° .

What I aim to propose is that it is in the presence of the syntactic structure in (8) that Speaker and Minimal, and not Addressee, get overtly marked. As we observed in the paradigm in (2c), Speaker and Minimal get overtly expressed by means of dedicated morphophonological material. Addressee, on the contrary, is bare. The reason why Speaker and Minimal get overtly expressed when encoded on a present perfect auxiliary depends on the fact that these feature values combine with [+coin] (cf. 2.2.). Since [+coin] is default (cf. §2.2.), then only Speaker and Minimal, i.e. default features branching below Participant and Individuation, get overtly expressed. I claim that this marking strategy relies on the application of a morphological operation called Default Marking [Torcolacci 2015], according to which default ϕ -feature values get overtly marked only if they combine with [ucoin] endowed with a default value. The definition of Default Marking is given in (9).

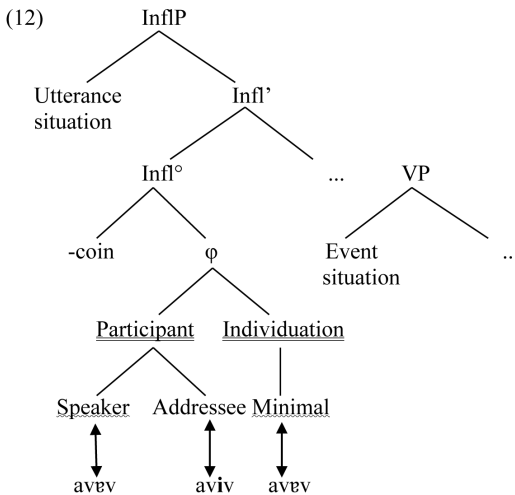
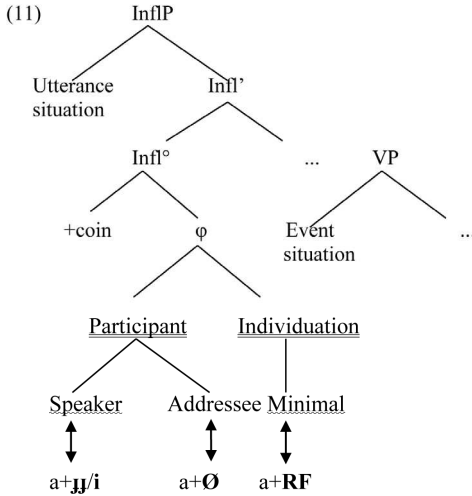
(9) Default Marking

The morphological marking of a ϕ feature can only take place if all features bear the same markedness on the functional head that hosts them.

In line with Torcolacci (2015), I propose that Default Marking applies post-syntactically, i.e. in the module of the grammar sandwiched between syntax and phonology, i.e. in morphology. The Default Marking operation outlined in (9) further predicts that if [ucoin] inherits a – value, then Addressee gets overtly marked. Indeed, both [–coin] and Addressee are marked features, whose uniformity of markedness allows Addressee to be overtly expressed in the group of southern Italian dialects scrutinized in this paper. These facts are reported in the singular paradigm in (10), where Addressee is overtly expressed on the 2nd singular verb by means of metaphony, while the 1st and 3rd person singular verb, conversely, are syncretic.

- (10) *avɛv* 'fatt' 'have-IND-PAST-1SG done'
aviv 'fatt' 'have-IND-PAST-2SG done'
avɛv 'fatt' 'have-IND-PAST-3SG done'

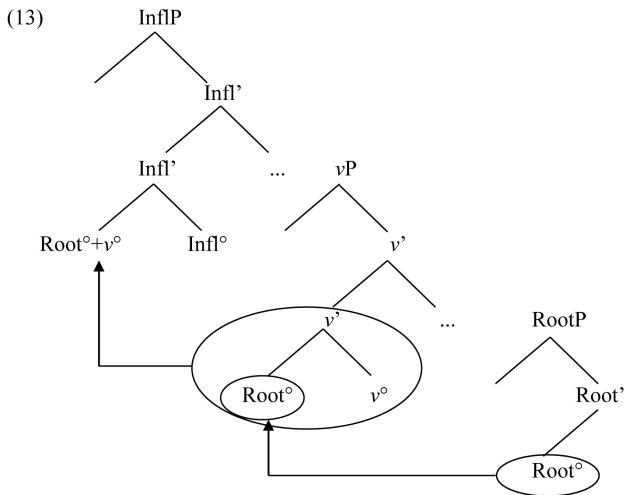
The structure in (11) illustrates the specific case in which Speaker and Minimal are overtly marked on a present perfect auxiliary, i.e. when a perfect auxiliary combines with [+coin]. The structure in (12), conversely, indicates that Addressee is the only feature that gets phonologically marked on a past tense auxiliary, i.e. when a perfect auxiliary combines with [-coin].

Having considered the morphosyntactic mechanisms that trigger the overt marking of ϕ -feature values on auxiliaries in a set of southern Italian dialects, the next section will deal with the ϕ -marking strategies that get activated in the case of lexical verbs in the same group of dialects.

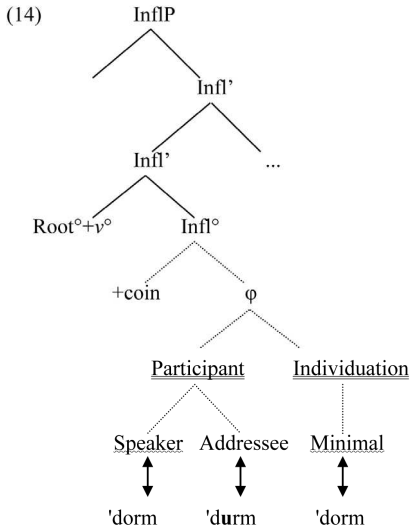
2.2.2. *Lexical verbs*

As outlined in §2.2.1., lexical verbs are considered as being composed of at least an l-morpheme, inasmuch as they contain a root. In line with the framework of Distributed Morphology, I propose that lexical verbs externally merge in Root° , i.e. in a syntactic position dominated by v° , i.e. a categorizing head. Differently from auxiliaries, I claim that lexical verbs do not undergo Incorporation with the movement-triggering head, but rather merge with the head that obliges the verb in Root° to be displaced to the Infl area. This depends on the fact that a root, which corresponds to an l-morpheme, is not uniform in its morphemic nature with v° , which is a functional head, i.e. an f-morpheme. Once $\text{Root}^\circ + v^\circ$ complex moves upwards and further merges with Infl° . This type of configuration is depicted in (13).

My proposal is that the merge of a complex head, i.e. a syntactic head composed of f- and l-morphemes, with a non-complex head, i.e. a head that includes morphemes of the same nature, gives rise to a marked syntactic configuration. Because of this, InflP in (13) can be treated as marked, inasmuch as it contains a root, i.e. an l-morpheme, as well as v° and Infl° , which, as proposed in the previous section, are f-morphemes. Based on the Default Marking operation outlined in (9), I propose that lexical verbs that merge with Infl° in a set of southern Italian dialects allow the overt marking of Addressee, i.e. of a marked morphosyntactic feature. Speaker and Minimal, instead, do not get phonologically expressed by virtue of

being defaults. These facts are illustrated in the structure in (14), which makes explicit the ϕ -marking strategies obtained in the singular paradigm of the lexical verb *sleep* of the Italo-Romance dialect spoken in Mola di Bari reported in (2b).

All in all, the paradigm in (2a) shows that Addressee is not marked in that specific case where the stressed vowel of the verb corresponds to a low vowel, i.e. [a] (cf. *'mandʒ/'mandʒ/'mandʒ*). In order to solve this puzzle, it would be relevant to inspect why lexical verbs endowed with a low-vowel in stressed position do not trigger the overt marking of Addressee by means of metaphony. One hypothesis would be that Default Marking does not operate in the case of lexical verbs in the present indicative endowed with [a] in stressed position. In alternative, one might hypothesize that Default Marking operates also in the case of lexical verbs in the present indicative endowed with [a] in stressed position, despite of being somehow blurred in phonology. Given the properties of Distributed Morphology, one would be prone to prefer the last hypothesis and disregard the former. According to Distributed Morphology, morphological operations take place after syntactic computation. Because of this, the lack of overt marking of Addressee in the case of a lexical verb such as 'eat' in a set of southern Italian dialects would be considered to be determined by phonological ingredients, and not by the non application of Default Marking in the morphological component of the grammar. In this sense, I propose, by updating (9), that Default Marking is a cross-modular mechanism that takes place both in morphology and phonology. The application of this grammatical operation in the case of lexical verbs in the present indicative of a group of southern Italian dialects would be able to determine the overt marking of stressed mid-vowels (cf. [o]), and not of low vowels ([a]).⁴⁰

⁴⁰ The dialect of Mola di Bari, as well as other dialects spoken within the same geolinguistic area, admit the overt marking of Addressee in the presence of lexical verbs that are endowed with [e] in stressed position (*'se:nd* 'hear-PRES-1SG'; *'si:nd* 'hear-PRES-2SG'; *'se:nd* 'hear-PRES-3SG).

According to the Element Theory of vowels [Backley 2011], the low-vowel [a] differs from the mid-vowels [e]~[ɛ] and [o]~[ɔ] in terms of quantity of phonological elements. While [a], [i] and [u] are composed of phonological primitives such as A, I and U, respectively, [e]~[ɛ] and [o]~[ɔ] contain a combination of these primitives (cf. [e] = |A.I|). Because in the case of lexical verbs, as suggested above, we are in the presence of a marked syntactic configuration, [a] in stressed position cannot undergo metaphony in order to convey Addressee. The non overt expression of Addressee would depend on the fact that phonology in a set of southern Italian dialects is sensitive to Default Marking which predicts that phonologically marked stressed vowels can undergo metaphony only if encoded on verbs whose morphemic nature is marked.

3. Conclusions

In this paper, I have considered the dimension of ϕ -feature values in the case of auxiliaries and lexical verbs in a set of southern Italian dialects, i.e. in the geolinguistic area that stretches approximately from Naples, on the Tyrrhenian side, to Bari, on the Adriatic coast. These dialects, differently from Italian and other dialects spoken in the south of the Italian peninsula, as well as from Latin, feature a special way of signalling ϕ -feature values on verbs. In this paper, I have claimed that the phonological expression of ϕ -feature values on inflected verbs in a set of southern Italian dialects depends on strictly morphosyntactic requirements. More specifically, I have proposed that auxiliaries trigger the overt expression of ϕ -feature values that inherit the same markedness with [ucoin], i.e. a formal feature that encodes tense properties. This is due to the fact that auxiliaries are f-morphemes that share the same morphemic nature with Infl^o, i.e. the syntactic head that incorporates auxiliaries. This mechanism is not observed in the case of lexical verbs which admit the overt marking of Addressee only, independently of the value of [ucoin]. Lexical verbs have been treated as merging with Infl^o, the application of which would give rise to a marked syntactic configuration. In this context, only Addressee, i.e. a marked morphosyntactic feature, gets phonologically expressed only if encoded on a verb endowed with a mid-high stressed vowel. The spell-out operations depicted above have been claimed in the paper to depend on the application of a post-syntactic mechanism called Default Marking, the application of which is in the morphological and phonological components of the grammar.

It needs to be pointed out to the fact that southern Italian dialects are languages that admit fusional inflectional morphology. This is to say that ϕ -feature values are expressed by the very same exponent which generally also encodes tense, and presumably mood, information. One question useful for future research avenues might be to consider whether Default Marking applies only in languages that admit fusional verbal morphology, i.e. the overt expression of a morpheme that encodes more than one semantic-syntactic feature, or is independent on these facts. As far as this matter is concerned, it would be relevant to consider languages that pattern in the same way as southern Italian dialects in terms of verbal inflection and observe

whether a subset of these languages admits all the ϕ -marking strategies observed for the southern Italian dialects scrutinized in this paper. This prediction further implies that languages that admit the phonological expression of semantico-syntactic features contained in a verb by means of independent phonological elements, as is the case of agglutinative languages, are not affected by Default Marking.

References

- Avery et al. 1989 – Avery P., Rice K. Underspecification and the Coronal node. *Toronto Working Papers in Linguistics*. 1989. Vol. 9. Pp. 101–119.
- Backley 2011 – Backley P. *An introduction to Element Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.
- Benveniste 1966 – Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1966.
- Borer 2005 – Borer A., *In name only*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Calabrese 1998 – Calabrese A. *Metaphony Revisited*. *Rivista di Linguistica*. 1998. Vol. 10. Pp. 7–68.
- Cardinaletti et al. 1999 – Cardinaletti A., Starke M. The typology of Structural Deficiency. A Case Study of the Three Classes of Pronouns. *Clitics in the Languages of Europe*. Van Riemsdijk (ed.). Berlin: Mouton-De Gruyter, 1999. Pp. 145–233.
- Chomsky 1995 – Chomsky N. *The Minimalist Program*. Cambridge, Mass: The MIT Press.
- Chomsky 2001 – Chomsky N. *Beyond Explanatory Adequacy*. *Structures and Beyond: The Cartography of Syntactic Structures*. Belletti (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2001. Pp. 104–131.
- Déchaine et al. 2002 – Déchaine R., Wiltschko M. *Decomposing Pronouns*. *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 22. Pp. 409–442.
- Dressler 1985 – Dressler W. U. *Typological aspects of Natural Morphology*. *Wiener linguistische Gazette*. 1985. Vol. 36. Pp. 51–70.
- Emonds 1978 – Emonds J. *The Verbal Complex V'-V in French*. 1978. Vol. 9. Pp. 151–175.
- Fanciullo 1997 – Fanciullo F. *Raddoppiamento Sintattico e ricostruzione linguistica del Sud italiano*. Pisa: ETS, 1997.
- Forchheimer 1953 – Forchheimer P. *The category of person in language*. Berlin: Walter de Gruyter, 1953.
- Greenberg 1954 – Greenberg J. H. *Concerning inferences from linguistics to nonlinguistics data*. *Language in culture: conference on the interrelation of language and other aspects of culture*. Hoijer (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1954. Pp. 3–19.
- Halle 1992 – Halle M. *Latvian declension*. *Morphology yearbook*. Booij, van der Merle (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1992. Pp. 33–47.
- Halle et al. 1993 – Halle M., Marantz A. *Distributed Morphology and the Pieces of Inflection*. *The View from Building 20*. Hale, Keyser (eds.). Cambridge, Mass: MIT Press, 1993. Pp. 111–176.

Halle et al. 1994 – Halle M., Marantz A. Some key features of Distributed Morphology. *Papers on Phonology and Morphology*. MIT Working Papers in Linguistics. 1994. Vol. 21 Pp. 275–288.

Harley et al. 1998 – Harley H., R. Noyer. Licensing in the non-lexicalist lexicon: nominalization, Vocabulary Items and the Encyclopedia. *MIT Working Papers in Linguistics*. 1998. Vol. 32 Pp. 119–137.

Harley et al. 2002 – Harley H., Ritter E. Person and number marking in pronouns: a feature-geometric analysis. *Language*. 2002. Vol. 78. Pp. 482–526.

Jakobson 1932 – Jakobson R. The structure of the Russian verb. *Russian and Slavic Grammar Studies*. Waugh, Linda, Halle (eds.). Berlin: Mouton and de Gruyter, 1932. Pp. 1–14.

Jakobson 1941. Jakobson R. Child language, aphasia, and phonological universals. The Hague: Mouton, 1941.

Jespersen 1924 – Jespersen O. *The Philosophy of Grammar*. New York: The Norton Library, 1924.

Loporcaro 1988 – Loporcaro M. History and Geography of Raddoppiamento Fonosintattico: Remarks on the Evolution of a Phonological Rule. *Certamen phonologicum. Papers from the 1987 Cortona phonology meeting*. Bertinetto, Loporcaro (eds.). Turin: Rosenberg and Sellier, 1988. Pp. 341–387.

Loporcaro 1997 – Loporcaro M. *L'origine del raddoppiamento fonosintattico. Saggio di fonologia diacronica romanza*. Basel-Tübingen: Francke, 1997.

Maiden 1991 – Maiden M. *Interactive morphonology: metaphony in Italy*. London: Routledge, 1991.

Pollock 1989 – Pollock J. Verb Movement, Universal Grammar, and the structure of IP. *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. No. 3. Pp. 365–424.

Pollock 1997a – Pollock J. *Langage et cognition. Introduction au programme minimaliste de la grammaire generative*. Paris: Presses Universitaires de France, 1997.

Pollock 1997b – Pollock J. Notes on clause structure. *Elements of grammar: handbook in generative syntax*. Haegeman (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997. Pp. 237–279.

Rice et al. 1991 – Rice K., Avery P. On the relationship between coronality and laterality. *Phonetics and Phonology*. 1991. Vol. 2. Pp. 101–124.

Rice et al. 1993 – Rice K., Avery P. Segmental complexity and the structure of inventories. *Working Papers in Linguistics*. 1993. Vol. 12. Pp. 131–154.

Ritter et al. 2010 – Ritter E., Wiltschko M. The composition of INFL: An exploration of tense, tenseless languages and tenseless constructions. *LingBuzz/001078*.

Roberts 2010 – Roberts I. *Clitics, Head Movement and Incorporation*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2010.

Roberts et al. 2010 – Roberts I., Holmberg A. Introduction: parameters in minimalist theory. Null subjects: the structure of parametric variation. Biberauer, Holmberg, Roberts, Sheehan (eds.). Cambridge UK: Cambridge University Press, 2010. Pp. 1–57.

Scalise 1984 – Scalise S. *Generative Morphology*. Dordrecht: Foris, 1984.

Schwegler 1990 – Schwegler A. *Analyticity and Syntheticity: a diachronic perspective with special reference to Romance Languages*. New York: Mouton de Gruyter, 1990.

Slabavoka 2001 – Slabakova R. L1 transfer revisited: the L2 acquisition of telicity marking in English by Spanish and Bulgarian native speakers. *Linguistics*. 2001. Vol. 38. Pp. 739–770.

Suñer 1994 – Suñer M. V-movement and the licensing of argumental wh-phrases in Spanish. *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 12. Pp. 335–372.

Torcolacci 2015 – Torcolacci G. *Marking the Default. Auxiliary selection in southern Italian dialects*. Utrecht: LOT, 2015.

Torrego 1984 – Torrego E. On inversion in Spanish and Some of its Effects. *Linguistic Inquiry*. 1984. Vol. 15. Pp. 103–129.

Travis 2005 – Travis L. Articulated vPs and the computation of Aktionsart. *Aspectual Inquiries*. Kempchinsky, Slabakova (eds.). New York: Springer Publishers, 2005. Pp. 69–94.

Vendler 1967 – Vendler Z. *Verbs and Times*. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell University Press, 1967.

Wanner 1987 – Wanner D. The Derivation of Inflectional Paradigms in Italian. *Generative Studies in Romance Languages*. Casagrande, Saciuk (eds.). Rowley: Newbury House, 1987. Pp. 293–318.

Syntactic Doubling of Agreement Features in Awadhi: A Functional Perspective

Настоящее исследование посвящено изучению синтаксического удвоения в языке авадхи. Предшествующий анализ и статистическое тестирование с использованием базы данных крупномасштабных диалектных проектов предполагает, что это явление значительно более распространено в диалектах, чем в стандартной разновидности языка, однако причины такого распределения остаются необъяснёнными. В настоящей статье феномен объясняется тенденцией к избавлению от семантически избыточных элементов в стандартном литературном языке.

Ключевые слова: авадхи, копирование признаков, семантическая избыточность.

In the context of comparative micro-variation syntactic studies, previous analysis and statistical testing of Syntactic Doubling using the database of large-scale dialectal projects suggests that this phenomenon is much more frequent and pervasive in dialects than in the standard variety of a language, and one of the questions that remains unanswered is why. The present paper proposes that normative pressure to remove semantically superfluous elements is generally higher on the standard variety of a language than on the dialects and that is the reason why in the case of the former, frequent and extensive syntactic doubling has not been reported.

Keywords: Avadhi, syntactic doubling, feature copying, semantic redundancy.

1. Syntactic Doubling

In syntactic literature, the phenomenon of Syntactic Doubling is generally defined as the process in which a phrase, a word, a morpheme, or even a feature is redundantly copied or expressed one or more times within a sentence, without the introduction of any kind of semantic or pragmatic effect [Barbiers, 2008]. Hence, all other cases where a syntactic element is doubled but has some semantic or pragmatic consequence do not fall into this definition and are not considered as true cases of syntactic doubling. Syntactic Doubling has garnered a lot of interest from linguists working on variation within a language. One of the reasons being, from the perspective of modern linguistic theory, this phenomenon seems to violate some of the core principles of linguistic research such as the Principle of Compositionality [Frege, 1892], as an element expressed twice has no role to play in compositional interpretation of the sentence, and also for the Principle of Economy [Chomsky, 1995], as optional doubling only adds some superfluous steps in syntactic derivation of the sentence.

1.1. Types of Syntactic Doubling

Some of the cases of Syntactic Doubling are agreement feature copying, pronoun doubling, wh-particle doubling, determiner doubling, negative particle doubling, etc. Syntactic doubling is so widespread in languages that it, in fact, appears to be a core property of syntactic module of mental grammar. There are many types of doubling phenomena, such as full or partial doubling, optional or mandatory doubling, apparent or real doubling, etc. and consequently as many theoretical assumptions in syntactic variation literature that explain them [Barbiers, 2008]. In recent micro-comparative and variation studies, the syntactic doubling of almost every syntactic element, including determiner, verb, preposition, pronoun (WH-pronoun, subject pronoun, relative pronoun), negative particle, tense, aspect, definiteness, focus particle, etc. has been discussed quite extensively (Barbiers, Koenenman, Lekakou and Van der Ham 2008) and there is at least one study on a special case of doubling of person marking in Basque dialects (Fernandez and Albizu 2006).

1.1.1. Agreement as Syntactic Doubling

Unlike a few other cases of doubling deemed as only apparent, for instance, perfect doubling in southern dialects of Dutch [Olaf Koenenman, Marika Lekakou and Sjef Barbiers 2011], all cases of feature agreement copying are generally counted as a true case of doubling because, for one, the affixes that mark agreement “express one or more morphosyntactic features of an element elsewhere in the clause” and, secondly, because in cases it occurs, it “cannot be exploited to convey a special meaning or discourse status” [Barbiers, 2008].

1.2. Syntactic Doubling in Dialects

In the context of comparative micro-variation syntactic studies, previous analysis and statistical testing of Syntactic Doubling using the database of large-scale syntax dialectal projects (for e.g. SAND, ASIT, Cordial-Sin, FRED, etc.) suggests that this syntactic phenomenon is much more frequent and pervasive in colloquial speech and dialects or substandard varieties than it is in the standard variety of a language or in formal speech [Barbiers, 2008], and one of the questions that remains unanswered is why. Of course, this is not to say that syntactic doubling does not occur in standard varieties, for it does. The distinction lies in terms of its statistical frequency of this phenomenon, which is reported to be higher in an above-chance level fashion in case of the dialects. The case of Syntactic Doubling being pervasive in dialects is interesting because it is generally agreed upon that the difference between dialects and the standard variety is more socio-political than linguistic, but in this case, a clear marked linguistic difference has been identified and this raises many questions.

1.3. Accounting for Syntactic Doubling

Since Syntactic Doubling is seen in a variety of ways, one umbrella explanation is neither possible nor adequate. One of the speculations that arise from the study of

syntactic doubling in dialects is that of the pressure put by normative grammarians or purists on a language. In general, the normative pressure to remove redundant or semantically superfluous elements is generally higher on the standard variety (and in formal use) of a language than on the dialects and substandard varieties (or colloquial use) of a language, which could be a reason why in the case of the former, frequent and extensive syntactic doubling has not been reported. The frequent occurrence of negative concord in Black English as opposed to the standard variety is one clear example for this.

- (1) I ain't got no money.
- (2) I do not have money.

However, this argument is problematic on at least two grounds. For one, unlike the case of Black English versus Standard English varieties, the evidence for normative pressure put on many languages is not available to us. Secondly, in case this phenomenon could be explained by this extra linguistic factor alone, one must be able to find cases where this tendency of pervasive syntactic doubling in dialects goes in the opposite direction too.

2. Awadhi: Language Introduction

Awadhi belongs to the Indo-Aryan Language Family of the East-Central Zone. Spoken majorly in Sitapur, Lucknow, Allahabad, Sultanpur, Faizabad, Mirzapur, Unnao, Rai-Bareilly, Pratapgarh, Fatehpur and Gonda regions in India and in some Central and Western areas of Nepal like Nepal Gunj, Awadhi is considered to be a dialect of Hindi (eastern Hindi). The language is known for its rich literary, especially poetic, tradition and past. Like Hindi, Awadhi is written in the Devanagiri script. Awadhi is an SOV language, i.e. the canonical word order is Subject-Object-Verb. In other words, in transitive constructions, the complement of the verb precedes the main verb, and in ditransitive constructions, the direct object and indirect object precede the main verb. However, word order is not rigid, and scrambling is possible in the language, albeit with a few restrictions, like Hindi. As expected from an SOV language, Awadhi has post-positions. The language is inflectional. Portmanteau morphemes are common.

2.1. Syntactic Doubling in Awadhi

In Awadhi, the morphosyntactic features of the noun get copied in striking combinations on verbs, auxiliaries, adjectives and copula, and the pattern differs strikingly from the standard variety. There are maximum of four agreement markers in the language (phi- features and honorificity), for which the following holds true:

- (1) Most of these features are obligatorily present, but in cases when they are optional, their presence or absence does not have any semantic or pragmatic consequence.
- (2) Their extensive occurrence in the standard variety of the same language does not contribute to any semantic or pragmatic effect.

Awadhi reports an interesting case of syntactic doubling of morphological agreement features, where doubling occurs extensively in the standard variety as opposed to the dialect under study. Let us look at the cases of phi-feature and honorificity agreement for noun and adjectives in the dialect and the standard variety of the language from the following sentence construction pairs, the first one coming from the dialect and the second one from the standard variety of the same language.

- (1) a. rəmeʃ ləmba: həo:
 Ramesh tall-Mas be
 Ramesh is tall.
 b. rəmeʃ ləmba: hə
 Ramesh tall-Mas.Sg.I.non-Hon. be
 Ramesh is tall.
- (2) a. sima: ləmbi həo:
 Seema tall.Fem be
 Seema is tall.
 b. sima: ləmbi hə
 Seema tall-Fem.Sg.I.non-Hon be
 Seema is tall.

From these sentence constructions, it can be seen that the adjectives in the standard variety are marked for number, gender, person and honorificity features of the noun, however, they are only marked for gender in the dialect. Let us now look at the Noun-Verb agreement feature doubling in the dialect and the standard variety.

- (3) a. rəmeʃ nɑ:tʃɛ-le
 Ramesh dance-Mas.III
 Ramesh dances.
 b. rəmeʃ nɑ:tʃɛ:- hə
 Ramesh dance-Mas.Sg.III.non-Hon be
 Ramesh dances.

A similar pattern, in fact, seen for almost all other cases of agreement in both imperfective and perfective situations for transitive, intransitive and ditransitive verbs in the language.

2.2. Normative Pressure and Doubling

Taking the case of doubling of phi- features and honorificity markers in Awadhi, we also have the task of defining those language-external, sociolinguistic and diachronic reasons because of which the standard variety shows pervasive doubling instead of the dialect. It is important to note that even though Awadhi

is a dialect, it has been the language of religious texts and formal verse for the Hindu community in India for ages now, and because of which, the pressure by normative grammarians to keep it pure has been comparatively higher as compared to that on the standard Hindi variety. Also, because of these reasons, it is generally considered to be superior to the standard variety. The standard variety, on the other hand, is the main language in colloquial and informal use and has undergone a lot of changes over the time.

Hence, if we take into consideration the surface manifestation of these features only, we not only identify a case where the occurrence of pervasive doubling phenomenon is found to be reversed in the given dialect and standard variety pair, but also conclude that the reasons are extra-linguistic and diachronic in nature. However, it is possible that the case of strong normative pressure put on a dialect and the absence of pervasive doubling in it is just a mere coincidence. Hence, a more conclusive statement can only be given if and when we identify more cases like these in other languages, possibly with other types of doubling.

3. Notes on Data Collection

A questionnaire containing a total of 328 questions written in Hindi was prepared. A total of 28 native speakers of Awadhi were selected for the data collection. All of them were exposed to Awadhi as their first language, but were also proficient bilinguals in Hindi and English. Apart from these languages, two of the language informants also knew Nepali, and seven of them also knew Bhojpur. To minimize language variation due to sociolinguistic factors like age and gender, language data from only males between the age group of 20 to 30 years was taken. None of them had any academic background in language translation and linguistics. During data collection, the language informants were asked how they would say the Hindi sentences prepared in the questionnaire in Awadhi, and their verbal responses were written down right away in IPA. The sentences, for which the language informants were not sure of the correct response, were not taken into account. The whole procedure took around two and a half hours for each language informant. The data from the first language informant was collected in two different days, due to time constraints. None of the informants were paid for their contribution to the present study.

References

- Barbiers 2011 – Barbiers, S. Where in Syntactic Variation? In *Language Variation - European Perspectives IV: Selected papers from the Sixth International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 6)*, Freiburg, 2011.
- Barbiers 2008 – Barbiers, S. Microvariation in Syntactic Doubling. An Introduction. In S. Barbiers, O. Koenenman, M. Lekakou & M. van der Ham (eds.), *Microvariation in Syntactic Doubling (Syntax and Semantics, 36)*, 2008. Bingley: Emerald. Pp.1–34.
- Chomsky 1995 – Chomsky, N. *The Minimalist Program*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

104 | Kunst, J.P. and F. Wesseling. 2011. The Edisyn search engine. Oslo Studies
in Language, 3 (2: J. B. Johannessen (ed.), Language Variation Infrastructure),
1995. Pp. 63–74.

Abbi 2001 – Abbi, A. A Manual of Linguistic Field Work and Structure of
Indian Languages. LINCOM Europa. Muenchen, 2011.

Saksena 1971 – Saksena, B. Evolution of Awadhi (A Branch of Hindi), Motilal
Banarsidass, Delhi, 1971.

Jackendoff 2002 – Jackendoff, R. Foundations of Language. Brain, Meaning,
Grammar, Evolution. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Grierson 1967 – Grierson, A. Awadhi Grammar. Linguistic Survey of India.
Motilal Banarsidass, Delhi, 1967.

Дейктические превербы адыгских языков и типология инверсива⁴¹

Цислокативный глагольный префикс в полисинтетических адыгских языках, помимо пространственного значения ‘по направлению к говорящему’, появляется при некоторых комбинациях личных показателей в многоместных глаголах, а именно там, где непрямой объект выше субъекта в иерархии $1 > 2 > 3_{\text{proximate}} > 3_{\text{obviative}}$. Несмотря на то, что это сближает использование адыгского цислокативного префикса с отмеченной в целом ряде языков категорией инверсива, в статье показывается, что «адыгский инверсив» весьма далёк от типологического «канона» этой категории. Во-первых, использование «инверсивного» префикса в адыгских языках избыточно, поскольку на соотношение между ролями и лицами актантов однозначно указывает позиция личных префиксов, во-вторых, «адыгский инверсив» нечувствителен к синтаксической переходности.

Ключевые слова: адыгские языки, инверсив, вершинное маркирование, лингвистическая типология.

The cislocative verbal prefix in the polysynthetic Circassian languages, besides its spatial use ('hither'), can occur in certain person-role configurations of polyvalent verbs, i.e. when the indirect object outranks the subject on the person hierarchy $1 > 2 > 3_{\text{proximate}} > 3_{\text{obviative}}$. It is argued that while this makes the use of the Circassian cislocative similar to inverse markers of other languages, the "Circassian inverse" is highly non-canonical due, first, to its formal redundancy (the mapping between persons and roles is unambiguously signalled by the position of personal prefixes), and, second, to its non-occurrence in prototypical transitive constructions.

Keywords: Circassian languages, direct-inverse systems, participant indexing, linguistic typology.

1. Введение

Данная статья посвящена типологически нетривиальному употреблению дейктических глагольных префиксов (превербов) в адыгских языках, иллюстрируемое следующим примером из литературного кабардино-черкесского языка:

литературный кабардино-черкесский [Багов и др. 1970: 126]

(1) *qə-v-e-deʷe-n-š*

⁴¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 17-18-01184. Я благодарю носителей адыгейского и кабардинского языков, а также участников конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017» и редакторов сборника. Все ошибки на совести автора.

В примере (1) **цислокативный** преверб *qə-*, основное значение которого — направленность действия в сторону говорящего или дейктического центра, используется при сочетании 3 лица субъекта и 2 лица объекта двухвалентного непереходного глагола. В примерах вроде (1) направительный преверб используется не в своём прямом пространственном значении, но в зависимости от соотношения лиц и ролей актантов глагола. Такое употребление демонстрирует явные черты сходства с категорией **инверсива**, основной функцией которой является как раз кодирование соотношения ролевых и референциальных характеристик актантов ([Givón 1994; Zúñiga 2006; Jacques & Antonov 2014]). На сходство адыгского цислокатива с инверсивом было обращено внимание ещё в работе [Тестелец 1989].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы оценить, в какой мере употребление адыгского дейктического преверба подходит под типологический прототип категории инверсива. Я покажу, что при всём несомненном сходстве контекстов употребления адыгского цислокатива и «канонического» инверсива, между ними наблюдаются расхождения столь существенные, что отождествлять эти два явления можно лишь с немалой натяжкой. В работе используется материал адыгейских и кабардинских идиомов, собранный автором в ходе лингвистических экспедиций РГГУ и НИУ ВШЭ в различные районы Республики Адыгея в 2011–2016 гг., данные текстов (помечены «txt»), описательных грамматик и специальных исследований. Примеры без указания источника получены автором методом элицитации.

Дальнейшая структура статьи такова. В разделе 2 я кратко опишу необходимые для понимания материала сведения о грамматике адыгских языков. Раздел 3 будет посвящён описанию релевантных употреблений дейктического префикса. В разделе 4 я перечислю признаки «канонического» инверсива по [Jacques & Antonov 2014] и оценю, в какой мере адыгская ситуация им соответствует.

2. Необходимые сведения об адыгских языках

Адыгские, или черкесские языки, — адыгейский и кабардино-черкесский (далее для краткости кабардинский) — составляют группу близкородственных диалектов с двумя литературными стандартами, входящую в западнокавказскую (абхазо-адыгскую) семью языков. Все языки этой семьи характеризуются развитым полисинтетизмом и морфологической эргативностью, см. [Кумахов 1971; Hewitt 2005; Кумахов, Вамлинг 2006; Тестелец (ред.) 2009; Lander, Testeleets 2017]. В дальнейшем нас будет интересовать лишь глагольная морфология.

В адыгском глаголе с помощью личных префиксов и показателей актантной деривации (каузатива и целого ряда аппликативов) морфологически

кодируются все основные участники ситуации, число которых ограничено, по-видимому, лишь оперативной памятью носителей. Кроме того, в глаголе выражаются многочисленные аспектуальные, темпоральные и модальные значения, отрицание и синтаксический статус предикации. Наконец, важное место в глагольной морфологии занимает кодирование пространственных значений (**глагольной ориентации**, [Плунгян 2002]), в частности, дейксиста. В таблице 1 приведена идеализированная схема устройства адыгской глагольной словоформы.

префиксы								корень		суффиксы				
зона актантной структуры						предосновные элементы		основа				окончания		
-10	-9	-8	-7	-6	-5	-4	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4
абсолютив	дейктический преверб	субординаторы	аппликативные комплексы	дативный комплекс	эргатив	юссив	динамичность	отрицание	каузатив	корень	директивные суффиксы	аспект-время- модальность	множественное число	показатели синтаксического статуса

Таблица 1. Структура адыгской глагольной словоформы.

Для адыгских языков характерно последовательное морфологическое противопоставление переходных и непереходных глаголов, см. [Smeets 1992; Letuchiy 2013]. Все глаголы имеют абсолютивный актант, кодируемый личными префиксами абсолютивного ряда в начальной позиции в словоформе, ср. пример одновалентного глагола в (2). Абсолютив 3 лица не имеет выраженного показателя и в дальнейшем в глоссах не отмечается.

адыгейский, темиргоевский диалект

- (2) *sə-qe-kʷa-∅*
1SG.ABS-CSL-идти-PST
‘Я пришёл.’

Переходные глаголы кодируют агентивного участника с помощью эргативного ряда префиксов в ближайшей к основе позиции, а пациентивного — с помощью абсолютивного ряда префиксов, ср. пример (3).

- литературный адыгейский (txt)
(3) *wə-z-ke-reze-nʔ*
2SG.ABS-1SG.ERG-CAUS-радоваться-POT
‘Обрадую ли я тебя?’

Многовалентные глаголы могут быть и непереходными; обычно такие глаголы кодируют более агентивного участника в позиции абсолютива, а более пациентивного — в качестве непрямого объекта, вводимого либо одним их специализированных аппликативов в позиции –7, либо так называемым дативным превербом в позиции –6, ср. пример (4). Непрямой объект 3 лица единственного числа имеет нулевой префикс.

литературный адыгейский (txt)

(4) $\hat{s}^w\partial-q\partial-s-a-\check{z}!$

\ 2PL.ABS-CSL-1SG.IO-DAT-ждать(IMP)

‘Подождите меня!’

Битранзитивные глаголы вроде ‘дать’ кодируют тему в позиции абсолютива, а реципиента в позиции непрямого объекта, ср. пример (5).

литературный адыгейский (txt)

(5) $j\partial z\partial n$

разрешение(ABS)

‘Дайте мне разрешение...’

$q\partial-s-e-\hat{s}^w-t-j\partial$

CSL-1SG.IO-DAT-2PL.ERG-дать(IMP)-ADD

В таблице 2 приводятся лично-числовые показатели рядов абсолютива, непрямого объекта и эргатива (A = адыгейский, K = кабардинский).

	Abs	IO	Erg
1Sg	$s\partial-$	$s- \sim z-$	
2Sg	$w\partial-$	$w- \sim p- \sim b-$	
3Sg	—	\emptyset	$j\partial- \sim \partial-$
1Pl	$A t\partial-, K d\partial-$	$t- \sim d-$	
2Pl	$A \hat{s}^w\partial-, K f\partial-$	$A \hat{s}^w- \sim \hat{z}^w-, K f \sim v$	
3Pl	—	$a- \sim ja-$	

Таблица 2. Лично-числовые показатели

Как видно из таблицы 2, формальные различия между рядами лично-числовых префиксов невелики, так что кодирование ролей осуществляется в первую очередь их позицией в словоформе (см. таблицу 1). Кроме того, как показано в уже приведённых примерах, интересующий нас дейктический преверб $qV-$ занимает позицию непосредственно после абсолютивного префикса — либо начальную в словоформе при отсутствии такового в 3 лице.

3. Дейктический префикс и кодирование актантов

Исходное значение цислокативного префикса $qV-$ (гласный зависит о морфонологического окружения) — ‘движение к говорящему’, пример (6), естественно расширяющееся и на ситуации, не предполагающие реального перемещения, как в примере (7).

адыгейский, темиргоевский диалект

(6) а.

$\check{c}e!$

бежать(IMP)

‘Беги (отсюда)!’

б.

$qa-\check{c}e!$

CSL-бежать(IMP)

‘Беги сюда!’

(7) а.

$p\check{r}e!$

смотреть(IMP)

‘Посмотри (туда)!’

б.

$qa-p\check{r}e!$

CSL-смотреть(IMP)

‘Посмотри (сюда)!’

Цислокативный преверб является одним из наиболее частотных грамматических показателей адыгских языков (так, в случайно выбранном тексте из корпуса спонтанных нарративов на бесленеевском диалекте кабардинского языка, собранных в ходе экспедиций 2011–2013 гг. в а. Уляп Красногвардейского района Республики Адыгея, на 120 словоформ приходится 7 вхождений цислокатива). Во многих случаях точное значение преверба установить сложно, имеется и целый ряд лексикализованных употреблений, синхронно никак не связанных с исходным, ср. [Рогава, Керашева 1966: 112–114; Кумахов (ред.) 2006: 260]. Наряду с этим цислокативный преверб является важным компонентом словоизменительной системы адыгских языков, принимая участие в выражении актантной структуры, см., например, [Кумахов 1971: 253–254; Кумахов, Вамлинг 2006: 67–71] и специально посвящённые этому исследования [Ломизе 2013; Кувшинова 2015].

Наряду с цислокативным превербом, в восточных диалектах кабардинского языка имеется и транслокативный преверб *ne-* со значением ‘движение от говорящего’ [Кумахов (ред.) 2006: 177–178, 260]. Он существенно менее продуктивен и за исключением ряда лексикализованных употреблений практически не используется ни в адыгейских диалектах, ни в исследованных мною западных диалектах кабардинского (бесленеевском и кубанском), поэтому в дальнейшем я не буду принимать его во внимание.

Для данной статьи интерес представляют употребления цислокативного преверба, иллюстрируемые примерами (1), (4) и (5) выше. Рассмотрим сначала случаи использования и неиспользования преверба при разных комбинациях лиц агенса и реципиента битранзитивных глаголов, в первую очередь ‘дать’. При агенсе 1 или 2 лица и реципиенте 3 лица преверб отсутствует, ср. (8a,b). Напротив, при агенсе 3 лица и реципиенте 1 или 2 лица преверб есть и, более того, обязателен, ср. (9a,b).

кабардинский, бесленеевский диалект (txt)

- (8) a. *zeč'e-m-jə* *kenfjet-xe-r* *ja-s-t-a*.
 все-OBL-ADD конфета-PL-ABS 3PL.IO-1SG.ERG-дать-PST
 ‘Я всем дала конфет.’

- b. *ja-ž'-je-p-2e-ne-r* *se s-o-čəx^w-rjə...*
 3PL.IO-PREF-DAT-2SG.ERG-сказать-FUT-ABS я 1SG.ERG-DYN-знать-ADD
 ‘Я знаю, что ты им скажешь...’

кабардинский, бесленеевский диалект (txt)

- (9) a. *i zeč'e-m-jə* *qə-d-jə-t-a* *zadanije-zəraz-xe-r*
 и весь-OBL-ADD CSL-1PL.IO-3SG.ERG-дать-PST задание-по.одному-PL-ABS
 ‘И он дал всем нам по одному заданию.’

- b. *xabze-m* *axš'e-ṭekw* *qə-w-jə-tə-nə-m-re...*
государство-OBL деньги-чуть CSL-2SG.IO-3SG.ERG-дать-NML-OBL-CNV
'и то, что государство даёт тебе немного денег...'

При агенте 1 лица и реципиенте 2 лица цислокативный преверб допускается, но необязателен, ср. (10a,b); в восточнокабардинских диалектах в этом случае используется транслокативный преверб *ne-*, см. [Багов и др. 1970: 126]. При обратном соотношении лиц цислокативный преверб обязателен, ср. [Ломизе 2013: 219–220], (11).

- литературный адыгейский (txt)
(10) а. *depqə-m-jə* *qə-pə-s-xə-nə-š* *qə-w-e-s-tə-n*
стена-OBL-ADD CSL-LOC-1SG.ERG-взять-POT-CNV CSL-2SG.IO-DAT-1SG.ERG-дать-POT
'Я сниму со стены и дам тебе.'

- b. *səd-fedjəz* *w-e-s-tə-me* *sə-b-ke-χ^wəž'ə-š't?*
что-примерно 2SG.IO-DAT-1SG.ERG-дать-COND 1SG.ABS-2SG.ERG-CAUS-выздороветь-FUT
'Что мне тебе дать, чтобы ты меня вылечил?'

- кабардинский, бесленеевский диалект (txt)
(11) *sət-x^wede* *fo* *mə* *qə-z-e-f-t-a-r?*
что-похожий мёд этот CSL-1SG.IO-DAT-2PL.ERG-дать-PST-ABS
'Что это за мёд вы мне дали?'

Когда и агент, и реципиент 3 лица, появление преверба обусловлено соотношением их коммуникативных статусов: несколько упрощая, если реципиент более топикален, чем агент, преверб скорее используется, а в обратном случае, напротив, скорее отсутствует, ср. минимальную пару в примерах (12a,b) и текстовый пример (13).

- кабардинский, бесленеевский диалект [Ломизе 2013: 225]
(12) а. *a-bə* *a-r* *č'ele-g^were-m* *r-jə-t-a.*
тот-OBL тот-ABS парень-некий-OBL (3SG.IO)DAT-3SG.ERG-дать-PST
'Он отдал это какому-то парню.'

- b. *a-bə* *a-r* *č'ele-g^were-m* *qə-r-jə-t-a.*
тот-OBL тот-ABS парень-некий-OBL CSL-(3SG.IO)DAT-3SG.ERG-дать-PST
'Ему это отдал какой-то парень.'

- литературный адыгейский (txt)
(13) *werzemež'-ə* *səna-bže-r* *qə-zə-r-a-tə-m,*
Орзмэдж-OBL вино-рог-ABS CSL-TEMP-(3SG.IO)DAT-3PL.ERG-дать-OBL
nart-me *a-r-jə-ž^wa-κ.*
нарт-OBL.PL 3PL.IO-DAT-3SG.ERG-сказать-PST
'Когда ему дали рог, Орзмэдж сказал нартам.'

В первой клаузе примера (13), где реципиент — протагонист повествования герой Орзмэдж, а агенс — не упоминавшиеся в нескольких предшествующих клаузах нарты, цислокативный преверб используется, а в следующей клаузе, где протагонист является агенсом, а нарты — реципиентом, преверба нет. Подробнее о дискурсивных факторах, влияющих на употребление цислокативного преверба при актантах 3 лица, см. [Ломизе 2013: 224–229] и [Кувшинова 2015].

Аналогичны правила употребления цислокативного преверба при двухвалентных непереходных глаголах. При абсолютиве 1 лица и непрямом объекте 2 или 3 лица преверб обычно не используется, ср. (14а), (15а); напротив, преверб обязателен при абсолютиве 3 лица и непрямом объекте 1 или 2 лица, (15b), (16), равно как и при абсолютиве 2 лица и непрямом объекте 1 лица, (14b).

кабардинский, бесленеевский диалект (txt)

(14) а. *sə-b-de-ʔepəq^wə-ne-qəm*

1SG.ABS-2SG.IO-COM-помочь-FUT-NEG

‘Я тебе не помогу.’

б. *wə-qə-z-de-ʔepəq^wə-n*

2SG.ABS-CSL-1SG.IO-COM-помочь-POT

‘Ты мне можешь.’

(15) а. *d-a-d-ješ-u-š^lə-w-a*

2PL.ABS-3PL.IO-COM-играть-ADV-AUX-PST-PST

‘Мы с ними играли [в игру].’

б. *qə-z-de-ʔapəq^w-r-u*

(3.ABS)CSL-1SG.IO-COM-помочь-CNV-ADD

‘мне помогали, и...’

литературный адыгейский (txt)

(16) *qə-w-a-žə-ze je-zeš^l-jə...*

CSL-2SG.IO-DAT-ждать-CNV DAT-скучать-ADD

‘Ей наскучило тебя ждать, и...’

При двух участниках 3 лица наблюдается вариативность, по крайней мере отчасти связанная с различием в коммуникативном статусе актантов. Так, в (17а) абсолютивный участник — не упоминавшаяся на протяжении длительного отрезка текста жена протагониста — менее активирована, чем не прямой объект, так что используется цислокативный преверб. Напротив, в (17b) при том же самом глаголе протагонист совпадает с абсолютивом, а не прямой объект — с деактивированным участником, и преверба нет.

литературный адыгейский (txt)

- (17) а. *werzemež' wəne-m qə-z-j-e-haž'ə-m*,
 Орзмэдж дом-OBL CSL-TEMP-LOC-DYN-вернуться-OBL
setenaje q-je-wəpčə-w.
 Сэтэнай CSL-(3SG.IO)DAT-спросить-PST
 'Когда Орзмэдж вернулся домой, Сэтэнай спросила его.'

- б. *amdeχan jə-λəž č'erə-h-jə <...> je-wəpčə-w.*
 Амдехан POSS-старик LOC-войти-ADD DAT-спросить-PST
 'Амдехан подошла к своему старику... и спросила его.'

Контексты употребления дислокативного проверба в полиперсональных глагольных формах можно обобщить следующим образом: проверб употребляется, когда не прямой объект выше субъекта (эргативного агенса переходного глагола либо абсолютива непереходного глагола) в иерархии лиц (18) [Silverstein 1976; Кибрик 1997], где прох (проксиматив) — более топиальный, а obv (обвиатив) — менее топиальный участник 3 лица. Более наглядно то же обобщение представлено в таблице 3.

- (18) 1 > 2 > 3prox > 3obv

объект субъект	1	2	3prox	3obv
1		±CSL	–CSL	–CSL
2	+CSL		–CSL	–CSL
3prox	+CSL	+CSL		–CSL
3obv	+CSL	+CSL	+CSL	

Таблица 3. Контексты употребления дислокативного проверба.

Такого рода распределение совпадает с ожидаемым от представителя категории инверсива (ср. [Jacques, Antonov 2014: 302, табл. 2], см. следующий раздел), однако внимательный читатель не может не задать вопроса о поведении дислокативного проверба при двухвалентных переходных глаголах с эргативным агенсом и абсолютивным пациенсом. Ответ на этот вопрос оказывается неожиданным: соотношение лиц актантов монотранзитивных глаголов никак не влияет на употребление дислокативного проверба. Это демонстрируют примеры (19) и (20), где проверб отсутствует при агенсе 3 лица и пациенсе 1 и 2 лица.

кабардинский, бесленеевский диалект (txt)

- (19) *s-jə-ɽape jə-wəbəd s-jə-š'e-rjə...*
 1SG.PR-POSS-рука 3SG.ERG-поймать 1SG.ABS-3SG.ERG-вести-ADD
 'Схватив меня за руку, она меня повела...'

литературный адыгейский (txt)
(20) xet-a we pačəh-ew wə-xe-zə-zə-ke-r?
кто-Q ты царь-ADV 2SG.ABS-LOC-REL.ERG-бросать-PST-ABS
‘Кто тебя выбрал царем?’

Типологическая интерпретация этого и других фактов представлена в следующем разделе.

4. Типологическая перспектива

Учитывая отмеченное выше сходство дистрибуции адыгского цислокативного преверба с показателями категории инверсива, описанной для целого ряда языков разных семей и ареалов, см. [Comrie 1980; Тестелец 1989; Givón (ed.) 1994; Кибрик 1997; Zúñiga 2006, 2014; Zavala 2007; Jacques, Antonov 2014], в данном разделе я сопоставлю адыгский случай с прототипическими инверсивными категориями и продемонстрирую его типологическое своеобразие.

Начну с определения «канонического» инверсива, данного в работе [Jacques, Antonov 2014: 302–303] (полужирным выделены ключевые элементы определения):

(21) Канонической инверсивной категорией (canonical direct-inverse system) является система маркирования актантов **монотранзитивных** предикатов, обладающая следующими свойствами:

- а. все личные показатели **нейтральны** относительно синтаксических ролей;
- б. возникающая за счёт свойства (21а) **неоднозначность** ролевого кодирования разрешается с помощью **обязательных** взаимоисключающих показателей (**директива** и **инверсива**), распределение которых описывается таблицей 4, эквивалентной описанию в терминах личной иерархии (18);
- с. инверсивные и директивные формы имеют одну и ту же диатезу и не различаются с точки зрения синтаксической переходности.

объект субъект	1	2	3prox	3obv
1		DIR	DIR	DIR
2	INV		DIR	DIR
3prox	INV	INV		DIR
3obv	INV	INV	INV	

Таблица 4. Каноническая директивно-инверсивная система.

Примерами канонической системы могут служить соответствующие категории в алгонкинских и цзянунских языках, ср. примеры (22a,b) из равнинного кри и (23a,b) из языка кэру (Japhug), где показатели директива и инверсива (в кэру выражен лишь инверсив) служат единственными индикаторами соответствия между лицами участников и их ролями, в то время как сами личные аффиксы кодируют лишь референциальные характеристики актантов.

равнинный кри < алгонкинские (Канада) [Zúñiga 2006: 76]

(22) а. *ni-sēkih-ā-w*
1-пугать-DIR-3
‘Я пугаю его.’

б. *ni-sēkih-ikw-w*
1-пугать-INV-3
‘Он пугает меня.’

кэру < цзяжунские < цянские < сино-тибетские (Китай) [Jacques 2010: 129]

(23) а. *pu-mtó-t-a*
AOR-видеть-PST-1SG
‘Я видел его/её.’

б. *pu'-wɣ-mto-a*
AOR-INV-видеть-1SG
‘Он(а) увидел(а) меня.’

Сопоставив приведённое в (21) определение и примеры (22) и (23) с описанным в разделе 3 поведением адыгского дислокативного преверба, легко убедиться в том, что «адыгский инверсив» соответствует типологическому прототипу лишь в пункте (21с). В остальном же адыгская ситуация явно очень сильно отклоняется от канонического случая.

Во-первых, как уже было сказано, дислокативный преверб в адыгских языках систематически (и в целом ряде случаев обязательно) появляется при инверсивном соотношении лиц и ролей **непрямого** объекта и **субъекта** — либо агенса битранзитивного глагола, либо абсолютива двухместного непереходного. Напротив, именно в той области, где функционирует канонический инверсив — кодирование агенса и пациенса переходного глагола, — адыгский дислокативный преверб необязателен и как правило не используется. Стоит отметить, что чувствительность инверсива к соотношению лиц агенса и реципиента битранзитивных глаголов встречается в языках с каноническим инверсивом [Malchukov et al. 2010: 44–45], однако обычно в таких языках реципиент кодируется так же, как пациенс монотранзитивных глаголов. Это иллюстрируют следующие примеры из языка итонама, где инверсивный префикс появляется и тогда, когда кодируемый личным префиксом участник — пациенс монотранзитивного глагола (24а), и тогда, когда это — реципиент битранзитивного глагола (24б).

итонама, изолят (Боливия), [Crevels 2010: 685, 693]

(24) а. *sih-k'i-ma-doh-ne* *upa'ui*
1PL.EX-INV-рука-кусать-ASP собака
‘Собака укусила нас в руку.’

- b. *wase 'wasih-k'i-makī* *pīlata*
 вчера 1PL.EX-INV-дать серебро
 'Вчера они дали нам денег.'

Такая система кодирования, именуемая **секундативной** [Malchukov et al. 2010: 3–4], ориентируется на грамматическую роль так называемого «первичного объекта» [Dryer 1986], объединяющую пациенса и реципиента в противоположность битранзитивной теме, и широко представлена в глагольном вершинном маркировании [Haspelmath 2005]. Очевидно, однако, что ситуация в адыгских языках принципиально иная: в них кодирование ролей в битранзитивных конструкциях является **индирективным**, т.е. ориентировано на грамматическую роль непрямого объекта, чётко противопоставленную роли абсолютива. Более того, в ряде языков, где канонический инверсив сочетается с индирективным кодированием реципиента и темы, например, в кэру [Jacques 2010: 144–145], он нечувствителен к соотношению лиц агенса и непрямого объекта.

Во-вторых, для адыгских и вообще западнокавказских языков не выполняется пункт (21а) определения инверсива, связанный с ролевой нейтральностью личных показателей и вытекающей из него **дискриминаторной** функцией маркеров инверсива и директива. В адыгских языках роли актантов однозначно кодируются позицией и отчасти формой лично-числовых префиксов, так что за исключением случаев с актантами 3 лица соответствие между референциальными и ролевыми характеристиками можно установить и без помощи каких-либо дополнительных аффиксов. Тем самым, адыгский дислокативный преверб является **избыточным**, в отличие от показателей инверсива алгонкинских и других языков с канонической директивно-инверсивной системой.

Избыточность адыгского дислокатива проявляется и в том, что наряду с описанными выше контекстами обязательного употребления имеется целый ряд случаев, когда при тех же сочетаниях ролей и лиц актантов преверб факультативен либо вообще избегается. Сюда относятся глаголы с префиксом бенефактива (по крайней мере, в собственно бенефактивном значении; о функциях адыгского бенефактива см. [Летучий 2009а]), ср. (25а,б) где при одном и том же глаголе и одной и той же комбинации лиц участников дислокативный преверб в одном случае используется, а в другом — нет.

кабардинский, бесленеевский диалект (txt)

- (25) а. *fwe-č'e* *qə-s-x"e-f-šə-ž'!*
 мёд–новый CSL-1SG.IO-BEN-2PL.ERG-делать-RE(IMP)
 'Сделайте мне новый мёд!'

- б. *kaše* *s-x"e-p-šə-ne.*
 каша 1SG.IO-BEN-2SG.ERG-делать-FUT
 'Ты приготовишь мне кашу.'

Также факультативен цислокативный преверб и при каузативах от переходных глаголов, которые с точки зрения кодирования ролей идентичны битранзитивным глаголам, но синтаксически от них отличаются, см. [Летучий 2009б], ср. (26a,b).

литературный адыгейский (txt)

- (26) а. *zə-par-jə w-jə-mə-ke-lex^wə-ž'-ew*
 один-ничто-ADD 2SG.IO-3SG.ERG-NEG-CAUS-видеть-RE-ADV
 'не давая тебе ничего видеть'

- б. *k^weg^wə-terez qə-t-jə-ke-lex^wə-k-ew*
 дорога-верный CSL-1PL.IO-3SG.ERG-CAUS-видеть-PST-ADV
 'указав нам верную дорогу'

Наконец, отмечу ещё одну немаловажную черту, которая, при всех отличиях, роднит «адыгский инверсив» с каноническим случаем, а именно, развитие инверсивной функции из значения пространственного дейксиса. Происхождение канонических инверсивных маркеров из цислокативных показателей отмечено в целом ряде языков [Jacques, Antonov 2014: 312–313]. Так, в сино-тибетском языке тангса один и тот же показатель с непереходными глаголами движения указывает на направление в сторону говорящего, (27a), а с переходными глаголами функционирует как инверсив, (27b).

тангса, диалект хахун < куки-чин < сино-тибетские (Индия) [Воро 2017: 342, 76]

- (27) а. *dʒ'a kəmi i-t^hʔ nʃ miʔ*
 однако я-над LOC человек
mʃ-t^hə a-dūŋ vʃ r-a
 CLF-один NML-большой придти CSL.NPST-3
 'Однако придёт человек больше меня.'

- б. *ɲə a-zūn rì r-ʃ i-phù kəmeʔ a*
 я NML-гнать AUX INV.NPST-1SG 1SG-старший.брат ERG PTC
 'Меня прогонит мой старший брат.'

Хотя конкретные механизмы, приводящие к подобному развитию показателей дейктической ориентации, во-первых, недостаточно изучены, и, во-вторых, в разных языках очевидно различны, сам по себе такой диахронический сценарий представляется вполне естественным. Более того, в случае адыгских языков он хорошо объясняет именно «пристрастие» адыгского цислокатива к непрямым объектам — ведь как раз в случае предикатов вроде 'давать' или 'смотреть' перенос от пространственного дейксиса к (избыточному) маркированию лично-ролевых конфигураций происходит проще всего.

5. Заключение

Итак, цислокативный преверб адыгских языков демонстрирует как не-тривиальные сходства с каноническими случаями категории инверсива, так и столь же существенные отличия от них. Сходства заключаются прежде

всего в факторах, влияющих на употребление цислокатива в зависимости от соотношения лиц и ролей актантов многоместных предикатов, а также в общности диахронического развития. Отличия же состоят в том, что, во-первых, адыгский цислокативный преверб избыточен и не служит разрешению неоднозначности соотношения ролевых и референциальных характеристик актантов, и, во-вторых, основным «контролёром» его употребления служит грамматическая роль непрямого объекта, в то время как в собственно переходных глаголах цислокатив в «инверсивной» функции систематически не используется.

Чувствительность «адыгского инверсива» к соотношению лиц непрямого объекта и агенса битранзитивного глагола (А) и абсолютива непереходного (S) весьма нетривиальна в свете свойственной западнокавказским языкам последовательной морфологической эргативности. Действительно, в данном случае «инверсив» ведёт себя по номинативно-аккузативной модели, объединяя роли S и А в единую «гиперроль» субъекта; это, впрочем, не единственная такая конструкция в адыгских языках, см. подробнее [Letuchiy 2012].

Тем самым, свойства адыгского цислокативного преверба делают его чрезвычайно нетипичным примером инверсива — если адыгский случай вообще правомерно рассматривать в рамках данной категории. Вопрос этот не является чисто терминологическим, поскольку упирается в оценку относительной значимости сходств и различий конкретноязыковой категории и типологического прототипа, — проблемы, не имеющей в современной лингвистической теории удовлетворительного решения.

Сокращения

ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; ASP — аспект; AUX — вспомогательный глагол; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; CLF — классификатор; CNV — конверб; COM — комитатив; COND — кондиционал; CSL — цислокатив; DAT — дативный преверб; DCL — декларатив; DIR — директив; DYN — динамичность; ERG — эргатив; EX — эксклюзивность; FUT — будущее время; IMP — императив; INV — инверсив; IO — не прямой объект; LOC — локатив; NEG — отрицание; NML — номинализация; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивность; POT — потенциалис; PR — посессор; PREF — префикс; PST — прошедшее время; PTC — частица; Q — вопросительность; RE — рефактив; REL — релятивизация; SG — единственное число; TEMP — темпоральное подчинение.

Литература

Багов и др. 1970 — Багов П.М., Балкаров Б.Х., Куашева Т.Х., Кумахов М.А., Рogaва Г.В. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. М.: «Наука», 1970.

Кибрик 1997 — Кибрик А.Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 27–57.

Кувшинова 2015 — Кувшинова Е.В. Директивный преверб в «инверсивной функции» в бжедугском диалекте адыгейского языка // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика. Вып. X. М.: РГГУ, 2011. С. 202–220.

Кумахов 1971 — Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.

Кумахов (ред.) 2006 — Кабардино-черкесский язык. Т. I. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис / Отв. ред. М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-Фа, 2006.

Кумахов, Вамлинг 2006 — Кумахов М.А., К. Вамлинг. Эргативность в черкесских языках. Malmö: IMER, 2006.

Летучий 2009а — Летучий А.Б. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009. С. 329–371.

Летучий 2009б — Летучий А.Б. Каузатив, декаузатив и лабильность. // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009. С. 372–428.

Ломизе 2013 — Ломизе Г.Е. Инверсив в уляпском говоре кабардино-черкесского языка // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Выпуск VIII. М.: РГГУ, 2013. С. 210–233.

Плунгян 2002 — Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Т. 2. Грамматикализация пространственных значений / Отв. ред. В.А. Плунгян. М.: Русские словари, 2002. С. 57–98.

Рогава, Керашева 1966 — Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.

Тестелец 1989 — Тестелец Я.Г. Категория инверсива: определение и опыт типологии // Проблемы семантической и синтаксической типологии. М.: Наука, 1989. С. 135–146.

Тестелец (ред.) 2009 — Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009.

Boro 2017 — Boro K. A Grammar of Hakhun Tangsa. Ph.D dis. University of Oregon, 2017.

Comrie 1980 — Comrie B. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak and Kamchadal. In: *Folia Linguistica Historica*. 1980. Vol. I. No. 1. Pp. 61–74.

Crevels 2010 — Crevels M. Ditransitives in Itonama. In: *Studies in Ditransitive Constructions. A Comparative Handbook*. A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 678–709.

- Dryer 1986 — Dryer M. Primary objects, secondary objects, and antitativity. In: *Language*. 1986. Vol. 62. No. 4. Pp. 808–845.
- Givón 1994 — Givón T. The pragmatics of de-transitive voice: Functional and typological aspects of inversion. In: *Voice and Inversion*. Givón T. (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994. Pp. 3–44.
- Givón ed. 1994 — *Voice and Inversion*. Givón T. (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994.
- Haspelmath 2005 — Haspelmath M. Argument marking in ditransitive alignment types. In: *Linguistic Discovery*. 2005. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–21.
- Hewitt 2005 — Hewitt B.G. North West Caucasian. In: *Lingua*. 2005. Vol. 119. Pp. 91–145.
- Jacques 2010 — Jacques G. The inverse in Japhug Rgyalrong. In: *Language and Linguistics*. 2010. Vol. 11. No. 1. Pp. 127–157.
- Jacques, Antonov 2014 — Jacques G., Antonov A. Direct-inverse systems. In: *Language and Linguistics Compass*. 2014. Vol. 8. Pp. 301–318.
- Lander, Testelets 2017 — Lander Yu.A., Testelets Ya.G. Adyghe. In: *The Oxford Handbook of Polysynthesis*. M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 948–970.
- Letuchiy 2012 — Letuchiy A.B. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. In: *Ergativity, Valency and Voice*. G. Authier, K. Haude (eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2012. Pp. 323–354.
- Letuchiy 2013 — Letuchiy A.B. Verb classes in Adyghe: derivational vs. nonderivational criteria. In: *Linguistics*. 2013. Vol. 51. No. 4. Pp. 729–766.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A., Comrie B., Haspelmath M. Ditransitive constructions: An overview. In: *Studies in Ditransitive Constructions. A Comparative Handbook*. A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.), Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 1–64.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. In: *Grammatical Categories in Australian Languages*. R. M. W. Dixon (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112–171.
- Smeets 1992 — Smeets R. On valencies, actants and actant coding in Circassian. In: *Caucasian Perspectives*. B. G. Hewitt (ed.). München, Newcastle: LINCOM Europa, 1992. Pp. 98–144.
- Zavala 2007 — Zavala R. Inversion and obviation in Mesoamerica. In: *Endangered Languages*. P.K. Austin, A. Simpson (eds.). Hamburg: Buske, 2007. Pp. 267–306.
- Zúñiga 2006 — Zúñiga F. Deixis and Alignment: Inverse Systems in Indigenous Languages of the Americas. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2006.
- Zúñiga 2014 — Zúñiga F. Inversion, obviation, and animacy in native languages of the Americas: Elements for a cross-linguistic survey. In: *Anthropological Linguistics*. 2014. Vol. 56. Nos. 3–4. Pp. 1–22.

Зона «сверхпрошлого» в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка⁴²

Статья посвящена выражению значений сверхпрошлого в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка, обладающего рядом нетривиальных черт для типологии абхазо-адыгских языков и типологии прошедших времен в целом. В кубанском диалекте, во-первых, насчитывается семь специализированных показателей зоны сверхпрошлого: три синтетические формы и четыре аналитические. Во-вторых, в нем сохраняется противопоставление перфектива и имперфектива в данной семантической зоне. В-третьих, из-за малой употребительности специализированных аналитических форм имперфективного сверхпрошлого в кубанском при довольно четком различении перфективных значений прошлого и сверхпрошлого фактически отсутствует их противопоставление в имперфективных контекстах.

Ключевые слова: абхазо-адыгские языки видо-временные категории, сверхпрошное, оппозиция имперфектива и перфектива, морфология.

The article deals with pluperfect (discontinuous past) tenses in the Kuban dialect of Kabardian (East Circassian). The system of past tenses of Kuban Kabardian features several non-trivial properties interesting both for the typology of North-West Caucasian and for the general typology of past tense systems. First, Kuban Kabardian has as much as seven pluperfect forms (three synthetic and four analytic forms). Second, Kuban Kabardian has a clear opposition of imperfective and perfective aspects in the discontinuous past zone. Third, while the perfective meanings are expressed by different markers in the past and the discontinuous past zones, this opposition is almost neutralized in imperfective contexts due to the rare use of the analytic pluperfect forms specialized in the imperfective discontinuous past.

Keywords: pluperfect, discontinuous past, tense systems, North-West Caucasian languages, opposition of imperfective and perfective aspects, morphology.

1. Введение

1.1. Теоретические замечания

Термин «сверхпрошлое» ввел В. А. Плунгян в статье [Плунгян 2001] для обозначения семантической зоны, к которой относят ситуации, произошедшие в прошлом и неактуальные на настоящий момент [Плунгян 1998,

⁴² Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 17-04-00444 «Грамматические категории в структуре клаузы».

Plungian, van der Auwera 2006]. Специализированными формами сверхпрошлого являются плюсквамперфект (см. подробнее [Сичинава 2013]) и ретроспективный сдвиг – показатель, который присоединяется к уже имеющимся в глаголе аспектуальным и временным аффиксами и «переносит ситуацию на один шаг назад» ([Плунгян 2001: стр]).

К зоне сверхпрошлого обычно относят следующие значения [Сичинава 2013:23–41]:

1) Неактуальное прошлое ('ситуация Р имела место раньше, но не имеет места в настоящий момент') (*Я раньше **курил**, а теперь бросил. В то время река еще **текла** по этой долине.*).

2) Антирезультатив (см. подробнее [Плунгян 2001]) двух типов: аннулированный результат ('ситуация Р достигла предела и результата, но впоследствии результат был отменен') (*Ребенок **родился** и сразу умер*) и недостигнутый результат ('ситуация Р не дошла до своего предела и результата, потому что прервалась') (*Я тебе **звонила**, а ты не брал трубку*).

3) Отдаленное прошлое ('ситуация Р имела место давно относительно настоящего момента') (*Когда-то давно жизнь на Земле **была** только одноклеточной*). Понятие «давно» определяется в каждом языке по-разному.

4) Предшествование ситуации точке отсчета в прошлом (*Когда я пришел, он уже **ушел***).

5) Экспериментивное значение ('Х имел опыт ситуации Р') (*Ты когда-нибудь **ел** немывтые абрикосы?*). Об экспериментивном значении см. подробнее [Comrie 1985: 58-60], [Dahl 1985: 141–142], [Вострикова 2010].

Особый интерес для типологии сверхпрошлого представляют языки, в которых данная зона обслуживается не одной, а несколькими специализированными формами [Сичинава 2003]. Еще более редкими являются языки, в которых в зоне сверхпрошлого сохраняется противопоставление перфектива и имперфектива (imperfective-based и perfective-based [Plungian, Van der Auwera 2006: 323-326]). Имперфективная форма сверхпрошлого в таких языках выражает значение неактуального прошлого, а перфективная – антирезультатив.

В данной статье я покажу, что зона сверхпрошлого в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка обладает рядом нетривиальных черт: во-первых, в данном диалекте насчитывается целых три специализированных показателя и четыре маргинальные аналитические формы; во-вторых, в зоне сверхпрошлого сохраняется противопоставление перфектива и имперфектива, и, в-третьих, все специализированные показатели, не считая маргинальных форм, выражают исключительно перфективные значения.

Материал для данной работы был собран во время лингвистической экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ в аул Блечепсин Кошехабльского района республики Адыгея в июле 2015 и 2016 года. Сбор материала проводился методом анкетирования, причем каждый контекст был проверен хотя бы четырьмя информантами. Обычно я предлагала носителям дать перевод пред-

ложения с русского на кубанский. После этого я часто переделывала только что составленное носителями предложение и просила оценить получившееся

1.2. Зона сверхпрошлого в адыгских языках

Кубанский является западным диалектом кабардино-черкесского языка, который вместе близкородственным адыгейским относится к адыгской ветви абхазо-адыгской (западнокавказской семьи). Адыгские языки характеризуются в первую очередь богатой глагольной морфологией и, в частности, последовательным полисинтетизмом, агглютинацией и эргативным типом ролевого кодирования ([Кумахов 1971], [Тестелец и др. 2009]).

Предикат в адыгских языках делится на несколько морфологических зон [Тестелец и др. 2009: 48] (дается схема для кубанского диалекта):

- (1) зона актантной структуры: включает индексацию основных участников и ряд префиксов актантной деривации, уточняющих их роль;
- (2) предосновные элементы: динамичность, отрицание, оппозитив;
- (2,5) каузатив;
- (3) основа: корень и суффиксы, выражающие пространственные, модальные, аспектуальные и темпоральные значения;
- (4) окончания: множественное число абсолютного актанта, имперфект, отрицание и разнообразие показатели подчинения.

Ниже приведен пример глагола, поделенного на зоны:

- (1) кубанский диалект:

[jə-r-jə]-[/-[ke-][qʷət-a]-[t]

[3SG.IO-DAT-3SG.ERG]-[-[CAUS]-[ломать-PST]-[IPF]

‘он заставил его сломать это’

Показатели прошедшего времени в адыгских языках могут быть либо суффиксами, либо окончаниями. Окончания, в отличие от суффиксов, не входят в основу глагола. Они выделяются по ряду морфонологических критериев (см. [Аркадьев, Тестелец 2009] про темиргоевский диалект адыгейского языка и [Сигова 2015] про кубанский диалект кабардино-черкесского языка). Одним из таких критериев является чередование /e/~a/, правило которого гласит: последовательность /CeCe/, где C – любой согласный или группа согласных, переходит в /CaCe/ непосредственно на конце основы.

Адыгские языки интересны для типологии видовременных систем тем, что обладают разветвленной системой прошедшего времени и в том числе имеют несколько специализированных показателей сверхпрошлого (см. подробнее [Arkadiev 2017]).

Материал адыгских языков уже рассматривался с точки зрения типологии данной зоны. Так, в темиргоевском диалекте адыгейского языка [Короткова 2009] все значения сверхпрошлого выражает один специализированный показатель -*ва-ве* (удвоенный претерит), а в шапсугском диалекте адыгейского языка [Аркадьев 2014] противопоставляются перфективная и имперфективная формы.

В литературном кабардино-черкесском языке [Грамматика 1970:115-120] и бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка [Сомин 2012:21-25] зону сверхпрошлого обслуживают, как и в кубанском диалекте, три специализированных показателя, а также аналитические формы, однако их дистрибуция подробно не описана.

Кубанский диалект кабардино-черкесского языка крайне мало описан. О системе прошедшего времени КД КЧЯ можно узнать только в одной работе [Кумахов 1969], где даны некоторые глагольные парадигмы. Система форм прошедшего времени кубанского диалекта во многом сходна с таковой близкородственного бесленеевского диалекта, о которой см. [Сомин 2012].

2. Обзор форм прошедшего времени в кубанском диалекте

В кубанском диалекте существует всего два показателя прошедшего времени: показатель претерита -а/-ве и показатель имперфекта -т(е), противопоставлением которых в кубанском диалекте выражается, как во всех адыгских диалектах ([Короткова 2009:263], [Грамматика 1970:170-171]), оппозиция имперфектива и перфектива в зоне прошлого. Кроме того, эти два показателя способны комбинироваться и выражать новые значения, в том числе значения зоны сверхпрошлого.

Показатель претерита -а (в конце основы) и его алломорф -ве (перед другими суффиксами) расположен в зоне суффиксов; он может удваиваться, получая вид -в-а, и данная комбинация, которую я условно назову плюсквамперфектом, выражает ряд значений сверхпрошлого.

Показатель имперфекта -т(е) является окончанием; он может функционировать в качестве ретроспективного сдвига, присоединяясь к другим временным показателям, в том числе к претериту -а/-ве, образуя форму ретроспективизированного претерита а-т, и к плюсквамперфекту -в-а, образуя форму ретроспективизированного плюсквамперфекта -в-а-т.

Аналитические формы в кубанском диалекте образуются с помощью вспомогательного глагола š(ə)t (исходно ‘стоять’) и могут сочетаться с показателем претерита а, ретроспективизированного претерита а-т, плюсквамперфекта -в-а и ретроспективизированного плюсквамперфекта -в-а-т.

В Таблице 1 приводятся все формы прошедшего времени кубанского диалекта.

Таблица 1.

Формы прошлого		
s-š' x-a	1SG.ERG-есть-PST	‘я съел это’
s-š' xə-t	1SG.ERG-есть-IPF	‘я ел это’
Формы сверхпрошлого		
Синтетические формы		
s-š' x-a-t	1SG.ERG-есть-PST-IPF	‘я съел это (давно)’
s-š' xə-в-a	1SG.ERG-есть-PST-PST	‘я съел это (давно)’
s-š' xə-в-a-t	1SG.ERG-есть-PST-PST-IPF	‘я съел это (давно)’

Аналитические формы		
s-šx-u= št-a	1SG.ERG-есть-ADV=AUX-PST	‘я ел это (давно)’
s-šx-u= št-a-t	1SG.ERG-есть-ADV=AUX-PST-IPF	‘я ел это (давно)’
s-šx-u= štə-и-a	1SG.ERG-есть-ADV=AUX-PST-PST	‘я ел это (давно)’
s-šx-u= štə-и-a-t	1SG.ERG-есть-ADV=AUX-PST-PST-IPF	‘я ел это (давно)’

Таблица 1. Формы прошедшего времени кубанского диалекта.

М. А. Кумахов в своем описании кубанского диалекта [Кумахов 1969] отмечает, что в диалекте есть аналитическая форма имперфекта, однако я ее не обнаружила. В случаях типа (2) глагол *šət* является лексическим глаголом со значением ‘стоять’.

- (2) *azemet məʔerəse jə-šx-u šə-t-t.*
 азамат яблоко 3SG.ERG-есть-ADV LOC-стоять-IPF
 ‘Азамат стоял и ел яблоко.’ (сконстр.)

Как видно из таблицы 1, зона прошлого обслуживается в кубанском диалекте двумя показателями: перфектив — претеритом *a*, а имперфектив — имперфектом *t*. Как я покажу ниже, перфективные значения сверхпрошлого выражают синтетические специализированные показатели, в то время как аналитические формы используются в имперфективных контекстах. Однако аналитические формы являются мало употребительными, поэтому вместо них обычно используется форма имперфекта.

Ниже я подробно опишу дистрибуцию каждой из форм, обслуживающих зону сверхпрошлого.

3. Перфективные показатели сверхпрошлого в кубанском диалекте

3.1. Ретроспективизированный претерит *a-t*

Форма ретроспективизированного претерита *a-t* выражает одно из подзначений антирезультатива – *аннулированный результат*, как в примерах (3-5).

- (3) *nexə-bere wə-qə-š'erə-mə-x"ə-n-u*
 более-много 2SG.ABS-DIR-LOC-NEG-падать-POT-ADV
ž'ə-p-ʔ-a-te-qə!
 PREF-2SG.ERG-говорить-PST-IPF-EMP
 ‘Ты же говорил, что больше не будешь опаздывать!’
- (4) *xet šhenk"əbz'e-r qə-ʔwə-zə-x-a-te-r?*
 кто окно-ABS DIR-LOC-REL.ERG-открыть-PST-IPF-ABS
 ‘Кто открывал окно? [А сейчас окно закрыто.]’
- (5) *wə-dje azemet qə-k"ə-a-t.*
 2SG-к азамат DIR-идти-PST-IPF
 ‘К тебе приходил Азамат. [И ушел.]’

Ретроспективизированный претерит *-a-t* также выражает значение *предшествования*, если при этом в предложении отсутствуют лексические показатели предшествования, ср. пример (6).

125

(6) *ruslan qə-šə-ḱ^we-ž'-a-m,*

Руслан DIR-TEMP-идти-RE-PST-OBL

diane zeč'e-r-jə k^wed=š-a-we jə-ve-hazər-a-t.

Диана все-ABS-ADD много=делать-RES-ADV 3SG.ERG-CAUS-готовый-PST-IPF

‘Когда Руслан пришел, Диана давно все приготовила.’

При наличии лексического показателя используются обычный претерит *-a*, ср. пример (7).

(7) *zarjane polə-r jə-txaš-a.*

Зарина пол-ABS 3SG.ERG-мыть-PST

a-bə-m jə-pe-č'e š'ežew'aš'xe-r jə-ve-hezər-a.

тот-OBL-OBL POSS-перед-INS обед-ABS 3SG.ERG-CAUS-готовый-PST

‘Зарина помыла пол. Перед этим она приготовила обед.’

Показатель *-a-t* маркирует также ситуации *отдаленного прошлого*, ср. пример (8):

(8) *sə-šə-čəḱ-a-m he qə-z-e-zeq'-a-t.*

1SG.ABS-REL.TEMP-малый-PST-OBL собака DIR-1SG.IO-DAT-кусать-PST-IPF

‘Когда-то в детстве меня укусила собака.’

(9) *batmjər leš'epsəne šə-psew-a-t.*

Батмир Блечепсин LOC-жить-PST-IPF

(начало сказки) ‘Жил-был в Блечепсине Батмир.’

Экспериментивное значение ретроспективизированный претерит выражает крайне редко (10-11), обычно это значение выражает претерит *-a*.

(10) *a χəbarə-m w-je-ž'-a / ?w-je-ž'-a-(t)?*

этот рассказ-OBL 2SG.ABS-DAT-читать-PST/2SG.ABS-DAT-читать-PST-IPF

‘Ты читал этот рассказ?’

(11) *se zejə-m-jə s-š'x-a-qəm / ?s-š'x-a-te-qəm*

я никогда-OBL-ADD 1SG.ERG-есть-PST-NEG 1SG.ERG-есть-PST-IPF-NEG

mərx^wede =bzežje=ʔaf

такой=рыба=вкусная

‘[Говорящий только что попробовал рыбу] Я никогда раньше не ела такой вкусной рыбы!’

Ретроспективизированный претерит, однако, обычно используется при локализации экспериментивной ситуации относительно точки отсчета в прошлом, например, при пересказе, ср. пример (12).

(12) *se zejə-m-jə s-š'x-a-te-qəm mərx^wede=bzežje=ʔaf.*

я никогда-OBL-ADD 1SG.ERG-есть-PST-IPF-NEG такой=рыба=вкусный

‘[Я возвращаюсь из ресторана и рассказываю о своих впечатлениях]

Я никогда раньше не ел такой вкусной рыбы!’

3.2. (Ретроспективизированный) плюсквамперфект *-a-(t)*

Показатель плюсквамперфекта *-a* является очень редкой формой и имеет значение *отдаленного прошлого*, обозначая однократные ситуации, ср. пример (13):

- (13) *jə-pe-č'e* *zeg^were-m* *zə=çəx^w=g^were-m*
 POSS-перед-INS однажды-OBL один=человек=некий-OBL
ž'əv *jə-ke-ʈəsə-k-a.*
 дерево 3SG.ERG-CAUS-сесть-PST-PST.

‘Как-то давным-давно один человек посадил дерево.’ / *‘Как-то давным-давно один человек сажал деревья.’

Показатель ретроспективизированного плюсквамперфекта *-a-t* также имеет значение отдаленного прошлого и является еще более редким, чем обычный плюсквамперфект, ср. пример (14).

- (14) *jə-pe-č'e* *zeg^were-m* *zə=çəx^w=g^were-m*
 POSS-перед-INS однажды-OBL один=человек=некий-OBL
ž'əv *jə-ke-ʈəsə-k-a-t.*
 дерево 3SG.ERG-CAUS-сесть-PST-PST-IPF.

‘Как-то давным-давно один человек посадил дерево.’ / *‘Как-то давным-давно один человек сажал деревья.’

Ретроспективизированный претерит *-a-t* и (ретроспективизированный) плюсквамперфект *-a-(t)* могут заменять друг друга в типичных контекстах отдаленного прошлого (‘ситуация Р произошла много лет назад’), как в примере (15). Более того, два разных показателя могут использоваться в одном предложении, не меняя при этом смысла (16), хотя иногда в таких контекстах носители предлагают для единообразия добавить к плюсквамперфекту ретроспективный сдвиг (16), это не является обязательным. Употребление в таких контекстах простого претерита признается неправильным.

- (15) *s-jə-çəkešha* *majkop* *sə-šə-šə-ʔ-a-m*
 1SG-POSS-детство майкоп 1SG.ABS-TEMP-LOC-быть-PST-OBL
pəl *zeaparkə-m* *šə-s-ʎev^wə-k-a*
 слон зоопарк-OBL LOC-1SG.ERG-видеть-PST-PST
/šə-s-ʎev^wə-k-a-t */šə-s-ʎev^w-a-t*
 LOC-1SG.ERG-видеть-PST-PST-IPF, LOC-1SG.ERG-видеть-PST-IPF
*/*šə-s-ʎev^w-a*
 LOC-1SG.ERG-видеть-PST

‘Когда в детстве я был в Майкопе, я видел слона в зоопарке.’

- (16) *abdje* *azemet* *jə-dedež* *wəne-š'xo* *jə-š-a-t*
 тогда азамат POSS-дед дом-большой 3SG.ERG-делать-PST-IPF
jəč'jə *žəg-xe-r-jə* *jə-ke-ʈəsə-k-a-(t).*
 и дерево-PL-ABS-ADD 3SG.ERG-CAUS-сесть-PST-PST(-IPF)

‘Тогда дед Азамата построил дворец и посадил деревья.’ (с рус.)

Тем не менее, с обстоятельствами недавнего прошлого и настоящего лучше сочетается ретроспективизированный претерит -a-t, ср. пример (17). 127

- (17) *xet nobe šhanəkw^wbž'e-r*
 кто сегодня окно-ABS
ʔwə-za-x-a-te-r / ʔʔwə-za-x-ə-a-(te)-r?
 LOC-REL.ERG-открыть-PST-PST(-IPF)-ABS
 'Кто сегодня открывал окно?'

4. Выражение имперфективных значений сверхпрошлого в кубанском диалекте

4.1. Аналитические формы

Аналитические формы в кубанском диалекте хоть и являются специализированными показателями сверхпрошлого, но очень маргинальны – носители знают, что они значат, и считают предложения с такими формами грамматичными, но практически никогда не используют их в речи.

Тем не менее, судя по ответам информантов, аналитические формы в данном диалекте выражают значения неактуального прошлого (18) и отдаленного прошлого (19), маркируя хабитуальные ситуации.

- (18) *k^wed-č'e wə-ze-še-ʔebe-ž'-me* *čəx^w-xe-r pješ'ere-m*
 много-INS 2SG.ABS-REC.IO-LOC-трогать-RE-COND человек-PL-ABS пещера-OBL
šə-ps-u=št-a /šə-ps-u=št-a-t
 LOC-жить-ADV=AUX-PST LOC-жить-ADV=AUX-PST-IPF
/šə-ps-u=štə-ə-a /šə-ps-u=štə-ə-a-t.
 LOC-жить-ADV=AUX-PST-PST LOC-жить-ADV=AUX-PST-PST-IPF
 'Когда-то давным-давно люди жили в пещерах.'

- (19) *jə-pe-č'e zeg^were-m zə=čəx^w=g^were-m ž'əkw*
 POSS-перед-INS однажды-obl один=человек=некий-OBL дерево
jə-we-ʔəs-u=št-a /jə-we-ʔəs-u=št-a-t
 3SG.ERG-CAUS-сесть-ADV=AUX-PST 3SG.ERG-CAUS-сесть-ADV=AUX-PST-IPF
jə-we-ʔəs-u=štə-ə-a /jə-we-ʔəs-u=štə-ə-a-t.
 3SG.ERG-CAUS-сесть-ADV=AUX-PST-PST 3SG.ERG-CAUS-сесть-ADV=AUX-PST-PST-IPF
 'Как-то давным-давно один человек сажал деревья. [Так и вырос этот огромный кто??]'

В дуративном контексте некоторые информанты разрешали использовать аналитическую форму претерита, ср. пример (20).

- (20) *abdje ruslan qə-šə-k^we-ə-a-te-m, azemet məʔərəse*
 тогда Руслан DIR-TEMP-идти-PST-PST-IPF-OBL азамат яблоко
*ʔjə-š'x-u=št-a /*jə-š'x-u=št-a-t*
 3SG.ERG-есть-ADV=AUX-PST 3SG.ERG-есть-ADV=AUX-PST-IPF
*/*jə-š'x-u=štə-ə-a /*jə-š'x-u=štə-ə-a-t.*
 3SG.ERG-есть-ADV=AUX-PST-PST 3SG.ERG-есть-ADV=AUX-PST-PST-IPF
 'Когда-то [давным-давно], когда Руслан пришел, Азамат ел яблоко.'

4.2. Имперфект -t

Имперфект в адыгских языках традиционно считается показателем зоны прошлого и противопоставляется в ней претериту [Кумахов 1971], [Короткова 2009], [Сомин 2012]. В кубанском диалекте имперфект -t также противопоставляется претериту а в зоне прошлого, выражая дуративное (21) и хаби-туальное (22) значения в противоположность претериту, обозначающему единичные завершённые ситуации (23):

- (21) *pšeše=çəḱə-m* *məḷerəse-xe-r* *jə-š'x-t* / **jə-š'x-a*.
 девушка=маленький-OBL яблоко-PL-ABS 3SG.ERG-есть-IPF / 3SG.ERG-есть-PST
 'Когда Руслан вошел] Девочка ела яблоки.'
- (22) *jə-pe-m* *məḷerəse-xe-r* *s-š'xə-t* / **s-š'x-a*.
 POSS-перед-OBL яблоко-PL-ABS 1SG.ERG-есть-IPF / 1SG.ERG-есть-PST
 'Раньше я всегда ел яблоки'
- (23) *dəw'ase* *se* *məḷerəse* *s-š'x-a* / **s-š'xə-t*.
 вчера я яблоко 1SG.ERG-есть-PST / 1SG.ERG-есть-IPF
 'Вчера я съела яблоко'

Однако в кубанском диалекте имперфект также используется вместо аналитических специализированных форм сверхпрошлого и описывает все имперфективные ситуации данной зоны, противопоставляясь тем самым специализированным перфективным формам — ретроспективизированному претериту -a-t, плюсквамперфекту -в-a и ретроспективизированному плюсквамперфекту -в-a-t.

В зоне сверхпрошлого имперфект t выражает значение неактуального прошлого, маркируя хабитуалис (24) и дуратив (25).

- (24) *a-r* *jə-pe-č'e* *pšedgəž-č'e* *fade* *je-fe-t*.
 тот-ABS POSS-перед-INS утро-INS буза DAT-пить-IPF
 'Раньше он пил коньяк по утрам. [А теперь не пьёт]'
- (25) *saše* *tuč'anə-m* *k'we-t*.
 Саша магазин-OBL идти-IPF
 '[В момент, когда я видел Сашу] он уходил в магазин. [Где он сейчас, я не знаю.]'

Также имперфект выражает значение *отдаленного прошлого*, опять же маркируя и хабитуальные (26), и дуративные ситуации (27).

- (26) *kwed=š-a-we* *çəx'we-r* *mament-xe-m* *je-šəḱ'we-t*.
 много=делать-RES-ADV человек-PL-ABS мамонт-PL-OBL DAT-охотиться-IPF
 'Давным-давно люди охотились на мамонтов.'
- (27) *abdje* *ruslan* *qə-šə-k'we-в-a-te-m*, *azemet*
 тогда Руслан DIR-TEMP-идти-PST-PST-IPF-OBL азамат
məḷerəse *jə-š'x-t*.
 яблоко 3SG.ERG-есть-IPF
 'Когда-то [давно], когда Руслан пришел, Азамат ел яблоко.'

5. Заключение

Итак, кубанский диалект обладает весьма богатым инвентарем форм, обслуживающих зону сверхпрошлого. Распределение рассмотренных показателей по основным контекстам представлено в Таблице 2.

129

Таблица 2

	Перфектив	Имперфектив
обычное прошлое	-a	-t
аннулированный результат	-a-t	—
предшествование	-a-t	—
Экспериментальное значение	-a (-a-t)	—
отдаленное прошлое	a-t (-a, -в-a, -в-a-t)	-t (аналитические формы)
неактуальное прошлое	—	-t (аналитические формы)

Таблица 2. Контексты употребления форм прошедшего времени в кубанском диалекте

Таким образом, зону сверхпрошлого в кубанском диалекте обслуживают девять форм: три специализированные синтетические формы, четыре специализированные аналитические формы (однако почти не употребляющиеся) и показатель имперфекта; также в некоторых контекстах допустим претерит.

Как и в шапсугском диалекте адыгейского языка [Аркадьев 2014], в зоне сверхпрошлого в кубанском диалекте сохраняется оппозиция имперфектива и перфектива. Более того, данная оппозиция представлена и в абазинском языке, принадлежащем абхазо-абазинской ветви абхазо-адыгских языков и обладающем во многом отличной от адыгских временной системой (см. [Клягина 2017]). Эти данные дают нам некоторые основания предполагать, что сохранение противопоставления имперфектива и перфектива в зоне сверхпрошлого не ограничено отдельными диалектами, а характерно для абхазо-адыгских языков в целом. Однако такая гипотеза требует более тщательной проверки, учитывающей возможные ареальные факторы.

Зона сверхпрошлого в кубанском диалекте также необычна тем, что при наличии трех довольно похожих по дистрибуции синтетических форм и четырех аналитических форм, имперфективные значения сверхпрошлого практически всегда выражаются обычным имперфектом. В целом, в адыгских диалектах имперфект довольно часто может выражать значения сверхпрошлого (например, см. [Аркадьев 2014: 63] о шапсугском диалекте адыгейского), однако в кубанском диалекте он является единственным реально используемым способом выражения имперфективных значений сверхпрошлого. Таким образом, в кубанском диалекте, в отличие от других описанных с этой точки зрения адыгских диалектов, зоны прошлого и сверхпрошлого, противопоставляясь в перфективных контекстах, не противопоставляются в имперфективных.

Список сокращений

1, 2, 3 – лицо; ABS – абсолютив; ADD – аддитивность; ADV – адвербиалис; AUX – вспомогательный глагол; CAUS – каузатив; COND – кондиционалис, DAT – датив, DIR – директив; EMP – эмфаза, INS – инструменталис; IO – непрямой объект; IPF – имперфект; LOC – локатив; NEG – отрицание; OBL – косвенный падеж; PL – множественное число; POSS – принадлежность; PEF – префикс, – перфект; PST – претерит (прошедшее время); RE – рефактив; REC – реципрок; REL – релятивизация, RES – результатив; SG – единственное число, TEMP – темпоральный показатель.

Список литературы

Аркадьев, Тестелец 2009 — Аркадьев П.М., Тестелец Я.Г. 2009. О трёх чередованиях в адыгейском языке // Тестелец (ред.) 2009. С. 121–145.

Аркадьев 2014 — Аркадьев П.М. 2014. Система форм плюсквамперфекта в шапсугском диалекте адыгейского языка // Вопросы языкознания. № 4. С. 46–65.

Вострикова 2010 — Вострикова Н.В. 2010. Типология средств выражения экспериентивного значения: Дис. канд. филол. наук. МГУ, ОТиПЛ, 2010.

Грамматика 1970 — Грамматика кабардино-черкесского литературного языка (1970). Часть I: фонетика и морфология. М.: «Наука».

Клягина 2017 — Время в абазинском языке. 2017. Москва. Экспедиционный отчет.

Короткова 2009 — Короткова Н.А. (2009). «Прошлое» и «сверхпрошлое» в адыгейском языке. // Тестелец (ред.). М.: РГГУ. С. 262—286.

Кумахов 1969 — Кумахов М.А. (1969). Кубанский диалект//Кабардино-черкесская диалектология. Нальчик: Полиграфическое подразделение КБГУ. С 190—258.

Кумахов 1971 — М.А. 1971. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука.

Плунгян 1998 — Плунгян В.А. 1998. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // В.Ф. Выдрин, А.А. Кибрик (сост.). Язык. Африка. Футболь: Сб. статей в честь А.И. Коваль. СПб.

Плунгян 2001 — Плунгян В.А. 2001. Антирезультатив: до и после результата. // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики, вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари. С. 50—88.

Сичинава 2003 — Сичинава Д.В. 2003. К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта. Casuslatinus // Вопросы языкознания. 2003. № 5.

Сичинава 2013 — Сичинава Д.В. 2013. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс.

Сигова 2015 — Сигова С. 2015. Чередование /e/~/a/ в кубанском диалекте кабардинского языка. Ходзь. Экспедиционный отчет.

Сомин 2012 — Сомин А.А. 2012. Время, вид и модальность глагола в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка. Дипломная работа. М.: РГГУ.

Тестелец и др. 2009 — Тестелец Я.Г., Аркадьев П.М., Ландер Ю.А., Лету-
чий А.Б., Сумбатова Н.Р. 2009. Введение. Основные сведения об адыгейском
языке// Тестелец (ред.). М.: РГГУ. С. 17—121. 131

Arkadiev 2017 — Arkadiev P. 2017. When perfective and imperfective mean
the same: Pluperfect and “Retrospective shift” in Circassian languages. Conference
on Historical Linguistics of the Caucasus. Handout. Paris, École Pratique des
Hautes Études, April 12–14, 2017.

Comrie 1976 — Comrie B. 1976. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal
Aspect and Related Problems (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge:
Cambridge University Press.

Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V.A., van der Auwera J. (2006).
Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und
Universalienforschung. Bd 59. № 4.

Когнаты глагола **vilja* в скандинавских языках: на пути грамматикализации

Статья посвящена когнатам глагола **vilja* ‘хотеть’ в современных скандинавских языках. Для исследуемых глаголов выявляется спектр значений, передаваемых ими на синхронном уровне, а также релевантные параметры межъязыкового варьирования. Для соответствующих значений предлагается карта семантических переходов, иллюстрирующая возможные пути грамматикализации волитивных глаголов в языках скандинавского ареала.

Ключевые слова: скандинавские языки, грамматикализация, волитивные глаголы, внутригенетическая типология.

This paper considers the cognates of the verb **vilja* ‘to want’ in modern Scandinavian languages. I analyze the range of synchronic lexical and grammatical meanings of the verbs, as well as the parameters of intralinguistic variation. The results are summarized on a semantic map which displays several possible grammaticalization paths for Scandinavian volitive verbs.

Keywords: Scandinavian languages, grammaticalization, volitive verbs, intragenetic typology.

1. Общескандинавский и типологический фон: проблема описания зоны желания

Настоящая статья посвящена грамматикализации одного из модальных глаголов, представленного во всех современных скандинавских языках – глагола желания, восходящего к общескандинавскому **vilja* ‘хотеть’. Вполне естественно, что свойства модальных глаголов неоднократно исследовались в работах по скандинавистике (см. хотя бы [Daviedsen-Nielsen 1990; Eide 2005; Hilpert 2008; Mikušionis 2012; Thráinsson 2007]). Зачастую внимание скандинавистов было сосредоточено преимущественно на синтаксических характеристиках модальных глаголов или же на их функционировании в сфере будущего времени (о способах кодирования будущего времени и потенциале грамматикализации в рамках этой грамматической зоны см., в частности, [Fleischman 1982; Dahl 2000; Татевосов 2004]). Сфера модальности в целом и типологически предсказуемые пути развития модальных показателей детально освещены в работах [Bybee et al. 1994; Plungian, van der Auwera 1998; Palmer 2001] и др.

Однако при столь внушительном количестве обзорных типологических работ на настоящий момент практически не известны исследования, в которых

бы анализировалась более «частная» типологическая картина грамматикализации (ср. [Hansen, de Haan 2009: 2]: “*there is a considerable lack of work comparing the degree of the grammaticalisation of modal elements in different languages*”). В данной статье будет предпринята попытка построения внутригенетической типологии (в понимании [Кибрик 2003]) и последовательного анализа структуры зоны желания, а также семантики когнатов общескандинавского *vilja ‘хотеть’ в языках скандинавского ареала.

1. Функциональная нагрузка конструкции *ville (vilja) + inf.*

Объектом настоящего исследования является конструкция *ville (vilja) + inf.* ‘хотеть + инфинитив’ в континентальных (датском, норвежском (букмол), шведском) и островных (исландском и фарерском) скандинавских языках. Основным материалом для исследования служат данные грамматик (см. [Allan et al. 2005; Einarsson 1949; Faarlund et al. 1997; Lockwood 1977; Teleman et al. 1999] современных скандинавских языков, а также корпусные данные (см. ссылки после раздела Литература), находящиеся в открытом доступе.

В ходе работы с корпусными данными был выявлен довольно широкий спектр грамматических значений, передаваемых глаголом ‘хотеть’ в исследуемых языках. Однако, прежде чем переходить к его грамматикализированным употреблениям, стоит сказать о том, что за современными когнатами *vilja прочно закреплено и исконное волитивное значение (в отличие от англ. *will*, восходящего к глаголу желания, но сохранившего первоначальную семантику лишь в ряде устойчивых выражений типа *Do as you will*). Когда глаголы *ville / vilja* выступают в качестве волитивных, они могут управлять именной группой, вершиной которой является существительное (1) или местоимение (2), а также иметь в качестве зависимого сентенциальный актанта (3).

- (1) *Land-et vil fred.*
 страна-DEF хотеть.PRS мир
 ‘Страна желает мира.’ (норв.)
- (2) *Hann bað hennar, en hún vil-d-i*
 он просить.PRET.3SG она.GEN но она.NOM хотеть- PRET.3SG
hann ekki.
 он NEG
 ‘Он к ней сватался. но она не хотела за него замуж.’ (исл.)
- (3) *Folk gjerne vil at jeg skal*
 люди охотно хотеть. PRS чтобы я быть должным.PRS
engasjer-e meg i debatt-en.
 вступить-INF REFL в спор-DEF
 ‘Люди очень хотят, чтобы я включился в этот спор.’ (норв.)

1.1. Императивная стратегия

Одной из возможностей грамматикализации волитивного глагола в скандинавских языках (как и в других германских, ср. англ. *Would you do X?*) является т. н. **императивная стратегия** (в понимании [Aikhenvald 2010: 256]) – непрототипическое директивное высказывание, в котором вместо формы собственно императива употреблено иное средство кодирования иллокутивной функции побуждения. В качестве такого средства могут быть использованы, в частности, вопросительные предложения, выступающие в качестве косвенных речевых актов просьбы (*desire / willingness questions* в терминологии [Huddleston 2002: 940]). Вполне закономерно, что А. Айхенвальд помещает такие вопросы на директивно-интеррогативном континууме ближе к директивному речевому акту, чем к прототипическому вопросу (см. [Aikhenvald 2010: 289]).

Императивная стратегия в скандинавских языках представлена т. н. *волевым директивом* (*willful directive* в терминах [Huddleston 2002: 930]) – это ярлык, который объединяет типы А (приказы и требования) и В (просьбы и мольбы) по [Aikhenvald 2010: 198-199]. Таким образом, волитивные глаголы в скандинавских языках способны выражать как категорическое требование (4)-(5), так и некатегорическую, вежливую просьбу (6)-(8).

- (4) *Vil du så komm-e med det samme!*
хотеть.PRS ты так приходить-INF немедленно
'Подойди немедленно! / Подойди сейчас же!' (дат.)
- (5) *Vil-t-u kom-a þér burtu úr garð-i-num*
хотеть-PRS.2SG-þú приходить-INF ты.DAT прочь из сад-DAT-DEF
mínum eða ég hring-i á lögregl-u-na.
мой.DAT или я звонить-PRS.1SG в полиция-ACC-DEF
'Убирайтесь из моего сада, или я звоню в полицию!' (исл.)
- (6) *Vill/Ville du hämt-a min kappa?*
хотеть.PRS/PRET ты принести-INF мой пальто
'Не мог(ли) бы ты (Вы) принести моё пальто?' (шв.)
- (7) *Vil-d-ir-ðu rétt-a mér sykur-inn?*
хотеть-PRET-SUBJ.2SG-þú передать-INF я.DAT сахар-DEF.ACC
'Не передадите ли Вы мне сахар?' (исл.)
- (8) *Vilj-a tygum er-a so væl at klipp-a mæ?*
хотеть-PRS.3PL Вы делать-INF так хорошо INF.PTCL стричь-INF я.DAT
'Не будете ли Вы так любезны подстричь меня?' (фар.)

1.2. Внутренняя невозможность (с отрицанием)

135

Ещё один контекст, который оказался представлен во всех скандинавских языках, мы условно обозначаем как **внутреннюю невозможность** (с отрицанием). В этом случае волитивный глагол не сильно отдаляется от своей первичной семантики, однако сочетается с неагентивным субъектом, что приводит к интерпретации внутренней невозможности ('субъект X не хочет P' > 'X никак не P'). В качестве потенциального субъекта могут выступать различного рода механизмы (9)-(11), части тела человека (12), физические недомогания (13), предметы спортивного инвентаря (14) и др.

- (9) *PC-en min vil ikke start-e.*
компьютер-DEF мой хотеть.PRS NEG запуститься-INF
'Мой компьютер не включается.' (норв.)
- (10) *Knappe-n ville inte tryck-a av <...>*
кнопка-DEF хотеть.PRET NEG печатать-INF
'Клавиша залипала.' (букв. не хотела печатать) (шв.)
- (11) *Hurð-in vil-d-i ekki hald-a-st opin.*
дверь-DEF хотеть-PRET-3SG NEG держать-INF-REFL открытый.F
'Дверь все время закрывалась.' (букв. 'не хотела держаться открытой') (исл.)
- (12) *Ben-en ville inte ta mig framåt.*
нога-DEF хотеть.PRET NEG брать-INF я.OBL дальше
'Нога отказывалась двигаться дальше.' (букв. 'нести меня дальше') (шв.)
- (13) *En það var eins og sóthiti-nn vil-d-i ekki hverf-a.*
но это быть.PRET.3SG словно температура-DEF хотеть-PRET-3SG
NEG исчезать-INF
'Но температура никак не спадала.' (исл.)
- (14) *Aftur hesa ferð vil-d-i bóltur-in ekki í mál-i.*
снова этот.F.ACC раз-ACC хотеть-PRET-3SG мяч-M.DEF NEG в ворота-N.DAT
'На этот раз мяч снова не попал в ворота.' (фар.)

Как видно из (9)-(14), семантика предиката при волитивном глаголе, как правило, связана с различными проявлениями нормального функционирования рассматриваемых объектов, ожидаемых от них внутренних свойств: прототипический компьютер должен включаться без проблем, прототипические ноги должны выдерживать человеческий вес, температура в идеале должна пройти и т. п. В контекстах внутренней невозможности при введении отрицания, таким образом, наблюдаются различные отклонения от заявленного прототипа.

1.3. Внутренняя возможность

Не будучи помещённым под отрицание, волитивный глагол способен функционировать в сфере модальности возможности только в норвежском и датском языках. Под возможностью в данном случае понимается **внутренняя возможность** (*participant-internal modality* в терминах [Plungian, van der Auwera 1998]), которая обусловлена внутренними свойствами субъекта и не зависит от свойств среды и внешних обстоятельств.

- (15) *Kira løb ned ad den store trappe så*
 Кира бежать.PRET вниз по ART большой лестница так
hurtigt, som hendes følelsesløse ben ville bær-e hende.
 быстро как её онемевший нога хотеть.PRET выдержать-INF она.OBL
 ‘Кира сбегала вниз по этой высокой лестнице так быстро, насколько её онемевшая нога могла её выдержать.’ (дат.)

- (16) *Å aldri vit-e hvor lenge bil-en ville hold-e.*
 INF.PTCL никогда знать-INF насколько долго машина-DEF хотеть.PRET держаться-INF
 ‘<...> Совсем не знать, сколько еще может протянуть машина.’ (норв.)

Интересно при этом отметить, что семантика внутренней возможности возникает исключительно при неодушевлённом неагентивном субъекте. При наличии агентивного контроля со стороны субъекта неизбежно происходит смещение в сторону волитивного прочтения (17).

- (17) *Han verken kunne eller ville hold-e ut mer venting.*
 он ни мочь.PRET ни хотеть.PRET выдержать-INF много.CMPR ожидание
 ‘Он не мог, да и не хотел больше ждать.’ (норв.)

1.4. «Псевдохабитуальные» употребления

Волитивные глаголы в ряде скандинавских языков (за исключением шведского, где данные употребления не зафиксированы, и фарерского, для которого пока не имеется достаточного количества данных) могут выступать в контекстах, напоминающих хабитуальные. Однако, если в случае прототипического хабитуалиса мы утверждаем, что ‘ситуация Р имеет место (повторяется) регулярно на протяжении определённого периода времени’ [Bybee et al. 1994: 317] (ср. тж. узитативный хабитуалис, см. [Плунгян 1997: 180-181], [Майсак, Татевосов 2001: 234]), то в скандинавских употреблениях мы, по-видимому, вновь имеем дело с модальной оценкой ситуации. Под модальной оценкой имеется в виду оценка возможности осуществления Р: ‘ситуация Р **может иметь место** с определённой долей регулярности в силу свойств субъекта или ситуации в целом’.

Подобные употребления волитивных глаголов мы предлагаем называть «псевдохабитуальными», причём не только в силу значительного вклада модального компонента в семантику данных форм, но и в силу частой

«несамостоятельности» подобного «хабитуалиса». Дело в том, что такие контексты, как правило, нуждаются в дополнительном подкреплении со стороны адвербиальных модификаторов типа *ofte* / *oft* ‘часто’, *alltid* / *alltaf* ‘всегда’ и т. п., хотя они и не являются строго обязательными для хабитуальной интерпретации (20).

- (18) *Ved halsbetændelse vil din læge ofte foretag-e*
 при ларингит хотеть.PRS твой врач часто производить-INF
en ponding fra svælg-et.
 ART мазок из горло-DEF
 ‘При ларингите ваш врач, как правило, берет мазок из горла.’ (дат.)

- (19) *Barna vil ofte ha de samme psykisk-e*
 дети.DEF хотеть.PRS часто иметь-INF ART такой же.PL психический-PL
reaksjon-er som de voksne.
 реакция-PL как ART взрослый-PL
 ‘У детей часто возникают психические реакции, сходные с реакциями взрослых.’ (норв.)

- (20) *Það vil-l rign-a í ágúst.*
 это хотеть-PRS.3SG дождить-INF в август.DAT
 ‘В августе обычно идет дождь.’ (исл.)

- (21) *Harald vil-l oft vant-a pening-a.*
 Харальд.ACC хотеть-PRS.3SG часто не.хватать-INF деньги-ACC
 ‘Харальд часто испытывает недостаток в деньгах.’ [Thráinsson 2007: 426] (исл.)

1.5. Эпистемическая возможность

Дискуссионным является вопрос о развитии эпистемической семантики (оценка говорящим вероятности осуществления некоторой ситуации исходя из общих знаний об объектах окружающего мира) у волитивного глагола в скандинавских языках. Для шведского и исландского языков, по-видимому, данное обсуждение не релевантно, однако оно становится весьма актуальным применительно к датскому и норвежскому языкам.

В частности, К. Эйде поднимает вопрос о модальном «наполнении» норвежского глагола *ville*, который «многими авторами исключается из инвентаря чистых модальных глаголов наравне с его английским когнатом *will*, поскольку данная единица несёт, по их мнению, чисто временную нагрузку» (см. [Eide 2005: 45]). Кроме того, в частной беседе носитель норвежского языка эксплицитно указал нам на то, что глагол *ville* крайне редко употребляется для выражения будущего времени, а если он и выбирается, то лишь с целью указания на некоторое предположение о развитии событий в будущем. Это подтверждает гипотезу о функционировании *ville* в высказываниях, содержащих эпистемическую оценку ситуации как достаточно вероятной.

В работе К. Эйде приводится достаточно нетривиальная классификация норвежских модальных глаголов, особенно в отношении того, куда оказывается помещен глагол *ville*. Его место в числе представителей динамической модальности, соответствующей значениям способности и желания (см. классификацию [Palmer 2001: 10, 22]), наряду с глаголом *kunne* ‘мочь’, не вызывает никаких сомнений, однако в рамках эпистемической модальности *ville* оказывается средством выражения метафизической модальности, противопоставленной модальности чисто эпистемической. Сам термин «метафизическая модальность» заимствуется из работы [Condoravdi 2002], базой для введения которого становится предположение о невозможности иметь эпистемическое знание о будущем. Мы не можем каким бы то ни было образом проверить утверждения о будущем до тех пор, пока оно не станет для нас настоящим. Это рассуждение приводит к необходимости постулирования ряда метафизически возможных миров, в одном из которых действительно совершится рассматриваемое нами событие или установится ожидаемое положение дел. Соответственно, К. Эйде перенимает данный термин в качестве удобного ярлыка для описания функциональной нагрузки глагола *ville* в утверждениях, содержащих предположения исключительно о будущем времени.

Однако, как показывают корпусные данные и современная грамматика норвежского языка, такой подход является не вполне корректным. Глагол *ville* может употребляться для высказывания предположений, касающихся не только будущих событий, но и событий настоящего и недавнего прошлого. Рассмотрим следующие предложения, чтобы в этом убедиться:

- (22) *Dette vil vær-e kjent for de fleste.*
 это хотеть.PRS быть-INF известный для ART многие
 ‘Это наверняка многим известно.’

- (23) *Mange vil nok ha sett henne på tv-skjerme-n.*
 многие хотеть.PRS PTCL иметь-INF видеть.PP она.OBL на телеэкран-DEF
 ‘Многие наверняка ведь видели ее по телевизору.’ [Faarlund et al. 1997: 61]

- (24) *Den teknisk-e utvikling-en og produksjon av flere*
 ART технический-DEF развитие-DEF и производство из многих.CMPR
gassbuss-er i fremtid-en vil trolig
 автобус.с.газовым.двигателем-PL в будущее-DEF хотеть.PRS вероятно
før-e til at merutgift-en etterhvert bli-r
 приводить-INF к что дополнительный.расход-DEF постепенно стать-PRS
mindre.
 маленький.CMPR

‘Техническое развитие и производство большего количества автобусов с газовыми двигателями в будущем, вероятно, приведет к снижению дополнительных расходов.’

В предложении (22) выдвигается предположение о некотором положении дел в настоящий момент с использованием конструкции *ville* + чистый инфинитив, в то время как предложение (23) иллюстрирует употребление *ville* и формы перфекта инфинитива, образующейся с помощью вспомогательного глагола *ha* ‘иметь’ и причастия прошедшего времени от смыслового глагола. Данная форма служит указанием на то, что события, заложенные в предположение, совершились до момента речи. В предложении (24) *ville* используется для выражения ожидания определённого развития событий в будущем, которое говорящий считает достаточно вероятным.

Таким образом, сужение функционала глагола *ville* до метафизической модальности, связанной с предположениями о будущих событиях, представляется нам не вполне оправданным. Данный глагол в современном норвежском языке может вводить как метафизическую, так и «чисто эпистемическую» модальность в понимании К. Эйде, о чём свидетельствуют рассмотренные выше примеры.

Что касается датского языка, эпистемический компонент также обычно исключается из семантики датского волитивного глагола *ville* (ср. [Daviedsen-Nielsen 1990: 161-164]). Обнаружить подобные контексты с датским глаголом *ville* действительно оказывается достаточно сложным. В качестве показателей эпистемической гипотезы в датском языке обычно выделяются глаголы *kunne* ‘мочь’ и *burde* ‘быть должным/вынужденным’, отличающиеся друг от друга степенью вероятности ситуации с точки зрения говорящего (см. [Allan et al. 2005]). В случае с *kunne* ситуация оценивается как возможная, хотя говорящий и выражает достаточно сильную неуверенность в отношении сказанного:

- (25) *Hun kan være fare-t vild.*
 она мочь.PRS быть-INF теряться-PP
 ‘Возможно, она заблудилась.’

Условия употребления глагола *burde* принципиально иные: говорящий в этом случае оценивает ситуацию как в высокой степени вероятную и выражает глубокую убеждённость в сказанном:

- (26) *Ordet burde finde-s i ordbog-en.*
 слово-DEF быть должным.PRS находиться-REFL в словарь-DEF
 ‘Это слово (определённо) должно содержаться в словаре.’

Глагол *ville* в отношении третьих лиц в подобном значении не употребляется. Однако, на наш взгляд, датский язык предоставляет контекст, в котором употребление глагола *ville* можно трактовать в качестве средства выражения эпистемической оценки – таким контекстом становится выражение точки зрения самого говорящего, то есть речь от первого лица. В (27) употребление *ville* позволяет говорящему выразить неуверенность и вместе с тем выдвинуть предположение относительно соответствия сказанного действительности:

- (27) *Jeg vil men-e han var født i 97*
 я хотеть.PRS считать-INF он быть.PRET родиться-PP в 1997
eller 94 eller sådan noget lignende.
 или 1994 или так что-то похожий
 ‘Мне кажется, он родился в 94-м или в 97-м, ну или около того.’

Вообще говоря, глагол *vill* в датском языке в сочетании с глаголом *men* ‘считать’ достаточно регулярно употребляется в контексте первого лица для выражения субъективной оценки ситуации (см. также обсуждение термина ‘subjectivity’, которому противопоставлены значения ‘intersubjective’ и ‘neutral’ в [Nuys 2006]), которая может включать и эпистемический компонент. Однако расширить выборку контекстов предикатами других семантических классов пока не удаётся.

1.6. Интенциональность и будущее время

В большинстве скандинавских языков (за исключением исландского) семантика волиитивного глагола включает также и тесно связанный с желанием интенциональный компонент значения, предполагающий связь предиката с агентивным субъектом (28)-(30). В исландском языке для эксплицитного указания на намерение используется глагол *ætla* ‘собираться, намереваться’.

- (28) *Fremtid-en? Jeg vil til Australien et år.*
 будущее-DEF я хотеть.PRS в Австралия ART год
 ‘(Планы на) будущее? Я собираюсь в Австралию в этом году.’ (дат.)

- (29) *Om jag ha-r en uppgift i liv-et är det att*
 если я иметь-PRS ART задание в жизнь-DEF быть.PRS это INF.PTCL
skriv-a och jag vill fullfölj-a den efter bästa förmåga.
 писать-INF и я хотеть.PRS осуществлять-INF это после лучший способность
 ‘Если у меня и есть предназначение в жизни, так это писать, и я намерен реализовать это предназначение наилучшим образом.’ (шв.)

- (30) *Bret-ar hav-a signalera-ð, at teir vilj-a*
 британец-PL иметь-PRS.3PL сигнализировать-PP что они хотеть-PRS.3PL
gev-a samráðing-u-num eitt hált á fyrri at vit-a,
 дать-INF обсуждение-DAT-PL.DEF ART половина год.ACC для INF.PTCL знать-INF
um ein loysn kann finn-a-st.
 ли ART решение мочь.PRS.3SG найти-INF-REFL
 ‘Британцы сообщили, что собираются дать еще полгода на обсуждение, чтобы проверить, нельзя ли найти решение.’ (фар.)

При наличии неагентивного (31) субъекта, в том числе эксплетивного *it*-субъекта (32), в датском и норвежском языках возникает футуральное прочтение волиитивного глагола:

- (31) *Bydel-ene vil ha*
 городской.район-PL.DEF хотеть.PRS иметь.INF
innleveringskasse-r fra og med 20 januar.
 ящики.для.сдачи.библиотечных.книг-PL из и с двадцатый январь
 ‘В районах города будут размещены ящики для сдачи библиотечных книг
 начиная с 20-го января.’ (норв.)

- (32) *Det vil sikkert bli god-t vær i morgen.*
 это хотеть.PRS точно стать.INF хороший-N погода завтра
 ‘Завтра точно будет хорошая погода.’ (норв.)

Стоит отметить, что и в датском, и в норвежском языках сосуществует несколько способов реферирования к будущему времени, среди которых выделяется глагол *skulle* ‘быть должным’. Основное различие между футуральными конструкциями с глаголами *skulle* и *ville* заключается в контролируемости ситуации и степени вовлечённости субъекта в неё. Если субъект самостоятельно контролирует ситуацию и несёт ответственность за её осуществление в будущем, то это выражается глаголом *skulle* (см. [MacDonald 1990]). Этим во многом объясняется частотность данной конструкции в контексте первого лица (см. [Bergvatn 2010]), в обещаниях или заверениях со стороны субъекта (ср. (33) из норвежского):

- (33) *Jeg skal prøv-e å nullstill-e*
 я должен.PRS пытаться-INF INF.PTCL обнулить-INF
meg for å tenk-e helt annerledes.
 REFL для INF.PTCL думать-INF совсем иначе
 ‘Я постараюсь обнулить самого себя, чтобы начать мыслить совершенно иначе.’

Перифрастическое будущее время с глаголом *ville* трактуется в [Hagen 2002/2004] как будущее, не зависящее от намерения субъекта, не предполагающее осуществления контроля с его стороны.

Для шведского языка Э. Даль эксплицитно отмечает невозможность употребления глагола *vilja* ‘хотеть’ в качестве показателя будущего времени (см. [Dahl 1995: 62]). Будущее время в шведском языке маркируется глаголом *skall* ‘быть должным’ или конструкцией ‘komma att + инфинитив’. В исландском же языке сфера будущего времени практически полностью узурпирована глаголом *þingi*, имеющим семантику намерения, что было характерно уже для древнеисландского языка (см. [Стеблин-Каменский 1955]).

В фарерском языке ситуация с использованием волитивного глагола в контексте будущего времени несколько сложнее: так, в [Lockwood 1977: 151] отмечается, что «*vilja* иногда используется для выражения будущего времени как подражание датскому *ville*, но это считается плохим фарерским». Тем не менее, по наблюдению Х. Петерсена (см. [Petersen 2011]), эта конструкция

нередко используется в современном фарерском языке, и соответствующие примеры фиксируются в корпусе (34).

(34) *So vil tað vera ein spurningur um at*
так хотеть.PRS.3SG это быть.INF ART вопрос ли INF.PTCL
ger-a eitt ella anna-ð kompromi.
делать-INF один.N.ACC или другой-N.ACC компромисс.ACC
'И это ещё будет вопрос, стоит ли идти на тот или иной компромисс.' (фар.)

Семантические возможности когнатов глагола *vilja 'хотеть' в современных скандинавских языках отражены в Таблице 1, из которой видно, что наибольшей степени грамматикализации волитивный глагол достигает в датском и норвежском языках. Вопросительные знаки в колонке с фарерским языком указывают на недостаток некоторых данных по корпусам и грамматикам.

Таблица 1

Языки Семантика	Датский, норвежский	Шведский	Исландский	Фарерский
Собственно волитивное значение	+	+	+	+
Императив	+	+	+	+
Внутренняя невозможность (с отрицанием)	+	+	+	+
Внутренняя возможность	+	-	-	-
«Псевдохабитуальность»	+	-	+	?
Эпистемическая возможность	+	-	-	?
Интенциональность	+	+	-	+
Будущее время	+	-	-	(+)

Таблица 1. Семантика когнатов глагола *vilja 'хотеть' в скандинавских языках.

2. Пути грамматикализации когнатов
общескандинавского глагола *vilja

На основании выявленных значений мы предположили, по каким путям могла идти грамматикализация волитивных глаголов в языках скандинавского ареала. Это отражает Схема 1 (пунктиром на ней обозначена начальная стадия грамматикализации, согласно [Petersen 2011]).

Один из наиболее закономерных путей связан с функционированием глагола желания в качестве одного из возможных показателей императива. Фактически, в этом случае происходит переход от желания субъекта к желанию самого говорящего, т. е. переход к локутивной модальности и императиву как одному из дезидеративных наклонений.

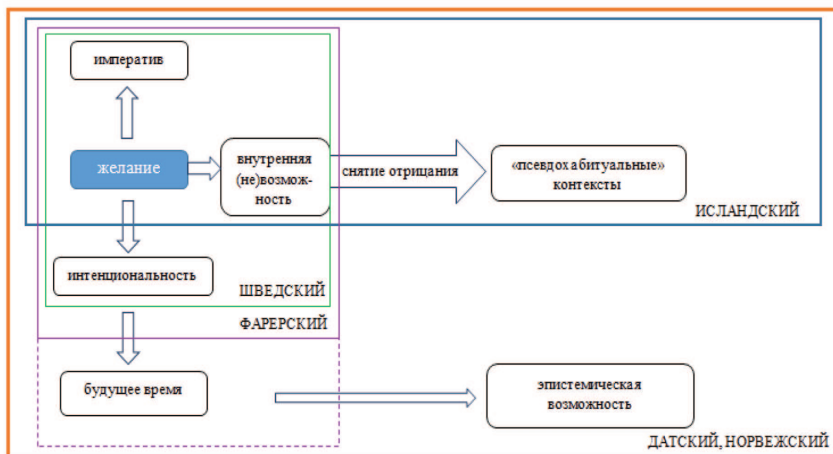

Схема 1: Пути грамматикализации когнатов *vilja в скандинавских языках

В качестве ещё одного варианта развития грамматикализации предлагается путь, фактически повторяющий гипотезу, сформулированную еще в [Bybee et al. 1994: 254]: грамматикализация предиката с волитивной семантикой до показателя футуральности обязательно проходит через ступень со значением намерения. Категорию будущего времени, в свою очередь, можно рассматривать как прототип, складывающийся из трёх компонентов: намерение, предположение, отсылка к будущему (future time reference; см. обсуждение в [Dahl 1985: 108]). Значение эпистемической возможности, по-видимому, развивается из компонента ‘предположение’ будущего времени: говорящий предполагает, что ‘Р может произойти’, следовательно, говорящий считает, что ‘осуществление Р вероятно’.

Наконец, третий путь грамматикализации иллюстрирует развитие «псевдохабитуальных» употреблений из семантики внутренней невозможности. Последнее (модальное) значение предположительно возникает как переосмысление исходно волитивного контекста под отрицанием как модального (внутренняя невозможность). В утвердительном контексте модальный компонент сохраняется: ‘нет препятствий для осуществления Р’ (снятие отрицания) влечёт интерпретацию возможности ‘Р может происходить’, а адвербиалы типа ‘часто’, ‘всегда’ задают регулярность ситуации: ‘осуществление Р может характеризоваться определённой долей регулярности’.

Условные обозначения

1, 2, 3 – 1, 2 или 3 лицо, ACC – аккузатив, ART – артикль, CMPR – компаратив, DAT – датив, DEF – определённая форма существительного (немаркированные формы по умолчанию неопределённые), F – женский род, IMP – императив, INF – инфинитив, N – средний род, NEG – отрицательная частица, OBL – косвенная форма (для личных местоимений), PL – множественное число, PP – причастие прошедшего времени, PRET – претерит, PRS –

Литература

Aikhenvald 2010 — Aikhenvald A. Yu. Imperatives and commands. Oxford University Press, 2010.

Allan et al. 2005 — Allan R., Holmes P., Lundskaer-Nielsen T. Danish: an essential grammar. London / New York: Routledge, 2005.

Bergvatn 2010 — Bergvatn C. Le futur en français et en norvégien. Une étude contrastive de futur français et de ses réalisations en norvégien moderne dans une perspective traductologique. Mémoire de master. Université de Bergen, 2010.

Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: UChP, 1994.

Condoravdi 2002 — Condoravdi C. Temporal interpretation of modals: Modals for the present and for the past. The Construction of Meaning. Beaver D., Casillas Martinez L. D., Clark B. Z., Kaufmann S. (eds.). Stanford, CA: CSLI Publications. Pp. 59–87.

Dahl 1985 — Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Dahl 1995 — Dahl Ö. The tense system of Swedish. Tense Systems in European languages, II. Thieroff R. (ed.). Tübingen: Niemeyer, 1995. Pp. 59–68.

Dahl 2000 — Dahl Ö. The grammar of future-time reference in European languages. Tense and aspect in European languages. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 309–328.

Davidsen-Nielsen 1990 — Davidsen-Nielsen N. Tense and mood in English: a comparison with Danish. Berlin: Mouton de Gruyter, 1990.

Eide 2005 — Eide K. Norwegian modals. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.

Einarsson 1949 — Icelandic. Grammar, texts, glossary. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1949.

Faarlund et al. 1997 — Faarlund J. T., Lie S., Vannebo K. I.. Norsk referansegrammatik. Oslo: Universitetsforlaget, 1997.

Fleischman 1982 — Fleischman S. The Future in Thought and Language: Diachronic Evidence from Romance. Cambridge University Press, 1982.

Hagen 2002/2004 — Hagen J. E. Norsk grammatikk for andrespråklærere (2. utgave / 3. utgave). Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 2002/2004.

Hansen, de Haan 2009 — Hansen B., de Haan F. Introduction (Chapter 1). Modals in the languages of Europe. Hansen B., de Haan F. (eds.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 1–11.

Hilpert 2008 — Hilpert M. Germanic future constructions: A usage-based approach to grammaticalization. Constructional approaches to language. 2008. Vol. 7. Amsterdam: Benjamins.

Huddleston 2002 — Huddleston R. Clause type and illocutionary force. The Cambridge grammar of the English language. Huddleston R., Pullum G. K. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Pp. 851–945.

Lockwood 1977 — Lockwood W. B. An Introduction to Modern Faroese. Tórshavn: Føroya Skúlabólagrunnur, 1977.

MacDonald 1990 — MacDonald K. Uttrykk for framtid i norsk. Hva er vanskelig i grammatikken? Sentrale emner i norsk som andrespråk. Anne Golden et al. (eds.). Oslo: Universitetsforlaget. Pp. 27-37.

Mikučionis 2012 — Mikučionis U. Modality and the Norwegian modal verbs. Doctoral dissertation in Humanities, Philology (04 H). Vilnius University, 2012.

Nuyts 2006 — Nuyts J. Modality: overview and linguistic issues. The expression of modality. The expression of cognitive categories. Frawley W., E. Eschenroeder, S. Mills & Th. Nguyen (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 1–26.

Palmer 2001 — Palmer F. R. Mood and modality (2nd edition). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Petersen 2011 — Petersen H. P. The convergence process between Faroese and Faro-Danish. *Nordic Journal of Linguistics*. 2011. Vol. 34. No. 1. Pp. 5–28.

Plungian, van der Auwera 1998 — Van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*. 1998. Vol. 2. No. 1. Pp. 79–124.

Teleman et al. 1999 — Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Stockholm: Norstedts, 1999.

Thráinsson 2007 — Thráinsson H. The syntax of Icelandic. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Родственные языки как объект типологии. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.

Майсак, Татевосов 2001 — Т. А. Майсак, С. Г. Татевосов. Вид. Время. Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. А. Е. Кибрик (ред.). ИМЛИ РАН, Наследие Москва, 2001.

Плунгян 1997 — В. А. Плунгян. Вид и типология глагольных систем. Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ. М. Ю. Черткова (ред.). Т. I. М.: МГУ, 1997. С. 173–190.

Стеблин-Каменский 1955 — М. И. Стеблин-Каменский. Древнеисландский язык. М., 1955.

Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Есть – бывает – будет: на пути грамматикализации. Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). М.: Гнозис, 2004. С. 226–256.

Корпусные данные

1. <http://corp.hum.sdu.dk/cqp.fo.html> – Корпус фарерского языка CorpusEye
2. <http://corpus.arnastofnun.is> – Корпус исландского языка Института им. Арни Магнуссона
3. www.dsl.dk – Корпусы датского языка Korpus2000 и KorpusDK
4. www.hf.uio.no/iln/tjenester/kunnskap/sprak/korpus/skriftsprakskorpus/lbk/index.html – Корпус норвежского языка LBK
5. www.malfong.is/ – Корпус исландского языка MÍM
6. www.nob-ordbok.uio.no/ – Словарь норвежского языка Bokmålsordboka
7. spraakbanken.gu.se/ – Корпус шведского языка Корп
8. <http://spraakbanken.gu.se/FTS/search.phtml> – Корпус фарерского языка Føroyskt TekstaSavn (FTS)

Конструкции с предикативным причастием в лесном диалекте энецкого языка⁴³

В статье рассматриваются конструкции с предикативными употреблениями причастий в лесном диалекте энецкого языка: конструкция с предикативным употреблением собственно причастий и конструкция с предикативным употреблением вершинного имени с причастием. Анализ как количественных данных корпуса текстов, так и их семантики показывает, что первая конструкция представляет собой начальную стадию грамматикализации, а вторая – плеонастический риторический прием.

Ключевые слова: энецкий язык, самодийские языки, причастия, именные предикаты, грамматикализация.

The paper deals with predicative participles in Forest Enets that take part in two constructions. In one of them, a participle is a predicate itself; in the other one, a noun phrase with a head noun and a participle is a predicate. Having analyzed both frequencies from a text corpus and meanings, I conclude that the former construction represents an initial stage of a grammaticalization process, and the latter construction is just a plenastic rhetorical device.

Keywords: Enets, Samoyedic, participles, nominal predicates, grammaticalization.

1. Введение

Предмет рассмотрения в настоящей статье – конструкции с причастиями в предикативной позиции в лесном диалекте энецкого языка.

⁴³ Работа выполнена в рамках проекта по гранту ОГОН РФФИ № 17-34-01068.

Основным фактическим материалом послужили данные, полученные и обработанные преимущественно в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» (Б. Комри, О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский) при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (Endangered Languages Documentation Programme, ELDP), 2008-2011 гг.

Автор благодарен участникам конференции «Типология морфосинтаксических параметров» за обсуждение материалов к статье; О.В. Ханиной за комментарии к статье и многие совместные аналитические решения при анализе энецкой грамматической системы; Н.М. Стойновой, С.А. Трубецкому и в особенности М.А. Овсянниковой, участвовавшим в сборе и расшифровке энецких текстов; Дудинскому отделению ГТРК «Норильск», Таймырскому Дому народного творчества, Д.С. Болиной, О.Э. Добжанской, И.П. Сорокиной и А.Ю. Урманчиевой, любезно предоставившим архивные аудиозаписи.

Энецкий язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и представлен двумя диалектами: лесным энецким и тундровым энецким. Рассматриваемое здесь явление не обнаружено в корпусе тундрового диалекта, в связи с чем статья ограничена лесным. Исследование выполнено на материале корпуса естественных текстов, включающего транскрипции около 25 часов лесной энецкой речи⁴⁴.

В лесном диалекте энецкого языка представлены два типа конструкций, в которых представлены причастия в предикативной позиции.

Во-первых, это именные предикации, в которых в предикативной позиции находится непосредственно причастие, как в (1).

- (1) *toni-z* *to-j* *nʲi-uʔ* *ŋa-ʔ*.
 там-ABL прийти-PTCP.ANT NEG-3SG.S.CONT быть-CONN
 ‘Он ведь оттуда пришел.’ (букв.: ‘Он оттуда **пришедшим** **ведь** **является**.’)

Во-вторых, это именные предикации, в которых в строгом смысле причастие употребляется в стандартной для него функции относительного предложения к именной группе, а в предикативной позиции находится плеонастическое десемантизированное вершинное имя, как в (2).

- (2) *əneʃ* *entʃe-l* *rosa-ʃuz* *dʲiri-j*
 энецкий человек-NOM.SG.2SG русский-CAR жить-PTCP.ANT
 entʃeʔ *ŋa-ʔ* *nʲi-uʔ*.
 человек быть-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Энец ведь жил без русского.’ (букв.: ‘Энецкий человек без русского **жившим человеком** **ведь** **является**’)

Оба типа конструкций не обсуждались в литературе, но представляют, несомненный интерес по следующим причинам. Они могут рассматриваться как начальная стадия грамматикализации аналитических форм. Аналитические формы, включающие причастие смыслового глагола, широко известны на примере европейских языков, но энецкий материал демонстрирует случай, когда с точки зрения морфосинтаксической структуры представлена еще не аналитическая форма, а полипредикативная конструкция. В то же время с точки зрения значения обе конструкции выглядят избыточными и очень близки простым глагольным формам, ср. (1) и (3), (2) и (4).

- (3) *bizu* *baro-d* *ədu-xon* *to-ʔ* *nʲi-uʔ*.
 вода край-DAT.SG лодка-LOC.SG прийти-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Он ведь приплыл в лодке на берег.’

⁴⁴ Корпус продолжает обновляться, самая актуальная его версия может быть получена у автора. Предшествующие версии общедоступны по адресу: <http://elar.soas.ac.uk/deposit/0302> или <http://larkpie.net/siberianlanguages/recordings/forest-enets>.

- (4) *ni̯e-ʃuz* *d̪iri* *peri?*
 ребенок-CAR жить.3SG.S всегда
 ‘(У кукушки никогда гнезда не бывает.) Она без детей живет всегда.’

После введения необходимых морфологических сведений, мы представим результаты анализа употребления обеих конструкций. Выясняется, что если конструкция с собственно предикативным причастием во многом конвенционализирована и с точки зрения выбора конкретной причастной формы, и с точки зрения семантики, то конструкция с вершинным существительным не имеет таких свойств.

2. Морфологические замечания

2.1. Система причастий

Система причастий в лесном диалекте энецкого языка описана в [Со-рокина 2010: 348-351] и [Siegl 2013: 327-329] (см. также [Рыжова 1982] на материале тундрового диалекта) и с некоторыми уточнениями приведена в Таблице 1. В энецком языке представлены пять причастных форм: причастие одновременности, причастие предшествования, т. н. «пассивное» причастие предшествования (использующееся для релятивизации субъекта непереходного глагола и объекта переходного глагола), причастие следования и отрицательное причастие предшествования (со значением еще не произошедшего события).

Приведенные в Таблице 1 показатели причастий естественно встраиваются в систему морфологии энецкого глагола. Знаком / разделены алломорфы, обусловленные принадлежностью к морфологическому классу простых, звонкочередующихся или глухочередующихся глаголов, в скобках дан алломорф, обусловленный лексически, знаком ~ разделены показатели, распределение которых остается неясным.

В своей основной функции причастия используются для образования относительного предложения, которое предшествует вершинному имени. Причастия не согласуются с вершинным именем, но факультативно могут принимать посессивные лично-числовые показатели для согласования с субъектом [Khanina & Shluinsky 2013: 40-42].

Таблица 1

гlossa	значение	показатель
PTCP.SIM	причастие одновременности	da (za) / ta
PTCP.ANT	причастие предшествования	j ~ bi / mi
PTCP.ANT.PASS	«пассивное» причастие предшествования	duuj / tuuj
PTCP.ANT.POST	причастие следования	uda
PTCP.ANT.NEG	отрицательное причастие предшествования	uzaj

Таблица 1. Система причастий в энецком языке

2.2. Предложения с именным предикатом

Неглагольные предложения с именным предикатом, имеющие временную референцию аориста и прошедшего времени (то есть к настоящему или к прошлому) не содержат глагольной связки. Их вершиной являются предикативные формы имени, которые образуются при помощи субъектной серии глагольных лично-числовых показателей, как в (5).

- (5) iblɛjgu-ən tazebe-zʔ, man-ʔ nʔi-uʔ.
 маленький-PROL.SG шаман-1SG.S сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Я немного шаман, он сказал.’

Неглагольные предложения с более сложной модально-временной референцией включают одновременно и предикативные формы имени, и глагольную связку. Глагольная связка имеет две основы *ε-* и *ɲa-*, которые близки к дополнительному распределению (см. подробнее [Шлуинский, в печати]: *ɲa-*, как правило, используется в формах аориста, прошедшего времени, императива, юссива и коннегатива, как в (6), а *ε-* — во всех остальных формах, как в (7).

- (6) ɛke dʔa-xane-d uuʔ bemo-d ɲa-ʔ.
 этот земля-LOC.SG-OBL.SG.2SG ты глава-2SG.S быть-2SG.S.IMP
 ‘На этой земле ты будь хозяином!’

- (7) tɔri ɛ-xu-jʔ, mana.
 так быть-HORT-1DU.S/SOSG сказать.3SG.S
 ‘Давай так сделаем, он сказал.’

Предложения с предикативными употреблениями причастий строятся так же, как и прочие предложения с именными предикатами.

2.3. Отрицательная конструкция и «контрастивные» формы

Как и в целом в уральских языках, в энецком языке отрицательная конструкция является аналитической и состоит из отрицательного глагола и специальной неизменяемой формы коннегатива лексического глагола. В энецком языке на базе отрицательной конструкции образуется также «контрастивная» конструкция со значением эмфатического утверждения. Она состоит из отрицательного глагола в форме аориста (с референцией к настоящему или прошлому в зависимости от видовой характеристики глагола) или интеррогатива (с референцией к прошлому), принимающего

лично-числовые окончания «контрастивной» серии (см. подробнее [Шлутинский 2010]), как в (8).

- (8) mɛ-nʲ? diez dʲazu-ʔ nʲe-zuʔ.
 чум-OBL.SG.1SG в_сторону идти-CONN NEG-1SG.S.CONT
 ‘Я ведь иду в сторону своего дома.’

Как будет показано ниже, наиболее конвенционализированные употребления предикативных причастий обнаруживают частотную корреляцию с «контрастивной» конструкцией.

3. Особо объясняемые случаи

Прежде чем переходить к рассмотрению конструкций, проиллюстрированных в 1, упомянем ряд случаев, в которых употребление причастий в предикативной позиции объясняется особо и потому не нуждается в отдельном исследовании.

Во-первых, в энецком языке представлены устойчивые лексикализованные сочетания причастия и существительного, описывающие единое понятие, как rogu da entʃeʔ ‘рыбак (букв. рыбакающий человек)’, tʃi da sama ‘птица (букв. летающее животное)’, которые в частности могут употребляться и в предикативной позиции, как в (9). Сходное явление представляют собой и лексикализованные (субстантивированные или адъективированные) причастия или устойчивые сочетания причастий с зависимыми словами, как te rɔnʲi da ‘оленовод (букв. использующий оленя)’, oo da ‘съедобный (букв. едящий / едомый)’, для которых употребление в предикативной позиции, как в (10), также не нуждается в объяснении. К последнему случаю примыкают употребления в предикативной позиции причастий стативных глаголов со значением признака⁴⁵, как в (11).

- (9) rogu-da entʃe-maʔ ŋa-aʔ nʲe-bamʔ anʲi.
 рыбакаить-PTCP.SIM человек-1PL.S/SOSG быть-CONN NEG-1PL.S/SOSG.CONT и
 ‘Мы ведь рыбаки.’

- (10) uuʔ sojza te pɔnʲi-da-d ɛ-za-d.
 ты хороший олень использовать-PTCP.SIM-2SG.S быть-FUT-2SG.S
 ‘Ты будешь хорошим оленеводом.’

- (11) anʲi naara-za nauʔɔ, seʔi-za.
 и мездра-NOM.SG.3SG быть_толстым.3SG.S быть_тяжелым-PTCP.SIM.3SG.S
 ‘У нее тоже мездра толстая, тяжелая.’

⁴⁵ Граница между стандартными причастиями от глаголов со значением признака и лексикализованными адъективированными причастиями требует специального исследования; однако данная группа эмпирически выделяется тем, что у глаголов со значением признака доля причастий во вхождениях леммы в корпусе многократно выше, чем у других глаголов.

Во-вторых, это употребления причастий предшествования в конструкции с ирреальным деепричастием глагола 'быть', как в (12). Данная конструкция является идиосинкратической аналитической формой – более того, она вообще является единственным контекстом, где засвидетельствовано данное деепричастие.

- (12) to-j ɛ-bu-r, man-ʔ ni-uʔ.
 прийти-PTCP.ANT быть-CVB.IRR-NOM.SG.2SG сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
 'Если бы ты пришел, он сказал...'

В-третьих, причастия предшествования и «пассивные» причастия предшествования переходных глаголов употребляются в предикативной позиции в значении объектного результата (в терминах [Недялков & Яхонтов 1983]), как в (13). Энецкий язык не располагает другими средствами для выражения данного значения, и такие употребления вполне естественно заполняют данную функциональную нишу.

- (13) ani te-ʔ periʔ kada-j-ʔ.
 и олень-PL всегда унести-PTCP.ANT-PL
 'А олени уведены навсегда.'

Случаи, перечисленные в настоящем разделе, далее исключаются из рассмотрения.

4. Статистика предикативных употреблений причастий

Обратимся к количественным данным об употреблении рассматриваемых конструкций с предикативным причастием. Во-первых, мы рассматриваем отдельно каждую из пяти энецких причастных форм. Во-вторых, в силу того, что импрессионистически частотным представляется предикативных употреблений причастий с «контрастивной» конструкцией, произведены отдельные подсчеты частотности утвердительной, отрицательной и «контрастивной» конструкций. Выясняется, что рассматриваемые нами две конструкции – (а) с предикативным употреблением непосредственно причастия и (б) с предикативным употреблением вершинного имени с причастием – обнаруживают принципиально различные свойства.

4.1. Конструкция с предикативным употреблением причастия

В конструкции с предикативным употреблением непосредственно причастия, проиллюстрированной (1), возможны все энецкие причастные формы: причастие одновременности (14), причастие предшествования (15), «пассивное» причастие предшествования (16), причастие следования (17), отрицательное причастие предшествования (18).

(14) te diez sɔʔɔ-da ni-ʃ ɲa-ʔ.
олень в_сторону прыгнуть-PTCP.SIM NEG-3SG.S.PST быть-CONN
‘На оленей он не прыгал.’

(15) tʃike kasa ɛtʃe-r kadʲa-ʃ
этот мужчина ребенок-NOM.SG.2SG охотиться-CVB
kanʲe-j ɲa-ʔ ni-uʔ anʲi.
уйти-PTCP.ANT быть-CONN NEG-3SG.S.CONT и
‘Этот парень ведь на охоту пошел вот.’

(16) ɔnɛj nɛ-da ni-uʔ
энецкий женщина-OBL.SG.3SG NEG-3SG.S.CONT
kaza-duuj-za ɲa-ʔ.
убить-PTCP.ANT.PASS-NOM.SG.3SG быть-CONN
‘Она ведь энецкую женщину убила.’

(17) modʲi bii-xone-nʔ, kanʲe-uda-ʔ ni-ʔ
я ум-LOC.SG-OBL.SG.1SG уйти-PTCP.POST-3PL.S NEG-3PLS
ɲa-ʔ tʃike-z.
быть-CONN этот-NOM.PL.2SG
‘Я думаю, они сейчас не уйдут.’

(18) ɔburi-za sɔjza-an kamaza-uzaj-ʔ.
вещь-NOM.PL.3SG хороший-PROL.SG приготовить-PTCP.ANT.NEG-3PL.S
‘Ее вещи хорошо не подготовлены.’

Однако анализ количественных данных, представленных в Таблице 2, показывает, что частотность этих употреблений крайне разная. Для причастия одновременности и «пассивного» причастия предикативные употребления статистически не значимы. Для причастия предшествования предикативные употребления составляют примерно шестую часть от общего количества вхождений, исчисляемого в сотнях. Для причастия следования – при меньшем на порядок количестве вхождений – четвертую часть. Отрицательное причастие предшествования вообще является редкой формой, но притом для него предикативные употребления вообще составляют более половины вхождений.

Содержательная интерпретация этих частотных данных может состоять в том, что три причастия, у которых доля предикативных употреблений высокая, конвенционализированы в этой функции и находятся в начале пути грамматикализации в качестве аналитических форм.

Таблица 2

причастие	утверди- тельная конструкция	отрицатель- ная кон- струкция	«контр- активная» конструкция	всего пре- дикативных употреблений	всего в корпусе
PTCP.SIM	2	2	2	6	1119
PTCP.ANT	35	2	59	96	590

PTCP.ANT. PASS	0	3	0	3	111
PTCP.ANT. POST	5	3	0	8	33
PTCP.ANT. NEG	7	0	0	7	11
ВСЕГО	49	10	61	120	1864

Таблица 2. Статистика по конструкции с предикативным употреблением причастия

Численные данные в Таблице 2 показывают и еще один нетривиальный факт, касающийся предикативных употреблений причастия предшествования. Для этих употреблений, во-первых, незначима доля отрицательной конструкции, а во-вторых, характерна повышенная частотность «контрастивной» конструкции⁴⁶. Кроме того, в материале бросается в глаза дополнительный факт, касающийся частотности определенных конструкций: из 35 употреблений в утвердительном контексте в 17 причастие предшествования сочетается с формой условного деепричастия глагольной связки – собственно в деепричастной функции, как в (19) или в модальной функции в независимом предложении, как в (20). Конвенционализации, таким образом, подвергаются не столько предикативные употребления причастия предшествования как таковые, сколько более конкретные конструкции с ними.

- (19) ti-na? d'ago-j ε-bu-ta
 олень-PL.1PL не_иметься-PTCP.ANT быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG
 bεse, ɔbu bεse nɔʔɔ-d-e-naʔ.
 железо что железо схватить-FUT-SOPL-1PL.SONSG
 'Если бы наших оленей не хватало, деньги, какие деньги мы получим?'

- (20) tʃike-r ku-xoo-n kan'e-j ε-bu-ta.
 этот-NOM.SG.2SG где-TOP-LOC уйти-PTCP.ANT быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG
 'Куда она ушла?'

Распределение предикативных употреблений причастия следования по конструкциям, как кажется, не обнаруживает никакой идиосинкразии: представлена и утвердительная, и отрицательная конструкция, а «контрастивная» не представлена в рамках не очень большого массива примеров. Наконец, предикативные употребления отрицательного причастия предшествования ограничены утвердительной конструкцией, что естественно объясняется тем, что отрицание уже входит в его значение.

⁴⁶ Соотношение частотности «контрастивной» конструкции с частотностью прочих модально-временных форм для вообще всех глаголов корпуса (в том числе и других форм, использующих «контрастивную» серию лично-числовых конечаний) не исследовалось, однако заведомо ясно, что «контрастивная» конструкция не будет превосходить утвердительную по частотности, тем более почти в два раза.

4.2. Конструкция с предикативным употреблением вершинного имени с причастием

Переходя ко второму типу конструкций, необходимо оговорить, что плеонастически в предикативной позиции в принципе могут употребляться многие вершинные существительные, как слово *buuse* ‘старик’ в (21) или слово *sama* ‘животное’ в (22).

- (21) *tʃike-r* *teragu-on* **dʒiri-da** **buuse**
этот-NOM.SG.2SG богатый-PROL.SG жить-PTCP.SIM старик
ŋa-ʔ *nʲi-uʔ*.
быть-CONN NEG-3SG.S.CONT
‘Он [старик] ведь живет богато (букв. богато живущий старик).’

(22) [Осенью похоронили старуху. А на другой год медведь ее обратно выкопал.]

- dʒɤxa meɔn* *dʒɤzu-da* *sama* *ŋa-ʔ* *i-si-uʔ*.
река по идти.MULT-PTCP.SIM животное быть-CONN NEG-Q-3SG.S.CONT
‘Он ходил (букв. это был зверь, ходивший) по реке, наверное.’

Однако в таких случаях затруднительно проведение границы между употреблением вершинного имени, вообще лишенным семантической нагрузки, и таким, где некоторая семантическая нагрузка есть. В силу этого мы ограничились статистикой примеров только с вершинными именами *entʃeʔ* ‘человек’ и *ɤburu* ‘вещь’, имеющими наиболее общее лексическое значение. В предикативных конструкциях с ними представлены три причастия: одновременности, как в (23)-(24), предшествования, как в (25)-(26), и следования, как в (27).

- (23) *ɛse-r* *kare-za-a* *kɔmita-da* *entʃe-tʃ*.
отец-NOM.SG.2SG рыба-CAUS-NMLZ любить-PTCP.SIM человек-3SG.S.PST
‘Твой отец любил (букв. был человеком, любившим) рыбалку.’

- (24) *uuʔ* *bɔdu-n*, *kɔj* *nʲin* *dʒiri-da* *entʃed*
ты тундра-LOC хребет на жить-PTCP.SIM человек-2SG.S
nʲeduʔ *ŋaʔ*.
NEG-2SG.S.CONT быть-CONN
‘Ты же живешь в тундре (букв. в тундре в тундре живущий человек).’

- (25) *i-ʃ* *tɔsa-ʔ* *ko-duuj-biʔ*
NEG-CVB встревожиться-CONN найти-PTCP.ANT.PASS-NOM.SG.1SG
entʃeʔ *tʃike* *tɔnane-da* *igarka-xan* *dʒiri-j*
человек этот когда_то-OBL.SG.3SG Игарка-LOC.SG жить-PTCP.ANT
entʃeʔ *ɛ-bi*.
человек быть-PRF.3SG.S

‘А этот человек, которого я случайно нашел, раньше жил (букв. был человеком, живущим) в Игарке.’

- (26) dʒrim-a-d koma-ru-j entʃe? |
 разговаривать-NMLZ-DAT.SG хотеть-INCH-PTCP.ANT человек
 ʃa-ʔ nʲi-uʔ.
 быть-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Он ведь захотел (букв. человек, захотевший) разговаривать.’
- (27) dia teru-xon tara-uda oburu
 земля содержимое-LOC.SG быть_нужным-PTCP.POST вещь
 ʃa-ʔ nʲi-uʔ.
 быть-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Это ведь нужна для жителей земли вещь.’

Представленные в Таблице 3 количественные данные по употреблением причастий в предикативной конструкции с вершинным именем дают принципиально иную картину, чем в случае с предикативным употреблением собственно причастий. Если оставить в стороне вопрос о том, почему в данной конструкции не представлено «пассивное» причастие предшествования, мы видим употребление причастий со всеми таксисными значениями, причем их частотность пропорциональна общей частотности каждого причастия в корпусе.

Таблица 3

причастие	утверди- тельная конструкция	отрицатель- ная кон- струкция	«контр- ативная» конструкция	всего в пре- дикативной именной группе	всего в корпусе
PTCP.SIM	16	5	4	25	1119
PTCP.ANT	6	0	4	10	590
PTCP.ANT. PASS	0	0	0	0	111
PTCP.ANT. POST	0	0	1	1	33
PTCP.ANT. NEG	0	0	0	0	11
ВСЕГО	32	5	9	36	1864

Таблица 3. Статистика по конструкции с предикативным употреблением вершинного имени с причастием.

Можно отметить еще две особенности представленных в Таблице 3 количественных данных. Во-первых, для данной конструкции нет столь заметной корреляции с «контрастивной» конструкцией, а также не столь заметно и избегание отрицательной конструкции. Во-вторых, вообще частотность конструкции с предикативным употреблением вершинного имени с причастием не очень высокая. Содержательно можно интерпретировать эти данные так, что, в отличие от конструкции с предикативным употреблением собственно причастия, здесь мы имеем дело не с конвенционализацией определенной

5. Семантика конструкций с предикативным употреблением причастий

Анализ количественных данных в 4.1 показал, что, несомненно, на пути грамматикализации находятся предикативные употребления причастия предшествования, а также возможна такая интерпретация предикативных употреблений причастия следования и отрицательного причастия предшествования. Этот вывод, однако, должен подкрепляться и специфическими семантическими особенностями таких конструкций: естественно ожидать, что определенная конструкция занимает и определенную функциональную нишу. Выясняется, что предикативные употребления причастий действительно могут быть предсказаны из семантики контекста.

5.1. Причастия предшествования

Анализ предикативных употреблений причастия предшествования показывают, что они могут быть разделены на две группы.

Во-первых, предикативные причастия предшествования используются в значении субъектного результата (см. [Недялков & Яхонтов 1983]). Так, в (28) и (29) представлены предложения из нарративов, в которых в точке отсчета оказывается, что имеет место уже завершённый результат описываемых ситуаций. Такие употребления параллельны исключённым нами из рассмотрения употреблениям предикативных причастий в значении объектного результата, но их семантическое отличие от более общей референции к прошлому априори менее очевидно.

- (28) buuse-r uze kaʔa-j ʔa-ʔ
старик-NOM.SG.2SG уже умереть-PTCP.ANT быть-CONN
nʔi-uʔ.
NEG-3SG.S.CONT
‘Ну, старик уже ведь мертвый.’

- (29) bii-nʔ iron man-ʔ nʔe-zuʔ, boɡulʔa
ум-OBL.SG.1SG под сказать-CONN NEG-1SG.S.CONT медведь
ʔa-ʔ nʔi-uʔ kanusu-j.
быть-CONN NEG-3SG.S.CONT уходить-PTCP.ANT
‘Я подумал, медведь ведь ушел.’

Во-вторых, это события с референцией к прошлому, релевантные в точке отсчета или для последующего изложения. Так, в (30)–(31) речь идет о временном плане прошлого, который говорящий сопоставляет с временным планом настоящего; (32) является фрагментом нарратива, в котором изменение состояния персонажа оказывается важным для последующей

сюжетной линии. Такой тип употреблений объясняет и корреляцию данного употребления причастия с условными конструкциями, как в (19): выполнение условия релевантно для следствия. 157

- (30) [Как это у прежних людей язык другой будет?]
 ɲəbtʃik ʃizna? tɔtrau dʒri-mi ɲa-?
 все_равно мы.GEN так_же_как разговаривать-PTCP.ANT быть-CONN
 ɲi-mʔ.
 NEG-3PL.S.CONT
 ‘Все равно ведь они так же, как мы, разговаривали.’

- (31) sexote entʃe-l ɲulʲi dʒɤxara-j
 древний человек-NOM.SG.2SG очень не_знать-PTCP.ANT
 ɲa-ʔ ɲi-uʔ rosa baza.
 быть-CONN NEG-3SG.S.CONT русский язык
 ‘Раньше человек совсем не знал русского языка.’
 {А теперь все говорят по-русски.}

- (32) taxa-n sigu-fe-j ɛ-ubi.
 раньше-LOC звук-CAR-PTCP.ANT быть-HAB.3SG.S
 ‘Раньше она все молчала.’
 [Через какое-то время она проснулась.]

Данный набор употреблений представляется вполне ожидаемым для аналитической конструкции с причастием предшествования: он полностью, если учитывать и исключенные нами из рассмотрения в 3 контексты с объектным результатом, входит в семантическую зону перфекта, для которого именно через значение результата конструкции с причастиями предшествования являются самыми известными источниками грамматикализации (см., в частности, о «быть/иметь»-перфектах в [Bybee et al. 1994: 63-68]).

5.2. Причастия следования

Ограниченный материал по предикативным употреблением причастий следования показывает, что они, по-видимому, ограничены контекстами со значением проспектива, симметричным результативному: речь идет об ожиданиях говорящего, которые он строит на основании того, что наблюдает в точке отсчета. В (33) точкой отсчета служит момент речи, и на значение проспектива не накладывается какое-либо модальное значение; но контекст подготовительной фазы ситуации может сочетаться и с каким-либо модально-временным значением, выраженным в глагольной связке, как в (34).

- (33) tʃike-z modʲina? neɤne-na? to-uda-ʔ.
 этот-NOM.PL.2SG мы вдоль-OBL.SG.1PL прийти-PTCP.POST-3PL.S
 ‘Они должны придти мимо нас.’

- (34) eke-xoo-g oburu-fuz ʃijʔ kaji-uda
 этот-TOP-NOM.SG.2SG вещь-CAR я.ACC оставить-PTCP.POST
 e-zaraxa.
 быть-SUPP.3SG.S
 ‘Он-то, похоже, без ничего меня оставит.’

5.3. Отрицательные причастия предшествования

Отрицательное причастие предшествования имеет значение еще не наступившей ситуации, наступление которой входит притом в ожидания. Такой тип значения типологически известен прежде всего именно в контексте типологии видо-временных форм, а не причастных – ср. о кунктативах, или ретардативах, в типологической перспективе, например, [Плунгян 2011: 419-420]. В этой перспективе становление данной причастной формы на путь грамматикализации в предикативной позиции вполне естественно, приведем пример (35).

- (35) tɔna jeʃɔ pi-uzaj.
 еще еще созреть-PTCP.ANT.NEG
 ‘Она [морошка] пока еще не созрела.’

6. Заключение

В настоящей статье были рассмотрены две конструкции с предикативными употреблениями причастий в лесном диалекте энецкого языка: конструкции с предикативным употреблением собственно причастий и конструкции с предикативным употреблением вершинного имени с причастием. Количественные данные, во-первых, о распределении пяти энецких причастных форм по этим конструкциям, а во-вторых, об их корреляции с утвердительным и «контрастивным» контекстами показывают, что эти две конструкции имеют принципиально различные свойства.

Конструкция, в которой именным предикатом является непосредственно причастие, чувствительна к причастиям конкретных типов: для причастия предшествования, причастия следования и отрицательного причастия предшествования предикативные употребления составляют существенную часть от общего количества вхождений, причем у причастия предшествования это количество существенно и в абсолютных цифрах, а в предикативном употреблении это причастие имеет стойкую корреляцию с утвердительным и особенно «контрастивным» контекстами. Предикативные употребления данных трех причастий можно считать начальной стадией грамматикализации глагольных форм на их основе: в пользу такой интерпретации говорит и их семантика, вписывающаяся в типологические ожидания.

Конструкция, в которой именным предикатом является именная группа с плеонастическим вершинным именем и зависимым от него причастием, хотя и с некоторыми оговорками, не обнаруживает корреляции ни с ка-

кой-либо конкретной причастной формой (частотность причастий в ней пропорциональна их общей частотности), ни с утвердительным или «контрастивным» контекстом. Для этой конструкции нет оснований постулировать даже раннюю стадию грамматикализации, она употребляется как особый риторический прием.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ABL – аблатив, ACC – винительный падеж, CAR – каритив, CAUS – каузатив, CONN – коннегатив, CONT – «контрастивная» модально-временная серия лично-числовых окончаний, CVB – деепричастие / инфинитив, CVB.COND – деепричастие условия, CVB.IRR – ирреальное деепричастие, DAT – датив, DU – дв. число, FUT – будущее время, GEN – генитив, HAB – хабигуалис, HORT – гортатив, IMP – императивная модально-временная серия лично-числовых окончаний, INCH – инхоатив, LOC – локатив, MULT – мультипликатив, NEG – отрицательный глагол, NMLZ – имя действия, NOM – именительный падеж, OBL – косвенный падеж, PL – мн. число, PRF – перфект, PROL – пролатив, PST – претериальная модально-временная серия лично-числовых окончаний, PTCP.ANT – причастие предшествования, PTCP.ANT.NEG – отрицательное причастие предшествования, PTCP.ANT – «пассивное» причастие предшествования, PTCP.SIM – причастие одновременности, PTCP.POST – причастие следования, Q – интеррогатив, RESTR – рестриктив, S – субъектная лично-числовая серия, SG – ед. число, SONSG – субъектно-объектная лично-числовая серия для объекта дв. или мн. числа, SOPL – субъектно-объектная лично-числовая серия для объекта мн. числа, SOSG – субъектно-объектная лично-числовая серия для объекта ед. числа, SUPP – суппозитив, TOP – показатель топика.

Литература

Недялков & Яхонтов 1983 — Недялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций. Типология результативных конструкций. Недялков В.П. (ред.). Л.: Наука, 1983. Сс. 5–41.

Плунгян 2011 — Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Рыжова 1982 — Рыжова Е.Ю. Система причастий в северном диалекте энецкого языка. Советское финно-угроведение. 1982. Т. 18. Сс. 201–207.

Сорокина 2010 — Сорокина И.П. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010.

Шлуинский 2010 — Шлуинский А.Б. «Контрастивные» глагольные окончания в лесном диалекте энецкого языка. Материалы 3-й международной конференции по самодистике. Буркова С.И. (ред.). Новосибирск: Любава, 2010. Сс. 247–260.

Шлуинский, в печати — Шлуинский А.Б. Морфологические особенности нелексических глаголов в энецком языке. Труды ИЛИ РАН (Acta Linguistica Petropolitana). В печати.

Bybee et al. 1994 — Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Khanina & Shluinsky 2013 — Khanina O., Shluinsky A. Choice of case in cross-reference markers: Forest Enets non-finite forms. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2013. Band 37. Ss. 31–44.

Siegl 2013 — Siegl F. Materials on Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

Битранзитивная конструкция в языке акебу⁴⁷

В статье рассматривается битранзитивная конструкция в языке акебу семьи ква. В акебу представлены три стратегии оформления битранзитивных глаголов при выражении обоих объектов: нейтральная стратегия; стратегия с местоименной репризой; стратегия с конструкцией на базе посессивной. Для местоименного реципиента характерны нейтральная стратегия и стратегия с местоименной репризой, а для полной именной группы реципиента – конструкция на базе посессивной.

Ключевые слова: язык акебу, языки ква, битранзитивная конструкция, дитранзитивная конструкция, посессивная битранзитивная конструкция, нейтральная битранзитивная конструкция.

The paper deals with the ditransitive construction in Akebu, a Kwa language. Akebu has three strategies of alignment of ditransitive verbs, if both objects are expressed: neutral strategy; strategy with a pronominal reprise; strategy based on a possessive construction. Pro-nominal recipients tend to be expressed with the neutral strategy and strategy with a pronominal reprise, and full noun phrase recipients are normally expressed with the strategy based on a possessive construction.

Keywords: Akebu, Kwa, ditransitive construction, possessive ditransitive construction, neutral ditransitive construction.

1. Введение

В настоящей статье рассматривается битранзитивная конструкция в языке Акебу группы кебу-анимере (входящей в ареально-генетическое объединение «языки гор Ганы и Того» / “Ghana – Togo Mountain languages”) языковой семьи ква. На языке акебу говорят около 70 000 человек в основном в префектуре Акебу республики Того. В статье использованы данные, полученные в рамках экспедиций в д. Джон и близлежащие д. Котора и

⁴⁷ Работа выполнена в рамках проекта по гранту ОГОН РФФИ № 15-34-01237. Мы благодарны участникам конференции «Типология морфосинтаксических параметров» за обсуждение материалов к статье; нашим информантам Й.-Л. Акоссу, С. Сентибили, К.-М. Кокороко, Й. Чиче, М. Айето, К. Коджови и А. Джену; П.А. Ковалю, Н.А. Муравьеву и Д.С. Шавариной за полевые данные.

д. Джитраме) в 2012, 2013 и 2016 гг. (в экспедициях в разные годы, помимо авторов, участвовали П.А. Коваль, Н.А. Муравьев и Д.С. Шаварина). В основном использованы данные, полученные при работе по анкете, но также привлечены данные транскрибированных естественных текстов (около 3 ч. записи), причем оба типа данных не противоречат друг другу.

Типология битранзитивных конструкций [Haspelmath 2005; Malchukov et al. 2010] различает три основных стратегии оформления объектов битранзитивных глаголов на поверхностном морфосинтаксическом уровне: индирективная стратегия, при которой Тема битранзитивного глагола оформляется аналогично Пациенсу монотранзитивного глагола, а Реципиент особым образом; секундативная стратегия, при которой Реципиент битранзитивного глагола оформляется аналогично Пациенсу монотранзитивного глагола, а Тема особым образом; нейтральная стратегия, при которой и Тема, и Реципиент оформляются одинаково, аналогично Пациенсу монотранзитивного глагола. Кроме того, известны посессивные битранзитивные конструкции, в которых Тема оформляется аналогично Пациенсу монотранзитивного глагола, а Реципиент, как ее посессор – см., в частности, [Creissels 1979: 567-574; Croft 1985; Conti 2008: 47]. Такие конструкции типологически раритетны, но представлены в языках различных семей и ареалов – в частности, в [Creissels & Kouadio 1977: 245-254; 2010] и предлагается обсуждение такого анализа для языка бауле семьи ква, а в качестве маргинальной такая конструкция представлена в южной группе семьи манде, ср. (1) из языка кла-дан.

- (1) S'ígí yà àlàà blúú ló. КЛА-ДАН
 Сиги 3SG.PRF 3PL.POSS хлеб покупать
 'Сиги купил им хлеба (букв. их хлеб).'

Битранзитивные конструкции в языках ква многократно обсуждались в литературе – см., в частности, [Lefebvre 1994; Osam 1996; Essegbey 2010; Creissels & Kouadio 2010; Шлуинский 2008; 2012]. Для языков этой семьи характерно, что битранзитивные глаголы представляют собой небольшой замкнутый класс и с точки зрения поверхностного морфосинтаксиса (то есть употребления адлогов), основной битранзитивной конструкцией является нейтральная, как в (2) из языка логба. При этом синтаксические свойства Реципиента и Темы (порядок слов, возможность образования определенных конструкций) различаются, причем в разных языках ква по-разному. Глагол 'брать', вводящий Тему, или восходящий к нему маркер могут служить основой для образования секундативной конструкции, как показано в [Lord 1982]; такая конструкция может быть проиллюстрирована (3) из акан, но не является в языках ква единственной. Для выражения реципиентно-бенефактивного значения с глаголами, не входящими в узкий класс битранзитивных, в языках ква используется сериальная конструкция с глаголом 'давать', как в (4) из икпосо, или восходящий к нему маркер Реципиента.

(2)	howusu
Ховусу	ó-tá
3SG-давать	asafo
Asafo	e-feshi.
CL-овца	ЛОГБА
	‘Ховусу дал Асафо овцу.’ [Dorgvlo 2008: 137]				163
(3)	esi de
Эси <брать	abofra no DEF
ребенок DEF	ma-a
давать-PST	aberwa no.
старуха DEF	АКАН
	‘Эси дала ребенка старухе.’ [Osam 1994: 20]				
(4)	nā-yí
1SG.PFV-продавать	ékú-é
вещь-DEF	ká
давать	yì.
3SG.OBJ	ИКЮСО
	‘Я продал ему эту вещь.’ [Soubrier 2013: 310]				

Данные языка акебу нетривиальным образом встраиваются как в общую картину языков ква, так и в широкий типологический контекст. Нейтральная стратегия в акебу ограничена реципиентами – местоимениями, причем и для них не является единственно возможной. В то же время другие упомянутые свойства данного фрагмента грамматики языков ква в акебу также представлены.

2. Основная битранзитивная конструкция и периферийные конструкции

Как и в других языках ква, битранзитивные глаголы в акебу составляют относительно небольшой замкнутый класс. Приведем полный перечень этих глаголов, обнаруженных в наших материалах, включающий, как можно видеть, в том числе и синонимы: kũŋ ‘давать’, kãŋ ‘показывать’, tíí ‘говорить’, sɔ̃ ‘рассказывать’, rí ‘просить, спрашивать’, tjà ‘просить, спрашивать’, kríí ‘ставить, класть, выставлять’, tɪní ‘ставить, класть, выставлять’, túú ‘давать в долг’. Три из этих глаголов – sɔ̃, kríí и tɪní – активно употребляются также и как монотранзитивные.

2.1. Основная конструкция на базе посессивной

Основная битранзитивная конструкция в акебу, в отличие от прочих языков ква, не является нейтральной: в ней представлен располагающийся между Реципиентом и Темой маркер *IV*⁴⁸. Примеры (5а) и (6)–(9) иллюстрируют эту конструкцию с наиболее употребительными битранзитивными глаголами. Маркер *IV* формально совпадает с посессивным маркером и, вне всякого сомнения, связан с ним этимологически. Сравним (5а), где пред-

⁴⁸ Символом *V* мы обозначаем представленный в целом ряде морфем акебу недоспецифицированный гласный, подверженный гармонии в зависимости от последующего гласного: $V \rightarrow e / _e, i$; $V \rightarrow o / _o, u$; $V \rightarrow ə / _ə, i$; $V \rightarrow a / _a, e, ə, i, o$. Маркер *IV*, таким образом, гармонирует с начальным гласным вершинной именной группы в посессивном употреблении или именной группы Темы в битранзитивной конструкции.

ставлена битранзитивная конструкция, с (5b), где представлена посессивная конструкция с аналогичным лексическим наполнением.

- (5) a. nò-kūŋ mǎ kɛ́ɛ-yǎ lá cíkɛ́ɛ-yǎ.
 1SG.PFV-давать 1SG.POSS друг-ДЎ POSS собака-ДЎ
 ‘Я дал своему другу собаку.’
- b. mǎ kɛ́ɛ-yǎ lá cíkɛ́ɛ-yǎ Ø-náání.
 1SG.POSS друг-ДЎ POSS собака-ДЎ ДЎ-быть_большимFCT
 ‘Собака моего друга большая.’
- (6) lā-kǎŋ nì-yǎ sā ló tǔ-wǎ sā.
 3.PFV-показывать человек-ДЎ DEM POSS вещь-Wǎ DEM
 ‘Он показал этому человеку эту вещь.’
- (7) né-tíí mǎ è-píí-pǎ lǎ
 1SG.PFV-говорить 1SG.POSS Рǎ-ребенок-Рǎ POSS
 wǎ-cǎ-kpǎ.
 КРǎ-сказка-КРǎ
 ‘Я рассказал сказку своим детям.’
- (8) nǎ-píí tiè-yǎ lé cíí-wǎ.
 1SG.PFV-просить женщина-ДЎ POSS дерево-Wǎ
 ‘Я попросил у женщины палку.’
- (9) né-kpíí mǎ kɛ́ɛ-yǎ lé kɛ́ɛŋ-wǎ.
 1SG.PFV-ставить 1SG.POSS друг-ДЎ POSS еда-Wǎ
 ‘Я выставил еду моему другу.’

Если Тема выражена местоимением, то в качестве основной битранзитивной конструкции используется аналогичная структура. Так, в (10a) после посессивного маркера IV́ следует полная именная группа, а в (10b) после него же – соответствующее ей анафорическое местоимение.

- (10) a. nǎ-píí tiè-yǎ lá kǒdǒú-yǎ.
 1SG.PFV-просить женщина-ДЎ POSS банан-ДЎ
 ‘Я попросил у женщины банан.’
- b. nǎ-píí tiè-yǎ lǎ ŋǒ.
 1SG.PFV-просить женщина-ДЎ POSS ДЎ.OBJ
 ‘Я попросил его [банан] у женщины.’

Возможны три анализа структуры составляющих основной битранзитивной конструкции акебу в зависимости от того, образуют ли именные группы Реципиента и Темы единую именную группу, а если нет, то к которой из них относится маркер. В (i)-(iii) приведены эти варианты для примера (5a). В-первых, она может быть проанализирована как секундативная конструкция,

в которой именная группа Реципиента имеет нулевое маркирование, как и прямые объекты монотранзитивных глаголов, а именная группа Темы имеет вводящий ее препозитивный маркер IV̂ (i). Во-вторых, она может быть проанализирована как индирективная конструкция, в которой именная группа Темы имеет нулевое маркирование, как и прямые объекты монотранзитивных глаголов, а именная группа Реципиента имеет вводящий ее постпозитивный маркер IV̂ (ii). В-третьих, наконец, она может быть проанализирована как синтаксически монотранзитивная конструкция, в которой Тема и Реципиент образуют единую именную группу, где Тема является вершиной, а Реципиент посессором (iii).

(i) nókūŋ̄ [mǎ kééyǎ] [lá [cíkééyǎ]]

(ii) nókūŋ̄ [[mǎ kééyǎ] lá] [cíkééyǎ]

(iii) nókūŋ̄ [[mǎ kééyǎ] lá [cíkééyǎ]]

Ниже в 3.4 и 4.1 будут представлены факты, свидетельствующие против синхронного монотранзитивного анализа (iii). В то же время мы оставляем открытым вопрос о том, более корректным является (i) или (ii). С одной стороны маркер IV̂ подвержен сингармонизму с правой именной группой и тем самым обнаруживает с ней единство. С другой стороны, ниже в 4.1 будет представлена конструкция с местоименным реципиентом, выраженным посессивным местоимением, отличным от объектного (и тем самым оформление Реципиента отличается в этом случае от оформления Пациенса монотранзитивного глагола). Далее мы говорим о битранзитивной конструкции на базе посессивной, оставляя открытым вопрос о ее внутренней структуре.

2.2. Периферийные конструкции

В акебу представлен также ряд прочих конструкций, характерных для языков ква, которые далее мы оставим вне рассмотрения.

Во-первых, для введения реципиентно-бенефактивного актанта используются сериальные конструкции с битранзитивными глаголами. Чаще всего в них используется глагол kūŋ̄ ‘давать’, как в (11), но возможны и другие, как tíí ‘говорить’ в (12) или kríí ‘ставить, класть, выставлять’ в (13).

(11) tiè-yǎ lā-sǒ fūé-yǎ lō-kūŋ̄ nòó
 женщина-1ᵀᵀ 3.PFV-толочь фуфу-1ᵀᵀ 3.PFV-давать 1ᵀᵀPOSS
 nùŋ̄-yǎ.
 муж-1ᵀᵀ
 ‘Женщина истолкла фуфу своему мужу.’

(12) ná-tēŋ̄ kpǎ né-tíí pǎ.
 1SG.PFV-говорить KPᅀ.OBJ 1SG.PFV-говорить Pᅀ.OBJ
 ‘Я рассказал им ее [сказку].’

- (13) nǎ-sǎpǐ kēēŋ-wǎ nē-kpíí mǎ kēē-yǎ.
 1SG.PFV-делить еда-WƏ 1SG.PFV-ставить 1SG.POSS друг-ŋŋ
 ‘Я поделился едой со своим другом.’

Во-вторых, в акебу представлены стандартные для ква сериальные конструкции, в которых объект переходного глагола вводится глаголом fǎ ‘брать’. В случае с битранзитивными глаголами так вводится Тема, и такие конструкции, как (14)-(15) представлены для всех из них, кроме синонимичных pǐ и tǎ ‘просить, спрашивать’.

- (14) nǎ-fǎ mǎ nǎtǎ-wǎ nǎ-kūŋ mǎ
 1SG.PFV-брать 1SG.POSS дом-WƏ 1SG.PFV-давать 1SG.POSS
 kēē-yǎ.
 друг-ŋŋ
 ‘Я отдал свой дом своему другу.’

- (15) fǎ kpáálǎ-wé ā-kǎŋ pǎ.
 брать.IMP крышка-WƏ.DEM 2SG.SBJV-показывать РƏ.OBJ
 ‘Покажи им крышку!’

Наконец, у глаголов pǐ и tǎ ‘просить, спрашивать’ представлена альтернативная основной битранзитивной конструкции модель управления, в которой Тема является прямым объектом, а Реципиент вводится предлогом, как в (16).

- (16) lǎ-tǎ kǎ-sǎŋ-kǎ tǎ nǐ-yǎ sǎ.
 3.PFV-просить КƏ-топор-КƏ LOC человек-ŋŋ DEM
 ‘Он попросил у этого человека топор.’

3. Битранзитивная конструкция с Реципиентом – полной именной группой

В наиболее простом контексте с Реципиентом – полной именной группой используется основная битранзитивная конструкция, описанная в 2.1. В то же время, с одной стороны, она имеет некоторые ограничения, а с другой – представлены и другие конструкции.

3.1. Ограничения на внутреннюю структуру ИГ Темы в основной конструкции с IV

Если именная группа Темы имеет заполненную позицию посессора – полной именной группой, сопровождаемой посессивным маркером, или посессивным местоимением, – то интуиция носителей обнаруживает колебания.

Так, примеры (17)–(18) были интерпретированы как абсолютно приемлемые. В (17) в именной группе Темы представлен посессор, выраженный полной именной группой, и, таким образом, маркер IV употреблен дважды: сначала между именной группой Реципиента и именной группой Темы,

а потом для выражения посессивного отношения внутри именной группы Темы. В (18) посессор в именной группе Темы выражен посессивным местоимением, которое следует за разделяющим Реципиент и Тему маркером IṾ.

- (17) làtámǎ nǎ-kǎŋ lónù lá ʒǝŋ-tǎ̃
 Латам DŬ.JNT.PFV-показывать Лону POSS Джон-ʈǝ
 lá kǝŋ-wǎ.
 POSS дорога-Wǝ
 ‘ЛАТАМ показала Лону дорогу в Джон.’

- (18) ná-kǎŋ mǎ kǝǝ-yǎ̃ lǎ mǎ ɲǎtǎ-wǎ̃.
 1SG.PFV-показывать 1SG.POSS друг-DŬ POSS 1SG.POSS дом-Wǝ
 ‘Я показал своему другу свой дом.’

Пример (19), структурно аналогичный (18), напротив, был оценен носителем как неграмматичный. По-видимому, приемлемость таких примеров определяется дополнительным набором факторов, которые пока не известны.

- (19) *nó-kūŋ mǎ kǝǝ-yǎ̃ lá mǎ síkǝǝ-yǎ̃.
 1SG.PFV-давать 1SG.POSS друг-DŬ POSS 1SG.POSS собака-DŬ
 ожд. ‘Я дал свою собаку своему другу.’

3.2. Конструкция с нейтральной стратегией

Более стандартным способом оформления битранзитивной конструкции в тех случаях, когда именная группа Темы имеет выраженного посессора, является нейтральная стратегия. В конструкции с нейтральной стратегией Реципиент предшествует Теме, и оба объекта не имеют никакого поверхностного маркирования. Примеры (20)–(22) иллюстрируют эту стратегию для разных битранзитивных глаголов.

- (20) nóó-kūŋ vitórǎ mǎ kǎ-fǝǝ-kǎ̃.
 1SG.HAB-давать Виктор 1SG.POSS Кǝ-бумага-Кǝ
 ‘Я даю Виктору свое письмо.’

- (21) né-tíí mǎ ǝ-ríí-rǎ mǎ díǝ-tǎ̃.
 1SG.PFV-говорить 1SG.POSS Рǝ-ребенок-Рǝ 1SG.POSS слово-ʈǝ
 ‘Я рассказал своим детям свой секрет.’

- (22) nǎtǎ lǝ-kūŋ làràŋì ùpǝnú lá kǎ-fǝǝ-kǎ̃-kǎ̃.
 Ната 3.PFV-давать Лапани Упону POSS Кǝ-бумага-читать-Кǝ
 ‘Ната дала Лапани книгу Упону.’

Нейтральная стратегия с полной именной группой Реципиента в акебу неграмматична, если занятая позиция посессора в именной группе Темы отсутствует. Так, в (23) представлены предложения со сходным лексическим

наполнением, но в грамматическом (23a) представлено посессивное местоимение при именной группе Темы, а (23b), где его нет, неграмматично. (24a-b) показывают, что нейтральная стратегия с полной именной группой Реципиента без посессора в именной группе Темы неграмматична как с полной именной группой Темы (24a), так и с местоименной (24b).

(23) a. lā-káŋ nì-yā sā nòó tù-wā sā.
3.PFV-показывать человек-НУ DEM НУ.POSS вещь-WӨ DEM

‘Он показал этому человеку эту его собственную вещь.’

b. *lā-káŋ nì-yā sā tù-wā sā.
3.PFV-показывать человек-НУ DEM вещь-WӨ DEM

ожид. ‘Он показал этому человеку эту вещь.’

(24) a. *nə-pí tiè-yā kòòdú-yé.
1SG.PFV-просить женщина-НУ банан-НУ

ожид. ‘Я попросил у женщины банан.’

b. *nə-pí tiè-yā ŋò.
1SG.PFV-просить женщина-НУ НУ.OBJ

ожид. ‘Я попросил его [банан] у женщины.’

3.3. Опускание Темы и Реципиента при битранзитивном глаголе

И Тема, и Реципиент могут подвергаться контекстному опущению, и в этом случае оставшаяся объектная именная группа остается единственным прямым объектом глагола, не получающим никакого маркирования. Так, в (23) представлен случай контекстного опущения Темы, и единственным прямым объектом является Реципиент. В (24) представлено предложение с контекстным опущением Реципиента, и единственным прямым объектом является Тема.

(23) lā-pí è-nì-rā.
3.PFV-просить РӨ-человек-РӨ

‘Он спросил людей.’

(24) kūŋ kòláátíá-yé!
давать.IMP банан-НУ

‘Дай банан!’

Для Темы, помимо контекстного опущения, представлены случаи опущения, обусловленного синтаксически. Во-первых, Тема опускается при битранзитивном глаголе, если вводится в сериальной конструкции, и тогда Реципиент остается единственным объектом битранзитивного глагола, что видно из примеров (11)-(15). Во-вторых, именная группа Темы может отсутствовать, когда соответствующую семантическую валентность заполняет

сентенциальный актант, и в этом случае Реципиент также остается единственным объектом битранзитивного глагола, как в (25).

169

- (25) ... rúúsù-yā̃ ḡ-ké-tíí cíkèé'-yā̃ wé ḡ láá-níàtí.
 кошка-ጵ፱ ጵ፱-PST-говорить собака-ጵ፱ DEM COMP 3.НАВ-лгать
 ‘... Кот сказал псу, что он лжет.’

3.4. Передвижение Темы и Реципиента

В акебу возможны две синтаксических операции, приводящих к передвижению объектной именной группы влево, – фокализация и топиализация.

При фокализации влево может быть вынесен любой из объектов, и тогда другой из них остается единственным объектом при битранзитивном глаголе. Так, предложение (26) может иметь два прочтения в зависимости от того, Тема или Реципиент фокализован, а (27a) и (27b) иллюстрируют фокализацию Темы и Реципиента соответственно. Надо заметить, что Тема и Реципиент в битранзитивной конструкции на базе посессивной не могут быть фокализованы как единая именная группа: (27c) грамматично только с посессивным прочтением вынесенной именной группы, но не со значением Темы и Реципиента. Это является одним из свидетельств против монотранзитивного анализа конструкции на базе посессивной.

- (26) ə́l wá kòjò nā-káḡ ḡ-yā̃ sā ?
 кто FOC Коджо ጵ፱.JNT.PFV-показывать человек-ጵ፱ DEM
 a. ‘Кому Коджо показал этого человека?’
 b. ‘Кого Коджо показал этому человеку?’

- (27) a. tù-wā̃ sā wá nā-káḡ ḡ-yā̃ sā.
 вещь-W፳ DEM FOC ጵ፱.JNT.PFV-показывать человек-ጵ፱ DEM
 ‘Он показал этому человеку ЭТУ ВЕЩЬ.’

- b. ḡ-yā̃ sā wá nā-káḡ tù-wā̃ sā.
 человек-ጵ፱ DEM FOC ጵ፱.JNT.PFV-показывать вещь-W፳ DEM
 ‘Он показал ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ эту вещь.’

- c. ḡ-yā̃ sā ló tù-wā̃ sā wá nā-káḡ.
 человек-ጵ፱ DEM POSS вещь-W፳ DEM FOC ጵ፱.JNT.PFV-показывать
 *‘Он показал ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ ЭТУ ВЕЩЬ.’
 ОК ‘Он показал ЭТУ ВЕЩЬ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА.’

При топиализации также влево может быть вынесен любой из объектов, но в этом случае их свойства асимметричны. Если топиализована Тема, то Реципиент остается единственным объектом битранзитивного глагола (28a). Если же топиализован Реципиент, то ему при битранзитивном глаголе соответствует резумптивное местоимение (28b).

(28) a. jòṅ-tṣ lá kòṅ-wá, l àtámé lā-káṅ lóṅù.
 Джон-ṬṬ POSS дорога-WṬ Латам 3.PFV-показывать Лону
 ‘Что до дороги в Джон, Латам показала ее Лону.’

b. lóṅù, làtámé lā-káṅ ṅù jòṅ-tṣ lá kòṅ-wá.
 Лону Латам 3.PFV-показывать ṆṬ.OBJ Джон-ṬṬ POSS дорога-WṬ
 ‘Что до Лону, Латам показала ей дорогу в Джон.’

4. Битранзитивная конструкция с местоименным Реципиентом

Битранзитивные конструкции с местоименным Реципиентом существенно отличаются от конструкций с Реципиентом – полной именной группой с точки зрения соотношения имеющихся конструкций – основной конструкции на базе посессивной, нейтральной конструкции и конструкции с местоименной репризой.

4.1. Конструкция с местоименным Реципиентом 3 лица

При прономинализации именной группы Реципиента 3 л. используются местоимения 3 л. посессивной серии, которые различаются в зависимости от именного класса вершины-существительного.

Таблица 1

Класс	Объектное местоимение	Посессивное местоимение
ṆṬ	ṅù	ṅù IV / nVṼ / nV̄
PṬ	pṣ	pṣ IV
ṬṬ	tṣ	tṣ IV
WṬ	wṣ	wṣ IV
YṬ	yṣ	yṣ IV / yV̄
KṬ	kṣ	kṣ IV
KPṬ	kpṣ	wṣ IV

Таблица 1. Объектные и посессивные местоимения 3 лица

В Таблице 1 представлены формы объектных и посессивных местоимений 3 л. Как можно видеть, для большинства именных классов форма посессивного местоимения аналитическая и состоит из объектного местоимения и посессивного показателя. Посессивные местоимения классов ṆṬ и YṬ имеют также стяженные формы, образованные в результате выпадения согласного посессивного показателя и элизии гласного объектного местоимения. Говорить об отдельной посессивной серии местоимений позволяют посессивные формы 1–2 л. (см. 4.2.), которые на синхронном уровне неразложимы.

Прономинализованная именная группа Реципиента выражается посессивным местоимением вне зависимости от того, выражена ли Тема полной именной группой, как в (29a) и (30a) или также прономинализована, как в (29b) и (30b).

- (29) a. nó-kūŋ̃ nàá cíkèé'-yó.
 1SG.PFV-давать DŮ.POSS собака-DŮ
 'Я дал ему собаку.'
- b. nó-kūŋ̃ nàá ŋò.
 1SG.PFV-давать DŮ.POSS DŮ.OBJ
 'Я дал ему ее [собаку].'
- (30) a. né-tíí pē ló wə-cō-kpē.
 1SG.PFV-говорить PƏ POSS KPƏ-сказка-KPƏ
 'Я рассказал им сказку.'
- b. né-tíí pē ló kpē.
 1SG.PFV-говорить PƏ POSS KPƏ.OBJ
 'Я рассказал им ее [сказку].'

Отметим, что в стандартной посессивной именной группе одновременная прономинализация посессора и вершины, как в (31b), неграмматична. Это показывает, что синхронно конструкция на базе посессивной не может быть проанализирована как монотранзитивная.

- (31) a. nàá nàtə-wē
 DŮ.POSS дом-WƏ
 'его дом'
- b. *nə́ wē
 DŮ.POSS WƏ.OBJ
 ожид. 'его это'

Если именная группа Темы имеет заполненную позицию посессора, то, как и в случае, с полной именной группой Реципиента, обнаруживаются ограничения на употребление основной битранзитивной конструкции. Основная конструкция с прономинализованным Реципиентом грамматична только в том случае, если этот посессор выражен полной именной группой (32). Если именная группа посессора прономинализована, то конструкция неграмматична (33).

- (32) lā-tjà nàá kòjò lá kə-sōō-kə.
 3.PFV-просить DŮ.POSS Коджо POSS КƏ-топор-КƏ
 'Он попросил у него топор Коджо.'
- (33) *ná-káj nə́ m' nàtə-wē.
 1SG.PFV-показывать DŮ.POSS 1SG.POSS дом-WƏ
 ожид. 'Я показал ему свой дом.'

При заполненной позиции посессора в именной группе Темы стандартной оказывается конструкция с нейтральной стратегией, как в (34)-(35).

- (34)

ná-kán̄

ᵿᵿ

má

ᵿàtᵿ-wᵿ.

1SG.PFV-показывать

ᵿᵿ.OBJ

1SG.POSS

дом-Wᵿ

‘Я показал ему свой дом.’
- (35)

né-tíí

ᵿᵿ

má

díé-tᵿ.

1SG.PFV-говорить

ᵿᵿ.OBJ

1SG.POSS

слово-Tᵿ

‘Я рассказал им свой секрет.’

Если же именная группа Темы не имеет выраженного посессора, то возникают колебания в оценке грамматичности нейтральной конструкции со стороны носителей: (36) оценено как полностью приемлемое, а (37) как неграмматичное.

- (36)

nó-cᵿ

ᵿᵿ

wᵿ-cᵿ-kᵿᵿ.

1SG.PFV-говорить

ᵿᵿ.OBJ

ᵿᵿᵿ-сказка-ᵿᵿᵿ

‘Я рассказал ему сказку.’
- (37)

*nó-kᵿᵿ

ᵿᵿ

tᵿ-wᵿ.

1SG.PFV-давать

ᵿᵿ.OBJ

вещь-Wᵿ

ожид. ‘Я дал ему (эту) вещь.’

4.2. Конструкция с местоименным Реципиентом 1-2 лица

Использование нейтральной стратегии не ограничивается теми случаями, когда именная группа Темы имеет заполненную позицию посессора. Эта стратегия является единственно возможной, когда Реципиент выражен местоимениями 1-2 л. Поскольку формы посессивных местоимений 1-2 л. не аналитические и либо совпадают с формами объектных местоимений, либо имеют с ними минимальные различия, данный вывод оказывается неочевидным.

Таблица 1

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	объектные	посессивные	объектные	посессивные
1	má	má	lᵿ	lᵿᵿ (> lᵿᵿ)
2	lᵿ	lᵿᵿ	ní	ní

Таблица 2. Объектные и посессивные местоимения 1-2 лица

В Таблице 2 представлены объектные и посессивные местоимения 1-2 лица. Как можно видеть, для 1 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. формы объектных и посессивных местоимений совпадают. В примере (38) по форме местоимения Реципиента не ясно, представлена в нем конструкция на базе посессивной или нейтральная.

- (38)

lᵿ-tíí

má

à-nᵿᵿkᵿᵿí-yᵿ.

3.PFV-говорить

1SG.OBJ

ᵿᵿ-правда-ᵿᵿ

‘Он сказал мне правду.’

Однако формы местоимений 2 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. некоторым образом различаются. Так, объектное местоимение 2 л. ед. ч. имеет вид *lə*, а посессивное местоимение 2 л. ед. ч. имеет вид *lV*, где гласный гармонирует с первым гласным вершины именной группы. В (39) местоимение *lV*, гласный которого гармонирует с гласным существительного ‘рука’, является посессивным и занимает позицию посессора в именной группе Темы. В (40a) местоимение 2 л. ед. ч., выражающее Реципиента, имеет вид *lə*, тогда как вариант *lə*, где гласный местоимения гармонировал бы с первым гласным вершины именной группы Темы, является неграмматичным (40b). Это позволяет утверждать, что в конструкциях с местоименным Реципиентом 1-2 л. последний выражается объектным местоимением, а значит, используется нейтральная стратегия. Это подтверждается еще одним фактом: два местоимения – местоименный Реципиент и местоименный посессор внутри именной группы Темы – могут сосуществовать в пределах одной конструкции, вне зависимости от того, различаются ли они по форме, как в (40c), или совпадают, как в (41).

(39) *kūŋ* *mə* *lə* *à-kāā-kə*.
 давать.IMP 1SG.OBJ 2SG.POSS КƏ-рука-КƏ
 ‘Дай мне твою руку!’

(40) a. *nó-kūŋ* *lə* *gà-kə*.
 1SG.PFV-давать 2SG.OBJ мясо-КƏ
 ‘Я дал тебе мяса.’

b. **nó-kūŋ* *lə* *gà-kə*.
 1SG.PFV-давать 2SG.POSS мясо-КƏ
 ожд. ‘Я дал тебе мяса.’

c. *nó-kūŋ* *lə* *lə* *gà-kə*.
 1SG.PFV-давать 2SG.OBJ 2SG.POSS мясо-КƏ
 ‘Я дал тебе свое мясо.’

(41) *mə* *tə-yə* *lě-tíí* *mə* *mə* *wə-cō-kpə*.
 1SG.POSS отец-ЇŮ 3.PFV-говорить 1SG.OBJ 1SG.POSS КРƏ-сказка-КРƏ
 ‘Отец рассказал мне мою собственную сказку.’

Нейтральная стратегия с местоименным Реципиентом 1-2 л. используется как при полной именной группе Темы (42a), так и при ее прономинализации (42b).

(42) a. *nó-kūŋ* *lə* *kòláátíá-yə*.
 1SG.PFV-давать 2SG.OBJ банан-ЇŮ
 ‘Я дал тебе банан.’

b. *nó-kūŋ* *lə* *ŋə*.
 1SG.PFV-давать 2SG.OBJ ЇŮ.OBJ
 ‘Я тебе его дал.’

Если местоимением 1-2 л. выражен не Реципиент, как в (43а), а Тема, то единственной засвидетельствованной в нашем материале возможностью является употребление описанной в 2.2 сериальной конструкции, где Тема вводится глаголом ‘брать’, как в (43b).

- (43) a. mǎ tǎ lā-kǎŋ mǎ nǎá kǎē-yǎ.
 1SG.OBJ отец 3.PFV-показывать 1SG.OBJ DŪ.POSS друг-DŪ
 ‘Мой отец показал мне своего друга.’
- b. mǎ tǎ lǎ-fǎ mǎ lā-kǎŋ nǎá
 1SG.OBJ отец 3.PFV-брать 1SG.OBJ 3.PFV-показывать DŪ.POSS
 kǎē-yǎ.
 друг-DŪ
 ‘Мой отец показал меня своему другу.’

5. Конструкция с местоименной репризой Реципиента 3 лица

Помимо базовой и нейтральной конструкций, в акебу также представлена конструкция с местоименной репризой Реципиента. В этой конструкции, Реципиент оказывается выражен дважды: во-первых, именной группой, не имеющей специального оформления, а во-вторых, посессивным местоимением 3 л., занимающим позицию посессора в именной группе Темы.

С полной ИГ Реципиента конструкция с местоименной репризой засвидетельствована маргинально, однако соответствующие примеры (44)–(45) представлены в материале.

- (44) nǒo-kūŋ vǐtórǎ nǎá kǎ-fǒēē-kǎ.
 1SG.HAB-давать Виктор DŪ.POSS КЭ-бумага-КЭ
 ‘Я даю Виктору письмо.’
- (45) nǒo-kūŋ mǎ tǎ-yǎ nǒo tǔ-wǎ
 1SG.HAB-давать 1SG.POSS отец-DŪ DŪ.POSS вещь-Wǎ
 wé nǎ-pǐ.
 DEM DŪ.JNT.PFV-просить
 ‘Я даю своему отцу то, что он просил.’

Однако с местоименной именной группой Реципиента конструкция с местоименной репризой вполне частотна. В этом случае Тема может быть выражена полной именной группой, как в (46) и (47а), или также местоимением, как в (47b).

- (46) kǎ-nǎē-yé-kǎ kǎ-lǒ-kūŋ nǔ nǎá vǎŋ-tǎ.
 КЭ-работа-делать-КЭ КЭ-3.PFV-давать DŪ.OBJ DŪ.POSS усталость-Tǎ
 ‘Работа утомила его (букв. придала ему усталость).’

(47) a. né-tíí ɲò nǎǎ díé-tǎ.
 1SG.PFV-говорить ɲŮ.OBJ ɲŮ.POSS слово-тə
 'Я рассказал ему новость.'

b. né-tíí ɲò nǎǎ tǎ.
 1SG.PFV-говорить ɲŮ.OBJ ɲŮ.POSS тə.OBJ
 'Я рассказал ему ее [новость].'

6. Заключение

В акебу представлены три стратегии оформления объектов при битранзитивных глаголах: (а) нейтральная конструкция; (б) конструкция с местоименной репризой Реципиента; (в) битранзитивная конструкция на базе посессивной.

Битранзитивная конструкция на базе посессивной раритетна как с типологической точки зрения, так и в контексте языковой семьи ква, но в акебу она, напротив, является основной. В этой конструкции последовательность именной группы Реципиента и именной группы Темы, разделенных маркером IṼ, формально совпадает с посессивной конструкцией, в которой тот же маркер выражает отношение между посессором и обладаемым. Ряд тестов, однако, показывает, что именные группы Реципиента и Темы не образуют единой составляющей и рассматриваемая конструкция не может интерпретироваться как монотранзитивная. Конструкция может быть проанализирована как секундативная, либо как индирективная в зависимости от того, какую из именных групп – Реципиента или Темы – оформляет помещаемый между ними маркер IṼ, очевидным образом восходящий к показателю посессивной связи; данный вопрос требует дальнейшего исследования. Битранзитивная конструкция на базе посессивной имеет ограничения на употребление в тех случаях, когда в именной группе Темы имеется выраженный посессор.

Использование нейтральной стратегии, стандартной для битранзитивных конструкций в языках ква, ограничивается в акебу двумя типами конструкций: конструкциями с выраженным посессором внутри именной группы Темы и конструкциями с местоименным Реципиентом 1-2 л.

Наконец, конструкция с местоименной репризой Реципиента, где он одновременно выражен неоформленной именной группой и посессивным местоимением 3 л. внутри именной группы Темы, представлена маргинально при Реципиенте, выраженном полной именной группой, и является более стандартной при местоименном Реципиенте 3 л.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ɲŮ, РƏ, тə, WƏ, YƏ, KƏ, KPƏ – показатели соотв. именных классов; AG – имя деятеля; cl – показатель именного класса; DEF – определенный артикль; DEM – указательное местоимение; FCT – фактатив; FOC – показатель фокуса; HAB – хабишуалис; IMP – императив; JNT – сопряженный показатель; LOC – локативный предлог; OBJ – объектное местоимение; PFV – перфектив; PL – мн. число; POSS – показатель посессивности или посессивное местоимение; PRF – перфект; SBJV – конъюнктив; SG – ед. число.

Литература

Шлуинский 2008 — Шлуинский А. Б. Битранзитивные глаголы в языках ква и синтаксический статус их объектов (на материале эве и акан). Исследования по языкам Африки. Вып. 2. Виноградов В. А., Порхомовский В. Я. (ред.). М.: ИЯз РАН, 2008. Сс. 90–137.

Шлуинский 2012 — Шлуинский А. Б. Объекты в битранзитивной конструкции в языках ква: внутригенетическое сопоставление. Африканский сборник 2011. Желтов А. Ю. (ред.). СПб.: Лема, 2012. Сс. 300–318

Conti 2008 — Conti C. *Receptores y beneficiarios: Estudio tipológico de la ditransitividad*. München: Lincom Europa, 2008.

Creissels 1979 — Creissels D. Les constructions dites “possessives”, étude de linguistique générale et de typologie linguistique. Thèse d'état. Université Paris 4, 1979..

Creissels & Kouadio 1977 — Creissels D., Kouadio N'Guessan J. Description phonologique et grammaticale d'un parler baoulé. Abidjan: Institut de Linguistique Appliquée, 1977.

Creissels & Kouadio 2010 — Creissels D., Kouadio J. Ditransitive constructions in Baule. *Studies in ditransitive constructions*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 166–189.

Croft 1985 — Croft W. Indirect object “lowering”. *Proceedings of the 11th annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Niepokuj M. et al. (eds.). Berkeley: BLS, 1985. Pp. 39–51.

Dorvlo 2008 — Dorvlo K. *A grammar of Logba (Ikpana)*. Utrecht: LOT, 2008.

Essegbey 2010 — Essegbey J. Inherent complement verbs and the basic double object construction in Gbe. *Topics in Kwa Syntax*. Aboh E. O., Essegbey J. (eds.). Dordrecht: Springer, 2010. Pp. 177–193.

Haspelmath 2005 — Haspelmath M. Argument marking in ditransitive alignment types. *Linguistic discovery*. 2005. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–21.

Lefebvre 1994 — Lefebvre C. New facts from Fongbe on the double object constructions. *Lingua*. 1994. Vol. 94. No. 2–3. Pp. 69–123.

Lord 1982 — Lord C. The development of object markers in serial verb languages. *Studies in transitivity*. Hopper P. J., Thompson S. A. (eds.). New York etc.: Academic press, 1982. P. 277–300.

Malchukov et al. 2010 — Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive constructions: A typological overview. *Studies in ditransitive constructions*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 1–64.

Osam 1994 — Osam E. K. From serial verbs to prepositions and the road between. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1994. Vol. 47. No. 1. Pp. 16–36.

Osam 1996 — Osam E. K. The object relation in Akan. *Afrika und Übersee*. 1996. Vol. 79. Pp. 57–83.

Soubrier 2013 — Soubrier A. *L'ikposso Uwi: Phonologie, grammaire, texts, lexicque*. Thèse de doctorat. Univ. de Lyon 2, 2013.

Директивно-локативная конкуренция в финно-пермских языках⁴⁹

В статье обсуждается распределение направительных и локативных падежей в финно-пермских языках. Типологическая особенность финно-пермских языков в данном аспекте заключается в том, что направительные падежи имеют нетипично широкий спектр функций, выступая в ряде контекстов, где ожидаемо локативное маркирование (например, *остаться где-л., построить что-л. где-л.*). Ранее данный феномен подробно исследовался только на финском материале. Мы показываем, что он является общефиннопермской особенностью, анализируем нюансы его реализации в отдельных финно-пермских языках и предлагаем теоретическую трактовку.

Ключевые слова: пространственная семантика, пространственные падежи, лингвистическая типология, финно-пермские языки, семантические роли.

The paper focuses on distribution between directional and locational cases in Finno-Permic languages. Typological peculiarity of Finno-Permic in this aspect is that directional cases have a wide spectrum of functions, occurring in a number of contexts where a locative marking is rather expected (e. g. remain somewhere, build smth. somewhere). This phenomenon was earlier discussed in detail only in Finnish. We demonstrate that it is actually a common Finno-Permic feature, analyze nuances of its realization in particular Finno-Permic languages and propose a theoretical interpretation.

Keywords: spatial semantics, spatial cases, linguistic typology, Finno-Permic languages, semantic roles.

1. Введение

1.1. Предварительные замечания о терминах

В данной статье речь пойдёт о некоторых функциях пространственных падежей в финно-пермских языках. В связи с тем, что терминология в области пространственных значений отличается некоторой нечёткостью и разнообразием традиций, необходимо прежде всего оговорить употребление некоторых терминов.

Принято (в некотором виде — ещё со времён [Fillmore 1968]) различать несколько семантических ролей, которые может иметь Ориентир (далее — **пространственные роли**). Важнейшие из них — **Местонахождение** (Место),

⁴⁹ Исследование поддержано грантом РФФИ 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

Начальная точка движения (Цель), Исходная точка движения (Источник), Маршрут (Путь, Траектория). В этой статье нас будут интересовать только первые две. В финно-пермских, как и во многих других языках, разные пространственные роли маркируются разными падежами.

Помимо названий конкретных падежей, мы будем использовать функциональные ярлыки — обобщающие термины, обозначающие группу падежей (и шире — грамматических конструкций), служащих для маркирования одной пространственной роли. Так, падежи, называемые лативом, иллативом и аллативом (т. е. маркирующие Конечную точку движения), будут вместе называться **направительными падежами** (иногда, для краткости, директивами). Падежи, маркирующие Местонахождение, мы будем называть **локативными** (или просто локативами)⁵⁰.

Используемая нами система терминов отражена в нижеследующей таблице.

Таблица 1

Семантическая роль		Названия падежей в ФП языках	Функциональный ярлык	
Местонахождение	<i>где?</i>	инессив, адессив	локативный	пространственный
Начальная точка	<i>откуда?</i>	элатив, аблатив	аблативный	
Конечная точка	<i>куда?</i>	иллатив, латив, аллатив	направительный (директив)	

Таблица 1. Пространственная терминология в данной статье

Далее мы в основном будем говорить о локативных падежах (имея в виду только падежи, маркирующие неизменное во времени Местонахождение объекта) и направительных падежах (маркирующих Конечную точку движения).

1.2. Финно-пермские языки

Финно-пермские (далее — ФП) языки распространены в Северо-Восточной Европе, на территории Финляндии, Эстонии, России, Норвегии и Швеции. Согласно одной из наиболее распространённых классификаций [Хайду 1985, Цыпанов 2008 и др.], ФП языки относятся (наряду с угорскими) к финно-угорской группе, входящей (наряду с самодийскими) в уральскую языковую семью.

ФП языки делятся на пять групп: прибалтийско-финскую (финский, эстонский, карельские, вепсский, водский, ижорский), саамскую (принято выделять десять языков [Sammallahti 1998]), мордовскую (мокшанский и эрзянский), пермскую (удмуртский и языки коми) и марийскую (луговой и горный)⁵¹. Многократно выдвигались различные гипотезы об исторических

⁵⁰ Последний термин в русскоязычной литературе часто употребляется в более широком смысле — как синоним слова пространственный; мы, однако, следуем иной традиции, различая термины пространственный и локативный (ср. spatial vs. locative в [Creissels 2009]). Так, мы будем говорить о шести пространственных падежах в финском языке, и только два из них — инессив и адессив — называть локативными.

⁵¹ Здесь не перечислены некоторые малые идиомы, не имеющие литературного стандарта.

единствах промежуточного уровня (напр., финно-саамские [Sammallahti 1998], финно-мордовские [Korhonen 1981], финно-волжские [Hajdú 1985]).

179

Как указывает Т. Салминен [Salminen 2002], в филогенетической классификации уральских языков много недостаточно обоснованных мест⁵²; это относится, в числе прочих, и к ФП единству. В связи с этим отметим, что наше исследование ограничивается ФП языками не из-за принятия нами той или иной диахронической гипотезы, а из-за того, что именно таковы границы наблюдаемого грамматического явления, которому посвящена статья.

1.3. Системы пространственных падежей в ФП языках

Во всех ФП языках представлено некоторое количество пространственных падежей: от двух в северных саамских (инессив-элатив и иллатив) до восьми в некоторых диалектах коми (инессив, иллатив, элатив, пролатив I, пролатив II, терминатив, эгрессив, аппроксиматив [Усачёва 2011]⁵³); если же включать в число пространственных падежей агглютинативные формы с показателями роли и локализации, встречающиеся в коми языках, их количество сильно возрастёт [Усачёва 2011: 72–73]. Локативное и направительное значения во всех ФП языках выражаются падежными показателями.

Пространственные падежи в ФП языках могут оформлять существительные, послелоги, выражающие ту или иную локализацию, а также пространственные наречия, выражающие локализацию без эксплицитного Ориентира (значения типа ‘близко’, ‘наверху’, ‘справа’)⁵⁴; кроме того, пространственные роли выражаются местоимениями (‘где’, ‘там’ и т. п.; часто они представляют собой неразложимые словоформы, хотя и происходят от сочетания основы с падежным показателем). Для задач данного исследования не важно, каким формальным средством выражена пространственная роль; говоря о локативных или направительных конструкциях мы будем апеллировать ко всем этим средствам.

2. Направительные падежи в нединамических контекстах

Многие языки имеют отдельные средства маркирования для роли Местонахождения и для роли Конечной точки (хотя нередко встречается и совпадение этих средств, см. [Creissels 2006]). В ФП языках различие между двумя указанными ролями проводится достаточно последовательно. Так, в финском Местонахождение маркируется инессивом и адессивом, а Конечная точка — иллативом и аллативом.

Однако помимо вопроса о синкретизме основных пространственных ролей (вопрос, подробно рассматриваемый в [Creissels 2006, Ганенков 2002]

⁵² Согласно Т. Салминену, бесспорными историческими единствами можно считать лишь группы нижнего уровня (такие, как прибалтийско-финская или пермская) и уральскую семью в целом.

⁵³ Иногда в их число включают также консекутив (со значением ‘ради/из-за чего-л.’), однако мы не видим для этого оснований.

⁵⁴ Нередко в этой роли выступают те же послелоги.

и др.), существует вопрос о месте, где в проводится граница между ними в грамматической системе того или иного языка (в случае, если она проводится). В статье [Zaika 2016] с этой точки зрения рассматривается ряд балто-славянских языков (привлекаются и другие языки) и демонстрируется, что границы употребления локативных и направительных маркеров во всех рассматриваемых языках различны (хотя нередко могут быть очень близки).

В ФП языках особенный интерес представляет именно разграничение функций пространственных показателей. Больше всего эта тема обсуждалась на финском материале. Особенность, свойственная, в частности, финскому, состоит в том, что в ряде случаев вместо «ожидаемого» локативного маркирования используется направительное. Приведём три примера из статьи [Huomo 2006]:

(1) **ФИНСКИЙ**

<i>Elmeri</i>	<i>unoht-i</i>	<i>kirja-n</i>	<i>auto-on/</i>	<i>*auto-ssa</i>
Элмер	забыть-PST.3SG	книга-ACC	машина-ILL	машина-IN
‘Элмер забыл книгу в машине’.				

(2) *Lapsi* *rakens-i* *torni-n* *pöydä-lle/* *pöydä-llä.*
 ребёнок строить-PST.3SG башня-ACC пол-ALL пол-AD
 ‘Ребёнок построил башню на полу’.

(3) *Mummo* *kuol-i* *sairaala-an.*
 бабушка умереть-PST.3SG больница-ILL
 ‘Бабушка умерла в больнице’.

В приведённых примерах, как отмечают многие авторы, отсутствует движение как таковое (такие контексты можно условно назвать «нединамическими»), однако используется направительное маркирование. Т. Хуумо, как и другие авторы, пишет об этом как об особенности финского языка, однако краткие упоминания о подобных употреблениях можно встретить в литературе по ряду родственных языков: эстонскому [EKG II: 72], водскому [Маркус, Рожанский 2011: II, 240], саамским [Sammallahti 1998: 99] (на материале северносаамского), мордовским [Keresztes 2011: 101], коми-зырянскому [Бубрих 1949: 46]⁵⁵.

В грамматическом очерке водского языка [Маркус, Рожанский 2011: II, 240] употребления направительных показателей в контекстах типа (1–3) называются «лативным сдвигом» (определения этому явлению не даётся).

⁵⁵ В уже упоминавшейся статье Н. М. Заики [Zaika 2016], наряду с балто-славянскими языками, рассматривается соседствующий с ними эстонский; ожидаемым образом, он оказывается самым «директивным»: во всех рассмотренных в статье контекстах в эстонском употребляется направительное маркирование (даже когда в остальных языках локативное маркирование преобладает или является единственно возможным). При этом в статье не рассматриваются контексты типа (1–3), которые, как кажется, наиболее явно отличают эстонский от соседних балто-славянских языков..

То, что можно назвать лативным сдвигом, зафиксировано во всех подгруппах ФП группы, кроме марийской. Марийские языки также обладают особенностями с точки зрения синкретизма пространственных ролей, но об этом будет сказано позже (см. 3.2).

Мы постараемся продемонстрировать, что в ФП языках в целом зона направительных конструкций значительно шире, чем традиционное представление о роли Конечной точки. Т. Хуумо (2006: 46) пишет, что описанные употребления направительных падежей в финском «являются “экзотическими” для того, кто привык к локативной системе многих известных индоевропейских языков». Чтобы определить, насколько уникальна система типа финской, потребовалось бы глобальное типологическое исследование. Такого исследования, по-видимому, никем не проводилось, однако мы склонны соглашаться с Хуумо и предполагать, что ФП языки в этом аспекте существенно отличаются, как минимум, от большинства языков Европы. Если эта гипотеза в целом верна, можно говорить об особой «финно-пермской» модели синкретизма пространственных ролей. Отдельный вопрос состоит в том, можно ли противопоставить её некоей «классической» модели. Как показано в [Zaika 2016], к примеру, в испанском или латышском направительные конструкции используются значительно уже, чем в русском; представить это в виде одной модели кажется слишком сильным упрощением языковых фактов. Пожалуй, говорить о «классической» модели можно только в том смысле, что в лингвистике сложились определённые представления о том, в каких контекстах «должны» использоваться локативные конструкции, а в каких — направительные (все несоответствия в конкретных языках при таком взгляде описываются как «отклонения от эталона»). Противопоставление между Местонахождением, Конечной точкой и Начальной точкой часто считают тривиальным и само собой разумеющимся, поэтому в грамматиках обычно отсутствуют дополнительные пояснения на этот счёт. В самом деле, было бы странно в описании русского языка специально отмечать тот факт, что пространственный аргумент у глагола *остаться* или *родиться* оформляется так же, как у глагола *находиться* (поэтому сложно сопоставлять языки в этом аспекте на основании данных грамматик). В тщательно выполненных описаниях ФП языков, напротив, часто содержатся те или иные указания на особенности в маркировании пространственных ролей (несколько таких работ были перечислены выше). Ср. характерный пассаж из книги Л. Керестеша «Введение в мордовское языкознание» [Keresztes 2011: 101]⁵⁶:

“Использование обстоятельственных падежей [в мордовских языках — Л. К.] чаще всего обнаруживает сходство с финским и существенно отличается, например, от венгерского. Напр., в мордовском используется элатив или аблатив, а в венгерском — падежный показатель, отвечающий на вопрос

⁵⁶ Автор говорит также о нетривиальных употреблениях аблативных падежей, однако здесь мы их касаться не будем.

где?: *son sérej kuz čuvto prásto néjiže urnent' / son séri kuzt' prástə hájś urhá* 'он увидел на верхушке высокой ели белку' (белка бросилась ему в глаза с верхушки дерева); *čuvto aldo mujs vet'e pižolt / šufit' aldə muś vet'ə pižəlhat* 'он нашёл под деревом пять ягод рябины' (нашёл из-под дерева). В мордовском стоит иллатив, в венгерском — падежный показатель, отвечающий на вопрос где?: *erke-číres lotkaś / lotkaś erkt' tərvas* 'остановился на берегу озера (букв. на берег)'.⁵⁷

Употребление мордовских падежей сходно с финским: *korkean kuusen latvasta näkyi orava; hän löysi puun alta viisi pihlajanmarjaa; pysähtyi järven rantaan*^{57*}.

В данном случае в качестве представителя «классической» модели выступает родной язык автора — венгерский. Л. Керестеш здесь воздерживается от каких-либо обобщений, поэтому суть явления остаётся неясна; следует, однако, отметить проведение параллели с одним из родственных языков (финским), что является редкостью в описательных работах.

3. Финно-пермские языки: сопоставление данных

3.1. Прибалтийско-финские, саамские, мордовские, пермские

Исследователи ФП языков по-разному подходили к вопросу разграничения функций между локативами и директивами. В работах [Бубрих 1949], [Keresztes 2011] просто говорится о существовании некоторых нетипичных употреблений направительных (и аблативных) падежей, и приводится несколько примеров. В других работах содержатся те или иные пояснения; нединамические употребления ФП направительных падежей в этих работах связывают с определёнными глаголами или типами глаголов. Ниже мы приводим замечания в литературе о глаголах, вызывающих нединамические употребления направительных падежей.

«Многие глаголы, обозначающие изменение состояния или природные процессы, принимают обстоятельство места в иллативе: ...»

— [Sammallahti 1998: 99] (северносаамский язык)

«Иллатив является падежом, выражающим локализацию IN (нахождение («в»)) при глаголах «лативного сдвига» (оставаться, рождаться, умирать и др.), хотя нередко вместо иллатива в этой позиции используется инессив (по-видимому, из-за влияния русского языка).»

— [Маркус, Рожанский 2011: II, 240] (водский язык)

«Лативное обстоятельство места распространяет и такие глаголы, которые выражают не передвижение или перенесение чего-либо в какое-либо место, а оставление, оставание или появление где-либо, а также действие,

⁵⁷ Здесь приводится перевод соответствующих предложений на финский; падежное маркирование в этих предложениях аналогично мордовскому (прим. Л. К.).

в результате которого что-то останется или появится где-то: <...>. В случае *jääma* ‘остаться’ и *jätta* ‘оставить’ лативный актант является обязательным. У остальных глаголов он факультативен, в то же время вместо лативного актанта может встречаться свободное локативное обстоятельство, которое показывает место происхождения события, а не местонахождение референта.»

— [EKG II: 72] (эстонский язык) ⁵⁸

Из приведённых формулировок, вообще говоря, неясно, о насколько схожих явлениях идёт речь. Однако содержащиеся в этих работах примеры демонстрируют, что круг соответствующих контекстов в этих языках (как и во многих других) в очень большой степени совпадает. Приведём несколько иллюстраций.

Пространственный актант глагола со значением ‘остаться’ ⁵⁹:

(4) СЕВЕРНОСААМСКИЙ [Sammallahti 1998: 99]

Dat báhce Avvilii.
они остаться:PST:3PL Ивало:ILL:SG
‘Они остались в Ивало’.

(5) ВОДСКИЙ [Маркус, Рожанский 2011: II, 240]

Tämä jä-j tšülä-se.
он остаться-IMPF:3SG деревня-ILL
‘Он остался в деревне.’

(6) ЭСТОНСКИЙ [EKG II: 92]

Poisi käsi jäig-i tasku-sse.
мальчик.GEN.SG рука.NOM.SG остаться-PST.3SG карман-ILL
‘Рука мальчика осталась в кармане’.

(7) ФИНСКИЙ [Huomo 2007: 2]

Elmeri jä-i Helsinki-in.
Elmer remain-PST.3SG Helsinki-ILL
‘Элмер остался в Хельсинки’.

(8) МОКШАНСКИЙ [Мокш. корпус: NAL_AK_130713_1]

a kaftə s'tər'-ənzə lac'-t' es' vel'ə-zə-st
а два девушка-3SG.POSS.PL остаться.PST.3-PL свой село-ILL-3PL.POSS
‘А две дочери остались в своей деревне’.

(9) КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ [PKC 2003]

Me кольчч-а горт-ö.
я остаться-NPST.1SG дом-ILL
‘Я останусь дома.’

⁵⁸ Автор благодарит М. Р. Пентуса за помощь с переводом.

⁵⁹ Здесь и далее часть примеров из литературы приводится в модифицированном виде: унифицировано оформление, иногда добавлены подстрочные глоссы; английские лексические глоссы и перевод заменены на русские.

(10) УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКОЕ НАРЕЧИЕ) [Бесерм. корпус: Про детство]

<i>sre</i>	<i>so-os-Ø</i>	<i>gurt-e</i>	<i>kəɫ'-əɫ-i-z-ə̃=n'i</i>
потом	тот-PL-NN	деревня-ILL	оставаться-ITER-PST-3-PL=уже

‘Потом они оставались в деревне.’

Как минимум в некоторых ФП языках направительное маркирование в таких контекстах обязательно: например, в эстонском (ср. цитату из [ЕКГ II] выше) и мокшанском (полевые данные).

Обстоятельство места при глаголе со значением ‘умереть’ (для финского см. (3) выше):

(11) СЕВЕРНОСААМСКИЙ [Sammallahti 1998: 99]

<i>Addjá</i>	<i>jámii</i>	<i>duoddarii.</i>
дед	умереть:PST:3SG	тундра:ILL:SG

‘Дед умер в тундре’.

(12) ВОДСКИЙ [Маркус, Рожанский 2011: II, 240]

<i>Mejl</i>	<i>bratko</i>	<i>kōl-i</i>	<i>linna-se.</i>
мы.AD	брат	умереть-IMPF:3SG	город-ILL

‘У нас брат умер в городе’.

(13) ЭСТОНСКИЙ [ЕКГ II: 92]

<i>Haige</i>	<i>sur-i</i>	<i>oma</i>	<i>voodi-sse.</i>
больной.NOM.SG	умереть-PST:3SG	свой	кровать-ILL

‘Больной умер в своей постели’.

(14) МОКШАНСКИЙ⁶⁰

<i>son</i>	<i>šav-u-s'</i>	<i>vojna-v</i>
он	бить-PASS-PST:3SG	война-LAT

‘Он погиб на войне’.

(15) УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКОЕ НАРЕЧИЕ)⁶¹

<i>so-ləñ</i>	<i>ata-jez</i>	<i>bəɫ-i-z</i>	<i>vojna-je</i>
тот-GEN1	отец-3SG.POSS	умереть-PST-3SG	война-ILL

‘Его отец погиб на войне’.

Впрочем, с предикатами, обозначающими смерть, направительное маркирование не является обязательным, по-видимому, ни в одном из перечисленных языков (ср., в частности, замечание из эстонской грамматики выше). Вместо этого может использоваться локативное маркирование⁶². Кроме того, в коми-зырянском нами было найдено множество примеров использования локативного маркирования в таких контекстах, а примеров на направи-

⁶⁰ Здесь и далее, если не указано иное, пример взят из полевых материалов автора.

⁶¹ Автор благодарит А. А. Козлова за помощь в сборе материала.

⁶² Как показывает полевая работа автора и анализ мокшанских газетных текстов, как минимум в мокшанском языке локативное маркирование используется чаще.

тельное маркирование найти не удалось⁶³ (впрочем, это не гарантирует его невозможности).

185

Такие ряды схожих примеров на нединамические направительные падежи можно привести и для множества других глаголов, например, для глаголов со значением ‘забыть’, ‘потерять’, ‘заблудиться’, ‘родиться’, ‘появиться’, ‘вырасти’, ‘построить’.

3.2. Марийские⁶⁴

В марийских языках маркером Местонахождения является инессив, маркером классической Конечной точки — иллатив.

Марийская система пространственных маркеров имеет особенность, не наблюдаемую в других ФП языках; более того, нам неизвестны аналогичные случаи и в каких-либо языках других групп и семей. Особенность заключается в наличии падежа, который в отечественной традиции называется *обстоятельственным*, а в западной традиции — *лативом* (основной показатель — -eš). Семантике этого падежа посвящена статья [Бирюк, Рожанский 2002] на лугомарийском материале (впрочем, в описываемом в статье говоре этот падеж находится на грани исчезновения, в отличие от многих других марийских идиомов).

Марийский латив не используется ни как маркер прототипического Местонахождения, ни как маркер прототипической Конечной точки.

(16) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

<i>knigä</i>	<i>korobka-štäʔ</i>	<i>*korobka-eš</i>	<i>ki-ä</i>
книга	коробка-IN	коробка-LAT	лежать-NPST.3[SG]

‘Книга лежит в коробке’.

(17) *mən'* *knigä-m* *korobka-škäʔ* **korobka-eš* *pišt-en-äm*
я книга-ACC коробка-ILL коробка-LAT поместить-PRF-1SG
‘Я положил книгу в коробку’.

Латив имеет множество употреблений, в т. ч. непространственных. В пространственном значении латив употребляется, в частности, как раз в тех контекстах, которые в языках типа финского отмечаются как «особые» случаи употребления направительных падежей, т. е. в контекстах типа ‘оставить где-л.’:

(18) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

<i>mən' cilä</i>	<i>tovəʔa-em</i>	<i>mašinä-eš/</i>	<i>?mašinä-štäʔ</i>	<i>*mašinä-škäʔ</i>	<i>kod-en-äm</i>
я	весь вещи-POSS.1SG	машина-LAT	машина-IN	машина-ILL	оставить-PRF-1SG

‘Я оставил все вещи в машине’.

⁶³ Проводился поиск по коми-зырянской Википедии, а также по примерам из русско-коми словаря [РКС 2003].

⁶⁴ Некоторые особенности марийских пространственных маркеров подробнее описаны в [Козлов 2017].

Латив также используется с глаголами ‘остаться’, ‘потерять’, ‘родиться’, ‘вырасти’, ‘построить’ и рядом других глаголов, при которых в других ФП языках могут использоваться направительные падежи. Со многими из этих глаголов в марийских языках может употребляться и инессив (аналогично другим ФП языкам, см. 3.1), но никогда не употребляется иллатив (т. е. марийский иллатив ограничен тем кругом контекстов, которые «принято ожидать» от направительного падежа).

Существуют, однако, контексты, где взаимозаменяемы латив и иллатив; эти контексты типичны для направительных падежей в языках мира и пространственный аргумент в них обычно рассматривают как конечную точку:

(19) <i>äräšəngä</i>	<i>stenä-eš/</i>	<i>stenä-škə</i>	<i>šənz-ən</i>
муха	стена-LAT	стена-ILL	сесть-PRF[3SG]
‘Муха села на стену’.			

Эти контексты отличаются от контекстов типа (18), где латив невозможен. Разница, по-видимому, следующая: с глаголами «чистое» перемещение, такими как *keäš* ‘идти (туда)’, *tolaš* ‘идти (сюда)’, *pištäš* ‘поместить’, или указывающими на способ перемещения (*kəḍalaš* ‘ехать’, *kəḡgəžaš* ‘бежать’) латив не употребляется; если же глагол указывает на занимаемую объектом позицию (*šənzäš* ‘сесть’, *säkäš* ‘повесить’, *pižäš* ‘прицепиться, прилипнуть’), макирование лативом возможно⁶⁵.

Не вполне ясно, как в марийских языках сложилась такая система, однако следует полагать, что она развилась некоторым образом из общефиннопермской системы, которая была подобна финской, пермской и мордовской⁶⁶.

4. Сочетаемость или семантика?

И предыдущие исследователи, и мы в предшествующем изложении при описании т. н. «лативного сдвига» часто опирались на сочетаемость с теми или иными глаголами. Однако это является лишь взглядом в первом приближении и влечёт за собой неизбежные неточности и упрощения. При более тщательном рассмотрении оказывается, что глагол не играет здесь решающей роли (речь может идти только об особой частотности данного явления при определённых глаголах).

Чтобы показать наличие независимых от глагола факторов, рассмотрим следующий мокшанский пример:

⁶⁵ Есть, как минимум, ещё одна пространственная функция марийского латива — Местонахождение Пациенса, — но мы не имеем возможности обсуждать её здесь.

⁶⁶ Отметим, что марийский латив, скорее всего, является более древним падежом, чем иллатив: значения латива гораздо многочисленнее и разнообразнее; сильнее различаются и способы выражения латива с разными категориями слов (не имея возможности обсуждать это здесь, отсылаем читателя к грамматике [Alhoniemi 1993]). Вероятно, когда-то марийский латив был подобен направительным падежам других ФП языков, а позже иллатив «отнял» у него собственно направительную функцию.

Здесь может использоваться и направительное, и локативное маркирование, однако между ними существует семантическая разница: в первом случае передаётся информация о том, где находится домик в результате, во втором случае — где происходил процесс постройки. В реальности эти две локации могут совпадать (и прагматически это, пожалуй, наиболее ожидаемо), но это не всегда должно быть так.

Почти идентичный пример из финского языка приводит Т. Хуумо [Huuto 2006: 47] (в этой статье он фигурировал под номером (2)). Что показательно, в финском в этом случае также используется либо направительная, либо локативная конструкция, и комментарии Т. Хуумо по поводу разницы между этими вариантами содержательно практически совпадают с комментариями, которые дают носители мокшанского языка по поводу предложений типа (21). У нас также имеется аналогичный материал бесермянского удмуртского, где возможны те же варианты маркирования, и носители дают те же интерпретации [А. А. Козлов, личное сообщение].

По нашему мнению, употребление направительных конструкций при прочих «глаголах лативного сдвига» имеет аналогичную мотивацию: дело в том, что в ситуациях, для обозначения которых используются эти глаголы, для говорящего часто оказывается важным местонахождение некоторого референта **в результате** события. Так, при описании ситуаций 'потерять' и 'забыть' можно указать место, где находится потерянный/забытый объект в результате; при описании ситуаций типа 'застрять', 'остановиться' также одним из важных параметров ситуации является место, где находится застрявший/остановившийся объект; наконец, в ситуации 'оставить/остаться' это место является неотъемлемой частью описания ситуации, т. е. семантическим актантом — именно поэтому в языках типа финского при соответствующих глаголах направительный аргумент обязателен. Роль этого пространственного аргумента мы предлагаем называть **Результирующим местонахождением**.

Следует прояснить, чем Результирующее местонахождение отличается от Конечной точки. Различие, в нашем понимании, следующее: Конечная точка является элементом траектории движения объекта — тем элементом, к которому объект приближается в ходе движения по траектории. Результирующее местонахождение же само по себе не предполагает движения — оно предполагает любую ситуацию, имеющую результат, т. е. предельную динамическую ситуацию⁶⁷ (в т. ч. и движение). В принципе, Конечная точка всегда является одновременно и Результирующим местонахождением (обратное

⁶⁷ Может вызвать сомнения, что ситуация 'остаться' является динамической, однако в статье [Huuto 2007] приводятся убедительные аргументы в пользу того, что это так.

неверно), но, делая акцент на разных фазах ситуации, говорящий может тем самым выделить либо ту, либо другую роль.

Итак, ФП направительные падежи отличаются от своих аналогов во многих языках мира тем, что могут маркировать не только Конечную точку, но и Результирующее местонахождение. В марийских языках ситуация сложнее: иллатив маркирует Конечную точку, а латив — Результирующее местонахождение. При этом, по-видимому, глаголы движения (см. 18) выводят на передний план собственно фазу движения и, тем самым, роль Конечной точки, а глаголы смены позиции (см. 20) позволяют выделить и фазу результата и, тем самым, Результирующее местонахождение. Это объясняет разницу в маркировании соответствующих пространственных аргументов в марийских языках.

Схожие идеи уже высказывались исследователями финского языка. Например, В. Фонг, рассматривая финские направительные падежи, объясняет их нединамические употребления, вводя понятие *verbs with posterior entailments* [Fong 1997: 19]⁶⁸. Фонг делает следующий вывод:

«Elatives and Ablatives denote locations that hold at a time interval anterior to the event time, and Illatives and Allatives denote locations holding at a time interval posterior to the event time.» [Fong 1997: 23]

Этот вывод (сейчас мы говорим о второй его части) кажется вполне справедливым, и не только для финского, о котором пишет Фонг, но и для всех ФП языков (с необходимыми оговорками, касающимися марийских). Но в то же время анализ Фонг привязан к конкретным глаголам, что представляется излишней схематизацией реальной картины. Анализ примера (21) выше уже показывает, что глаголом не объясняется всё; следующие примеры, как кажется, наводят на сомнения о том, что вообще важна используемая глагольная лексема:

(21) МОКШАНСКИЙ

<i>mon</i>	<i>rama-n'</i>	<i>bazar-stə/</i>	<i>?bazar-sə/</i>	<i>*bazar-u</i>	<i>mar'-t'</i>
я	купить-PST.1SG	рынок-EL	рынок-IN	рынок-LAT	яблоко-PL

Я купил на рынке яблок.

(22) <i>min'</i>	<i>jalga-n'əkə</i>	<i>rama-s't'</i>	<i>saranskej-i/</i>
мы.GEN	друг-1PL.POSS	купить-PST.3PL	Саранск-LAT
<i>saranskej-sə/</i>	<i>saranskej-stə</i>	<i>kvart'ira</i>	
Саранск-IN	Саранск-EL	квартира	

Наши друзья купили квартиру в Саранске.

Глагол 'купить' в ФП языках чаще всего используется с аблативным аргументом, однако в случаях типа (23) возможно маркирование направительным падежом (по крайней мере, в мокшанском). Это объясняется тем, что квартира — недвижимый объект и после покупки остаётся на своём месте.

⁶⁸ Фонг также обсуждает в некотором смысле симметричные употребления аблативных конструкций в финском, говоря, что они возникают с *verbs with anterior entailments*, например, 'найти (где-л.)' (это явление остаётся за рамками данной статьи).

Результат события, описываемого в (23) заключается в том, что у покупателя имеется квартира в Саранске (она находилась там и раньше, но это не было релевантно); т. о., Саранск является Результирующим местонахождением квартиры, что и отражается направительным маркированием. При этом глагол 'купить' сам по себе не предполагает наличия участника с этой ролью.

Т. Хуумо (2006) приводит множество подобных явлений в финском, когда с одним и тем же глаголом (не обозначающим движения) возможно и направительное, и локативное, и аблативное маркирование (или два из них), в зависимости от того, какая фаза ситуации прагматически выделена.

Вышесказанное демонстрирует, что сочетаемость с глаголами, хотя и является важным фактом языка, не можем служить объяснением или даже описанием данного явления. Аналогичным образом, об английском предлоге *into* можно сказать, что он употребляется в предложениях с глаголами движения, такими как *go, come, run, crawl* и т. д. — и это будет совершенно верно. Но это будет весьма неудачным описанием употребления этого предлога, т. к. 1) едва ли возможно привести (и уж точно невозможно запомнить) полный список этих глаголов, 2) с теми же глаголами употребляются многие другие предлоги, например, *from* или *through*. Очевидно, что употребление *into* нельзя описать без апелляции к его семантике. Т. е. важно, **какой** аргумент глагола оформляется данным предлогом. Во многом из этого и вытекает то, с какими глаголами данный предлог употребляется.

С нединамическими направительными падежами ситуация, конечно, несколько сложнее, — но налицо всё те же недостатки описания через сочетаемость с глаголами. Во-первых, как уже отмечалось, при большинстве рассматриваемых глаголов направительное маркирование конкурирует с локативным (а иногда даже и с аблативным, ср. [Huimo 2006: 62, 2007: 8–9]). Как было показано, это варьирование отнюдь не является «свободным» (по крайней мере, в большом количестве случаев) — оно семантически или прагматически мотивировано. Во-вторых, по-видимому, просто не существует какого-либо ограниченного списка глаголов «лативного сдвига» — можно лишь перечислить те, с которыми это чаще всего наблюдается в речи.

5. Заключение

В заключение кратко перечислим факты, которые мы демонстрируем, и теоретические решения и гипотезы, которые мы предлагаем в данной статье.

1) «Нединамические» употребления направительных конструкций, известные и обсуждавшиеся в литературе в основном на финском материале, являются общей чертой ФП группы языков (и, по-видимому, не распространены в других уральских языках).

2) Особая ситуация имеет место в марийских языках, где, по нашему предположению, исходная ФП система подверглась позднейшей перестройке, в результате которой «канонические» направительные функции выполняет иллатив, а «расширенные» направительные функции (в наших терминах, функцию Результирующего местонахождения) — латив.

3) Описания, при которых эти употребления находятся в прямой зависимости от глагола, которым выражено сказуемое предложения, имеют серьезные недостатки, не позволяющие их принять: во-первых, такие описания игнорируют факторы варьирования падежных показателей при большинстве глаголов, во-вторых, задача полного перечисления соответствующих глаголов пока никем не выполнена и едва ли осуществима. Здесь мы солидарны с некоторыми выводами Т. Хуумо.

4) Обсуждаемые употребления направительных конструкций мы предлагаем описывать как маркирование определённой семантической роли — Результирующего местонахождения (схожие идеи высказывались В. Фонг). Определение этой роли строится на понятиях Местонахождения (в привычном смысле слова) и результитивной фазы события.

5) Многочисленные случаи варьирования между локативными и направительными конструкциями вызваны тем, что роли Результирующего местонахождения и Местонахождения в привычном смысле в ряде ситуаций несёт на себе один и тот же участник. Выбор маркирования в этих случаях определяется прагматическим фактором: какую фазу ситуации — дуративную или результитивную — хочет выделить говорящий.

Литература

Бесерм. корпус — Корпус бесермянского наречия удмуртского языка экспедиции под рук. Т. А. Архангельского: http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru.

Бирюк, Рожанский 2002 — Бирюк О. Л., Рожанский Ф. И. Третий лишний (обстоятельственный падеж в марийском языке). Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. Плунгян В. А. (ред.). М.: «Русские словари», 2002. С. 107–126.

Бубрих 1949 — Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1949.

Козлов 2017 — Козлов Л. С. Особенности разграничения пространственных ролей в финно-пермских языках (бакалаврская работа). М.: МГУ, 2017.

Маркус, Рожанский 2011 — Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т. СПб.: Нестор-История, 2011.

Мокш. корпус — Корпус мокшанского языка экспедиции под рук. С. Ю. Толдовой (база данных в среде FieldWorks Language Explorer).

РКС 2003 — Безноскова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Русско-коми словарь: Более 52 000 слов / под ред. Л. М. Безносковой. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2003.

Хайду 1985 — Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985.

Цыпанов 2008 — Цыпанов Е. А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2008.

Alhoniemi 1993 — Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.

Creissels 2006 — Creissels D. Encoding the distinction between location, source and destination. *Space in languages*. Hickmann M., Robert S. (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. Pp. 19–28.

Creissels 2009 — Creissels D. Spatial cases. Malchukov A., Spencer A. (eds.). *Oxford Handbook of Case*. Oxford, 2009. Pp. 609–625.

EKG II — Eesti keele grammatika. II. Süntaks. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993.

Fong 1997 — Fong V. The order of things: What directional locatives denote. Ph.D. dis. Utrecht university, 1997.

Huumo 2006 — Huumo T. «I woke up from the sofa»: Subjective directionality in Finnish expressions of a spatio-cognitive transfer. *Grammar from the human perspective: Case, space and person in Finnish*. Helasvuo M.-L., Campbell L. (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. Pp. 41–65.

Huumo 2007 — Huumo T. Force dynamics, fictive dynamicity, and the Finnish verbs of ‘remaining’. *Folia Linguistica*. 2007. 41(1).

Keresztes 2011 — Keresztes L. Bevezetés a mordvin nyelvészetbe. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2001.

Salminen 2002 — Salminen T. Problems in the taxonomy of the Uralic languages in the light of modern comparative studies. Агранат Т. Б., Казакевич О. А. (ред.). *Лингвистический беспредел: Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой*. М.: МГУ, 2002.

Sammallahti 1998 — The Saami Languages: An Introduction. Kárášjohka: Davvi Girji, 1998.

Tunkelo 1931 — Eräistä tulo- ja erosijain merkitystehtävistä. *Virittäjä* 35. Pp. 205–230.

Zaika 2016 — Zaika N. M. The directive/locative alternation in Lithuanian and elsewhere // Holvoet A., Nau N. (eds.) *Argument Realization in Baltic*. John Benjamins, 2016. Pp. 333–360.

Неканонические функции комитатива в горномарийском языке⁶⁹

В данной работе мы рассмотрим элементы «комитативной зоны» в горномарийском языке: *-ge* (традиционно трактуется как показатель комитатива), *-n'ek* (словообразовательный показатель собирательных числительных), *xälä* 'целиком'. Несмотря на то что в работах предшественников они связываются со значениями, причисляемыми в типологии к сфере употребления комитатива, в нашем материале они практически не употребляются в прототипических комитативных контекстах, а развивают другие функции. Мы полагаем, что данные единицы содержат в своей семантике квантор всеобщности, что обеспечивает исчерпывающую интерпретацию в квантифицированной именной группе. В данной статье мы покажем возможные пути развития кванторных функций у комитативных показателей в горномарийском языке, в качестве внутригенетического фона используя также материал мокшанского языка.

Ключевые слова: комитатив, собирательные числительные, количественные конструкции, квантификация, горномарийский, мокшанский, финно-угорские языки.

In this paper we will discuss the elements of “comitative” domain in Hill Mari: *-ge* (traditionally interpreted as comitative marker), *-n'ek* (word-forming marker of collective numerals), *xälä* ‘entirely’. Despite the fact that in the previous research these markers are linked to meanings, analyzed in typology among comitative ones, our material shows that most often they are not used in prototypical comitative contexts, but develop other functions. We argue that these units contain the universal quantifier in their semantics, which forces the exhaustive interpretation in quantified NPs. We will show how comitative markers develop into quantifier-like items in Hill Mari, using the data of Moksha Mordvin as intragenetic background.

Keywords: comitative, collective numerals, quantified expressions, quantification, Hill Mari, Moksha Mordvin, Finno-Ugric languages.

1. Введение

В данной работе мы рассмотрим элементы «комитативной зоны» в горномарийском языке: *-ge* (традиционно трактуется как показатель комитатива), *-n'ek* (словообразовательный показатель собирательных числительных), *xälä*

⁶⁹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а.

‘целиком’. Несмотря на то что в работах предшественников ([Salo 2016; Саваткова 2002; Тужаров 1987]) они связываются со значениями, причисляемыми в типологии к сфере употребления комитатива, в нашем материале они практически не употребляются в прототипических комитативных контекстах (их покрывает послелог *dono*), а развивают другие функции. Мы полагаем, что данные единицы содержат в своей семантике квантор всеобщности, что обеспечивает исчерпывающую интерпретацию в квантифицированной именной группе. Схожие свойства комитативных показателей ранее были отмечены лишь в индонезийском языке *риау* [Gil 2004], однако кванторные функции этих показателей развиваются иначе, чем в горномарийском. В данной статье мы покажем возможные пути развития кванторных функций у комитативных показателей в горномарийском языке, используя материалы, полученных посредством опроса носителей в экспедициях в с. Кузнецово и близлежащих деревнях (Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды, Кожланангер) Горномарийского р-на Республики Марий Эл (горномарийский язык) 2016–2017 гг.⁷⁰ В качестве внутригенетического фона используется материал мокшанского языка, собранный в с. Лесное Цибоево и с. Лесное Ардашево Темниковского р-на Республики Мордовия в 2015–2017 гг.

2. Околокомитативная зона

В горномарийском языке «околокомитативная зона» представлена элементами *-ge*, *xälä* ‘целиком’ и *-nek*⁷¹. Мы называем ее околокомитативной, поскольку для данных элементов основной функцией является указание на исчерпывающую интерпретацию, тогда как комитативная функция, вопреки утверждениям предшественников, реализуется редко, но всё же может входить в периферийную зону этих конструкций. Рассмотрим подробно каждый из элементов.

2.1. Показатель *-ge* ‘-СОМ’

В традиционных марийских грамматиках (как лугового марийского, так и горномарийского языка) показатель *-ge* рассматривается как показатель «совместного» падежа, который «служит для выражения совместности, сопроводительного значения» [Саваткова 2002: 93, 100–101], [Тужаров 1987: 89–91]. Некоторые исследователи считают, что *-ge* – «аффикс, маркирующий число», который может привносить семантику всеобщности [Stolz et al 2006: 70]. Также значение всеобщности кратко отмечалось в [Alhoniemi 1993: 60; Саваткова 2002: 100; Salo 2016: 197].

⁷⁰ О горномарийской экспедиции МГУ: <http://hillmari-exp.tilda.ws/>

⁷¹ Послелог *dono* ‘с’, который является собственно комитативом и не имеет схожих функций с вышеупомянутыми элементами, в данной работе подробно рассмотрен не будет.

Рассмотрим подробнее функции -ge и объясним причины того, что мнения исследователей разнятся относительно сущности данного показателя.

2.1.1 Функции -ge: комитатив

Чтобы понять, является ли данный элемент комитативом, следует определить, что мы понимаем под этим ярлыком. Мы будем использовать следующее определение собственно комитативной конструкции:

«Морфосинтаксическая конструкция, используемая в данном языке для выражения множественного участника У ситуации С, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников У1 и У2, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг» [Архипов 2005: 67]. Первый участник (У1) выражается центральной именной группой (далее ИГ), а остальные участники (У2) – периферийной (комитативной) ИГ.

Согласно [Архипов 2005: 68] диагностическим контекстом прототипических комитативных конструкций являются предложения вида «Х пришел/пошел в (место) Z с Y-ом». Как видно из примера (1), показатель -ge не может употребляться в таких контекстах, в то время как собственно комитативом является послелог *dono* ‘с’.

- (1) *ivan *daša-ge / daša dono šərgə-škə ke-n*
 И. Д.-COM Д. с лес-ILL идти-PRET
 ‘Иван пошел в лес с Дашей’

Не будем ограничиваться прототипической комитативной конструкцией и рассмотрим основные модификации комитатива по [Архипов 2005]. К ним относятся: определительная, актантная, сочинительная и копредикативная.

Под **определительной** конструкцией понимается такая конструкция, в которой комитативная группа используется в качестве приименного модификатора, а не аргумента глагола. В таких конструкциях в горномарийском языке используется показатель проприетива -an (2). Употребление показателя -ge в этом случае невозможно:

- (2) *klovoj sənzä-än ədər / *klovoj sənzä-ge ədər / *ədər klovoj sənzä-ge*
 голубой глаз-PROP девушка голубой глаз-COM девушка девушка голубой глаз-COM
amasa-m pač-əñ
 дверь-ACC открыть-PRET
 ‘Дверь открыла девушка с голубыми глазами’.

Актантная модификация подразумевает использование комитативных показателей при естественно множественных предикатах, в которых наличие множественного участника обязательно.

Сочинительная модификация похожа на прототипическую комитативную конструкцию, однако в отличие от последней центральная ИГ и периферийная (комитативная) ИГ образуют единую составляющую, которая требует согласования глагола по сумме двух ИГ.

Копредикативные употребления комитатива характеризуются тем, что синтаксически периферийная ИГ зависит от главного предиката, а семантически определяет одного из участников. Например, поверхностных синтаксических различий между примерами *Иван пришел с Дашей* и *Иван пришел с бутылкой* нет – в обоих случаях комитативная группа является адьюнктом к глагольной. Однако предложение **Иван и бутылка пришли* будет неграмматичным, в отличие от предложения *Иван и Даша пришли*, т.е. обладание бутылкой является характеристикой субъекта, а не предиката.

И при актантной (3), и при сочинительной (4) и при копредикативной (5) модификациях употребляется послелог *dono* ‘с’, в то время как употребление показателя -ge невозможно.

- (3) maša *kat’a-ge / kat’a dono söredäl-eš
 М. К.-COM К. с ссориться-NPST.3SG
 ‘Маша ссорится с Катей’.
- (4) maša pet’a dono / *pet’a-ge kino-škə tol-ən-əŋ
 М. П. с П.-COM кино-ILL идти-PRET-3PL
 ‘Маша с Петей пошли в кино’.
- (5) ivan xənal-aš arbuz dono / *arbuz -ge tol-ən
 И. гостить-INF арбуз с arbuz-COM прийти-PRET
 ‘Иван пришел в гости с арбузом’.

Не употребляясь в базовых комитативных контекстах, аффикс -ge все же имеет комитативное значение. В некоторых случаях он может употребляться в копредикативных конструкциях и конструкциях образа действия, однако с существенными семантическими ограничениями. Рассмотрим копредикативные конструкции. Пример (6) возможен, поскольку Маша и ее сумка воспринимаются как единое целое, в отличие от примера (5) выше, где аналогичное семантическое единство между Иваном и арбузом сомнительно.

- (6) maša klas gəc sumka-ge läkt-ən ke-š
 М. класс из сумка-COM выйти-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Маша ушла из класса с сумкой’. {Ничего не оставила, даже сумку забрала}

На конструкции образа действия распространяются аналогичные ограничения, связанные с семантикой всеобщности, ср. (7) и (8):

- (7) maša divan-əškə jal-ge kuz-en šənz-ən
 М. диван-ILL нога-COM залезть-CVB садиться-PRET
 ‘Маша залезла на диван с ногами’.
- (8) *pet’a rovojaj-a entuziazm-ge
 П. работать-NPST.3SG энтузиазм-COM
 Ожидаемое значение: ‘Петя работает с энтузиазмом’.

2.1.2. Функции *-ge*: количественные конструкции и квантификация

Кроме околокомитативных контекстов, аффикс *-ge* используется в конструкциях с числительными (9), указывая на то, что множество охвачено целиком. Например, при эксплицитном указании на то, что множество не исчерпано (10), употребление показателя *-ge* невозможно.

- (9) kok ergə-ge tokə-štə tol-ən-ət
2 сын-COM домой-POSS.3PL прийти-PRET-3PL
'Оба сына приехали домой'.
'Два сына (из большего количества) приехали домой'.

- (10) kok ergə(*-ge) to-kə-štə tol-ən-ət kəm-ət-ən-žə
2 сын-COM дом-ILL2-POSS.3PL прийти-PRET-3PL три-FULL-COLL-
POSS.3SG
šokt-ədel-ət
успеть-NEG.PRET-NPST.3PL
'Два сына приехали домой, а три других не успели'.

Также маркер *-ge* употребляется в конструкциях с кванторами – как с эксплицитным выражением количества (11), так и без него (12).

- (11) vas'a cilä vəc toma-ge jakšar cvet-eš čialt-en
В. весь 5 дом-COM красный цвет-LAT красить-PRET
'Вася покрасил все пять домов в красный цвет'.
(12) cilä kruška-ge əžargə oš gorošek-ən
весь кружка-COM зеленый белый горошек-PROP
'Все [эти] кружки зеленые в белый горошек'.

Использоваться в качестве квантификатора показатель *-ge* может и сам. Он употребляется при СМР-квантификации – т. е., по [Татевосов 2002: 115], квантификации единичных целостных объектов, которые являются семантически множественными или обладают сложной внутренней структурой. Так, в (13) речь идет об охвате действием объекта целиком, а в (14) – о действии множественного субъекта, который воспринимается как однородный.

- (13) vas'a kagəl'-ge kačk-ən kolt-en
В. пирог-COM есть-CVB слать-PRET
'Вася пирог целиком съел'.

- (14) kən-əm kečə-n klas-ge poxod-əš ke-ät
отдыхать-NMLZ день-GEN класс-COM поход-ILL идти-NPST.3PL
'На выходные весь класс идет в поход'.

Функции лексемы *xälä* ‘целиком’ не освещались в грамматиках марийских языков. Согласно словарю [Marlamuter] данная лексема выражает:

1. включение в действие субъекта или охват действием объекта без остатка, полностью;
2. совместность;
3. неизменность действия, состояния кого-чего-л.

По нашим данным в Кузнецовском говоре горномарийского языка нет третьего значения (15)⁷², однако первые два присутствуют: в (16) проиллюстрировано употребление при охвате действием полностью, а в (17) – совместность.

(15) *lu i ert-en, tädä texen'=ok / *xälä=ok kod-ən*
 10 год проходить-RET этот такой=EMPH целиком=EMPH остаться-RET
 ‘Прошло 10 лет, а он остался таким же’.

(16) *sola xälä päš-äš läkt-ən*
 деревня целиком работать-INF выйти-RET
 ‘Всей деревней вышли работать’.

(17) *ävä t'et'ä xälä tol-ən*
 мать ребенок целиком прийти-RET
 ‘Мама пришла с ребенком’.

Рассмотрим функции лексемы *xälä* ‘целиком’ подробнее.

2.2.1. Функции *xälä*: комитатив

Можно заметить, что функционально лексема *xälä* ‘целиком’ похожа на показатель комитатива -ge. В частности, она не может употребляться в наиболее распространенных комитативных конструкциях: в собственно комитативной конструкции (18), при сочинительной (19), актантной (20) и определительной (21) модификациях.

(18) **daša ivan xälä šərgə-škə ke-n*
 Д. И. целиком лес-ILL идти-RET
 Ожидаемое значение: ‘Даша пошла в лес с Иваном’.

(19) **daša ivan xälä šərgə-škə ke-n-ət*
 Д. И. целиком лес-ILL идти-RET-3PL
 Ожидаемое значение: ‘Даша с Иваном пошли в лес’.

(20) **maša kat'a xälä soledäl-eš*
 М. К. целиком ссориться-NPST.3SG
 Ожидаемое значение: ‘Маша ссорится с Катей’.

⁷² О семантике содержащейся в этом примере частицы =ok, см. подробнее [Кашкин и др. 2017].

- (21) *əḍəṛ klovoj sənzä xälä amasa-m pač-ən
 девушка голубой глаз целиком дверь-ACC открыть-PRET
 Ожидаемое значение: 'Дверь открыла девушка с голубыми глазами'.

Как и показатель -ge, лексема xälä 'целиком' может употребляться в конструкциях образа действия (22) и копредикативных конструкциях (23) с семантикой полноты вовлеченности референта в ситуацию при неграмматичности аналогичных конструкций без семантики всеобщности (24).

- (22) maša divan-əškə jal xälä kuz-en šənž-ən
 М. диван-ILL нога целиком залезть-CVB сидеть-PRET
 'Маша залезла на диван с ногами'.

- (23) ävä t'et'ä xälä xənal-aš tol-ən
 мать ребенок целиком гостить-INF прийти-PRET
 'Мама пришла в гости с ребенком'.

- (24) *ivan pičäl xälä šərgə-štə kašt-eš
 И. ружье целиком лес-IN гулять-NPST.3SG
 Ожидаемое значение: 'Иван ходит по лесу с ружьем'.

2.2.2. Функции xälä: количественные конструкции и квантификация

Лексема xälä также может употребляться в количественных конструкциях с исчерпывающей интерпретацией. В состав таких конструкций могут входить и кванторные слова:

- (25) vas'a (cilä) kok knigä xälä kand-en
 В. весь 2 книга целиком принести-PRET
 'Вася принес обе книги'.
 *'Вася принес две книги из большого количества'.

- (26) tədə lu edem xälä šüd-en
 тот 10 человек целиком принести-PRET
 'Он пригласил всех десятирех человек'.
 *'Он пригласил десять человек из большого количества'.

Также xälä употребляется при квантификации единичных объектов (27) (СМР-квантификация по [Татевосов 2002]) и неисчисляемых совокупностей (28). Контексты последнего типа занимают промежуточное положение между СМР-квантификацией и GEN/DEF-квантификацией (квантификацией генерических множеств и квантификацией определенных множеств в указанном порядке [там же]).

- (27) vas'a kagəl' xälä kačk-ən kolt-en
 В. пирог целиком есть-CVB посылать-PRET
 'Вася пирог целиком съел'.

- (28) šǝrgǝː xǎlä jǎl-en ke-n
 лес целиком гореть-CVB идти-PRET
 ‘Весь лес сгорел’.

2.3 Показатель -n'ek (-COLL)

В горномарийском языке существует несколько серий собирательных числительных, и одна из них предполагает исчерпывающую интерпретацию, обсуждавшуюся нами выше для показателей -ge и xǎlä. Эта серия объединяет собирательные числительные, которые могут образовываться от количественных с помощью показателя -n'ek, см. иллюстрацию исчерпывающей интерпретации в (29)–(30). В [Майтинская 1979: 132–133] элемент -n'ek обозначен как ‘комитативное образование’. Числительные, деривированные с помощью этого показателя, не сочетаются с приближительностью (в отличие от числительных другой собирательной серии, которая образуется с помощью адвербиализатора -ǎñ / -ǎñ, см. о ней далее). Что касается синтаксических ограничений, то числительные, маркированные показателем -n'ek, могут занимать только позицию субъекта или прямого дополнения, другие позиции для них недоступны.

- (29) vǎžǎ-n'ek lü-en šu-en
 5-COLL стрелять-CVB бросить-PRET
 ‘Он подстрелил всех пятерых (уток)’.

- (30) *vǎžǎ-n'ek nǎrǎ / vǎžǎ-n'ek nǎrǎ-m/ vǎž-ǎt nǎrǎ-n'ek lü-en šu-en
 5-COLL APPR 5-COLL APPR-ACC 5-FULL APPR-COLL стрелять-CVB
 бросить-PRET

Ожид. значение: ‘Он подстрелил пятерых (уток)’.

Серия числительных, образуемая с помощью адвербиализатора -ǎñ / -ǎñ, не накладывает таких ограничений на семантику:

- (31) nǎñǎ vǎž-ǎt-ǎñ / vǎž-ǎt nǎr-ǎñ tol-ǎñ-ǎt
 они 5-FULL-ADV 5-FULL APPR-ADV прийти-PRET-3PL
 ‘Они пришли пятером / примерно пятером’.

Кроме того, собирательные числительные могут иметь вид основа числительного-n'-POSS-CASE (например, vǎžǎ-n'-ǎštǎ-m ‘их пятерых / пятерых из них’ в (32)). Эти числительные обязательно должны быть маркированы падежным показателем или быть зависимым послелогом. Они могут занимать аргументную позицию. При этом числительные, образованные по этой модели, допускают как исчерпывающую, так и партитивную интерпретацию.

- (32) ti vǎžǎ-n'-ǎštǎ-m už-ǎñ-am
 тот 5-COLL-POSS.3PL-ACC видеть-PRET-1SG
 ‘Я видел их пятерых’.

- (33) vəʒə-n' -əʃtə-m lü-en šu-en
 5-COLL-POSS.3PL-ACC стрелять-CVB бросать-PRET
 'Он подстрелил всех пятерых (уток) / пятерых из множества'.

Тем самым, семантика исчерпанности оказывается релевантной и для системы горномарийских собирательных числительных, вызывая важную оппозицию между ними: одна из серий этих числительных обязательно предполагает такую семантику, тогда как для двух других она возможна, но факультативна.

3. Мордовские параллели

На материале мордовских языков мы также рассмотрим собирательные числительные в их связи с семантикой исчерпанности. Кроме того, мы проанализируем свойства показателя -n'ek (-n'эк), выражающего схожий набор значений с горномарийским -n'ek.

Как и в горномарийском языке, в мокшанском языке собирательные числительные тоже противопоставлены по тому, обязательно ли ими выражается семантика исчерпанности.

В изучаемом нами идиоме мокшанского языка числительные собирательной серии образуются по нескольким моделям. Первая из них – это модель «**основа_числительного-n'-POSS**». Такие числительные, во-первых, могут иметь обе интерпретации (исчерпывающую и партитивную), а, во-вторых, употребляются адвербиально.

Интересно, что в горномарийском посессивный слот могут занимать только показатели, отсылающие ко множественному референту, тогда как собирательные числительные в мокшанском языке могут содержать и показатели, отсылающие к единственному референту:

- (34) s'in' tu-s'-t' in'z'i-ks kolmə-n'-əst
 они приходит-PST.3-PL гость-TRANS 3-COLL-3PL.POSS
 'Они пришли втроем'.

- (35) son tu-s' in'z'i-ks kolmə-n'-ənza
 он приходит-PST.3.SG гость-TRANS 3-COLL-3SG.POSS
 'Он пришел в гости втроем с кем-то'.

Собирательные числительные в мокшанском языке, предполагающие обязательную исчерпывающую интерпретацию, образуются с помощью показателей -kskə, -c'kə, -ksn'ə, по-видимому, не связанных с -n'ek. Эти числительные занимают позицию приименного модификатора. Числительные, подразумевающие охват множества целиком, вызывают обязательное маркирование существительного показателем указательного склонения.

- (36) a. kolmə-kskə šejər-n'ə-n' por'-Ø-əz'ə-n' katə-s'.
 3-COLL2 мышь-DEF.PL-GEN грызть-PST-3SG.S-3PL.O кот-DEF.SG

b. *katə-s' por'-s'-Ø kolmə-kskə šejər-t'.
 кот-DEF.SG грызть-PST.3-SG 3-COLL2 мышь-PL
 'Кот съел всех трех мышей'.

В мордовских языках также присутствует показатель -n'ek / -nek (эрзянский) = -n'ək (мокшанский), который далее в текущей работе будет обозначаться как -n'ek. По ряду значений данный показатель совпадает с горномарийским околокомитативным элементом -n'ek.

На протяжении XX века многие исследователи, в числе которых М.Е. Евсевьев, М. Н. Коляденков и Д. В. Цыганкин, создавали описания морфосинтаксических и семантических особенностей показателя -n'ek. Подробное описание конструкций различных типов с данным показателем, выполненное на материале современного эрзянского языка, можно найти в [Salo 2016].

Как отмечается в работе [Евсевьев 1963: 55], включающей в себя данные как мокшанского, так и эрзянского языка, некоторые исследователи (например, А. А. Шахматов) считают, что -n'ek является так называемым «совместным падежом». Сам М. Е. Евсевьев считает этот показатель не падежным, а словообразовательным. Дериваты, в которых присутствует данный показатель, названы наречиями количества.

Во-первых, мордовский показатель -n'ek, как и горномарийские показатели -ge и xālā, может выступать в функции квантификатора при объектах, которые являются семантически множественными или обладают сложной внутренней структурой:

(37) семья-нек сэред-и-ть⁷³
 семья-COM болеть-NPST.3-PL
 'всей семьей хворают' [Евсевьев 1963: 55–56]⁷⁴

Не до конца ясны свойства существительных, маркированных данным показателем, в примерах типа (38). В работе отсутствует расширенный контекст для данного примера. С одной стороны, можно предположить, что в мордовских языках данный показатель способен квантифицировать и определенные множества (DEF-квантификация по [Татевосов 2002]). С другой – если придерживаться той точки зрения, что в данном примере присутствует выраженное фонетическим нулем местоимение, реферирующее к взрослым, то существительное эйкашнек употреблено в комитативной функции. Так или иначе, в этом примере также присутствует исчерпывающая интерпретация.

(38) эйкаш-нек ту-сь-ть пакся-в
 ребенок-COM идти-PST.3-PL поле-LAT
 'со всеми детьми пошли в поле' [Евсевьев 1963: 55–56]

Комментарий автора: «букв.: и дети, и взрослые пошли в поле»

⁷³ Здесь и далее примеры, взятые из литературы, приводятся в оригинальной записи.

⁷⁴ М. Е. Евсевьев не разделяет мокшанский и эрзянский материал, считая мокшанский и эрзянский идиомами внутри мордовского языка.

- И, наконец, -п'ек может быть маркером сочинительной связи в бисиндетических конструкциях:

- Среди морфосинаксистических особенностей комитативных образований в грамматике [Коляденков 1954] акцентируется внимание на следующих: данные формы не употребляются в указательном и притяжательном склонении (т.е., не могут быть маркированы специальными показателями посевивности и определенности) и не определяются прилагательным. Однако автор грамматики никак не комментирует синтаксические и семантические отличия форм, где маркирован только один конъюнкт или оба. Кроме того, в грамматике эксплицитно не сказано, могут ли такие формы допускать открытое падежное маркирование.

Согласно [Коляденков 1954], формы, маркированные показателем -n'ek, могут занимать позицию субъекта, прямого объекта и косвенного объекта, кроме того, отмечаются адвербиальные употребления («в значении способа действия, времени»). Отмечается возможность бисиндетического сочинения существительного и неопределенного местоимения mež'a 'что' (X-n'ek-mež'a-n'ek 'всё, (что) связано с N) и сам N'). Однако мы считаем, что употребления, относимые автором к синтаксической позиции косвенного объекта, все же следует относить к адвербиальным, поскольку в примерах типа (43) объект, маркированный изучаемым показателем, семантически относится к субъекту, а не является аргументом предиката. Также в примерах (42) и (43) наблю-

возводится к существительному *mar* ‘куча’ (см. [Paasonen 1990–1999: 1180], словарная статья *mar*’ek, *mar*’ek’, *mar*’эк, *mar*’эк’, отсылает к лексеме *mar*). Кроме того, довольно вероятно, что комитативный послелог *mar*ṭə ‘вместе’ этимологически связан с той же лексемой, см. их сведение в одно словообразовательное гнездо в [Paasonen 1990–1999].

Существуют различные гипотезы о происхождении показателя -n’ek. Так, в [Серебренников 1967] отмечается, что показатель -n’ek мог возникнуть в результате переосмысления сочетания элемента -ne (который, по мнению автора, связан с показателем древнемордовского локатива) и форманта, рефлексом которого предположительно является марийский комитатив -ge / -ke (см. также [Майтинская 1979: 110–111]). Б. А. Серебренников считает показатель -n’ek в мордовских языках прямой параллелью аналогичного показателя в марийском. По мнению Д. В. Бубриха ([Бубрих 1953: 54–55]), -n’ek этимологически содержит в себе n-овое образование и формант -k-, произошедший из некоторой частицы. Тем самым, помимо семантических сходств между показателями -ge и -n’ek в горномарийском языке и показателем -n’ek (-n’эк) в мокшанском языке, имеются и гипотезы, связывающие эти показатели друг с другом в исторической перспективе.

5. Выводы

Обобщим данные, касающиеся элементов -ge и *xälä* в горномарийском языке. Было установлено, что их основной функцией является добавление исчерпывающей интерпретации в семантику высказывания. При этом комитативные контексты, возможные с данными элементами, являются лишь одним из подклассов их употребления, а во многих базовых комитативных контекстах они и вовсе невозможны.

Поскольку в марийских грамматиках показатель -ge называется «совместным падежом», что уже было отмечено, попробуем предположить, что -ge действительно имеет отношение к комитативной зоне. Попробуем расположить функции -ge на семантической карте.

Начнем с семантической карты для комитативных и сочинительных маркеров из [Haspelmath 2004]:

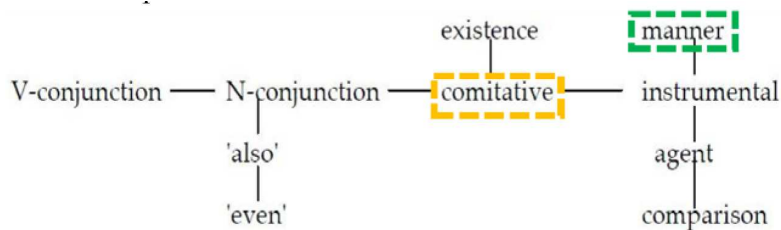

Рис. 1. Семантическая карта для союзов и связанных понятий

Здесь мы сталкиваемся с нетривиальным случаем. Допустим, показатель *-ge* имеет комитативное значение. При этом известно, что он также имеет функцию, обозначенную на данной карте как ‘*manner*’, т. е. он может употребляться в конструкциях образа действия. Тогда на карте возникнет разрыв, поскольку инструментального значения *-ge* не имеет:

- (46) *pet’a tavar dono / tavar-ge pu-m šel-ššt-eš*
 П. топор с топор-COM дерево-ACC рубить-ITER-NPST.3SG
 ‘Петя рубит топором дрова’.

Рассмотрим также расширенную семантическую карту для комитативной зоны [Gil 2004: 378], которую Д. Гил приводит для показателя *sama* в индонезийском языке *riau*. Данная карта интересует нас в первую очередь потому, что макрофункциональное слово *sama*, как его называет Д. Гил, тоже может использоваться в качестве универсального кванторного слова, как и элемент *-ge*.

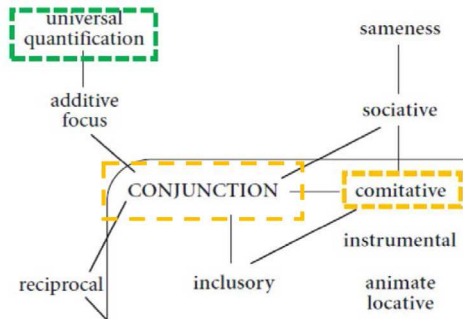

Рис. 2. Часть расширенной семантической карты для союзов и комитативов для показателя *sama* в индонезийском языке *riau*.

Продолжая рассматривать точку зрения, что *-ge* имеет комитативное значение, и даже предположив, что сочинительные функции (в бисиндетической конструкции см. (47)) он тоже имеет, мы сталкиваемся с проблемой: *-ge* не может выражать аддитивный фокус (48), таким образом при нанесении на карту кванторных функций данных показателей мы опять обнаруживаем на ней разрыв.

- (47) *vas’a ške=ok vākš-ge saraj-ge stroj-en*
 В. REFL=EMPH мельница-COM сарай-COM строить-PRET
 ‘Вася построил сам и мельницу, и сарай’

- (48) *ivan=at / *ivan-ge tol-ən*
 И.=ADD И.-COM прийти-PRET
 ‘Много людей пришло.’ ‘Иван тоже пришел’.

Таким образом, гипотеза о том, что -ге являлся настоящим комитативом, однако впоследствии собственно комитативные функции были утрачены, кажется не вполне убедительной типологически, поскольку, если принять ее, то пришлось бы объяснять два разрыва на семантической карте.

Также нельзя не отметить тот факт, что марийские комитативные элементы -ge, -xälä, -n'ek и мордовские -n'ek (-n'эк) имеют схожую семантику и употребляются в схожих контекстах. Между некоторыми из них усматривается связь и в работах по истории финно-угорских языков.

Условные обозначения

ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиализатор; APPR — приблизительность; COLL — собирательность; COM — комитатив; CVB — конверб; DAT — датив; DEF — определенность; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; ITER — итератив; LAT — латив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализатор; NPST — непрошедшее время; O — объект; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PQP — плюсквамперфект; PRET — претерит; PRON — основа личных местоимений; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; S — субъект; S/O — субъект или объект; SG — единственное число; TRANS — транслатив.

Литература

- Alhoniemi 1993 — Alho Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Buske Verlag, 1993
- Gil 2004 — David Gil. Riau Indonesian sama // Coordinating constructions. Ed. by M. Haspelmath, Leipzig, 2004. 371-424
- Haspelmath 2004 — Haspelmath M. et al. Coordinating constructions: An overview // Coordinating constructions. — 2004. — Т. 58. — С. 3-40
- Marlamuter — Словарь марийского языка в 10 томах. Электронная версия: marlamuter.com.
- Paasonen 1990–1999 — H. Paasonen. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXIII, I-VI, 1990-1999
- Salo 2016 — Merja Salo. On the meanings of the suffix □ńek/□nek in Erzya: A comitative case or derivational suffix? // Mordvin languages in the field. Ed. by K. Shagal with H. Arjava. Helsinki, 2016. 187–227
- Stolz et al 2006 — Thomas Stolz, Cornelia Stroh, Aina Urdze. On Comitatives and Related Categories: A typological study with special focus on the languages of Europe. Vol. 33. Walter de Gruyter, 2006
- Архипов 2005 — Архипов А. В. Типология комитативных конструкций. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.

Бубрих 1953 — Бубрих Д. В. 1953. Историческая грамматика эрзянского языка. Под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. Саранск, Мордовское книжное издательство.

Евсеев 1963 — Евсеев М. Е.. Основы мордовской грамматики. Избранные труды, том четвертый. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1963.

Кашкин и др. 2017 — Кашкин Е. В., Сидорова М. А., Мордашова Д. Д., Гарейшина А. Р., Учитель И. К. Всё =ок: о семантике одной горномарийской энклитики. Москва, Доклад на конференции Малые языки в большой лингвистике, 2017.

Коляденков 1954 — Коляденков М.Н. 1962. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч.1. Фонетика и морфология. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962

Майтинская 1979 — Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.

Саваткова 2002 — Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка. *Bibliotheca ceremissica*. 2002.

Серебренников 1967 — Серебренников Б. А. 1967. Историческая морфология мордовских языков. Москва, «Наука».

Татевосов 2002 — Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. – ИМЛИ РАН, 2002.

Тужаров 1987 — Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке – Йошкар-Ола, 1987

III

Коммуникативно- грамматический интерфейс

Делимитативный аффикс *-riktV-* и фокусная частица *(h)ələ* в эвенкийском языке как вершины двух разных проекций DelimP и FocP⁷⁵

В статье сравниваются ограничительная "словообразовательная частица" *-riktV-* и фокусная частица *(h)ələ*. *-RiktV-* это делимитативный (или рестриктивный) словообразовательный аффикс, близкий по значению к *tol'ko* (*tol'ko* было заимствовано из русского языка и также используется в устных рассказах). *(H)ələ* 'вот, только' это фокусная частица, которая маркирует узкий фокус; в современном эвенкийском это также коннектор, который вводит широкий фокус. У *(h)ələ* довольно абстрактное значение, близкое к так называемым "фокусным клитикам" ($=dV$, $=kV$, $=tV$ и др.), и позиция в предложении у *(h)ələ* относительно свободная.

Ключевые слова: эвенкийский язык, частицы, делимитация, фокус.

In the paper, the 'derivative particle' delimiter *-riktV-* and the focusing particle *(h)ələ* are compared. *-RiktV-* is a delimitative/ restrictive derivation affix, and its meaning is close to the meaning of *tol'ko* (the latter has been borrowed from Russian, and is also used in oral stories). *(H)ələ* 'so, just' is a focalizing particle that marks narrow focus; nowadays, it is also used as a connector and introduces wide focus. *(H)ələ* has a rather abstract meaning that is close to so-called 'focus clitics' ($=dV$, $=kV$, $=tV$, etc.), and its position in the sentence is relatively free.

Keywords: Evenki, particles, delimiter, focus.

1. Введение. Эвенкийский как язык SOV/SVO

Генетически эвенкийский язык, как и другие алтайские языки, считается языком типа SOV. В типологии же принято относить большинство алтайских языков к «смешанному» типу SOV/SVO [Dryer 2013]. Такие авторы, как О.А. Константинова [Константинова 1968: 84] и В.Д. Колесникова [Колесникова 1966: 180-186], цель которых – описание эвенкийского как отдельно взятого языка, не рассматривают подробно проблему базового порядка слов, однако все же отмечают наиболее типичное положение в предложении под-

⁷⁵ Материалом работы послужили рассказы и сказания из корпуса текстов на сайте «Малые языки Сибири» (<http://siberian-lang.srcc.msu.ru/>), созданный Е.Л. Клячко, Н.К. Митрофановой и др. на основе экспедиционных материалов группы О.А. Казакевич 2005–2016 гг. Мы благодарим анонимных рецензентов и участников конференции ТМП-2017 за полезные замечания и вопросы.

лежащего, сказуемого, дополнения по модели SOV, объясняя отклонения от этих типичных позиций фокусированием или эмфатическим выделением того или иного члена предложения. И.В. Недялков, в традиции деривационного подхода, придерживается точки зрения, что эвенкийский язык относится к типу SOV [Nedjalkov 1997: 126] и предлагает трансформации, изменяющие базовый порядок слов [Nedjalkov 1997: 126-138]: например, топиализация (передвижение слова или составляющей в начало предложения с эффектом контрастной топиализации или фокусирования) или перенос слова/ составляющей в конец предложения. Однако он также рассматривает фокусирование (или эмфазу) без изменения порядка слов (*in situ*), например, посредством присоединения фокусных клитик (=dV и др., перечисленных в работе И.В. Недялкова, pp. 285-290) или частицы ələ 'FOC/ только' (=h)ələ, p. 128).

Порядок SVO (или шире – с начальной вершиной) появляется в маркированных контекстах. О.А. Константинова, В.Д. Колесникова и другие авторы работ по эвенкийскому языку объясняют порядок VO «эмфатической инверсией» [Колесникова 1966: 176-186], при которой происходит коммуникативное выделение (или фокусирование) одного из членов сочетания (например, глагола/ дополнения в VP или имени/ определения в NP). Это обобщение лишь частично объясняет встречающиеся в устной речи случаи инвертированного порядка слов [Рудницкая 2017]. Так, инвертированный порядок VO встречается:

- При фокусировании или коммуникативном выделении VP или NP – не только при узком фокусировании вершины или зависимого, также при коммуникативном выделении всей группы;

- Под влиянием других коммуникативных и дискурсивных факторов, например, в коммуникативно нерасчлененных предложениях: при ответе на вопрос «Как дела?», при переходе к новому этапу рассказа или при отступлении от основной линии рассказа.

Таким образом, инвертированный порядок слов в VP появляется не только в случае фокусного выделения одного из компонентов VP, а еще и в результате других коммуникативных и дискурсивных факторов. С нашей точки зрения, все случаи порядка VO нельзя свести к эмфатической инверсии, и нужно постулировать VO как альтернативный OV порядок слов, появляющийся в определенных маркированных контекстах⁷⁶.

2. Частица *-riktV-* 'только': материал и анализ

«Словообразовательная» частица *-riktV-* [Константинова 1964: 260; Болдырев 2007: 876] стоит после основы имени, наречия или нефинитной формы

⁷⁶ Также необходимо отметить, что косвенный объект стоит после глагола гораздо чаще, чем прямой, даже в современной устной речи. [Василевич 1940: 37] объясняет это историческими факторами: когда современная падежная система эвенкийского языка еще не сформировалась, все дополнения глагола маркировались одним падежом, который соотносится с современным партитивным падежом. С точки зрения Г.М. Василевич, препозиция прямого объекта к глаголу использовалась для дифференциации его от косвенных объектов.

глагола⁷⁷. [Василевич 1958: 787] определяет -riktV- как «суффикс ограниченности и исключительности». В (1а-б) четко видна функция -riktV-, состоящая в выделении элемента из множества.

211

- (1) а. girkī-li-n asā-rikta-l
 друг-PL-PS.3SG женщина-DELIM-PL
 «Товарищи его – одни женщины:» (моя мать да другая, другая женщина там.) (2007, Андреев Василий, Стрелка, 00:01:10.366)
 б. tirga-nī-wə ... həγə-riktə-nə
 настать(о_дне)-NMLZ.TMP-ACC рассказывать-DELIM-CVB.SIM
 тəγə-si-Ø-m
 сесть-DUR-NFUT-1SG
 (Дома) 'днем [там] сидел, только рассказывая.' (2007, Удыгир Виктор, Эконда. Реплика другого рассказчика, который уже ранее рассказал свой рассказ, 00:04:38.068)

Так, в (1а) из ассоциированного множества людей, которые могли бы быть товарищами отца Андреева, выделяется подмножество женщин. В (1б) из возможных дел рассказчика, которыми он мог бы заняться дома, выделяется только одно – рассказ о своей жизни. Рассмотрим еще примеры:

- (2) а. turu-lō=kə oro-r-d'i=kə goro=ko
 Тура-LOCALL=FOC олень-PL-INST=FOC далекий =FOC
 iñə=ko d'ukə-riktə-wə=kə
 холодный=FOC лед-DELIM-ACC=FOC
 'В Туру-то оленями-то далеко, холодно, лед один.' (2007, Эконда, Комбагир Анна, LR_1_2, 00:11:04.081)
 б. mut [mit mo]-riktə-l=tə
 1PL(IN).SLIP 1PL(IN) RFL-DELIM-PL=FOC
 huru-d'əŋō-t
 пойти-FUT-1PL(IN)
 'Только мы с тобой (сами) пойдем' (2007, Чиринда, Элдогир Валентина, FM10, предложение N 68)

Позиция словообразовательного аффикса для морфемы со значением 'только' – типологически редкое явление. Такая позиция также характерна для некоторых кванторных показателей, таких как tikin 'каждый'. В (2б) видно, что -riktV-, являясь «словообразовательной» частицей, может относиться к группе слов (выступать как групповая флексия): присоединяясь к mo[n] 'сам', -riktV- имеет сферу действия 'мы (с тобой) сами', [mit mo[n]] '1PL(IN) RFL'. Возможно, для эвенкийского позиция после основы связана с наличием омонимичного аффикса, образующего атрибутивы со значением 'большой':

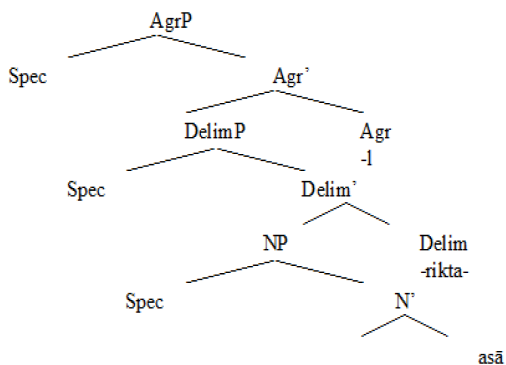
⁷⁷ Нефинитные формы глагола тунгусо-маньчжурских языков считаются исследователями именными [Суник 1962: 153-162; Рамстедт 1957: 84 и далее].

onokto ‘нос’ → onokto-rikta ‘длинноносый’. Интересно, что в корпусе встречаются единичные примеры (3а-б), когда рассказчики ставят -riktV- после словоизменительных аффиксов, в позицию так называемых фокусных энклитик (ср. =кэ/=ко в (2а)). В работе [Мальчуков 2008: 173-174] указывается на наличие в близкородственном эвенкийскому эвенском языке частиц с рестриктивной и/или выделительной функцией и вариативной позицией.

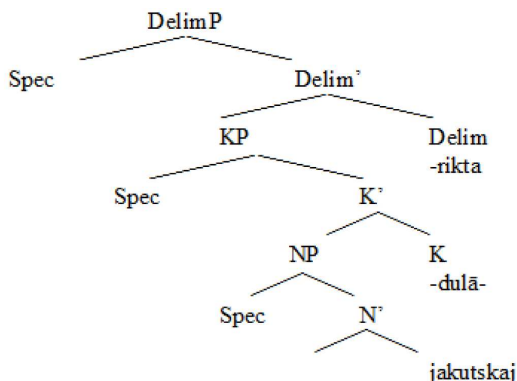
- (3) а. jakutskaj-dulā-rikta
Якутск-LOCALL-DELIM ‘Только в Якутске’ (одно место есть)
(2007, Эконда, Комбагир Антон, 00:02:25.470)

- б. tajga-dū-rikta
тайга-DATLOC-DELIM (Рожала) ‘только в тайге’(?) (2007, Эконда, Комбагир Анна. Из реплики внучки Анны, Изольды, 00:17:05.117)

Теперь рассмотрим формальный анализ -riktV-. Как уже говорилось во Введении, исторически основополагающим порядком слов в эвенкийском считается SOV, что соответствует дереву непосредственных составляющих с конечной вершиной. Учитывая богатую морфологию эвенкийского, этот порядок можно сохранить на уровне TP/NP. Поскольку -riktV- встречается в основном в имени или нефинитных глагольных формах (1б), мы можем в основном говорить об NP. В работах по генеративной грамматике в NP не включается FocP, если NP не является вершиной относительного предложения [Hiraiawa 2002; Akaso 2011]. Поэтому мы используем решение, принятое в работе [Cho, Sells 2005] для корейских аддитивных, рестриктивных и кванторных частиц, при котором все эти частицы (в рамках лексикалистской теории) называются делимитативными (Delimiters) – не имея ввиду делимитативные аспектуальные показатели. В нашем анализе -riktV- образует вершину Delim группы DelimP, которая может доминировать как над NP (примеры (1а-б) и (2а-б)), так и над функциональными проекциями (примеры (3а-б)). Эти два варианта расположения проекций показаны в (4)-(5).

- (4) для asā-rikta-l ‘женщина-LIM-PL’ из (1а)

(5) для jakutskaj-dulā-rikta ‘Якутск-LOCAL-LIM’ из (3a)

Важно заметить, что технически схему, подобную (5), нельзя вывести из схемы (4). Если допустить адъюнкцию вершин справа в языке с ветвлением влево (ср. [Ko, Sohn 2015] для корейского), то в (4) можно применить одно вершинное передвижение ($\text{Delim} \rightarrow \text{Agr}$), и при адъюнкции к -l справа -riktV- будет стоять в конечной позиции. Однако если в словоформе два или более словоизменятельных аффикса (ср. (6)), то при применении вершинного передвижения и адъюнкции справа два или более раза подряд порядок этих аффиксов не будет совпадать с их порядком в словоформе: словоизменятельные аффиксы будут стоять в обратном порядке. А адъюнкция слева при вершинном передвижении $\text{Delim} \rightarrow \text{Agr}$ не даст конечной позиции -riktV-. Нам кажется, что у -riktV- есть две позиции в словоформе: одна из них (в (4)) более архаичная, а вторая (в (5)) является инновацией, мы тут видим перестройку структуры словоформы.

- (6) taduk tas-t'a-wun namad'i
 отсюда гнать-PST-1PL(EX) сто
 әһнәкбп-мә һужукб-риктә-l-wә
 теленок-ACC самец-DELIM-PL-ACC

‘Оттуда гнали сто телят, одних самцов.’ (2007, Эконда, Панкагир Алексей, 00:05:16.630)

Также необходимо уточнить отличие -riktV- от так называемых фокусных частиц (энклитик) типа $=d\bar{V}$, $=kV$, $=sV$, $=tV$ и др. [Nedjalkov 1997: 285-291]; про аналогичные клитики в эвенском см. в работе [Мальчуков 2008: 376-378]. Согласно анализу А.Л. Мальчукова и, независимо, [Рудницкая 2016], эти клитики не обязательно являются маркерами фокуса (хотя глоссируются как FOC). Они могут маркировать также, например, топик или уточняющие группы, отделенные паузой, выполнять катафорическую функцию. Энклитика $=d\bar{V}$ имеет свойства аддитивной, а остальные энклитики нужно анализировать

индивидуально. Их все объединяет функция коммуникативного выделения, в то время как логическое рестриктивное значение ‘только’, такое, как у -riktV-, у них отсутствует. Эти энклитики остаются за пределами настоящей статьи.

3. (H)ələ как фокусирующая частица

Хотя [Василевич 1958: 554] переводит (h)ələ⁷⁸ как «только», в более позднем словаре [Мыреева 2004: 767] (h)ələ переводится как «только» или «(ну) вот»; [Nedjalkov 1997: 128] характеризует (h)ələ как фокусирующую частицу. И.В. Недалков пишет, что (h)ələ – постпозитивная частица, а [Константинова 1964: 265; Болдырев 2007: 881] – что это препозитивная частица. Материал нашего корпуса позволяет показать, что (h)ələ – фокусирующая частица без рестриктивного значения (такого, как у -riktV-). Относительно позиции (h)ələ по материалам корпуса можно сделать вывод, что эта позиция относительно свободная. Постпозиция в (7а-д), видимо, отражает более архаичное состояние эвенкийского языка.

- (7) а. s'ičas kantora ələ tadū təə-t-čə-rə-n
сейчас контора FOC там сидеть-DUR-IPFV-NFUT-3SG
kantora
контора

‘Сейчас контора же стоит там, контора.’ (а раньше там была больница)
[kantora – эмпатический повтор «контора»] (2005, Полигус,
Сергеев Трофим, 00:00:07.000)

- б. lusa-di-t=ta jaŋgu-d'a-mi tādū
русский-ATR-ADVZ=FOC говорить-IPFV-CVB.COND там
hələ tati-ra-Ø
FOC научиться-NFUT-3PL

‘По-русски разговаривать там только научились.’ (2007, Чиринда,
Елдогир Валентина, рассказ о жизни (LR1), 00:04:16.290)

- в. martə-l-dū tuyə-d'an-duk-pər hələ
март-PL-DATLOC зимовать-NMLZ-ABL-RFL.PL FOC
tər ləŋko-l-duk
тот Лэнко-PL-ABL

(Всю зиму пасли оленей) ‘В марте с места зимовки вот, с Лэнго’
(угоняли в другое место). (2007, Эконда, Панкагир Алексей, 00:05:06.220)

⁷⁸ В словарях Г.В. Василевич и А.Н. Мыреевой дана форма ələ. Эта форма характерна для полигусовского говора (и вообще для южного диалекта) – см. (7а) – и для литературного языка. Для северного диалекта (села Эконда, Чиринда и др.) скорее характерна форма hələ, ср. (7б-д). Тем не менее, в корпусе рассказов такое деление не соблюдается последовательно. Видимо, это объясняется индивидуальными особенностями рассказчиков: миграция между селами с говорами южного и северного диалектов в XX веке была довольно активная, и у многих рассказчиков в речи есть черты обоих говоров. Также необходимо заметить, что (h)ələ используется очень небольшим числом рассказчиков из нескольких сел (см. примеры). (H)ələ часто используется в сказаниях и более редко в рассказах о жизни и быте.

г. əhī-kōn	[əɾ	samolot	o-daki-n]
сейчас-ATTEN	этот	самолет	стать-CVB.COND-3SG
hələ	əɣī-hin-ə-Ø		
FOC	дышать-INCEP-NFUT-3PL		

‘Сейчас, (только) когда эти самолеты появились (букв. «стали»), [свободно] вздохнули.’ (2007, Эконда, Комбагир Анна, 00:10:56.216)

д. [ədū	bi-d’ə-d’əŋō-s]	hələ
здесь	быть-IPFV-FUT-2SG	FOC

‘(Bot) здесь будешь’. (как наказание) (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, сказка (Fsk9), предложение 18)

В примерах (7а-д) мы видим, что (h)ələ в постпозиции служит для фокусирования слова (7а-в) или составляющей (7г-д). В (7а) фокусируется аргумент *kantoga* (это слово подвергается эмфатическому повтору в конце предложения); в (7б) – обстоятельство *tādū* ‘там’; в (7в) – обстоятельство исходной точки; в (7г) – деепричастный оборот *əɣ samolot o-daki-n*, в (7д) – императивная клауза *ədū bi-d’ə-d’əŋō-s*. С нашей точки зрения, во всех этих примерах представлен узкий фокус, под которым мы понимаем контрастное фокусирование⁷⁹. Основываясь на этих и подобных примерах с узким фокусом ниже, которых большинство, мы предлагаем формальный анализ (h)ələ как вершины Foc группы FocP, которая является одной из проекций Split-CP (основные проекции Split-CP – ForceP, TopP, FocP, FinP, ср. [Rizzi, Cinque 2016: 146]). Один из возможных вариантов построения синтаксического дерева состоит в том, что проекции слоя Split-CP ветвятся вправо независимо от направления ветвления в TP/NP, ср. [Сидельцев 2016] и ссылки в этой работе.

Для эвенкийского языка такое направление ветвления находит обоснование в относительно свободном порядке слов (см. Введение), а в конструкции с (h)ələ – в возможности как постпозиции, так и препозиции (h)ələ по отношению к фокусируемому слову или группе. Препозиция (h)ələ встречается, когда фокусированию подвергается все предложение ((8а-в) и (9а-б), короткое или длинное).

(8) а. hələ	[bi	bokonču-cta]
FOC	1SG	догнать-IMPER.1SG

‘(Bot) давайте я догоню.’ (лису: лиса увезла лодку стариков с их пожитками, а росомаха предлагает отобрать у лисы лодку) (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, сказка (FM5), предложение 28)

б. hələ	[taɾ=wahin	bi-d’ə-ŋnōgin]
FOC	тот=FOC.PEJOR	быть-IPFV-IMPERDIST.3SG

⁷⁹ [Lambrecht 1994: 223], пример (5.11), понимает под узким фокусом только фокусирование аргумента.

‘Пусть он живет!’ (2007, Эконда, Удыгир Виктор, сказка (Fsk3), 00:06:57.388)

v. hələ [tadū hārgi-mi ori-l-ča]
 вот там Харги-ATTEN.PEJOR звать-INCH-PTCP.ANT
 (Бог создал людей и оставил собаку на земле смотреть за ними, а сам ушел. А собаке велел не показывать людей никому) ‘Вот там-то черт [Харги] попросил: ...’ («Вот, покажи мне, где эти его [люди]») (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, сказка (FM1), предложение 48)

- (9) a. hələ [ətirkōn umnō bulta-nā-hi-ša]
 вот старик один раз добыть-PRGRN-INCEP-PTCP.ANT
 ‘Вот, старик однажды охотиться пошел.’ [начало сказки] (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, сказка (Fsk2), предложение 3)

b. hələ tuyi [magazin-dū əkun=dā ə-sō-n
 вот так магазин-DATLOC что=FOC NEG-PST-3SG
 is'ə-p-d'ə-mī] burduka=da hakim=da čaji-l'=da
 видеть-PASS-IPFV-CVB.COND мука-FOC сахар-FOC чай-PL=FOC
 (про военные годы) ‘Вот так, в магазине ничего не было видно, ни муки, ни сахара, ни чаев.’ (2007, Эконда, Панкагир Алексей, 00:08:32.175)

Примеры (8а-в) иллюстрируют эмфатическое выделение короткого предложения, а (9а-б) (тут больше всего подходит перевод ‘вот’) функция (h)ələ похожа на функцию коннектора: (h)ələ вводит новую тему и часто относится к предложению – нерасчлененной теме, являющимся широким фокусом (в смысле [Lambrecht 1994: 223], (5.12)). Мы будем считать, что при начальной позиции (h)ələ сферой действия (h)ələ является все предложение, и у (h)ələ широкий фокус. В случае эмфатического выделения предложения в (8а-в) предложение все же является нерасчлененной ремой, и тут, как и в (9а-б), представлен широкий фокус. Употребление (h)ələ в препозиции, как кажется, является инновацией, по крайней мере по сравнению с тем состоянием языка, который был зафиксирован Г.М. Василевич и И.В. Недялковым [Василевич 1940: 143-144; Nedjalkov 1997: 126-138].

В (8в) рассматривать первое слово tadū ‘там’ как отдельный фокус с препозитивным (h)ələ представляется сомнительным. Это обосновано, во-первых, отсутствием примеров на (h)ələ в препозиции к не начальному в клаузе и фокусируемому слову типа kantora в (7а) или tādū ‘там’ в (7б), и также тем, что первое полнзначное слово предложения в эвенкийском языке может фокусироваться независимо от наличия или отсутствия фокусирующих частиц – ср. данные [Nedjalkov 1997: 129-130], см. примеры И.В. Недялкова (10а) vs. (10б-в) и (10г) из корпуса с порядком V(S)O или OSV вместо (S)OV.

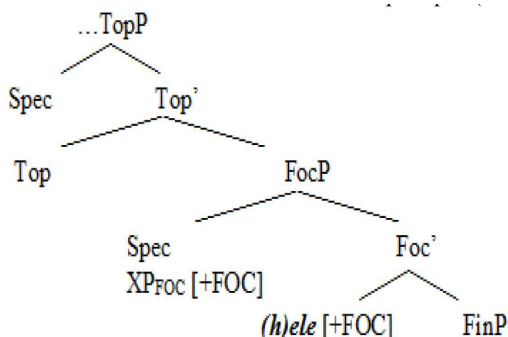
- (10) a. bəjūmimnī mōty-wa wā-rə-n [Nedjalkov 1997: 129] [SOV]
 охотник лось-ACC убить-PST-3PL
 ‘Охотник убил лося.’
 б. WĀ-RΘ-N bəjūmimnī mōty-wa [VSO]
 ‘УБИЛ охотник лося.’

в. MÖTY-WA bəjümimnī wā-rə-n
 ‘ЛОСЯ охотник убил.’

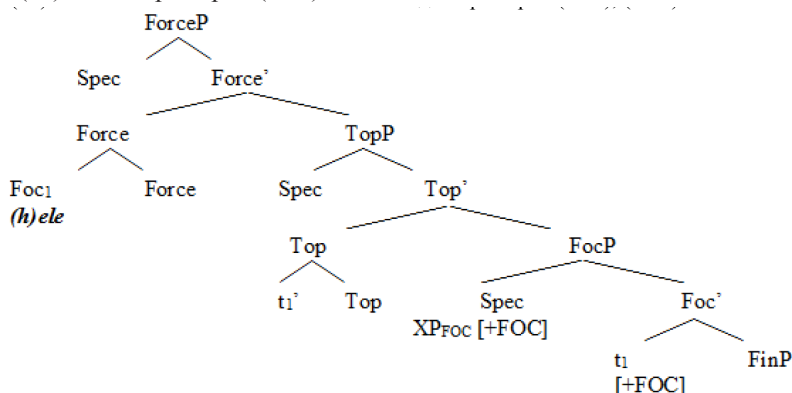
[OSV] 217

г. pəktəroni-ŋnə-Ø-ndə s'ipkan-mə [VO]
 выстрелить-НАВ-NFUT-2SG соболя-ACC
 (Собаки лают [на] соболя (SOV). Туда верховым [оленом] идешь. И
 тут же добываешь) ‘Стреляешь соболя.’ (2007, Чиринда, Хутогир Дмитрий,
 00:01:48.502)

Если исходить из того, что (h)ələ – это вершина Фос проекции FocP, которая ветвится вправо (см. выше), то при постпозиции формальная структура с (h)ələ будет (11a), а при препозиции (11б)⁸⁰.

(11) а. для примеров (8а-г)

(11) б. для примеров (8а-в), (9а-б)

⁸⁰ В (11б) (h)ələ перемещается в ForceP, а не в TopP, поскольку по функции (h)ələ в этих примерах – коннектор. Мы используем картографический подход без дополнительных расширений, не вводя специальных проекций для дискурсивных маркеров, ср. [Naegeman 2014].

Таким образом, (h)ələ – это фокусная частица (или клитика). Не имея самостоятельного ударения, стоя в постпозиции, (h)ələ присоединяется справа к слову или интонационной (и синтаксической) составляющей, которая образует фокус. При препозиции, выполняя функции коннектора и маркируя все предложение как широкий фокус, (h)ələ стоит в начале предложения. В этом случае (h)ələ должно быть проклитикой, а не энклитикой. Правомерен такой вопрос: действительно ли у (h)ələ в препозиции (в начале предложения) возникают свойства проклитики? Как кажется, примеры (8а-в) и (9а) доказывают это. В препозиции свойство клитизироваться предпочтительно к фокусированным словам или сочетаниям у (h)ələ, видимо, сохраняется: в (8а-б) клаузы ‘я догоню’ и ‘Пусть он живет!’ эмфатически выделяются, а в (8в) контрастивно выделяется tadū ‘там’ – слово, к которому (h)ələ клитизируется. В других примерах, таких как (9б), (h)ələ клитизируется к первому слову ‘старик’ – подлежащему.

Тем не менее, часто встречаются примеры, в которых (h)ələ образует интонационную составляющую с другим служебным словом. Ср. начальные сочетания типа hələ tui ‘вот так’ в (9б), где (h)ələ, клитизируясь к tui, входит как компонент в более сложный коннектор. В часто встречающихся сочетаниях tar (h)ələ ‘и вот, а вот’ (tar – ‘тот’), tāduk/tāduk (h)ələ ‘потом же’ можно усмотреть просодическую инверсию [Halpern 1995]. Однако доказать, что эта инверсия происходит, сложно, из-за того, что исходной для (h)ələ является постпозиция к фокусируемому слову, и можно также предположить, что в этих сочетаниях фокусируются tar ‘тот’ (отдельно от (h)ələ, tar тоже может быть коннектором) и коннектор tāduk/ tāduk ‘потом, тогда’⁸¹.

Еще более сложно вписать в наш анализ немногочисленные примеры типа (12а-б), в которых сферой действия (h)ələ, как кажется, является фокусируемая составляющая ([gil tar] ‘те другие’⁸² и [d'əwu-l-də-wəg wa-ši-l-dā-wəg] ‘чтобы съесть, поубивать’), и (h)ələ вроде бы должно стоять справа от нее, а вместо этого стоит внутри этой составляющей. В этих случаях говорить о просодической инверсии нельзя, скорее всего здесь на фонологическом уровне по какой-то причине происходит смена позиции (h)ələ.

⁸¹ В этих случаях все сочетание hələ tui, tar (h)ələ, tāduk/tāduk (h)ələ, является сложным коннектором и вводит широкий фокус.

⁸² В (12а) ясно видно, что фокусирующая функция (h)ələ распространяется не только на контрастный фокус (см. (7а-б), (7г)) или эмфатически выделенную составляющую (см. (7в), (7д), (8а-б)), но и на контрастный топик. Согласно работам [Василевич 1940: 143-144; Nedjalkov 1997: 126-138], в структуре предложения выделяется начальная позиция Foc/FocP, в которую попадает любая коммуникативно выделенная составляющая, в том числе эмфатически выделенные слова или контрастный топик/фокус. Позиции начального топика (TopP) в эвенкийском языке изначально, видимо, не было, а топик предложения стоял in-situ и мог маркироваться фокусной частицей =dV, =kV, =sV, =tV и др., см список частиц в работе [Nedjalkov 1997: 285-290]. Однако в результате влияния русского языка на эвенкийский порядок слов, на современном этапе можно говорить о проекции TopP. Подробнее см. [Рудницкая 2017, п. 4.2].

- (12) a. tar gē [gil hələ tar] hu du du
 тот другой.SLIP другой.PL FOC тот SLIP SLIP SLIP
 d'ūr omolgī-ši atirkān tar [hələ tug=dā] [hukulə-mñi-həl
 два сын-ATR старуха тот FOC так=FOC лечь-NMLZ-PL
 d'ukča-mi-kān-dū-wər mukurə-t-ta-Ø]
 чумовище-ATTEN-ATTEN-DATLOC-RFL.PL умереть-DISTR-NFUT-3PL
 (Раньше речь шла о бедных соседях, которые стали жить лучше, а теперь
 про богатых) 'А вот эти вторые, старуха с двумя сыновьями, так, лежа,
 поумирали в своем чумике.' (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, сказка
 (Fsk6), предложение 76: 04:43 – 04:45)

b. ā-hin-da-ja-tin alāši-l-ča-l
 спать-INCEP-NMLZ-PART-PS.3PL ждать-INCH-PTCP.ANT-PL
 [d'əwu-l-də-wər ələ
 съесть-INCH-CVB.PURP-RFL.PL FOC
 wa-ši-l-dā-wər]
 убить-DISTR-PL-CVB.PURP-RFL.PL
 (Людоеды, напавшие на старика и старуху, пришли к ним ночью и
 спрятались во дворе) 'Стали ждать, пока те уснут, чтобы съесть,
 поубивать.' (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, сказка (Fsk3),
 предложение 14: 00:50 – 00:54)

4. Выводы

Мы рассмотрели 'словообразовательную частицу', или деривационный аффикс с рестриктивным значением -riktV- и фокусирующую частицу (h)ələ. Деривационный статус показателя с рестриктивным значением – типологически редкое явление даже для алтайских языков. Мы предлагаем считать -riktV- вершиной Delim проекции DelimP. На уровне словоформы, к которой относится -riktV-, предлагается использовать структуры, ветвящиеся влево (такое ветвление считается исторически свойственным алтайским языкам, а в некоторых из них оно сохраняется и сейчас). (H)ələ же в первую очередь фокусирующая частица, чаще всего стоящая справа от фокусируемого слова или составляющей (узкого фокуса). Мы предлагаем считать (h)ələ вершиной Foc в группе FocP в Split-CP. В Split-CP в эвенкийском, по крайней мере на современном этапе, последовательно используется ветвление вправо. Также (h)ələ может использоваться как коннектор 'вот', стоящий в начале предложения и вводящий новую тему или этап повествования. В этом случае мы предлагаем считать, что (h)ələ вводит широкий фокус.

Литература

- Василевич 1940 — Василевич Г.М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгис, 1940.
 Василевич 1958 — Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИС, 1958.
 Константинова 1964 — Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964.

Константинова 1968 — Константинова О.А. Эвенкийский язык // Языки народов СССР. Т. V. М.: Изд. АН СССР, 1968. Сс. 68–87.

Колесникова 1966 — Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966.

Мальчуков 2008 — Мальчуков А.Л. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.

Мыреева 2004 — Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004.

Рамстедт 1957 — Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Н.А. Баскаков (ред.). М.: Изд. иностр. лит., 1957.

Рудницкая 2016 — Рудницкая Е.Л. Особенности употребления грамматических средств в эвенкийском языке в устных рассказах 2005–2011 гг. на примере фокусных частиц. Родной язык. 2016. № 2 (5). Сс. 113–142.

Рудницкая 2017 — Рудницкая Е.Л. Актуальное членение и порядок слов в устном эвенкийском языке (на материале устных рассказов на эвенкийском языке 2005–2011 гг.). OmniScriptum Publishing group. Beau Bassin: Palmarium, 2017. Электронное издание.

Сидельцев 2016 — Сидельцев А.В. Структура простого предложения в хеттском языке: Формальный, функциональный и диахронический анализ на типологическом фоне. Дисс. на соискание степени докт.филол.наук. М.: ФГБУН ИЯз, 2016.

Суник 1962 — Суник О.П. 1962. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.–Л.: Изд. Акад. Наук СССР, 1962.

Cho, Sells 1995 — Cho Y.-M., Sells P. A lexical account of inflectional suffixes in Korean. Journal of East Asian Linguistics. 1995. Vol 4. No 2. Pp. 119–174.

Akaso, Haraguchi 2011 — Akaso, N., Haraguchi T. On the Categorical Status of Japanese Relative Clauses. English Linguistics. 2011. Vol. 28. No 1. Pp. 91–106.

Dryer 2013 — Dryer M.S. Order of Subject, Object and Verb. The World Atlas of Language Structures Online. M.S. Dryer, S. Matthew, M. Haspelmath (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.

URL: <http://wals.info/chapter/81> (2017-03-30.)

Haegeman 2014 — Haegeman L. West Flemish verb-based discourse words and the articulation of the speech act layer. Studia Linguistica. 2014. Vol. 68. No 1. Pp. 116–139.

Halpern 1995 — A. Halpern. On the Placement and Morphology of Clitics. Stanford: CSLI, 1995.

Hiraiwa 2002 — Hiraiwa K. Facets of Case: On the nature of the Double-O Constraint. The proceedings of the 3rd Tokyo Psycholinguistics Conference (TCP 2002). Otsu Y. (ed.). Tokyo: Hituzi Publishers, 2002. Pp. 139–163.

Ko, Sohn 2015 — Ko H., Sohn D. Decomposing complex serialization. The role of v. Korean linguistics. 2015. Vol. 17. No 1. Pp. 78–125.

Lambrecht 1994 — Lambrecht K. Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus and the mental representations of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Nedjalkov 1997 — Nedjalkov I. Evenki. London–New York: Routledge, 1997.

Источники

1. Малые языки Сибири: наше культурное наследие. URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/> (эвенкийская часть корпуса создана Е.Л. Клячко с участием Н.К. Митрофановой).

Глоссы и другие сокращения

1 — 1-е лицо, 2 — 2-е лицо, 3 — 3-е лицо, ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ADVZ — показатель адвербиализации, ANT — (причастие) предшествования, ATR — атрибутив, ATTEN — аттенуатив, COND — условный (конверб), CVB — конверб (деепричастие), DATLOC — датив-локатив, DELIM — именной рестриктивный или кванторный (показатель), DISTR — дистрибутив, DUR — дуратив, EX — эксклюзивное (местоимение), FOC — энклитика или частица, маркирующая фокус или коммуникативное выделение, FUT — будущее (время), HAB — хабитуалис, IMPER — императив 1, IMPERDIST — императив 2 (отдаленное будущее), IN — инклюзивное (местоимение), INCER — инцептив, INCH — инхоатив, INST — инструменталис, IPFV — имперфектив, LOCAL — локатив-аллатив, NEG — отрицание, NFUT — небудущее (время), NMLZ — показатель номинализации, PART — партитив, PASS — пассив, PEJOR — пейоратив, PL — множественное число, PRGRN — перигринатив, PS — посессивный (аффикс), PST — прошедшее (время), PTCP — причастие, PURP — (конверб) цели, RFL — рефлексив, SG — единственное число, SIM — (конверб) одновременности, SLIP — оговорка, TMP — временной атрибутив (или номинализация со значением времени).

LR, LR1..., LAv, L-transl, FM1..., FSk1... — рабочие названия рассказов и сказок в корпусе

Аппроксимативные количественные конструкции как контекст для именных групп малой структуры в мокшанском и горномарийском языках

Данное исследование посвящено структуре аппроксимативных количественных конструкций в мокшанском и горномарийском языках. Квантифицирующие элементы количественных конструкций могут иметь различный категориальный статус, а показатель приближенности может занимать различные структурные позиции в именной группе. Согласно предложенному анализу, в одних языках аппроксимативный показатель может присоединяться лишь к числительным и именным квантификаторам, тогда как в других – оформлять небольшие группы лексических существительных, являясь тем самым контекстом для групп малой структуры.

Ключевые слова: мокшанский, горномарийский, финно-угорские языки, синтаксис, именная группа, формальный подход, приближенность, числительные, количественные конструкции, псевдопартитивные конструкции.

This paper deals with syntactic structure of Quantified Expressions (with numerals and nominals quantifiers as well) in Moksha Mordvin and Hill Mari. Firstly, such quantifiers may belong to different morphosyntactic categories. Secondly, approximative marker occupies different positions within NPs. According to our analysis, some languages allow such marker to attach merely to numerals or nominal quantifiers. In other languages, approximative marker follows after a whole NP, being a context for small nominals.

Keywords: Moksha Mordvin, Hill Mari, Finno-Ugric languages, syntax, noun phrase, generative approach, approximative constructions, numerals, quantified expressions, pseudopartitive constructions.

1. Введение

В данной статье речь пойдет об устройстве аппроксимативных количественных конструкций (АКК) в двух родственных финно-угорских языках: мокшанском и горномарийском. Для обоих языков существуют описательные

⁸³ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-24-17003.

⁸⁴ Исследование поддержано грантом РФФИ 16-06-00536а.

грамматики, однако до сих пор их богатейший материал недостаточно вовлечен в работы формальной парадигмы. Ниже предлагается анализ с позиций генеративного подхода к структуре как именной группы (ИГ) в целом, так и количественных конструкций (КК) в частности. Исследование проводилось на основе материалов, собранных в ходе экспедиций в с. Лесное Цибаяево, с. Лесное Ардашево и деревню Лесные Сияли Темниковского р-на Республики Мордовия (мокшанский язык) в 2014–2017 гг., а также в с. Кузнецово и близлежащие деревни (Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды, Кожланангер) Горномарийского р-на Республики Марий Эл (горномарийский язык) в 2016–2017.⁸⁵

2. Структура ИГ

В генеративной грамматике ИГ принято представлять как группу лексического существительного, вложенную в ряд функциональных проекций, каждая из которых отвечает за некоторые грамматические характеристики: например, числовые (NumP) или референциальные (DP)⁸⁶. Поскольку проекция детерминатора DP была разработана на материале языков с артиклями [Abney 1987], [Szabolcsi 1984], до сих пор ведутся споры по поводу универсальности этой проекции и ее существования в безартиклевых языках. Мы принимаем гипотезу об универсальности DP [Longobardi 1994], [Pereltsvaig 2007], [Лютикова 2017] и предполагаем, что она есть в каждом языке. При этом в рамках одного языка могут сосуществовать группы как полной (DP), так и меньшей структуры (small nominals) [Pereltsvaig 2006].

В [Плешак 2017] на основе данных именной морфологии, а также исследования порядка зависимых предлагаются иерархические модели структуры ИГ для каждого из языков. Обобщая приводимые там данные и идеи, продемонстрируем структуры в (1) и (2) для мокшанского и горномарийского соответственно.

[al'a-nc Num+PossP]-ø _{DP}]	[al'a [[al'a	kud NP]-ø _{NumP}]-ənzə
отец-3SG.POSS.SG.GEN		дом
-3SG.POSS.PL		
‘Дома его отца’		

[ät'ä-žə'n отец-POSS.3SG-GEN	[ät'ä	[[ät'ä toma _{NP}]-vlä _{NumP}]-žə' _{PossP}]-ø _{DP}]
-POSS.3SG		дом
		-PL
‘Дома его отца’		

Доказательство наличия проекции DP в мокшанском и горномарийском выходит за рамки данной статьи. Значительная часть этой работы проделана в [Плешак 2017], куда мы и отсылаем читателя за подробностями. Однако поскольку само существование контраста между группами большей и меньшей структуры в рамках одного языка является для настоящего исследования

⁸⁵ О горномарийской экспедиции МГУ: <http://hillmari-exp.tilda.ws/>

⁸⁶ Принцип расширенной проекции был предложен в [Grimshaw 1991].

важным, ниже приведены примеры групп малой структуры в противопоставлении с полными DP.

Наиболее удобный контекст для этого представляют неоформленные прямые дополнения. Так, в мокшанском языке они являются группами NumP, поскольку присоединяют показатель числа (3)а, но не могут быть маркированы ни падежом (3)б, ни посессивностью (3)с, а также не вызывают согласования на глаголе (ср. (3) с полными DP в (4)).

- a. vas'ε luv-i / *luv-si kniga-t
Вася читать-NPST.3SG читать-NPST.3SG.S.3SG.O книга-PL
'Вася читает книги'.
- b. vas'ε luv-i / *luv-si kniga / *kn'iga-n'
Вася читать-NPST.3SG читать-NPST.3SG.S.3SG.O книга книга-GEN
'Вася читает книгу'.
- c. *vas'ε luv-i / luv-si kn'iga-z'ə
Вася читать-NPST.3SG читать-NPST.3SG.S.3SG.O книга-1SG.POSS.SG
'Вася читает мою книгу'.
- vas'ε luv-si / *luv-i kn'iga-z'ə-n'
Вася читать-NPST.3SG.S.3SG.O читать-NPST.3SG книга-1SG.POSS.SG-GEN
'Вася читает мою книгу'.

В горномарийском языке неоформленные прямые дополнения встречаются только при нефинитных формах, но они подчиняются тем же принципам. Неоформленное прямое дополнение может маркироваться числом (5)а, но при наличии посессивного показателя, оно обязано оформляться и падежом – быть полной DP (5)б.

- a. mən' pet'a-n kn'igä-vl näl-mə-žə-m a-m tumajə
я Петя-GEN книга-PL взять-NMZ-POSS.3SG-ACC NEG.NPST-1SG думать
'Я не думаю, что Петя возьмёт эти книги'.
- b. mən' pet'a-n kn'igä-et-*(əim) näl-mə-žə-m a-m
я Петя-GEN книга-POSS.2SG-ACC взять-NMZ-POSS.3SG-ACC NEG.NPST-1SG
думать
'Я не думаю, что Петя возьмёт твою книгу'.

Подробнее о свойствах неоформленного прямого дополнения в финно-угорских языках можно прочесть в [Сердобольская, Толдова 2012]. При этом в обоих языках, согласно [Плешак 2017], существуют и другие контексты для групп малой структуры. В мокшанском языке таковыми являются атрибутивные «гениитивные» зависимые, косвенные дополнения и дистрибутивные количественные конструкции. В горномарийском языке в качестве групп малой структуры выделяются зависимые в генитиве материала и группы с атрибутивизаторами.

Среди работ по типологии количественных конструкций лишь немногие посвящены детальному анализу аппроксимативных конструкций. Особый интерес для многих исследователей представляет такое редкое явление, как аппроксимативная инверсия (в типологии засвидетельствовано только три языка с такой стратегией выражения приблизительности – русский, коми-зырянский и бенгали, см. [Иншакова 2014]). Анализ аппроксимативной инверсии в русском языке нашел отражение во многих работах (см. среди прочих [Babby 1985], [Yadrof 1999], [Иншакова 2014]). Однако, как мы покажем далее, при анализе данных финно-угорских языков сложно опираться лишь на структуру, предложенную на русском материале. В работе [Рудницкая, Хван 2010] был предложен формальный анализ аппроксимативных конструкций в корейском языке. Однако синтаксис количественных конструкций в языках с классификаторами существенно отличается от уральских языков (например, в КК в таких языках возможен или даже является предпочтительным другой порядок слов). Таким образом, мы не можем объяснить наблюдаемые в мокшанском и горномарийском явления, опираясь лишь на готовые варианты анализа аппроксимативных конструкций в других языках.

При построении анализа для изучаемых языков мы будем опираться на следующие идеи. Во-первых, при анализе количественных конструкций, как правило, постулируется отдельная проекция, отвечающая за исчисляемость. В [Borer 2005] это проекция ClassP, находящаяся ниже проекции числа (#P). В анализе, предложенном в [Yadroff 1999], это проекция MeasP, являющаяся обязательным элементом DP, также находящаяся ниже проекции числа (NumP), но выше NP, а в [Rothstein 2012] показан анализ числительных как вершин проекции исчисляемости.

В мокшанском и горномарийском языках числительные могут выступать в группах, меньших, чем NumP, из чего следует, что они порождаются ниже, предположительно, как раз в проекции исчисляемости ClassP. В мокшанском и горномарийском числительные различаются по своим синтаксическим свойствам и, таким образом, занимают различные позиции в дереве, о чем будет подробнее сказано в разделе 6. Также в нашем анализе найдет отражение идея о том, что модификатор псевдопартитивной конструкции может анализироваться как некоторая фразовая составляющая в спецификаторе именной группы (см. [Bartee, Borschev 2012]).

4. Стратегии выражения приблизительности в мокшанском и горномарийском языках

Среди предшественников, изучавших числительные в финно-угорских языках, немногие исследователи подробно останавливаются на способах выражения приблизительности. В связи с этим особенно важна работа

[Стрелкова 2013], где не только подробно описаны способы выражения приблизительности в удмуртском языке, но и приведены параллели из многих генетически и ареально близких языков.

В текущем исследовании мы сосредоточимся лишь на двух аппроксимативных показателях – *-ška* в мокшанском и *näḡə* в горномарийском, поскольку именно у них есть ряд схожих синтаксических особенностей. В данном разделе мы кратко осветим вопрос о том, какое место занимают изучаемые нами средства выражения приблизительности в существующей классификации в системе мокшанского и горномарийского языков.

Таблица 1

Тип:	Способ:	МОКШАНСКИЙ	ГОРНОМАРИЙ-СКИЙ
Морфологический	Аффиксы	<i>-ška</i> – EQU (Продуктивен)	<i>-rak / -rāk</i> – CMPR-la / <i>-lā</i> – EQU (Довольно ограничены)
Синтаксический	Сочинение числительных	+	+
	Послелог	Отсутствует	<i>närä, kə̌la</i>
	Препозитивные частицы	Отсутствует	<i>iktä</i>
	Инверсия	Отсутствует	Отсутствует
	Комбинация способов	+	+
Прочее	Аппроксимативное множественное число	Отсутствует	Отсутствует

Таблица 1. Стратегии, реализующиеся в мокшанском и горномарийском.

Примечания. EQU – показатель экватива (падеж, обозначающий одинаковую степень проявления признака). CMPR – показатель компаратива (сравнительная степень).

Как видно из Таблицы 1, в мокшанском языке инвентарь способов существенно меньше, чем в горномарийском. Показатель *-ška* является основным средством выражения приблизительности. В системе горномарийского показатель *näḡə* покрывает значительный класс контекстов, однако прочие показатели частично покрывают те же контексты. В (6) и (7) приведены примеры употребления рассматриваемых показателей. В первом приближении можно отметить, в мокшанском языке показатель приблизительности маркирует, в первую очередь, числительное, однако может присоединяться ко всему количественному слоту. В горномарийском, напротив, показатель в аналогичной конструкции не может разрывать количественный слот и присоединяется ко всему комплексу, состоящему из числительного и единицы измерения.

son jota-s' kolmā-ška vajgel'bə /
он пройти-PST.3SG три-EQU километр
'Он прошел три километра'.

OKkolmā vajgel'bə-ška
три километр-EQU

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

tädə kām uštəš nārə-m / *kām(-əṭ) nārə uštəš-əm ašked-ən
тот три километр APPR-ACC три(-FULL) APPR километр-ACC пройти-PRT[3SG]
'Он прошел три километра'.

5. Устройство количественных конструкций в мокшанском и горномарийском

В языках мира существуют две основные стратегии числового маркирования существительного в КК (см. [Corbett 2000: 211–218]): в одном случае числительное «навязывает» существительному показатель множественного (или двойственного и др.) числа, как, например, в английском, в другом случае – допускает только форму единственного числа, как это происходит во многих финно-угорских языках. Существуют и языки, использующие «смешанную» стратегию, при которой оба варианта являются равноправными, и выбор числового показателя регулируется сложным набором правил. Согласно [Greenberg, Kemmer 1990: 300], если в некотором языке выбор формы в КК регулируется набором правил, то очень вероятно, что при меньших числительных будет множественное, а при больших – единственное число. Это связано с тем, что во многих языках количественные числительные с различным арифметическим значением принадлежат к разным морфосинтаксическим классам.

5.1. Мокшанский язык

5.1.1. Числительные и другие квантификаторы

Мокшанский язык принадлежит к третьей, «смешанной» группе: в конструкциях с числительными до 10 включительно, реферирующих к более чем одному объекту, предпочитается маркирование множественным числом (8), при всех остальных – единственным (9).

vet'ə	katə-t	ud-iĵ-t'
пять	кошка-PL	спать-NPST.3PL

'Пять кошек спят'.

kivet'ijə	katə	ud-i
пятнадцать	кошка[SG]	спать-NPST.3SG

'Пятнадцать кошек спят'.

Однако это не единственный фактор, влияющий на выбор граммы числа в КК. Значимыми являются также референциальные характеристики ИГ. В определённых ИГ вне зависимости от арифметического значения числительного выбирается показатель множественного числа.

kivet'ijə	katə-t'n'ə	ud-ij'-t' /	*katə-s'	ud-i
пятнадцать	кошка-DEF.PL	спать-NPST.3-PL	кошка-DEF.SG	спать-NPST.3SG
‘Пятнадцать кошек спят’.				

Именные квантификаторы в мокшанском языке не вызывают маркирования существительного показателем множественного числа. Таким образом, подтверждается закономерность, засвидетельствованная ранее в типологии количественных конструкций (см. напр. [Corbett 1979], [Гращенков 2002]): числительные с большим арифметическим значением чаще всего обладают большим количеством субстантивных свойств.

vas'ε	kan'-c'	stakan	ksti	/	*ksti-ŋt'
Вася	принести-PST.3SG	стакан	ягода[SG]		ягода-PL
‘Вася принес стакан ягод’.					

5.1.2. Приблизительность

Приблизительность можно рассматривать как еще один фактор, мотивирующий выбор числового показателя. При маркировании числительного показателем -ška показатель множественного числа запрещается также вне зависимости от арифметического значения числительного.

a. son	t'erd'-i	kolmə	lomat'-t'	/	*loman'
он	позвать-NPST.3SG	три	человек-PL		человек[SG]
‘Он зовёт трёх человек’.					
b. son	t'erd'-i	kolmə-ška	loman'	/	*lomat'-t'
он	позвать-NPST.3SG	три-EQU	человек[SG]		человек-PL
‘Он зовёт около трёх человек’.					

Из примеров (12a) и (12b) неочевидно, используется ли в таких конструкциях форма единственного числа или немаркированная форма. Однако в посессивном склонении в контексте приблизительности мы видим форму с открытым показателем единственного числа. Таким образом, мы видим, что в контексте приблизительности также выбирается форма единственного числа.

mon'	kolmən'gemən'-čka	kn'iga-z'ə	/	*kniga-n'ə
я.OBL	тридцать-EQU	книга-1SG.POSS.SG		книга-1SG.POSS.PL
‘тридцать моих книг’				

Как видно из примеров (12) и (13), в АКК допускаются существительные основного и посессивного склонения. Признаки, задаваемые указательным склонением, вступают в конфликт с признаками, задаваемыми приблизительностью. Тем не менее, показатели определённости на вершине модифицируемой ИГ для части носителей возможны, однако на данный момент неясна интерпретация таких примеров. По этой причине анализируются только ИГ в неопределённых контекстах.

5.2. Горномарийский язык

5.2.1. Числительные и другие квантификаторы

Выбор числового показателя в горномарийском языке не зависит от арифметического значения числительного. Существительное, как правило, имеет форму единственного числа. Таким образом, в первом приближении горномарийский можно отнести к языкам, использующим только одну стратегию (детализация правил, определяющих выбор показателя, находится за рамками данной работы, большие данных о горномарийской системе можно найти в [Сидорова 2016]).

olmavu-štə kām olma keč-ä / *kām olma-vlä keč-ä-t
яблоня-IN 3 яблоко[SG] висеть-NPST.3SG 3 яблоко-PL висеть-NPST.3PL
'На яблоне висят три яблока'.

olmavu-štə vəc-lə olma keč-ä / *vəc-lə olma-vlä keč-ät
яблоня-IN 5-10 яблоко[SG] висеть-NPST.3SG 5-10 яблоко-PL висеть-NPST.3PL
'На яблоне висят пятьдесят яблока'.

Важное отличие горномарийской системы от мокшанской состоит в наличии полных форм у некруглых числительных. Полные формы обладают дистрибуцией полных именных групп, тогда как краткие занимают позицию в спецификаторе ИГ. Таким образом, краткие формы числительных обладают наименьшим количеством субстантивных свойств, полные формы – наибольшим, а круглые числительные, не имеющие специализированных краткой и полной формы, сочетают в себе и те, и другие свойства (см. подробнее в [Сидорова 2017]).

НЕКРУГЛЫЕ

tə-štə	vəc	/	*vəž-ət	sola	əl-eš
тот-IN	5		5-FULL	деревня	быть-NPST.3SG

'Там пять деревень'.

a. -ma-n'ar? vəž-ət / *vəc.
что-APPR 5-FULL 5

b. -ma-n'ar? vəc sola.
что-APPR 5 деревня
'Сколько? Пять / пять деревень'.

КРУГЛЫЕ

tə-štə	šüdə	sola	əl-eš.
тот-IN	100	деревня	быть-NPST.3SG

'Там сто деревень'.

- a. -ma-n'ar? šüdä.
 что-APPR 100
- b. -ma-n'ar? šüdä sola.
 что-APPR 100 деревня
 'Сколько? Сто / сто деревень'.

Псевдопартитивные конструкции в горномарийском языке устроены схожим образом: квантификатор предшествует числительному. И в конструкциях с числительными, и в конструкциях с именными квантификаторами морфосинтаксическим локусом является существительное.

- tädä stopka sәšer-әm jü-n
 тот стакан молоко-ACC пить-PRT
 'Он выпил стакан молока'.
- mәn' kok knigä-žә-m kand-en-äm.
 я 2 книга-POSS.3SG-ACC приносить-PRT-1SG
 'Я принес две его книги'.

5.2.2. Приблизительность

Далее речь пойдет об АКК в горномарийском языке. Именно в таких конструкциях, как мы покажем далее, обнаруживается различие между числительными с различным арифметическим значением.

Вся структура, находящаяся под послелогом närgә, является меньшей, чем проекция числа, поскольку запрещается маркирование числа и посессивности на единицах, занимающих позицию линейно левее närgә.

- aјo-škә milion edem / *edem-vlä närgә tol-әт
 праздник-ILL миллион человек[SG] человек-PL APPR прийти-NPST.3PL
 'На праздник приходит около миллиона человек'.

- šәžar-em vәс plat'ә närgә-m / *plat'-em närgә-m
 младшая.сестра-POSS.1SG пять платье APPR-ACC платье-POSS.1SG APPR-ACC
 kәškәd-әn
 порвать-PRT
 'Моя сестра порвала около пяти платьев / моих платьев'.

Показатель närgә способен занимать различную линейную позицию в зависимости от числительного. При некруглых числительных возможно два варианта: närgә может оформлять только само числительное (при полной форме, проявляющей наибольшее количество субстантивных свойств) или же всю ИГ (при краткой форме числительного)⁸⁷. При круглых числительных большинство носителей допускает только оформление только самого числительного.

⁸⁷ Это наблюдение касается в первую очередь некруглых числительных первого десятка. У некруглых числительных за пределами первого десятка есть ряд дополнительных морфосинтаксических особенностей.

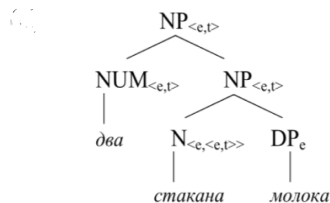
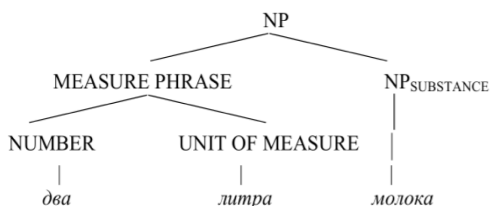
pu-aj mǎ-lǎn-em vǎz-ǎt nǎrǎ tǎḡǎr-vlǎ-m / vǎc tǎḡǎr
 дать-IMP.POL я-DAT-POSS.1SG пять-FULL APPR рубашка-PL-ACC пять рубашка
 nǎrǎ-m
 APPR-ACC
 ‘Дай мне рубашек пять’.

lapka-škǎ kok tǎžem nǎrǎ knigǎ-m / ??kok tǎžem knigǎ nǎrǎ-m
 магазин-ILL два тысяча APPR книга-ACC два тысяча книга APPR-ACC
 kand-en-ǎt
 нести-PRT-3PL
 ‘В магазин привезли около тысячи книг’.

Составляющая, к которой присоединяется nǎrǎ, может быть и ИГ, но она должна быть маленького размера – не больше, чем NP, тогда как в случае, когда nǎrǎ оформляет только квантифицирующую группу, вся полная ИГ может быть любой, даже большей, чем NumP (ср. употребления в (25)).

6. Анализ

Предлагаемый ниже анализ опирается на идеи, изложенные в [Partee, Borschev 2012] о возможном наличии двух различных структур при различных семантических прочтениях псевдопартитивных конструкций (ППК) – конструкций с именными квантификаторами (см. (11), (21)). Так, если прочтение ориентировано на саму меру, мы имеем дело со сложным квантификатором – группой MeasP, состоящей из квантифицирующего аргумента и его модификаторов, которая, уже будучи собранной, присоединяется в качестве зависимого к группе квантифицируемого элемента. В свою очередь при прочтении, ориентированном как на меру (контейнер), так и на содержимое, сперва соединяются квантифицируемый и квантифицирующий элементы, и лишь затем добавляется числительное. Структуры для обоих случаев приведены в (I) и (II) соответственно. Отмечается также, что для таких мерных слов, как литр (в отличие от стакан) возможны только интерпретации типа (I).

(I) (Partee, Borschev 2012; 12)

(II) (Partee, Borschev 2012; 13)

В данной статье мы будем основываться на структуре, предложенной для первого из двух случаев. Вторая из структур нерелевантна для исследуемых языков по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от русского языка,

как показано в примерах (21)–(22), именно квантифицируемый элемент является локусом морфосинтаксического кодирования, то есть вершиной группы. Во-вторых, даже при прочтении, ориентированном на контейнер вместе с содержимым, возникают явные свидетельства того, что числительное является модификатором именно мерного слова, как, например, требование на последнем множественного числа при малом числительном (28). Ниже мы попытаемся предложить собственный вариант анализа таких случаев.

МОКШАНСКИЙ

kaftə stakat-t lofcə ašč-i / ašč-iǰ-t' morkš lank-sə
 два стакан-PL молоко находиться-NPST.3SG находиться-NPST.3-PL стол на-IN
 'Два стакана молока стоят на столе'.

При выборе стратегии анализа собственно аппроксимативности мы исходили из того, что мокшанский и горномарийский – языки левого ветвления, где по меньшей мере функциональные вершины должны располагаться справа. Это создает большие трудности при попытке анализа с передвижением, который можно было бы предположить, исходя из различного положения показателя приблизительности относительно мерных слов (см. также анализ с передвижением для аппроксимативных ИГ в русском языке [Yadroff 1999]). Кроме того, если объяснять попадание мерного слова в модифицирующую группу посредством передвижения, потребовалось бы не вполне удобное передвижение вершины в вершину группы в собственном спецификаторе. Принимая во внимание эти оговорки, мы основываем наш анализ не на передвижении, а на дистрибутивных ограничениях аппроксимативной вершины.

Как уже упоминалось выше, функциональные вершины в мокшанском и горномарийском языках должны располагаться справа. Однако при анализе аппроксимативных КК обнаруживается, что в некоторых случаях вершинные свойства распределены между различными элементами.

В [Riemsdijk 1998] постулируются полуфункциональные вершины. Согласно теории, изложенной в упомянутой работе, в проекции может быть более одной вершины, при этом сами полуфункциональные вершины разделяют признаки как лексических, так и функциональных вершин. Похожая идея была высказана в [Matushansky 2004, 2005], где с точки зрения формальной семантики числительные предлагается анализировать как лексические вершины с семантическим типом модификаторов.

Эти допущения помогают объяснить многие явления мокшанского и горномарийского языков. В частности, такие категории, как указательные местоимения, кванторы и числительные могут анализироваться как полуфункциональные вершины (см. также [Плешак 2017] и [Сидорова 2017]). В отличие от функциональных вершин, они располагаются слева.

Таким образом, внутри количественных конструкций существуют вершины различных типов. В Таблице 2 приведена трехчастная иерархия элементов

КК для горномарийского языка. На одном конце располагаются существительные типа *knigä* ‘книга’ – лексические вершины (+N), не обладающие квантифицирующими свойствами (-Q) и проецирующие NP. Ко второй группе элементов отнесены конвенционализированные единицы измерения типа ‘километр’, имеющие только мерную интерпретацию. Они являются вершиной MeasP (группы квантификатора). На правом конце находятся числительные типа *kok* ‘два’, выступающие в приименной позиции в своей краткой форме, и обладающие квантифицирующими свойствами (+Q), но не являющиеся настоящими лексическими вершинами (-N). Они как раз представляют собой полуфункциональные вершины, не проецирующие собственной группы. Между этими полюсами находятся единицы типа *mešäk* ‘мешок’ и числительные типа *təžem* ‘тысяча’ (а также полные формы некруглых числительных типа *kok-tə* (два-FULL) ‘два’), которые могут попадать в различные «группы» в зависимости от интерпретации.

Таблица 2

i. (+N, -Q): ср. <i>knigä</i> ‘книга’ >>	ii. (+N, + Q): ср. <i>kilometär</i> ‘километр’ >>	iii. (-N, +Q): <i>kok</i> ‘2’
(+N, -Q) / (+N, + Q): Единицы типа <i>mešäk</i> ‘мешок’		
	(+N, + Q) / (-N, +Q): Единицы типа <i>təžem</i> ‘тысяча’	

Таблица 2. Иерархия вершин для горномарийского языка.

Существительные типа ‘мешок’ (окаzionaliальные единицы измерения; как правило, к этой категории относятся различные контейнеры) могут принадлежать к первой или ко второй группе, поскольку имеют как мерную интерпретацию (могут быть квантификатором), так и интерпретацию контейнера без содержимого, как обычные существительные. Что касается второй группы промежуточных случаев, круглых числительных, то эти единицы обладают бóльшим количеством субстантивных свойств, чем некруглые числительные (см. подробнее об этом в [Сидорова 2017]). Это свойство позволяет им не только быть полуфункциональными вершинами при группе лексического существительного, но и проецировать группу квантификатора. Ниже на примерах будут проиллюстрированы основные свойства этих единиц.

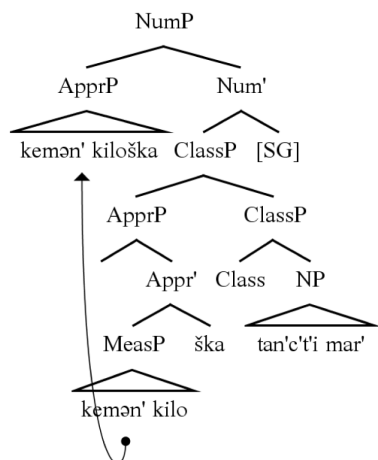
6.1. Анализ аппроксимативных ИГ в мокшанском языке

В мокшанском языке только конвенционализированные меры могут соединять показатель приблизительности (обokkaциональных мерах речь пойдет ниже). Таким образом, мы предполагаем, что в этом случае проекция приблизительности является расширенной проекцией MeasP. Структура для (28) представлена в (III).

min’	mi-mə	kemən’	kilo-ška	tan’c’t’i	mar’
мы	продать-PST.1PL	десять	килограмм-EQU	вкусный	яблоко

‘Мы продали около десяти килограммов вкусных яблок’.

(III)

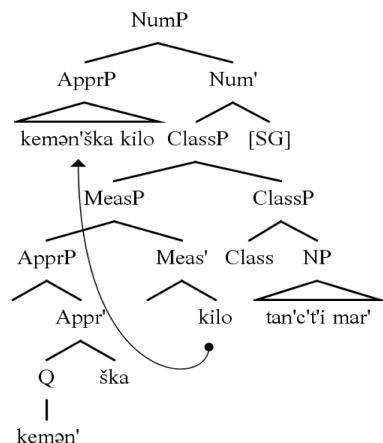

В (III) также показано, что сама группа MeasP порождается в Spec,ClassP – спецификаторе проекции, отвечающей за исчисляемость. Потом вся расширенная проекция поднимается в Spec,NumP для осуществления согласования по единственному числу.

Модификация MeasP – не единственная опция для вершины приблизительности. Аппроксимативный показатель может также надстраиваться над вершиной числительного – Q. В этом случае группа приблизительности ApprP сама является модификатором MeasP. И уже собранная целиком MeasP двигается в Spec,NumP для согласования. Соответствующая структура для (29) изображена в (IV).

min' mi-mə kemən'-ška kilo tan'c't'i mar'
мы продать-PST.1PL десять-EQU килограмм вкусный яблоко
'Мы продали около десяти килограммов вкусных яблок'.

(IV)

Теперь следует перейти к вопросу о том, какова структура ППК в случае с окказиональными мерами. В мокшанском в случае ориентированности только на меру (30) (ср. на неё вместе с содержимым (31)) окказиональные меры также присоединяют показатель приближительности и ведут себя точно так же, как конвенционализированные единицы измерения в (IV).

puɾç-kɛ-s' kemən'-ška mešok / kemən' mešok-əška mar'an' pitn'ə-sə
 поросёнок-DIM-DEF.SG десять-EQU мешок десять мешок-EQU яблоко цена-IN
 'Поросёнок стоит, как примерно десять мешков яблок'.

s'in' usk-s'-t' bazar-u kemən'-ška mešok /
 они взять-PST.3-PL базар-LAT десять-EQU мешок
 *kemən' mešokə-ška tan'c't'i mar'
 десять мешок-EQU вкусный яблоко
 'Они привезли на базар около десяти мешков вкусных яблок'.

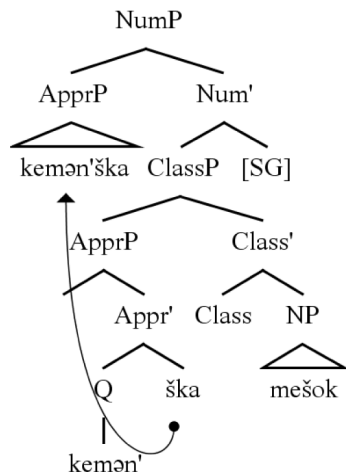
Контейнеры проецируют группу лексического существительного NP, не способную иметь расширенную проекцию приближительности ApprP (поскольку сам по себе контейнер не может быть подвержен квантификации). Таким образом, для них применим только такой вариант анализа, как в (IV). Можно было бы предположить, что контейнеры просто не проецируют отдельной группы, однако это бы противоречило данным, как показано в примере (27).

В простых, не псевдопартитивных КК показатель приближительности никогда не присоединяется к лексической вершине.

mon sta-n' kemən'-ška mešok / *kemən' mešok-əška
 я шить-PST.1SG десять-EQU мешок десять мешок-EQU
 'Я сшила примерно десять мешков'.

Структура для ИГ из (32) изображена в (V).

(V)

Таким образом, вершина приблизительности в мокшанском языке может оформлять группы, проецируемые только полуфункциональными, но не лексическими вершинами.

6.2. Анализ аппроксимативных ИГ в горномарийском языке

Несмотря на некоторые частные различия, обрисованные в разделе 5, структура аппроксимативных конструкций в горномарийском языке устроена схожим образом. Тем не менее, на этих различиях стоит остановиться.

Во-первых, в горномарийском языке не проводится различие между конвенционализированными (33) и ocasionальными (34) мерами при любой интерпретации. То есть, в ППК расширенную проекцию приблизительности имеет не только MeasP, но и NP.

t'et'ä-vlä vəc litər nārə / *vəz-ət nārə litər vəd-əm jü-n-ət
ребёнок-PL пять литр APPR пять-FULL APPR литр вода-ACC пить-PRT-3PL

‘Дети выпили около пяти литров воды’.

t'et'ä-vlä vəc jamdar nārə / *vəz-ət nārə jamdar vəd-əm
ребёнок-PL пять бутылка APPR пять-FULL APPR бутылка вода-ACC
jü-n-ət
пить-PRT-3PL

‘Дети выпили около пяти бутылок воды’.

Соответственно, структура, соответствующая обоим примерам выше, должна быть такой же, как в (III) для мокшанского, за исключением отсутствия в марийском обязательного согласования вершины по единственному числу (35).

nəñ ti-škə lu kogo mešək nārə olma-vlä-m
они этот-ILL десять большой мешок APPR яблоко-PL-ACC
jästär-en-ət
опорожнять-PRT-3PL

‘Они вывалили сюда около десяти больших мешков яблок’.

Особо следует отметить то, что в горномарийском языке показатель приблизительности появляется на числительном только в том случае, когда он не может появиться на лексической вершине, например, из-за запрета на показатель числа на лексической вершине (36), где NP/ClassP вложена в проекцию числа NumP и, следовательно, ИГ является тяжёлой.

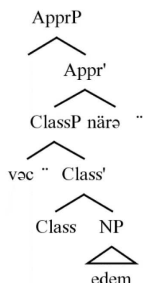
täðə vəz-ət nārə cever jažo edem-vlä-m
он пять-FULL APPR красивый хороший человек-PL-ACC
*vəc cever jažo edem-vlä nārə-m uż-ən
пять красивый хороший человек-PL APPR-ACC видеть-PRT
‘Он видел примерно пять красивых хороших людей’.

В этом случае структура будет совпадать с (V), вновь с оговоркой, что в горномарийском нет обязательного согласования вершины по единственному числу.

Когда ИГ с приблизительностью небольшая (NP / ClassP), аппроксимативная вершина присоединяется в качестве расширенной проекции именно к ней. Структура для малых (до получения падежа) ИГ типа (37) представлена в (VI).

təḍəḥ vəc edem nārə-m uḷ-ḡn
он пять человек APPR-ACC видеть-PRT
'Он видел около пяти человек'.

(VI)

Как видно из представленного материала, в горномарийском языке показатель приблизительности имеет несколько более широкую дистрибуцию, чем в мокшанском, а именно может присоединяться не только к числительным и группам квантификаторов, но также и к группам лексических вершин. При этом он имеет и ограничения: группа, расширенной проекцией к вершине которой он является, не должна быть больше, чем ClassP (Class – вершина исчисляемости). Таким образом, аппроксимативный показатель в горномарийском языке – контекст для малых ИГ, не присоединяющийся к полным DP и даже группам посессивности (PossP) или числа (NumP), см. 5.2.2.

7. Выводы

Из данных рассмотренных языков можно увидеть, что показатель приблизительности может присоединяться к различным частям КК в зависимости от интерпретации ИГ в одном языке. Расположение такого элемента в КК является параметром межъязыкового варьирования. Анализ предсказывает, что в одних языках аппроксимативный маркер присоединяется только к мерным словам и числительным, тогда как в других – к группам лексического существительного – ИГ небольшого размера, являясь тем самым контекстом для ИГ малой структуры. Свобода такой дистрибуции может коррелировать также со степенью грамматикализации показателя (связанная морфема в мокшанском – оформляет только квантифицирующие элементы; свободная морфема в горномарийском – крепится также к ИГ небольшого размера).

Список сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; APPR – приблизительность; DAT – датив; DEF – определенность; DIM – диминутив; EL – элатив; EQU – экватив;

FULL – полная форма; GEN – генитив; ILL – иллатив; IMP – императив; IN – инессив; LAT – латив; NEG – отрицание; NMZ – номинализация; NPST – не-прошедшее время; O – объект; OBL – косвенный падеж; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRT – претерит; PST – прошедшее время; S – субъект; SG – единственное число.

Литература

Гращенков 2002 — Гращенков П. В. Генитив при русских числительных: типологическое решение одной «сугубо внутренней» проблемы // Вопросы Языкознания. 2002, № 3. С. 74-119.

Иншакова 2014 — Иншакова Е. С. Аппроксимативная инверсия и структура количественной группы: курсовая работа. М., РГГУ, 2014.

Лютикова 2017 — Лютикова Е. А. Синтаксис именной группы в безартикле языке. Дисс.... докт. филол. наук. МГУ, М., 2017

Лютикова, Перельцвайг 2015 — Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52–69.

Плешак 2017 — Плешак П. С. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках: дипломная работа. М., МГУ, 2017.

Рудницкая, Хван 2010 — Рудницкая Е. Л., Хван Со-Гён. Конструкции с классификатором и аппроксимативные конструкции в корейском языке: грамматические свойства и семантические характеристики. Урало-алтайские исследования. № 2 (3). 2010.

Сердобольская, Толдова 2012 — Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // А. И. Кузнецова и др. (ред). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М: Рукописные памятники древней Руси, 2012. – С. 59-142.

Сидорова 2016 — Сидорова М. А. Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях // Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.) / Отв. ред. Д. Ф. Мищенко — СПб: Нестор-История, 2016. С. 99–102.

Сидорова 2017 — Сидорова М. А. Количественные конструкции со значением приблизительности в горномарийском языке: курсовая работа. М., МГУ, 2017

Стрелкова 2013 — Стрелкова О.Б. Имена числительные удмуртского языка. Монография. – Ижевск: «Удмуртский университет», 2013.

Abney 1987 — Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. Ph. D. thesis. MIT, Cambridge (Mass.), 1987.

Babby 1985 — Babby L. Prepositional quantifiers and the direct case condition in Russian // Issues in Russian morphosyntax. – 1985. – С. 91-117.

Borer 2005 — Borer H. In name only. – Oxford University Press on Demand, 2005. – Т. 1.

Corbett 1979 — 1979: Predicate Agreement in Russian (Birmingham Slavonic Monographs 7), University of Birmingham.

Corbett 2000 — Corbett, Greville G. Number. Cambridge Textbooks in Linguistics. CUP, 2000.

Greenberg, Kemmer 1990 — Joseph Harold Greenberg, Suzanne Kemmer. 1990, Generalizations about Numeral Systems (On Language: Selected Writings of Joseph H. Greenberg) Stanford University Press, Stanford, California

Grimshaw 1991 — Grimshaw J. Extended projections. Brandeis University, 1991. Unpublished manuscript.

Longobardi 1994 — Longobardi G. Reference and proper names: A theory of N-movement in syntax and Logical Form // *Linguistic Inquiry*. 1994. Vol. 25. No. 4. P. 609–665.

Matushansky 2004 — Matushansky O. The DP and the deepest // Ms. Université Paris. – 2004. – T. 8.

Matushansky 2005 — Matushansky O. Going through a phase // MIT working papers in linguistics. – 2005. – T. 49. – C. 157-181.

Partee, Borschev 2012 — Partee B. H., Borschev V. Dva stakana moloka: Substances and Containers in Genitive of Measure Constructions in Russian // *Научный журнал*. – 2012. – C. 140.

Pereltsvaig 2006 — Pereltsvaig A. Small nominals // *Natural Language & Linguistic Theory*. – 2006. – T. 24. – №. 2. – C. 433.

Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. The universality of DP: A view from Russian // *Studia linguistica*. – 2007. – T. 61. – №. 1. – C. 59-94.

Riemsdijk 1998 — Van Riemsdijk H. Categorical feature magnetism: The endocentricity and distribution of projections // *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. – 1998. – T. 2. – №. 1. – C. 1-48.

Szabolcsi 1984 — Szabolcsi A. The possessor that ran away home // *The Linguistic Review*, Vol. 3. No. 1, P. 69–102.

Rothstein 2012 — Rothstein S. Numericals: Counting, measuring and classifying. Paper presented at Proceedings of Sinn und Bedeutung 16, Utrecht, 2012.

Yadoff 1999 — Yadoff M. Formal properties of functional categories: the minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. Ph.D. Dissertation, Indiana University, 1999.

Горномарийская частица =ok и грани эмфатической идентичности⁸⁸

Статья описывает семантику фокусной частицы =ok в горномарийском языке. Автор показывает, что эта частица вводит две presupпозиции: исчерпывающую presupпозицию и presupпозицию данности фокусного референта. Это предположение позволяет описать разные типы использования =ok, которые на первый взгляд кажутся разнородными.

Ключевые слова: фокусные частицы, горномарийский язык.

The article deals with the semantics of the focus particle =ok in Hill Mari. The author argues that the particle introduces two presuppositions: that of exhaustivity and that of givenness of the focal referent. This assumption allows us to describe many uses =ok which at first glance could have seemed heterogeneous.

Keywords: focus particles, Hill Mari.

1. Введение

Эта работа посвящена семантике фокусной частицы =ok в горномарийском языке.

Фокусные частицы — не вполне традиционная тема для лингвистов, изучающих языки народов Поволжья. До недавнего времени исследований, посвящённых марийским частицам, было довольно мало; можно отметить работу [Saarinen 1986], в целом выполненную в традиционной финноугроведческой парадигме без задействования достижений современной лингвистической типологии или семантической теории.

В этом смысле частице =ok повезло: она неожиданно попала в фокус внимания отечественной черемистики. Эта статья основана на докладе [Козлов 2017], сделанном на конференции «Типология морфосинтаксических параметров-2017». Буквально через неделю после этого на другой конференции коллектив авторов представили доклад [Кашкин и др. 2017] на ту же тему; в нём положения доклада [Козлов 2017] подвергаются критике. Таким образом, настоящая работа является уже третьей репликой в дискуссии относительно семантики частицы =ok. Мы надеемся, что такая интенсив-

⁸⁸ Исследование поддержано грантом РНФ №16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства», который выполняется на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. Я благодарю С. Ю. Толдovu, понесшую тяготы организации горномарийской экспедиции, С. Г. Татевосова, без курса которого о семантике фокуса это исследование не было бы возможным, а также П. Я. Руднева и Л. С. Козлова за исключительно плодотворное обсуждение проблематики этой статьи. Все недостатки остаются на моей совести.

ность исследований этой частицы в конце концов послужит вящим успехам горномарийского языкознания.

241

Частица =ok очень частотна. В экспедиционном корпусе из 19447 словоформ встретилось 141 вхождение этой частицы — её ipm можно приблизительно оценить как 7250 (доверительный интервал $6142 < x < 8541$). Эти цифры можно сравнить с частотностью русского союза а (ipm 8198.0) или предлога по (5786.7). При этом в зависимости от контекста она может быть переведена очень по-разному. Например, в докладе Е. В. Кашкина и его соавторов [ор. cit.] в разделе «Горномарийский: семантика» перечисляются следующие оттенки значения, которые =ok может привнести в семантику предложения: «совпадение элементов разных ситуаций» или «четкое указание на какое-либо значение». Большой раздел в том же докладе называется «Взаимодействие семантики =ok с контекстом: case studies». Это будет составлять главный интерес и настоящей работы.

Данные, на которых основана эта работа, собраны в 2016—2017 годах в сёлах Микряково и Сосновое Горномарийского района республики Марий Эл в экспедиции НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ под руководством С. Ю. Толдовой. Мы используем как данные эlicitации, так и текстов, собранных нами в этих деревнях; кроме этого, иногда мы используем перевод Нового завета на горномарийский язык, выполненный Институтом перевода Библии и в интересующих нас отношениях ничем не отличающийся от исследуемого нами идиома. Горномарийский язык относится к марийской группе финно-угорской семьи языков, на нём говорит чуть более двадцати тысяч человек.

Оба марийских языка характеризуются довольно жёстким порядком слов SOV; другие порядки слов тоже возможны, но требуют серьёзной информационно-структурной мотивации. Как это часто бывает в таких языках, фокусная составляющая обычно стоит перед глаголом:

- (1) a. kə-škə mā tol-ən-na?
 где-ILL мы прийти-PRF-1PL
 ‘Куда мы приехали?’
- b. mā [mikrək-əškə]foc tol-ən-na
 мы M.-ILL прийти-PRF-1PL
 ‘Мы приехали в Микряково.’

В то же время встречаются и другие расположения фокусной составляющей относительно глагола, ср. пример (2) из текста, где в предложении (2с) фокусная ИГ pensiskə ‘на пенсию’ следует за глаголом, а не предшествует ему:

- (2) a. kə-škə ənde jam-ən-da, man-ə-t
 где-ILL теперь потеряться-PRF-2PL говорить-NPST-3PL
 ‘Куда же вы потерялись? – говорят.’
- b. no mən'ə kə-škə jam-ən-am?
 но я где-ILL потеряться-PRF-1SG
 ‘Но куда мне пропасть?’

с. mən'ə jam-ən-am ənde pensi-škə
 я потеряться-PRF-1SG теперь пенсия-ILL
 'Я "пропала" на пенсию.'

Кроме этого, очевидно, не перед глаголом могут оказываться фокусы в тех случаях, если их в предложении больше одного. Поэтому в примерах, которые мы будем приводить ниже, составляющая, оформленная частицей =ok, не всегда будет находиться в предглагольной позиции.

2. Употребления =ok, не ограниченные лексически

Рассмотрим сначала три больших класса притермовых употреблений частицы =ok. Присоединяясь к референциальным выражениям (то есть неквантифицированным именным группам), оно обычно переводится на русский одной из трёх следующих частиц: *же* «присоединительное», *именно* или *всё-таки*.

Во-первых, частица =ok появляется в контекстах, которые можно назвать **антиаддитивными**. Аддитивные фокусные частицы типа *тоже* или *also*, присоединяясь к высказыванию, вводят пресуппозицию истинности ещё хотя бы одной альтернативы помимо фокусной:

(3) семантика аддитивной частицы:

$\| \text{ADD} [P [XP]_{\text{FOC}} \dots] \| =$

1. ассерция: $\|P\| (\|XP\|)$

2. пресуппозиция: $\exists y. \|P\|(y) \ \& \ y \neq \|XP\|$

«Антиаддитивным» мы называем контекст, в некотором смысле обратный аддитивному. Этот контекст наличия следующей пресуппозиции: относительно референта фокусной альтернативы верно ещё одно свойство, кроме того, которое о котором говорится в высказывании.

(4) семантика антиаддитивного контекста:

$\| \text{ANTI-ADD} [P [XP]_{\text{FOC}} \dots] \| =$

1. ассерция: $\|P\| (\|XP\|)$

2. пресуппозиция: $\exists y. Q(\|XP\|) \ \& \ Q \neq \|P\|$

Как мы уже сказали, в русском языке антиаддитивные контексты обслуживает «присоединительное» *же*: В поле работает Маша, и с детьми сидит Маша *же*. В горномарийском эти контексты оформляет частица =ok:

(5) nər-əštə maša pəšāl-ä, t'et'ä-vlä-m=ät maša=ok
 поле-IN M. работать-NPST.3[SG] дитя-PL-ACC=ADD M.=EMPH
 anž-a
 смотреть-NPST.3[SG]
 'В поле работает Маша, и с детьми сидит Маша *же*.'

(6) peterburg-əšt=ok tene mä vistupaj-en-nä
 П.-IN=EMPH в.этом.году мы выступить-PRF-1PL
 'В этом году мы выступали опять в Петербурге.'

Очень часто эта интерпретация возникает при присоединении частицы к разнообразным дейктическим выражениям — например, анафорическим или указательным местоимениям: 243

(7) ärväž ti poka-eš=ok ki-en kod-eš
 лиса этот бок-LAT=EMPH лежать-CVB оставаться-NPST[3SG]
 ‘Лиса осталась на той же стороне.’

(8) texen' pi-vlä=ok mām-nā-n sola-štā-na=at əl-ä-t
 такой собака-PL-EMPH мы.OBL-POSS.1PL-GEN село-IN-POSS.1PL=ADD жить-
 NPST.3-PL
 ‘Такие же собаки живут и в нашем селе.’

В частности, довольно часто наша частица возникает у коррелята при коррелятивах.

(9) ma-m üd-e-t, tädā-m=ok tōred-ä-t
 что-ACC посеять-NPST-2SG этот-ACC-EMPH жать-NPST-2SG
 ‘Что посеешь, то и пожнёшь.’

Составляющая, оформленная антиаддитивным =ok, не обязательно должна занимать предглагольную фокусную позицию. Она может стоять, например, в начале предложения:

(10) tš-šk=ok ke-ä sergej
 тот-ILL-EMPH идти-NPST.3[SG] C.
 ‘{Усталый мальчик, рассыпав груши, ведёт куда-то козу.} Туда же идёт Сергей.’

(11) tš veremā-n=ok püergā kesā-m vārānl-āš ke-ä
 тот время-GEN=EMPH мужчина коза-ACC привязать-INF идти-NPST.3[SG]
 ‘Сергей собирает груши.’ ‘В это же время мужик ведёт козу поставить на привязи.’

Заметим, что в предложениях (10) и (11) составляющая, к которой присоединяется частица =ok, находится не в канонической фокусной позиции, а в начале предложения. По-видимому, в таких предложениях налицо структура с множественным фокусом (см. [Grifka 1991]): одна из фокусных составляющих занимает каноническую фокусную позицию (пре- или постглагольную), а другая находится на левой периферии предложения. В (10) это именная группа-подлежащее, в (11) это целая пропозиция.

(10') [tššk=ok] FOC ke-ä [sergej] FOC
 тот-ILL-EMPH идти-NPST.3[SG] C.

(11') [tš veremā-n]FOC=ok [püergā kesā-m vārānl-āš ke-ä]FOC
 тот время-GEN=EMPH мужчина коза-ACC привязать-INF идти-NPST.3[SG]

Другой интерпретации =ok довольно хорошо соответствует русская частица ‘именно’:

(12) markelof=ok lica-mə̃ vār-ə̃m pač-ə̃
 М.-EMPH лечить-NMZ место-ACC открыть-AOR[3SG]
 ‘Именно Маркелов открывал больницу, {а не заместитель.}’

(13) stōl vəl-nə̃ ätəder=ok šə̃nz-ä
 стол на-IN посуда-EMPH сидеть-NPST.3[SG]
 ‘На столе именно ЧАШКА {а не бочка, а не банка, а не книги}’

Наконец, =ok иногда переводится как ‘всё-таки’:

(14) ə̃žargə-m=ok mən' ajə̃t-ə̃š-ə̃m
 зелёный-ACC=EMPH я выбрать-AOR-1SG
 ‘{Я думала, какое кресло выбрать.} Выбрала всё-таки ЗЕЛЁНОЕ.’

(15) tak i pedinstitut-ə̃m=ok tə̃men' pətär-ə̃š-ə̃m
 так и пединститут-ACC=EMPH учиться.CVB закончить-AOR-1SG
 ‘{Говорящую звали учиться в консерваторию, но она была в раздумьях:
 идти или закончить пединститут, до окончания которого ей оставался год?}
 Я всё-таки закончила ПЕДИНСТИТУТ.’

3. Лексически ограниченные интерпретации

В этом разделе мы опишем интерпретации частицы =ok, ограниченные лексически — по-видимому, эти интерпретации частица может получать не со всеми лексемами.

Во-первых, это разнообразные прочтения, соответствующие русской частице *прямо*. Частица *прямо* в русском языке, по-видимому, полисемична — если не вдаваться в подробности анализа, то можно сказать, что она может ранжировать данную альтернативу и как самую низкую, и как самую высокую на какой-то шкале. Так, на вопрос *Когда я должен сдать эту статью?* можно ответить каким-то одним предложением из множества {*Вы должны сдать её сегодня; Вы должны сдать её завтра; Вы должны сдать её 10 декабря;* etc.}. Частица *прямо* маркирует альтернативу как довольно низкую на этой шкале и предполагает ложность всех остальных альтернатив: предложение *Вы должны сдать её прямо завтра* означает, что *завтра* — это довольно короткий срок. Точно так же предложение *Его дом находится прямо за углом* маркирует фокусную альтернативу как довольно низкую на шкале {*Его дом находится напротив; Его дом находится за углом; Его дом находится через два квартала; Его дом находится на другом конце города; ...*}. Такого рода интерпретации возможны с фокусными составляющими, обозначающими временную или пространственную локализацию.

(16) vara gastrol'-ə̃škə̃ kašt-ə̃n-ə̃t molə̃, i gastrol'-ə̃št=ok
 потом гастрол-ILL ездить-PRF-3PL потом и гастрол-IN=EMPH
 tidə̃ scenä vəl-nə̃ serce don xuda li-n kolt-en

этот сцена на-IN сердце с плохо статья-CVB послать-PRF[3SG]
 ‘Потом мы ездили на гастроли, и прямо на гастролях у него стало плохо с сердцем.’ 245

- (17) tǝdǝ-n pǝrt-šǝ povorot pašteḱ=ok
 тот-GEN дом-POSS.3SG поворот за=EMPH
 ‘Его дом прямо за поворотом.’

Во-вторых, с некоторыми шкалами русское прямо маркирует самую высокую альтернативу. Для того, чтобы для прямо была доступна такая интерпретация, шкала должна быть имплицативной — более нижние альтернативы должны следовать одна из другой. Например, на вопрос С какого момента ты её сопровождал? можно ответить: {С начала финального этапа её пути; С середины её пути; С первой трети; От поворота; С самого начала.} Из каждой следующей альтернативы здесь следуют все предыдущие — если верно, что Я сопровождал её с первой трети её пути то верно, и то, что Я сопровождал её с середины, а если верно, что Я сопровождал её с начала, то верны вообще все остальные альтернативы. Такие употребления у горномарийского =ok тоже есть:

- (18) nǝnǝ smokva pušǝngǝ-m važ jakte=ok košk-en šagal-šǝ-m
 те смоква дерево-ACC корень до=EMPH сохнуть-CVB остановиться-PTCP.ACT-ACC
 už-ǝn-ǝt
 увидеть-PRF-3PL
 ‘Они увидели, что смоковница засохла прямо до корня.’ (Мк 11:20)

- (19) nǝnǝ Iisus pašteḱ galilej gǝč=ok tol-ǝn-ǝt dǝ Tǝdǝ-lǝn
 те И. за Г. из=EMPH прийти-PRF-3PL и Тот-DAT
 služ-en-ǝt
 служить-PRF-3PL
 ‘Они следовали за Иисусом прямо от Галилеи (с самой Галилеи) и служили Ему’ (Мф 27:55)

Наконец, ещё один тип употребления =ok составляют употребления с кванторами. Замечательный факт состоит в том, что эта частица оформляет универсальные кванторы — то есть местоимения типа ‘все,’ ‘каждый,’ наречия типа ‘всегда’ и др. — без видимого изменения значения.

- (20) a. jur pǝt-ǝš dǝ každǝj vǝžalǝ-š palatka-š
 дождь зайти-AOR[3SG] и каждый продавать-PTCP.ACT палатка-ILL
 kǝrgǝž-ǝ
 бежать-AOR[3SG]
 ‘Пошёл дождь, и каждая продавщица побежала к себе в палатку.’
 b. jur pǝt-ǝš dǝ každǝj vǝžalǝ-š=ok palatka-š
 дождь зайти-AOR[3SG] и каждый продавать-PTCP.ACT=EMPH палатка-ILL

kəŋgəʒ-ə
бежать-AOR[3SG]
'Idem.'

(21) a. cilä t'et'ä južnamžə opozdaj-a
все ребёнок иногда опаздывать-NPST[3SG]
'Все дети иногда опаздывают.'

b. cilä t'et'ä=ok južnamžə opozdaj-a
все ребёнок=EMPH иногда опаздывать-NPST[3SG]
'Idem.'

(22) a. mən' amasa-m čüč-äš so mond-em
я дверь-ACC закрыть-INF всегда забывать-NPST.1SG
'Я всё время забываю закрыть дверь.'

b. mən' amasa-m čüč-äš so=ok mond-em
я дверь-ACC закрыть-INF всегда-EMPH забывать-NPST.1SG
'Idem.'

С экзистенциальным кванторами =ok почти не сочетается. Для того, чтобы всё-таки присоединить к ним =ok, необходим контекст контрастного топика; тогда =ok лучше всего перевести как хотя бы.

(23) ma-m gən'ät=ok äšt-äš kel-eš
что-ACC INDEF=EMPH сделать-INF надо-NPST.3SG
{Двоечник сидит, ручку положил, вообще не собирается решать контрольную. Учительница ему: —} 'Хотя бы что-нибудь надо сделать!'

4. Попытка семантического анализа

Очевидно, что основные употребления =ok — 'именно', 'всё-таки', 'прямо' и т. д. — лежат в семантической зоне «эмфатической идентичности», которую впервые выделяет и описывает Эккегард Кёниг [König 1991:120—125]. Он утверждает, что семантика таких частиц в целом соответствует семантике английской клефтовой конструкции:

(24) It was John that Mary kissed.

Кёниг принимает (не обсуждая подробно) анализ в терминах тау-оператора (оператора сборки), который предлагают для этих конструкций Джей Атлас и Стивен Левинсон [Atlas & Levinson 1981]. От этого анализа, однако, уже отказались; разнообразные подходы к семантике клефтовых конструкций обсуждаются в работах [Büring 2011] и [Velleman et al. 2012]. Эмпирическое обобщение, которое разными способами формализуют эти работы, состоит в том, что клефтовые конструкции обладают **исчерпывающим** (англ. *exhaustive*) семантическим компонентом: все остальные фокусные альтернативы, кроме данной, являются ложными. Так, предложение (24) предполагает, что Мэри поцеловала только одного человека (разные исследователи расходятся во

мнении, является ли этот компонент пресуппозицией). В частности, именно поэтому в английских клефтовых конструкциях невозможны аддитивные фокусные частицы:

247

(25) *It was also John that Mary kissed.

С тем, чтобы описать эту «исчерпанность» (exhaustivity) как пресуппозицию, есть определённые проблемы. Одну из самых последовательных попыток в этом направлении предпринимают Дэн Феллеман и его соавторы [Velleman et al. 2012], предлагая следующую семантическую интерпретацию предложения It was Mary who laughed:

(26) $\lambda w: \text{MAXS}(\text{laughed}(\text{Mary}))(w). \text{MINS}(\text{laughed}(\text{Mary}))(w)$

Prejacent клефтовой конструкции, то есть «базисное» предложение [Mary] FOC laughed, имеет интерпретацию типа (27):

(27) $\text{MINS}(\text{laughed}(\text{Mary}))(w)$

Оператор MIN, применяемый к пропозиции, означает, что как минимум данная пропозиция является верным ответом на «дискутируемый вопрос», current question — предложение [Mary]FOC laughed не исключает того, что одновременно в актуальном мире могут быть верны альтернативы типа {Mary and John laughed; Mary, John, and Heikki laughed; Everybody laughed;...}. В (26) отрицание этих альтернатив и есть дело оператора MAX, находящегося в пресуппозиции высказывания. Семантику MAX авторы формулируют следующим образом:

(28) “No true answer to the Current Question is strictly stronger than p.”

Слово stronger здесь употребляется в прагматическом смысле: если из пропозиции p следует пропозиция q, то говорят, что p сильнее q. Получается, что из актуальной альтернативы следуют все истинные, а сама актуальная альтернатива не следует ни из какой другой истинной. Таким образом, альтернативы {Mary and John laughed; Mary, John, and Heikki laughed; Everybody laughed;...} оказываются неверны, потому что актуальная альтернатива их не имплицирует, а, наоборот, сама следует из них.

Мы предлагаем для частицы =ok следующий (пока пилотный) семантический анализ. Эта частица вводит в высказывание две пресуппозиции: во-первых, это уже описанная пресуппозиция MAX, а во-вторых, пресуппозиция данности референта фокусной составляющей. (Эту пресуппозицию мы в рамках данного исследования формализовывать не будем; это могло быть сделано, например, в духе подхода Роджера Шварцшильда [Schwarzschild 1999]. Видимо, именно из-за второй пресуппозиции в обычных конгруэнтных ответах на вопрос не может употребляться частица именно:

(29) а. — Кого поцеловала Маша?
— Она поцеловала именно Петю.

- b. — Почему Петя смущённо хихикает? Кого поцеловала Маша?
— Она поцеловала именно Петю!

Ответ в (29) прагматически приемлем в том случае, если Петя был введён в дискурс заранее и остаётся активированным и неприемлем в нулевом контексте — в том случае, если речи о нём ещё не шло.

Горномарийское =ok в контекстах прямого ответа на вопрос получает антиаддитивную интерпретацию:

- (30) a. kə-škə mā tol-ən-na?
 где-ILL мы прийти-PRF-1PL
 ‘Куда мы приехали?’

- b. mā mikrək-əšk=ok tol-ən-na
 мы М.-IL=EMPH прийти-PRF-1PL
 ‘Мы приехали опять в Микряково.’

И те контексты, в которых =ok переводится как ‘именно’, и «антиаддитивные контексты», по сути, представляют собой частные случаи выполнения пресуппозиций данности пресуппозиции MAX. В том случае, если фокусная составляющая выполняет сходные функции в клаузе, с помощью которой её референт вводится в дискурс, и в обсуждаемой клаузе, в русском языке может быть использована частица же; в противном случае в русском используется частица именно.

- (31) а. {С детьми сидит Вася, и } на поле работает Вася же.
 б. {Это Васино поле, и} на поле работает именно Вася.

В горномарийском в обоих этих случаях будет употреблено =ok.

Переводы типа всё-таки возникают тогда, когда дискутируемый вопрос (т. н. current question) задаёт контекст верификативного фокуса — фокуса с альтернативами типа {p;~p}. Неформально говоря, ‘всё-таки’ означает ‘именно да, а не нет’.

- (32) Я думала, какой пирог купить: яблочный или не яблочный?
 {CQ: Я купила яблочный пирог; Я купила не яблочный пирог}
 Я всё-таки купила ЯБЛОЧНЫЙ пирог.

Становятся понятными те употребления =ok, которые переводятся на русский «низким» прямо. В отличие от прямо, =ok, конечно, не ограничено контекстами временной и пространственной локализации⁸⁹. Мы считаем, что данность в контекстах типа прямо за поворотом или прямо сегодня возникает ситуационно: день, в котором имеет место речевой акт, или место, близкое к месту речевого акта, активируются, так сказать, ассоциативно. Это можно

⁸⁹ На самом деле такими контекстами не ограничено и русское прямо: *Стол прямо ломится от еды; Она полезла в пруд прямо в платье* и др. Однако в других контекстах оно почти неприемлемо: *??К нам пришёл прямо Вася*.

сравнить с известными примерами возникновения определённого артикля в контекстах так называемого бриджинга: предложение *I entered the room: the window was broken* можно произнести в ситуации, когда об окне ранее никакой речи не шло.

Наконец, получают объяснение употребления *=ok* с экзистенциальными кванторами (словами типа *что-нибудь*). Частица хотя бы (Апресян 2015:184—188; Козлов, Стенин 2015; Завгородний 2017) по крайней мере иногда тоже имеет семантику, сходную с семантикой исчерпанности, но не идентичную ей; восклицание *Вася хотя бы русский сделал, {а ты не сделал ничего}* означает, что *Вася* не сделал ничего, что находится выше на шкале. В примере (23) '*Хотя бы что-нибудь надо сделать!*' альтернативы, по-видимому, выглядят так: {*Сделай что-нибудь; Сделай все самые лёгкие задания; Сделай половину работы; Сделай всю работу*}. Учительница просит ученика выполнить только самую нижнюю альтернативу, разрешая тем самым не делать все остальные. Эта семантика, передаваемая на русский частицей *хотя бы*, и вводится пресуппозицией *MAX*.

Как бы то ни было, некоторые употребления частицы *=ok* не совпадают с употреблениями английского *clef*. Это, во-первых, те из них, которые переводятся на русский как «высокое» прямо, а во-вторых, употребления с универсальным квантором. В прототипических контекстах исчерпывающего фокуса универсальные кванторы невозможны:

(33) **It's everybody that he invited.*

Другой известный контекст с семантикой исчерпывающего фокуса — фокусная позиция перед глаголом в венгерском языке. Каталин Э. Киш [É. Kiss 1998] указывает, что исчерпывающие фокусы в венгерском языке являются строго предглагольными, а обычные (в её терминологии «информационные») — постглагольными.

(34) a. *Tegnap este MARINAK mutattam be Pétert.*
 last night Mary.DAT introduce.1SG PERF Peter.ACC
 'It's to Mary that I introduced Peter last night.'

b. *Tegnap este be mutattam Pétert MARINAK.*
 last night PERF introduce.1SG Peter.ACC Mary.DAT
 'Last night I introduced Peter TO MARY'

Анна Сабольчи [Szabolcsi 1981] предлагает для невозможности универсальных кванторов в этой позиции не семантическое, а синтаксическое объяснение. Как бы то ни было, по-видимому, невозможность употребления универсальных кванторов и исчерпанность хорошо коррелируют типологически: во французской *clef*-овой конструкции, которая синтаксически параллельна английской, отсутствует исчерпанность (35b) и могут употребляться универсальные кванторы:

(35) a. C'est Jean que Mari a embrassé
'Мари поцеловала ЖАНА.'

b. C'est aussi Jean que Mari a embrassé
'Мари поцеловала И ЖАНА ТОЖЕ.'

c. C'est tout le monde que je hais.
'Я ненавижу ВСЬ МИР.'

Частица =ok, по-видимому, имеет пресуппозицию исчерпанности, но употребляется с универсальными кванторами. Можно ли дать этому семантическое объяснение? Мы предполагаем, что да. Если мы исходим из того, что в семантике частицы =ok содержится пресуппозиция МАХ, то в этом случае она удовлетворяется тривиальным образом. Действительно, из высказывания типа 'Пришли ВСЕ' логически следуют не просто все верные, но и все возможные фокусные альтернативы: если оно верно, то верны и альтернативы 'Пришёл Вася; Пришли Петя с Машей; Пришли половина села; ...'. Как и предполагает МАХ, не существует верного ответа на дискутируемый вопрос, который был бы прагматически сильнее, чем данный; более того, ответа, который был бы прагматически сильнее, чем данный, не существует вообще.

То же самое верно для тех употреблений частицы =ok, которые переводятся «высоким» русским 'прямо', например, прямо с самого начала. Из них тоже логически следуют все остальные возможные фокусные альтернативы (см. наше рассуждение выше), что удовлетворяет пресуппозицию МАХ.

Почему же тогда английские клефты не сочетаются с универсальными кванторами? Оставим этот вопрос исследователям английских клефтов. Для нас важно, что пресуппозиция, сформулированная Феллеманом и его соавторами [Velleman et al. op. cit.], как нельзя лучше объясняет использование в таких контекстах частицы =ok (это верно не только для МАХ, но и для всех вариантов формализации семантики исчерпанности, которые были сформулированы раньше).

4. Open ends

4.1 Пресуппозиция данности

По нашему мнению, основной вопрос для дальнейшего исследования таков: что при присоединении =ok с кванторными именными группами происходит с пресуппозицией данности? Кванторная именная группа (не множество, по которому происходит квантификация, а сама кванторная именная группа), по-видимому, в традиционном понимании не может быть ни данной, ни новой. Существует несколько способов того, как формализовать понятие данного; Роджер Шварцшильд [op. cit.], например, предлагает для этого определение в (33):

(36) An utterance U counts as GIVEN iff it has a salient antecedent A and modulo \exists -type shifting, A entails the result of replacing F-marked parts of U with existentially bound variables.

‘Высказывание U можно считать данным в том и только том случае, если у него есть салиентный антецедент A и после экзистенциального сдвига типа из A логически следует результат замены всех фокусно-маркированных частей U переменными, связанными экзистенциальными кванторами.’

Рассмотрим короткий диалог в (37):

- (37) — Вася съел ЗЕЛЁНОЕ яблоко.
— Нет, Вася съел КРАСНОЕ яблоко.

Всё в ответе (37), кроме слова красное, является данным. Если мы заменим его на переменную и свяжем её квантором существования, то получится пропозиция типа

$\exists Y$ [Вася съел Y яблоко]. Конечно, эта пропозиция следует из предшествующего контекста (если Вася съел зелёное яблоко, то верно и то, что он съел какое-то яблоко).

Мы не собираемся сейчас подробно обсуждать, что окажется в предложениях с $=ok$ фокусно-маркированным по Шварцшильду (это понятие не равноценно фокусу как таковому и разработано для описания синтактико-просодического интерфейса). Шварцшильд отдельно разбирает вопросно-ответные пары типа (38), где, как и в нашем случае, фокус оказывается на данном:

- (38) — Whom did John's mother praise?
— She praised [HIM]_F.

Мы хотим лишь отметить, что по этому определению кванторные именные группы будут оказываться данными вообще всегда. Действительно, если мы заменим на переменную означаемое глагольной группы пришли на праздник в предложении Все дети пришли на праздник, то мы получим пропозицию вида (39):

- (39) $\exists P. \forall x. (\text{дитя}(x) \rightarrow P(x))$

Эта пропозиция означает то, что все дети обладают хотя бы одним общим свойством. Это тривиально верно: на место переменной P можно поставить, например, хотя бы свойство дитя: конечно, все дети являются детьми. Может быть, в этом случае тривиальным образом выполняются обе пресуппозиции — данности и MAX ; может быть и так, что так как для кванторов признак данности вообще не определён, пресуппозиция данности исчезает.

4.2 Другие контексты

В этой статье мы рассмотрели не все выражения, с которыми может сочетаться частица $=ok$. В докладе Е. В. Кашкина и его соавторов [op. cit.] обсуждаются, например, деепричастия на $-эн$ и отрицательные деепричастия на $-де$, которые в сочетании с нашей частицей $=ok$ получают особенную интерпретацию, а также другие классы языковых выражений.

Нам представляется, однако, что наша теория имеет по крайней мере некоторую предсказательную силу и может объяснить употребление $=ok$

в этих контекстах безо всякой дальнейшей модификации. Рассмотрим предложение (37):

- (40) *täddä* *mäl'galt=ok* *tol'-ə*
 тот качаться.CVB=EMPH прийти-AOR[3SG]
 ‘{Это у вас ему стало плохо?} Он уже пришёл, качаясь.’

Ранее мы не отмечали, что *=ok* имеет значение ‘уже’; однако наша теория может предсказать именно эту интерпретацию этой частицы именно в этом контексте. Фокусной составляющей в данном контексте является конверб *mäl'galt* ‘качаясь’. Мы считаем, что здесь налицо случай узкого верификативного фокуса; тогда множество альтернатив для (37) получается следующим: {Он пришёл, качаясь; Он пришёл, не качаясь.}. Выбор первой из этих двух альтернатив удовлетворяет presupпозицию MAX. Presupпозиция данности предполагает, что предикат над событиями ‘качаться’ уже активирован в предыдущем дискурсе. Это тоже выполняется: в данном случае, качается, по-видимому, активировано ситуативно — протагонист качается (нетвёрдо ступает) и на момент речи, свидетелями чего являются говорящий и слушающий. Видимо, дословный перевод предложения (37) с использованием русской частицы же был бы таким: {Он сейчас качается} и пришёл, качаясь же.

С другой стороны, употребление *=ok* в некоторых контекстах мы пока не можем полностью объяснить. К ним относится употребление частицы *=ok* с каритивом на *=de*:

- (41) *mä* *tä-škä* *ti* *ädärämäš-de=ok* *ke-nä*
 мы тот-ILL этот женщина-CAR=EMPH идти-NPST.1PL
 ‘Мы пойдём туда без этой женщины.’⁹⁰

- (42) *täddä* *kalpak-de=ok* *kašt-eš*
 тот шапка-CAR=EMPH ходить-NPST.3SG
 ‘Он ходит без шапки.’

По-видимому, в таких контекстах частица *=ok*, как и в случае с универсальными кванторами, не меняет истинностное значение предложения. Е. В. Кашкин и его соавторы [op. cit.] замечают, критикуя наш собственный доклад, что в данном контексте presupпозиция данности не выполняется. Мы бы сказали, что точнее говоря, она в этом контексте неприменима — как и в случае с кванторными именными группами. Для того, чтобы ответить на вопрос, почему в этих контекстах появляется *=ok* и какую функцию он там выполняет, необходима система эксплицитных гипотез и допущений о том, какая семантическая сущность стоит за каритивом. Возможно, означающее каритивной именной группы включает выражение вроде $\neg \exists$ ‘не существует’, что, согласно законам логики, даёт $\forall \neg$ ‘для всех ... неверно.’ Таким образом, параллелизм между универсальными кванторами и каритивами становится ещё очевиднее. На данном этапе исследования мы, однако, не готовы предло-

⁹⁰ За этот пример мы благодарны Наталии Владимировне Озерчук.

Заключение

Мы рассмотрели несколько типов употреблений горномарийской частицы =ok и предложили анализ её значения. Мы считаем, что эта частица добавляет в высказывание две presupпозиции — исчерпывающую (подобную той, которую вводят английские клефты или выражения исчерпывающего фокуса) и presupпозицию данности фокусного референта.

Такой анализ позволяет описать довольно большой и на первый взгляд разнородный круг употреблений =ok, не постулируя при этом полисемии. По-видимому, основной проблемой, которая стоит у него на пути, является формализация понятия данного, в частности, установления того факта, может ли оно быть применено к кванторным именным группам. По нашему мнению, этот вопрос представляет собой одно из перспективных направлений развития отечественной черемистики.

Литература

Апресян 2015 — В. Ю. Апресян. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Завгородний 2017 — А. О. Завгородний. Семантика и дистрибуция скалярных фокусных частиц в русском языке. Магистерская работа. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Кашкин et al. 2017 — Е. В. Кашкин, М. А. Сидорова, Д. Д. Мордашова, А. Р. Гарейшина, И. К. Учитель. Всё =ok: о семантике одной горномарийской энклитики. Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике». Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 3 декабря 2017 г.

Козлов, Стенин 2014 — Ненецкие фокусные маркеры: два вида неожиданности. Доклад на XI конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2014.

Козлов 2017 — А. А. Козлов. Горномарийская частица =ok и грани эмфатической идентичности. Доклад на конференции «Типология морфосинтаксических параметров—2017». Москва, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 29 октября 2017 г.

Atlas, Levinson 1981 — Atlas, Jay D. & Stephen C. Levinson. It-clefts, informativeness and logical form: Radical pragmatics (revised standard version). Radical pragmatics, P. Cole (ed.). New York: 1981, Academic Press. 74 (2): Pp. 245—273.

König 1991 — E. König. The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective. London: Routledge, 1991.

Krifka 1991 — Krifka, Manfred. A compositional semantics for multiple focus constructions, Semantics and linguistic theory (SALT) 1. Moore, S. K. and A. Z. Wynerp (eds.), Pp. 127—158.

Saarinen 1986 – Saarinen, Sirkka. Über einige tscheremissische Enklitika. *Ural-Altaische Jahrbücher*, Vol. 6, 1986, Pp. 37—46.

Szabolczi 1981 — Szabolcsi, Anna. The semantics of topic-focus articulation. *Formal methods in the study of language: Proceedings of the 3rd Amsterdam Colloquium*, Jeroen A.G. et al. (eds.), 1981, 2: Pp. 503—540.

Schwarzschild 1999 — Schwarzschild, Roger. Givenness, Avoid-F and other constraints on the placement of accent. *Natural Language Semantics*. 1999, 7: Pp. 141—177

Velleman et al. 2012 — Velleman, D. B., Beaver, D., Destruel, E., Bumford, D., Onea, E., and Coppock, L. It-clefts are IT (inquiry terminating constructions). *Semantics and linguistic theory (SALT) 22*. Chereches, A (ed.). 2012. Pp. 441—460

Влияние коммуникативной организации речи на выбор семантического классификатора⁹¹

Семантические классификаторы жестового языка — особые конфигурации руки, которые комбинируются с глаголом движения и описывают референт, относя его к тому или иному семантическому классу. Было выявлено, что одушевленные референты с тремя конечностями могут описываться в русском жестовом языке при помощи трёх разных семантических классификаторов. Благодаря анализу корпуса пересказов комиксов была выдвинута гипотеза о том, что выбор между классификаторами обусловлен коммуникативной структурой пересказов, а именно наличием или отсутствием фокуса на количестве конечностей у персонажей. Данная гипотеза подтвердилась благодаря анализу распределения вхождений классификаторов в разных отрезках пересказов и соотношению времени вхождений с фокусом на наличии трёх конечностей по сюжету комикса.

Ключевые слова: жестовые языки, русский жестовый язык, семантические классификаторы, естественный дискурс, коммуникативная структура, морфология жестовых языков, корпусное исследование.

Semantic classifiers are hand configurations that combine with a verbal root and describe a referent by referring it to a particular semantic class. We found that, in Russian Sign Language, animated referents with tree legs can be indicated by three different semantic classifiers. Based on a corpus of comics retellings we predicted that the choice between these three classifiers may be motivated by a particular information structure of the discourse. Our predictions were confirmed by the distribution of the occurrences of these three classifiers throughout the retellings and their correlation with focus on the three leggedness of the referent in the plot.

Keywords: sign languages, Russian Sign Language, semantic classifiers, natural discourse, information structure, sign language morphology, corpus research.

Введение в проблематику

Предметом настоящей статьи являются семантические классификаторы Русского жестового языка. Русский жестовый язык (РЖЯ) является языком бытового общения глухих, слабослышащих, а также их близких на территории России и некоторых стран СНГ. Жестовые языки (ЖЯ) суще-

⁹¹ Данное исследование выполнено при поддержке гранта Российского Научного Фонда (РНФ) 17-18-01184.

ствуют в пространственной модальности, предавая информацию не при помощи звуков, как это происходит в звучащих языках (ЗЯ), а при помощи мануальных жестов, положения корпуса и мимики [Зайцева 1991]. Жестовые языки являются полноценными естественными языками и не уступают звучащим языкам ни на одном из уровней языковой структуры [Прозорова 2007; Kimmelman 2014; Зайцева 1991].

Семантические классификаторы жестовых языков - это особая конфигурация руки (мануальная морфема), которая описывает референтов, относя их к тому или иному семантическому классу (например, к классу одушевлённых существ или объектов определённой формы) [Zwitserlood 2003: 18]. Семантические классификаторы имеют определённую область референции, которая представляет собой множество референтов, к которым может отсылать один классификатор. Все референты классификатора объединены каким-либо общим семантическим признаком.

Классификаторные морфемы не являются типологической особенностью исключительно жестовых языков. Впервые данное явление было обнаружено именно в звуковых языках [Aikhenvald 2000]. Одной из наиболее изученных систем классификаторов можно считать систему счётных классификаторов (*numeral classifiers*) в японском языке. В японском языке существует несколько десятков классификаторных морфем, которые примыкают к числительным в различных контекстах, осуществляя тем самым семантическое согласование с исчисляемым. В примере 1 показано, что классификаторы *ken* и *hon* используются для объектов, принадлежащих к разным семантическим классам, а именно для домов и для карандашей.

(1) Счётные классификаторы в японском языке

a. Kinjo no ie ga ni-ken mizu ni tsukatta
neighborhood GEN house NOM two-CL water DAT soaked
«Two houses in the neighborhood were flooded.»

b. Boku wa empitsu o ni-hon kat-ta.
I TOP pencil ACC two-CL buy.PAST.
«I bought two pencils.»

[Matsumoto 1993:673,3b/685,7]

По причинам, подробно описанным далее в настоящем разделе, семантические классификаторы ЖЯ чаще всего сравнивают с глагольными классификаторами звуковых языков. Классификаторные морфемы в составе предиката осуществляют согласование с аргументами предиката по семантическим признакам. В языках варис (погранично-папуанская семья языков) насчитывается более 100 глагольных классификаторов (Пример 2).

(2) Глагольные классификаторы в языке варис (погранично-папуанская семья, Новая Гвинея)

sa ka-m *put-ra-ho-o*
coconut 1SG-DAT **CL-give-BEN-IMP**
«Give me a coconut.»

[Aikhenvald 2000: 3: 96]

Семантические классификаторы ЖЯ также можно сравнить с таким явлением звуковых языков, как лексические аффиксы. Языки салишской семьи (Северная Америка) имеют ряд аффиксов с субстантивным значением [Mithun 1997]. Эти аффиксы встречаются в составе глаголов и могут отсылать к целому классу объектов, которые разделяют общие семантические свойства (Пример 3). Основным отличием лексических аффиксов от глагольных классификаторов является тот факт, что в составе предиката они не отсылают к грамматическим аргументам предиката, а скорее модифицируют значение глагола.

(3) Пример лексических аффиксов в языке белла-кула (салишская семья, Канада)

cp-ak-m-c

wipe-hand-MEDIO.PASSIVE-1sg

«I am wiping my hand(s).»

[Mithun 2000: 361]

Впервые понятие классификаторных морфем в контексте ЖЯ было введено Н. Фишберг в 1975 году [Fishberg 1975] на материале американского жестового языка. Помимо семантических классификаторов, исследователи жестовых языков выделяют такие типы классификаторов, как классификаторы частей тела, спецификаторы размерам и формы, классификаторы манипуляции и другие [Supalla 1986]. В данной статье внимание уделено именно семантическим классификаторам. Семантические классификаторы участвуют в образовании так называемых классификаторных предикатов (Пример 4). Пример 4 изображает классификаторный предикат, описывающий ситуацию, в которой машина сбивает человека. Мы видим, что левая рука имеет конфигурацию, соответствующую семантическому классификатору «В», который отсылает к референту «машина». Конфигурация правой руки соответствует классификатору «2» с референтом «трёхногий человек». Движение правой руки по направлению к левой иконически изображает движение машины по направлению к человеку.

(4)

(s01 - accident 00.26.305 - 00.27.455) Классификаторный предикат.⁹²

⁹² Глоссы классификаторных предикатов следует читать следующим образом: Правая рука: Начальная локализация (ЛОК) классификатора—Классификатор (конфигурация руки) : Референт — Значение классификаторного предиката — Конечная локализация (ЛОК) классификатора.w

Левая рука: всё тоже самое, что и для левой руки.

Параметры локализации (ЛОК) указывают позицию руки относительно нейтральной локализации жестов (в районе центра груди) [Дуе 2012: 697].

Правая рука: ЛОК(слева) – КЛ(В): МАШИНА – ЕХАТЬ – ЛОК(центр)
 Левая рука: ЛОК(центр) – КЛ(2): ТРЁХНОГИЙ ЧЕЛОВЕК – СТОЯТЬ
Машина сбивает человека.

Именно при помощи классификаторов осуществляется согласование классификаторного предиката с его аргументами по семантическим признакам. Классификаторные предикаты в основном являются глаголами движения, существования и локализации [Zwitserslood 2003]. В процессе реализации классификаторных предикатов носители РЖЯ активно используют так называемое жестовое пространство, то есть пространство перед говорящим, что позволяет им максимально точно описать движения объектов. Движения рук, которые реализуют семантические классификаторы, иконически отображают перемещение описываемых объектов в пространстве или их нахождение относительно друг друга.

Семантические классификаторы ЖЯ не являются сами по себе элементами аргументной структуры предикатов, так как за редким исключением⁹³ в предшествующей речи говорящего есть лексическое выражение аргументов предиката, к которым отсылают классификаторы при помощи обозначения тех или иных семантических свойств. При этом дистанция между классификатором и соответствующим лексическим жестом может выходить далеко за пределы клаузы. Лексический жест может быть употреблён в начале повествования и затем служить антецедентом для последующих классификаторов на протяжении всего речевого акта. Это возможно благодаря склонности носителей жестовых языков опускать подлежащее или дополнение при предикативном жесте в тех случаях, когда их референты можно восстановить из контекста (так называемый pro-drop) [Sandler & Lillo-Martin 2006].

Инвентарь семантических классификаторов

Большинство исследователей согласны в том, что семантические классификаторы представляют собой закрытый класс элементов, а значит представляется возможным для каждого отдельного жестового языка создать инвентарь семантических классификаторов с описанием общих семантических признаков их референтов [Zwitserslood 2003, Supalla 1986]. Подобный инвентарь был создан для американского жестового языка и нидерландского жестового языка. Начальная работа была проделана в этом направлении и для русского жестового языка [Христофорова 2017]. Нидерландский исследователь И. Звитсерлоод разработала серию комиксов, которые она предлагала пересказать носителям нидерландского жестового языка с целью стимулировать их к использованию различных классификаторов. В этих комиксах представлены самые разные существа и предметы, которые тем или иным образом перемещаются в пространстве. Персонажи комиксов представлены как в привычных контекстах, так и в непривычных (одушевлённые животные,

⁹³ В предшествующих исследованиях [Христофорова 2017] описаны несколько примеров из корпуса, где лексически выраженный антецедент классификатора либо отсутствует вовсе, либо следует за употреблением классификатора. Однако такие примеры крайне малочисленны и не являются предметом настоящей работы.

трёхногий человек, летающий слон). Комиксы представляют собой прекрасный материал для выявления самого широкого спектра классификаторов разного типа и поэтому были использованы для сбора корпуса пересказов при участии носителей РЖЯ. В результате анализа данного корпуса был описан инвентарь семантических классификаторов РЖЯ, который однако требует некоторых уточнений и дополнительных элицитативных данных.

В частности, в процессе работы над созданием инвентаря семантических классификаторов РЖЯ было обнаружено, что области референции многих классификаторов пересекаются, то есть отсылка к одному референту возможна при помощи нескольких классификаторов. Более того, многие носители употребляют несколько классификаторов по отношению к одному и тому же референту внутри одного пересказа. Сразу возникает вопрос, есть ли возможность выявить закономерности использования тех или иных семантических классификаторов.

На основе данных корпуса пересказов комиксов далеко не для всех подобных случаев удалось обосновать выбор того или иного классификатора. В настоящей статье представлен один из контекстов, в котором, однако, оказалось возможным объяснить выбор классификатора, а именно выбор классификатора для одушевленных референтов с тремя конечностями. Было выявлено, что в РЖЯ для таких референтов может использоваться специальный классификатор «3» Z⁹⁴. Также было отмечено, что могут использоваться классификатор «2» Y и «1» В.

(5)

(s03 - accident 00.02.750 -00.03.330) Использование классификатора «3». Правая рука: ЛОК(центр) — КЛ(3): ТРЁХНОГИЙ ЧЕЛОВЕК — СТОЯТЬ *Трёхногий человек стоит.*

Классификатор «3» употребляется для одушевлённых референтов именно с тремя ногами [Христофорова 2017] (Пример 5). На первый взгляд сам контекст наличия трёх ног у одушевлённого существа является слишком марги-

⁹⁴ Для обозначения семантических классификаторов на письме была выбрана система нотаций, которая отождествляет конфигурацию руки при реализации классификатора с одним из лексических жестов РЖЯ. В случае классификаторов «1», «2» и «3», конфигурация руки при исполнении классификатора соответствует лексическим жестам ОДИН, ДВА и ТРИ.

нальным для выделения морфемы «3» как самостоятельный семантический классификатор. Однако, морфема «3» обладает абсолютно самостоятельной семантикой, что указывает на то, что она не может являться алломорфом другого классификатора. Мы можем подставить на месте классификатора «3» классификатор «2» и носители РЖЯ скорее всего сочтут такую конструкцию верной, но мы не можем заменить классификатор «2» классификатором «3» в каких либо случаях кроме отсылок к трёхногим существам. Следовательно, классификатор «3» не может рассматриваться как вариант конфигурации классификатора «2». Классификатор «3» так же является именно семантическим классификатором, а не спецификатором размера и формы⁹⁵, так как конфигурация руки при исполнении данного классификатора не меняется при изменении конфигурации нижних конечностей референта.

Классификатор «2» используется для одушевлённых референтов, у которых в принципе есть нижние конечности в любом количестве. Такое определение семантики данного классификатора мотивировано относительно новыми данными, собранными в процессе разработки инвентаря семантических классификаторов. Ранее предполагалось, что классификатор «2» отсылает к референтам с двумя ногами [Христофорова 2016]. Исследование множества референтов классификатора «2», показало, что среди референтов классификатора «2» встречаются не только люди, но и четвероногие животные и интересующие нас трёхногие существа (Пример 4). Соответственно классификатор «2» связан в первую очередь с одушевлённостью, а не с количеством конечностей. Однако мы не можем утверждать, что классификатор «2» совсем не связан с наличием ног, так как в корпусе не было одушевлённых референтов без ног, на которых можно было бы это проверить.

(6)

(s06 — alien 00.47.300 — 00.48.040) Использование классификатора «1»

⁹⁵ Спецификаторы размера и формы – тип классификаторов, который описывает своих референтов при помощи иконического описания их формы или размера. Классификаторы данного типа отличаются от семантических классификаторов в первую очередь тем, что меняют свою конфигурацию согласно изменениям формы референта. В тоже время семантический классификатор описывает семантические свойства референта и сохраняет свою конфигурацию вне зависимости от изменения формы или размера описываемого объекта.

Правая рука: ЛОК(слева) — КЛ(1): ИНОПЛАНЕТЯНИН — ПОДОЙТИ — ЛОК(центр)

Левая рука: ЛОК(центр) — КЛ(С): ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА — НАХОДИТСЯ

261

Инопланетянин подошёл к летающей тарелке.

Классификатор «1» употребляется для референтов длинной и тонкой формы и не связан с одушевлённостью референта или количеством ног у референта (Пример 6). Человек является наиболее распространённым референтом данного классификатора, однако классификатор применим к любым объектам продолговатой формы. Согласно данным корпуса все три рассмотренных выше классификатора могут отсылать к одушевлённым существам с тремя конечностями.

Материал исследования

Для того, чтобы изучить закономерности употребления классификаторов для «трёхногих одушевлённых существ» был использован корпус пересказов комиксов [Христофорова 2017], а именно подкорпус пересказов двух комиксов, в которых фигурируют одушевлённые существа с тремя нижними конечностями. Трёхногие существа были введены в комикс с целью исследовать использование классификаторов для одушевлённых существ в нестандартных контекстах [Zwitserlood 2003]. Рассмотрим сюжеты обоих комиксов.

Один из комиксов посвящён трёхногому человеку. Трёхногий человек переходит дорогу и его сбивает машина. В результате несчастного случая трёхногий человек лишается одной ноги. Скорая машина забирает человека и его оторванную ногу в больницу, где человеку пришивают недостающую конечность. Главный герой приходит в себя в больнице, обнаруживает у себя все три ноги, покидает госпиталь.

Второй комикс рассказывает о прилёте инопланетянина с тремя ногами на Землю. Инопланетянин сразу после прилёта встречает мальчика. Мальчик пугается инопланетянина и бежит к маме. Инопланетянин встречается с мамой мальчика, влюбляется в неё и пытается поцеловать. Мама мальчика устраивает с инопланетянином драку, после чего побитый инопланетянин возвращается на свою летающую тарелку и улетает.

Подкорпус пересказов двух данных комиксов представляет собой восемь пересказов, записанных от пяти носителей РЖЯ, общей продолжительностью десять минут. Все видеозаписи подкорпуса были аннотированы в системе ELAN⁹⁶ по следующим слоям для обеих рук:

- конфигурация руки при реализации классификатора
- семантическая роль референта классификатора
- референт классификатора
- основные семантические признаки референта классификатора

Всего в подкорпусе было найдено 49 вхождений семантических классификаторов для трёхногих референтов, 17 из которых приходятся на семантиче-

⁹⁶ [URL: <http://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan>]

Гипотеза

При поверхностном изучении видеозаписей подкорпуса, была выдвинута гипотеза о том, что на выбор классификатора «3» для трёхногих одушевлённых существ влияет определённая коммуникативная структура пересказа. Как было приведено выше, классификатор «3» употребляется только в тех случаях у персонажа фактически три нижние конечности (для одного трёхного человека количество ног — величина непостоянная, в то время как количество нижних конечностей у инопланетянина не меняется в течение комикса). В то же время классификаторы «1» и «2» так же могут отсылать к трёхному существу. При этом сразу становится очевидным, что использование классификатора «3» не распределено равномерно на протяжении всего пересказа: информанты склонны использовать классификатор «3» лишь на определённых участках пересказа. Наибольшее внимание привлекает тот факт, что эти участки никак не связаны с фактическим количеством нижних конечностей у персонажа в описываемый момент сюжета. В связи с этим было выдвинуто предположение, что использование классификатора «3» связано не только с наличием трёх конечностей у референта, но и с определённой коммуникативной организацией речи. Употребления классификаторов «1» и «2», однако, распределены равномерно на протяжении всего пересказа, что не позволяет построить какой-либо гипотезу по поводу причин выбора между классификаторами «1» и «2».

Практическая часть и результаты исследования

Как уже было указано в разделе 3 настоящей статьи, материалом для исследования послужили восемь пересказов комиксов про трёхногого человека и трёхного инопланетянина. Прежде всего мы провели внимательный анализ сюжетов обоих комиксов (краткое содержание комиксов см. в разделе 3). Комикс про трёхного человека имеет два ключевых момента сюжета, в которых наличие трёх нижних конечностей играет особую роль. Первый момент, это описание нового персонажа в начале комикса, так как наличие трёх ног является нетипичным свойством человека. Момент прихода человека в сознание после операции, в результате которой у главного героя снова становится три ноги, так же не может обойтись без указания на факт наличия трёх конечностей. Так как описание внешности персонажа находится в начале всех рассматриваемых нами пересказов, а приход героя в сознание является развязкой сюжета и располагается в конце пересказов, мы разделили все пересказы на три равных отрезка. Таким образом два описанных выше сюжетных момента оказались соответственно во всех пересказах в первом и в третьем отрезках.

Дальнейшие действия заключались в фиксации времени всех вхождений семантических классификаторов с референтом «трёхногий человек». Для каждого вхождения было определено, к какому отрезку пересказа относится данное употребление классификатора. Отдельное внимание уделялось

фактическому наличию трёх конечностей у референта на момент описания сюжета. Если у человека на момент употребления семантического классификатора не три ноги, а две (одна нога оторвана в результате несчастного случая), такие вхождения классификаторов не учитывались. Таким образом мы получили следующее распределение употреблений классификатора «3»: из 14 употреблений классификатора по отношению к референту «трёхногий человек», 7 случаев были зафиксированы в первом отрезке пересказа, 0 случаев зафиксированы во втором отрезке пересказа и 7 в третьем отрезке пересказа. Более подробные данные с тайм-кодами вхождений классификатора «3» и временными границами отрезков пересказа представлены в таблице Таблица 1.

Таблица 1

№ инф-та	Время вхождения «3»	Общая длина пересказа	№ отрезка пересказа
s01	01.43.350	01.53.000	3
s03	00.02.750	00.43.000	1
s03	00.04.760	00.43.000	1
s03	00.07.420	00.43.000	1
s03	00.39.702	00.43.000	3
s03	00.41.332	00.43.000	3
s04	00.05.100	01.26.000	1
s04	00.09.340	01.26.000	1
s04	00.13.750	01.26.000	1
s04	01.18.650	01.26.000	3
s04	01.22.640	01.26.000	3
s04	01.24.585	01.26.000	3
s06	00.03.680	01.06.000	1
s06	00.56.605	01.06.000	3

Таблица 1. Тайм-коды вхождений классификатора «3» для референта «человек с тремя ногами» с указанием номера отрезка пересказа.

Соотношение между количеством вхождений классификатора «3» в разных отрезках пересказов наглядно показывает, что информанты предпочли использовать рассматриваемый нами классификатор в первом и третьем отрезке в равных пропорциях, но они не используют «3» во втором отрезке, то есть в центральной части пересказа. В то же время анализ содержания центральных частей пересказов показал, что использование классификатора «3» не ограничено по каким-либо известным нам семантическим причинам, то есть мы наблюдаем контексты наличия трёх конечностей у персонажа (например, момент, когда персонаж идёт по улице и ещё не лишился ноги) в центральной части пересказов. Соответственно согласно полученным нами данным в центральной части пересказов все информанты отсылали к трёхногую человеку при помощи классификаторов «2» и «1». В связи с этим

мы можем сделать вывод, что употребление классификатора «3» в первом и третьем отрезках пересказов связано с тем, что пересказы в этих отрезках содержат описания моментов сюжета, для которых важен фокус на трёх конечностях персонажа.

Далее мы проверили нашу гипотезу на пересказах второго комикса, комикса про инопланетянина. Анализ сюжета второго комикса показывает, что наличие именно трёх ног у инопланетянина не играет такой важной роли, как в описанном выше комиксе, так как нижние конечности сами по себе не фигурируют в сюжете комикса про инопланетянина. Однако при описании облика инопланетянина, которое логично ожидать в самом начале пересказов, указание на количество конечностей может быть релевантным. По аналогии с анализом комикса про трёхногого человека мы разделили пересказы комикса про инопланетянина так же на три части, предполагая, что мы увидим концентрацию вхождений классификатора «3» именно в первых частях пересказов. Стоит отметить, что классификатор «3» употреблён для трёхногого инопланетянина всего три раза. Такое малое количество вхождений можно объяснить тем, что наличие трёх ног у инопланетянина является менее нестандартной ситуацией нежели наличие трёх ног у инопланетянина. Соответственно, исходя из нашей гипотезы, мы можем обосновать столь малое количество вхождений «3» в пересказах данного комикса меньшим акцентом на наличие трёх конечностей у инопланетянина по сравнению с акцентом на наличие трёх ног у человека.

Что касается распределения этих трёх вхождений по отрезкам пересказов, то мы получаем следующие соотношения: 3 вхождения классификатора «3» в первом отрезке пересказов; 0 вхождений классификатора «3» во втором отрезке пересказов; 0 вхождений классификатора «3» в третьем отрезке пересказов. Само по себе такое распределение не показательно в силу слишком малого количества вхождений, однако мы рассматриваем полученный результат в качестве подтверждения нашей гипотезы: несмотря на то, что инопланетянин имеет три конечности на протяжении всего комикса, классификатор «3» используется информантами в самом начале пересказа, то есть в первом отрезке. В остальных случаях используются классификаторы «2» и классификаторы «1». Необходимо уточнить, что классификатор «3» рассматривается нами именно в классификаторных предикатах, то есть омонимичные конфигурации руки, участвующие непосредственно в описании облика персонажа, мы не рассматриваем. Полученные нами три вхождения классификатора «3» относятся к классификаторным предикатам, которые следуют за описанием персонажа.

Полученные нами данные относительно распределения вхождений классификатора «3» относительно отрезков пересказов первого и второго корпуса дают нам возможность сделать вывод, что использование данного классификатора связано с коммуникативной структурой пересказов, а именно с фокусом на сюжетной важности наличия трёх конечностей. Классификаторы «1» и «2» распределены равномерно во всех пересказах обоих рассматриваемых нами

комиксов. Такой результат согласуется с данными о выборе между классификаторами, полученными в процессе работы над инвентарём семантических классификаторов РЖЯ [Христофорова 2017].

Заключение

Из корпуса пересказов комиксов мы выделили подкорпус пересказов двух корпусов, главные герои которых имеют три конечности. Мы разделили все пересказы на три равные части и посмотрели распределение употреблений классификаторов «3», «1» и «2» по этим трём частям во всех пересказах. Классификаторы «1» и «2» были распределены равномерно в то время, как вхождения классификатора «3» распределены неравномерно. Вхождения классификатора «3» соответствуют моментам пересказа, имеющим фокус на наличии трёх конечностей. Соответственно мы можем утверждать, что использование классификатора «3» носителями РЖЯ обусловлено не только наличием трёх ног у одушевлённого референта, но и определённой коммуникативной структурой нарратива.

Полученный нами результат является одним из немногих примеров обоснования выбора того или иного классификатора в ситуации пересечения областей референции нескольких семантических классификаторов. В процессе разработки инвентаря семантических классификаторов [Христофорова 2017] лишь для двух типов контекстов были выявлены закономерности употребления семантических классификаторов, одним из которых является употребление классификатора для трёхногих одушевлённых существ. Второй контекст выбора между классификаторами, который удалось обосновать на основе корпусных данных, представляет собой выбор семантического классификатора «fingertip» для объектов, которые находятся в отдалении [Христофорова 2017]. Классификатор «fingertip» используется для любых референтов и является наиболее нейтральным семантическим классификатором, описывая своих референтов по семантическому признаку наличия в пространстве. Однако в тех случаях, когда речь идет о референтах, которые находятся в момент описания далеко от говорящего (или от персонажа, от лица которого говорящий повествует), этот классификатор употребляется значительно чаще.

Мы так же можем считать настоящую работу первым исследованием влияния коммуникативной структуры дискурса на использования семантических классификаторов в русском жестовом языке, так как предшествующие работы, посвящённые коммуникативной структуре РЖЯ [Kimmelman 2014] не рассматривают влияние коммуникативной структуры на использование классификаторов. В дальнейшем мы считаем перспективным исследовать другие возможные причины выбора семантических классификаторов в ситуации пересечения областей референции и их связь с коммуникативной организацией речи. Дальнейшую работу по исследованию выбора между классификаторами необходимо делать при помощи дополнительного элициативного исследования по каждому из классификаторов. Это связано с тем, что корпус пересказов комиксов даёт лишь общее представление о многообразии семантических классификаторов РЖЯ, но не может предоставить

Литература

Зайцева 1991 — Зайцева Г.Л. Дактилология. Жестовая речь. Учебное пособие для педагогических институтов. М.: Просвещение, 1991

Прозорова 2007 — Прозорова Е.В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования. Вопросы языкознания. 2007. М., № 1, с. 44-61

Христофорова 2016 — Христофорова Е.А. Семантические классификаторы русского жестового языка. Курсовая работа. М.: РГГУ, 2016

Христофорова 2017 — Христофорова Е.А. Инвентарь семантических классификаторов русского жестового языка. Дипломная работа. М.: РГГУ, 2017

Aikhenvald 2000 — Aikhenvald A. Y. Classifiers: A Typology of Noun Categorization Devices. Oxford: Oxford University Press, 2000

Fishberg 1975 — Fishberg N. Arbitrariness and Iconicity: Historical Change in American Sign Language. Language. Vol. 51, 1975, pp. 696-719

Kimmelman 2014 — Kimmelman V. Information structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. PhD Dissertation, University of Amsterdam, 2014

Matsumoto 1993 — Matsumoto Y. Japanese Numeral Classifiers: A Study of Semantic Categories and Lexical Organization. Linguistics 31, 1993, pp. 667-713.

Mithun 1997 — Mithun M. Lexical affixes and morphological typology. // J. Haiman, J. Bybee, S. Thompson (eds.) Essays on Language Function and Language Type. Amsterdam: John Benjamins, 1997, pp. 357–372.

Sandler & Lillo-Martin 2006 — Sandler W., Lillo-Martin D. Sign Languages and Linguistic Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 2006

Supalla 1986 — Supalla T.R. The Classifier System in American Sign Language. // Craig, C. (Ed.) Noun Classes and Categorization, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986. pp. 181-214

Zwitsersloot 2003 — Zwitsersloot I. Classifying Hand Configurations in Nederlandse Gebarentaal (Sign Language of the Netherlands). PhD Dissertation, Utrecht University. Utrecht: LOT, 2003

Электронные ресурсы

ELAN. Max Planck Institute for Psycholinguistics, The Language Archive, Nijmegen, The Netherlands. URL: <http://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan>

Екатерина Анатольевна Лютикова, Антон Владимирович Циммерлинг

Параметрическая грамматика и семантика

В статье характеризуется роль семантики в современной лингвистической типологии и обосновывается необходимость применения семантического аппарата для параметризации многофакторных морфосинтаксических феноменов.

Ключевые слова: параметрическая грамматика, лингвистическая типология, семантика, языковое варьирование, интерфейсы, падеж, согласование, контроль, грамматические категории

Даниил Борисович Тискин

Дублирование вершины при сочинённом комплементе: данные русского языка

В работе представлены данные русского языка, в котором вершина (предлог, ограничительная частица, отрицание и т. д.), комплементом которой является конъюнкция, может дублироваться при каждом из конъюнктов, при том, что результирующая структура оказывается семантически неинтерпретируемой или интерпретируется, как если бы дублирования не было. Рассматриваются различные варианты анализа таких случаев: озвучивание нижней копии вершины наряду с верхней, а также постсинтаксическое передвижение вершины к каждому из конъюнктов Across-the-Board.

Ключевые слова: дублирование, отрицание, передвижение Across-the-Board, постсинтаксическое передвижение, предлоги, русский язык, сочинение.

Ирина Сергеевна Бурукина

О возможности подъёма подлежащего в русском языке

В статье рассматривается возможность подъёма вложенного подлежащего в матричную клаузу (subject raising) в русском языке. Демонстрируется, что, несмотря на общепринятое в современной генеративной лингвистике мнение, русский язык допускает подъём подлежащего в конструкциях с глаголами помочь и помешать: подлежащее инфинитивного оборота получает тематическую роль от вложенного предиката и в то же время проявляет свойства матричного зависимого. Это ставит под сомнение существующие ограничения на синтаксический подъём и требует общего пересмотра современной теории.

Ключевые слова: подъём подлежащего, объектный контроль, нефинитная клауза

Антон Владимирович Циммерлинг

Есть ли согласование? Гипотеза Пospelова и конкуренция предикативов и согласуемых прилагательных в русском языке

В статье анализируется семантико-синтаксический интерфейс русского языка на примере нескольких конструкций с именными предикативами и проверяются ранее высказанные в русистике гипотезы о корреляции между таксономическим предикатным значением этих конструкций и отсутствием

субъектно-предикатного согласования. Омонимия несогласуемых предикативов и согласуемых адъективов системно важна для русской грамматики. Употребление форм творительного падежа среднего рода прилагательных в контексте VLINK — Z-ым, что Р отражает механизм подъема сентенциального аргумента и может рассматриваться как нестандартная форма согласования или субъектного контроля.

Ключевые слова: предикативы, согласование, подлежащее, сентенциальный аргумент, подъем, семантико-синтаксический интерфейс

Ольга Владимировна Митренина

Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа

В работе предлагается анализ структуры дативно-инфинитивных предложений на основе дистрибутивной морфологии. Предполагается наличие в этих предложениях двух клауз: внутренняя клауза включает в себя инфинитивное предложение, а внешняя содержит скрытый матричный предикат, сформированный морфосинтаксическими признаками EXIST+HAVE и некоторым дополнительным материалом из предикации на правой периферии. При этом быть рассматривается как вспомогательный, а не как экзистенциальный глагол. Данная схема помогает объяснить некоторые особенности дативно-инфинитивных предложений.

Ключевые слова: дательный падеж, инфинитивы, посессивность, дистрибутивная морфология.

Мария Владимировна Трубицина

Несубстантивные названия в русском языке: к вопросу о полноте парадигм

В настоящей статье описаны морфосинтаксические свойства названий, а именно их способность к контролю согласования и падежному маркированию. Предложена классификация названий, основанная на комбинации значений двух признаков: субстантивированности и наличия внутренней структуры. Основывающаяся на значении упомянутых параметров классификация призвана объяснить обширную вариативность морфосинтаксических свойств внутри множества названий.

Ключевые слова: названия, имена собственные, структура ИГ, субстантивация, неполная парадигма, падежное маркирование, согласование.

Джузенне Торчолаччи

The syntax-morphology interplay on southern Italo-Romance verbal inflection

Задача настоящей статьи – пролить свет на природу морфологии глагольного согласования в ряде итало-романских диалектов юга Италии. В статье будет показано, что морфонологическая форма и дистрибуция лично-числового маркирования глаголов в этих диалектах полностью зависит от их морфосинтаксических компонентов. В этой связи будет рассмотрено два класса глаголов – лексические и вспомогательные. Мы считаем, что сущест-

ование различных стратегий лично-числового маркирования обусловлено различной синтаксической природой этих классов глаголов.

269

Ключевые слова: глагольное согласование, дистрибутивная морфология, южноитальянские диалекты

Пайял Хуллар

Syntactic Doubling of Agreement Features in Awadhi: A Functional Perspective

Настоящее исследование посвящено изучению синтаксического удвоения в Авадхи. Предшествующий анализ и статистическое тестирование явления с использованием базы данных крупномасштабных диалектных проектов предполагает, что это явление значительно более распространено в диалектах, чем в стандартной разновидности языка, однако причины такого распределения остаются необъяснёнными. В настоящей статье феномен объясняется тенденцией к избавлению от семантически избыточных элементов в стандартном литературном языке.

Ключевые слова: авадхи, копирование признаков, семантическая избыточность

Пётр Михайлович Аркадьев

Дейктические превербы адыгских языков и типология инверсива

Цислокативный глагольный префикс в полисинтетических адыгских языках, помимо пространственного значения ‘по направлению к говорящему’, появляется при некоторых комбинациях личных показателей в многоместных глаголах, а именно там, где не прямой объект выше субъекта в иерархии $1 > 2 > 3_{\text{proximate}} > 3_{\text{obviative}}$. Несмотря на то, что это сближает использование адыгского цислокативного префикса с отмеченной в целом ряде языков категорией инверсива, в статье показывается, что «адыгский инверсив» весьма далёк от типологического «канона» этой категории. Во-первых, использование «инверсивного» префикса в адыгских языках избыточно, поскольку на соотношение между ролями и лицами актантов однозначно указывает позиция личных префиксов, во-вторых, «адыгский инверсив» нечувствителен к синтаксической переходности.

Ключевые слова: адыгские языки, инверсив, вершинное маркирование, лингвистическая типология

Евгения Сергеевна Клягина

Зона «сверхпрошлого» в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка

Статья посвящена выражению значений сверхпрошлого в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка, обладающего рядом нетривиальных черт для типологии абхазо-адыгских языков и типологии прошедших времен в целом. В кубанском диалекте, во-первых, насчитывается семь специализированных показателей зоны сверхпрошлого: три синтетические формы и четыре аналитические. Во-вторых, в нем сохраняется противопоставление перфектива и имперфектива в данной семантической зоне. В-третьих, из-за

малой употребительности специализированных аналитических форм имперфективного сверхпрошлого в кубанском при довольно четком различении перфективных значений прошлого и сверхпрошлого фактически отсутствует их противопоставление в имперфективных контекстах.

Ключевые слова: абхазо-адыгские языки, видо-временные категории, сверхпрошрое, оппозиция имперфектива и перфектива, морфология.

Дарья Дмитриевна Мордашова

Когнаты глагола *vilja в скандинавских языках: на пути грамматикализации

Статья посвящена когнатам глагола *vilja ‘хотеть’ в современных скандинавских языках. Для исследуемых глаголов выявляется спектр значений, передаваемых ими на синхронном уровне, а также релевантные параметры межъязыкового варьирования. Для соответствующих значений предлагается карта семантических переходов, иллюстрирующая возможные пути грамматикализации волитивных глаголов в языках скандинавского ареала.

Ключевые слова: скандинавские языки, грамматикализация, волитивные глаголы, внутригенетическая типология.

Андрей Болеславович Шлуинский

Конструкции с предикативным причастием в лесном диалекте энецкого языка

В статье рассматриваются конструкции с предикативными употреблениями причастий в лесном диалекте энецкого языка: конструкция с предикативным употреблением собственно причастий и конструкция с предикативным употреблением вершинного имени с причастием. Анализ как количественных данных корпуса текстов, так и их семантики показывает, что первая конструкция представляет собой начальную стадию грамматикализации, а вторая – плеонастический риторический прием.

Ключевые слова: энецкий язык, самодийские языки, причастия, именные предикаты, грамматикализация.

Надежда Владимировна Макеева, Андрей Болеславович Шлуинский

Битранзитивная конструкция в языке акебу

В статье рассматривается битранзитивная конструкция в языке акебу семьи ква. В акебу представлены три стратегии оформления битранзитивных глаголов при выражении обоих объектов: нейтральная стратегия; стратегия с местоименной репризой; стратегия с конструкцией на базе посессивной. Для местоименного реципиента характерны нейтральная стратегия и стратегия с местоименной репризой, а для полной именной группы реципиента – конструкция на базе посессивной.

Ключевые слова: язык акебу, языки ква, битранзитивная конструкция, дитранзитивная конструкция, посессивная битранзитивная конструкция, нейтральная битранзитивная конструкция.

В статье обсуждается распределение направительных и локативных падежей в финно-пермских языках. Типологическая особенность финно-пермских языков в данном аспекте заключается в том, что направительные падежи имеют нетипично широкий спектр функций, выступая в ряде контекстов, где ожидаемо локативное маркирование (например, остаться где-л., построить что-л. где-л.). Ранее данный феномен подробно исследовался только на финском материале. Мы показываем, что он является общефиннопермской особенностью, анализируем нюансы его реализации в отдельных финно-пермских языках и предлагаем теоретическую трактовку.

Ключевые слова: пространственная семантика, пространственные падежи, лингвистическая типология, финно-пермские языки, семантические роли

Ирина Андреевна Хомченкова, Мария Александровна Сидорова

Неканонические функции комитатива в горномарийском языке

В данной работе мы рассмотрим элементы «комитативной зоны» в горномарийском языке: -ge (традиционно трактуется как показатель комитатива), -n'ek (словообразовательный показатель собирательных числительных), xälä 'целиком'. Несмотря на то, что в работах предшественников они связываются со значениями, причисляемыми в типологии к сфере употребления комитатива, в нашем материале они практически не употребляются в прототипических комитативных контекстах, а развивают другие функции. Мы полагаем, что данные единицы содержат в своей семантике квантор всеобщности, что обеспечивает исчерпывающую интерпретацию в квантифицированной именной группе. В данной статье мы покажем возможные пути развития кванторных функций у комитативных показателей в горномарийском языке, в качестве внутригенетического фона используя также материал мокшанского языка.

Ключевые слова: комитатив, собирательные числительные, количественные конструкции, квантификация, горномарийский, мокшанский, финно-угорские языки

Елена Леонидовна Рудницкая

Делимитативный аффикс -riktV- и фокусная частица (h)ələ в эвенкийском языке как вершины двух разных проекций DelimP и FocP

В статье сравниваются ограничительная "словообразовательная частица" -riktV- и фокусная частица (h)ələ. -RiktV- это делимитативный (или рестриктивный) словообразовательный аффикс, близкий по значению к tol'ko (tol'ko было заимствовано из русского языка и также используется в устных рассказах). (H)ələ 'вот, только' это фокусная частица, которая маркирует узкий фокус; в сегодняшнем эвенкийском это также коннектор, который вводит широкий фокус. У (h)ələ довольно абстрактное значение, близкое к так называемым "фокусным клитикам" ($=dV$, $=kV$, $=tV$ и др.), и позиция в предложении у (h)ələ относительно свободная.

Ключевые слова: эвенкийский язык, частицы, делимитация, фокус

Аппроксимативные количественные конструкции как контекст для именных групп малой структуры в мокшанском и горномарийском языках

Данное исследование посвящено структуре аппроксимативных количественных конструкций в мокшанском и горномарийском языках. Квантифицирующие элементы количественных конструкций могут иметь различный категориальный статус, а показатель приблизительности может занимать различные структурные позиции в именной группе. Согласно предложенному анализу, в одних языках аппроксимативный показатель может присоединяться лишь к числительным и именным квантификаторам, тогда как в других — оформлять небольшие группы лексических существительных, являясь тем самым контекстом для групп малой структуры.

Ключевые слова: мокшанский, горномарийский, финно-угорские языки, синтаксис, именная группа, формальный подход, приблизительность, числительные, количественные конструкции, псевдопартитивные конструкции.

Алексей Андреевич Козлов

Горномарийская частица =ok и грани эмфатической идентичности

Статья описывает семантику фокусной частицы =ok в горномарийском языке. Автор показывает, что эта частица вводит две пресуппозиции: исчерпывающую пресуппозицию и пресуппозицию данности фокусного референта. Это предположение позволяет описать разные типы использования =ok, которые на первый взгляд кажутся разнородными.

Ключевые слова: фокусные частицы, горномарийский язык

Евгения А. Христофорова

Влияние коммуникативной организации речи на выбор семантического классификатора

Семантические классификаторы жестового языка — особые конфигурации руки, которые комбинируются с глаголом движения и описывают референт, относя его к тому или иному семантическому классу. Было выявлено, что одушевленные референты с тремя конечностями могут описываться в русском жестовом языке при помощи трёх разных семантических классификаторов. Благодаря анализу корпуса пересказов комиксов была выдвинута гипотеза о том, что выбор между классификаторами обусловлен коммуникативной структурой пересказов, а именно наличием или отсутствием фокуса на количестве конечностей у персонажей. Данная гипотеза подтвердилась благодаря анализу распределения вхождений классификаторов в разных отрезках пересказов и соотношению времени вхождений с фокусом на наличии трёх конечностей по сюжету комикса.

Ключевые слова: жестовые языки, русский жестовый язык, семантические классификаторы, естественный дискурс, коммуникативная структура, морфология жестовых языков, корпусное

Ekaterina Lyutikova, Anton Zimmerling

Parametric grammar and semantics

This paper is addressed the role of semantics in modern linguistic typology. We argue that semantic analysis is essential for the parametrization of multifactor morphosyntactic mechanisms.

Keywords: parametric grammar, linguistic typology, semantics, cross-linguistic variation, interfaces, case, agreement, control, grammatical categories

Daniel Tiskin

Head Doubling under Complement Coordination: Evidence from Russian

The paper presents new as well as known Russian data where a head—a preposition, the particle *tol'ko* ‘only’, negation, etc.—whose complement is conjunctive has an occurrence at each conjunct. Such configurations are detectable where the resulting structure is uninterpretable on the surface because the head semantically requires a plural complement but each conjunct is singular, or gets interpreted as if no doubling took place. I discuss two possible analyses for such deviant configurations—Across-the-Board movement with incomplete deletion of lower copies and the post-syntactic lowering of the head onto each of the conjuncts.

Keywords: Across-the-Board movement, conjunction, doubling, negation, prepositions, PF lowering, Russian.

Irina Burukina

On the possibility of subject raising in Russian

The present paper investigates the possibility of long distance subject raising in Russian. We demonstrate that at least one case of subject-to-object raising can be found in Russian: constructions with the verbs *pomoč* ‘help’ and *pomešat* ‘prevent’. We suggest that in such sentences a dative DP is base-generated as the subject of an embedded infinitival clause, receiving a thematic role from the embedded predicate, and undergoes obligatory movement into the matrix clause. This phenomenon questions the generally accepted ‘tensedness’ / CP restriction for subject-to-object raising.

Keywords: subject-to-object raising, object control, non-finite clause

Anton Zimmerling

Nowhere agreement: Pospelov’s hypothesis or Russian predicatives against Russian adjectives

This paper discusses the syntactic-semantic interface of Russian with focus on Russian constructions with non-agreeing nominal predicatives. I check the claims previously advanced by Nicolai S. Pospelov and Lev V. Shcherba about the correlation between the taxonomic semantics of these constructions and the

absence of the subject-predicate agreement. The homonymy of non-agreeing predicatives and agreeing adjectival elements is a milestone of Russian grammar. The assignment of the predicative instrumental to adjectival elements filling in the frame VLINK — Z-ым, that P is triggered by raising of the sentential argument and can be viewed as a non-trivial case of predicate agreement or subject control.

Keywords: predicatives, agreement, subject, sentential arguments, raising, syntactic-semantic interface

Olga Mitrenina

Dative-Infinitive Construction in Russian as Prepositional Phrase

This paper suggests a structure underlining the dative-infinitive construction in Russian. The structure is biclausal: the embedded clause includes the infinitive, whereas the matrix clause is headed by a hidden matrix predicate formed by morphosyntactic features EXIST+HAVE and some material from the predication of the matrix clause. Byt' 'to be' is the auxiliary and not the existential verb. This approach enables us to explain some peculiarities of the dative-infinitive construction in Russian.

Keywords: Dative case, infinitives, possession, distributed morphology

Maria Trubitsina

Non-substantive titles in Russian: on the paradigmatic completeness

The paper discusses morphological and syntactic properties of Names (including titles) in Russian such as their ability to control agreement and bear a case marker in certain instances. I suggest a classification of such expressions that is based on the two parameters: a) substantivation; b) presence of internal structure. I account for the variation across Names by dividing them into three classes that have different combinations of values of two parameters mentioned above.

Keywords: names, proper names, NP structure, substantivation, case deficiency, case marking, agreement.

Giuseppe Torcolacci

The syntax-morphology interplay on southern Italo-Romance verbal inflection

The gist of this paper is to shed light on the nature of verbal agreement morphology of a set of southern Italo-Romance dialects. Specifically, it will be proposed that the shape and distribution of person and number marking on southern Italo-Romance verbs is purely dependent on morphosyntactic ingredients. In this respect, two classes of verbs will be explored, amongst which lexical verbs, on a side, and auxiliaries, on the other, the different syntactic nature of which will be considered to be the trigger for different person and number marking strategies.

Keywords: verbal inflection, ϕ -agreement, Distributed Morphology, southern Italian dialects.

In the context of comparative micro-variation syntactic studies, previous analysis and statistical testing of Syntactic Doubling using the database of large-scale dialectal projects suggests that this phenomenon is much more frequent and pervasive in dialects than in the standard variety of a language, and one of the questions that remains unanswered is why. The present paper proposes that normative pressure to remove semantically superfluous elements is generally higher on the standard variety of a language than on the dialects and that is the reason why in the case of the former, frequent and extensive syntactic doubling has not been reported.

Keywords: Awadhi, syntactic doubling, feature copying, syntactic redundancy

Peter Arkadiev

Deictic preverbs in Circassian and the typology of the inersive

The cislocative verbal prefix in the polysynthetic Circassian languages, besides its spatial use ('hither'), can occur in certain person-role configurations of polyvalent verbs, i.e. when the indirect object outranks the subject on the person hierarchy $1 > 2 > 3_{\text{proximate}} > 3_{\text{obviative}}$. It is argued that while this makes the use of the Circassian cislocative similar to inverse markers of other languages, the "Circassian inverse" is highly non-canonical due, first, to its formal redundancy (the mapping between persons and roles in unambiguously signalled by the position of personal prefixes), and, second, to its non-occurrence in prototypical transitive constructions.

Keywords: Circassian languages, direct-inverse systems, participant indexing, linguistic typology

Eugenia Klyagina

The zone of «superpast» in the Kuban dialect of the Kabarda-Circassian language

The article deals with pluperfect (discontinuous past) tenses in the Kuban dialect of Kabardian (East Circassian). The system of past tenses of Kuban Kabardian features several non-trivial properties interesting both for the typology of North-West Caucasian and for the general typology of past tense systems. First, Kuban Kabardian has as much as seven pluperfect forms (three synthetic and four analytic forms). Second, Kuban Kabardian has a clear opposition of imperfective and perfective aspects in the discontinuous past zone. Third, while the perfective meanings are expressed by different markers in the past and the discontinuous past zones, this opposition is almost neutralized in imperfective contexts due to the rare use of the analytic pluperfect forms specialized in the imperfective discontinuous past.

Keywords: pluperfect, discontinuous past, tense systems, North-West Caucasian languages, opposition of imperfective and perfective aspects, morphology

Daria Mordashova

Cognates of the verb *vilja in Scandinavian: on the grammaticalization path

This paper considers the cognates of the verb *vilja ‘to want’ in modern Scandinavian languages. I analyze the range of synchronic lexical and grammatical meanings of the verbs, as well as the parameters of intralinguistic variation. The results are summarized on a semantic map which displays several possible grammaticalization paths for Scandinavian volitive verbs.

Keywords: Scandinavian languages, grammaticalization, volitive verbs, intragenetic typology.

Andrey Shluinsky

Predicative participles in Forest Enets

The paper deals with predicative participles in Forest Enets that take part in two constructions. In one of them, a participle is a predicate itself; in the other one, a noun phrase with a head noun and a participle is a predicate. Having analyzed both frequencies from a text corpus and meanings, I conclude that the former construction represents an initial stage of a grammaticalization process, and the latter construction is just a plenastic rhetorical device.

Keywords: Enets, Samoyedic, participles, nominal predicates, grammaticalization

Nadezhda Makeeva, Andrey Shluinsky

Ditransitive construction in Akebu

The paper deals with the ditransitive construction in Akebu, a Kwa language. Akebu has three strategies of alignment of ditransitive verbs, if both objects are expressed: neutral strategy; strategy with a pronominal reprise; strategy based on a possessive construction. Pronominal recipients tend to be expressed with the neutral strategy and strategy with a pronominal reprise, and full noun phrase recipients are normally expressed with the strategy based on a possessive construction.

Keywords: Akebu, Kwa, ditransitive construction, possessive ditransitive construction, neutral ditransitive construction

Lev Kozlov

The Directive-Locative Concurrency in Finno-Permic Languages

The paper focuses on distribution between directional and locational cases in Finno-Permic languages. Typological peculiarity of Finno-Permic in this aspect is that directional cases have a wide spectrum of functions, occurring in a number of contexts where a locative marking is rather expected (e. g. remain somewhere, build smth. somewhere). This phenomenon was earlier discussed in detail only in Finnish. We demonstrate that it is actually a common Finno-Permic feature, analyze nuances of its realization in particular Finno-Permic languages and propose a theoretical interpretation.

Keywords: spatial semantics, spatial cases, linguistic typology, Finno-Permic languages, semantic roles

In this paper we will discuss the elements of “comitative” domain in Hill Mari: -ge (traditionally interpreted as comitative marker), -n’ek (word-forming marker of collective numerals), xälä ‘entirely’. Despite the fact that in the previous research these markers are linked to meanings, analyzed in typology among comitative ones, our material shows that most often they are not used in prototypical comitative contexts, but develop other functions. We argue that these units contain the universal quantifier in their semantics, which forces the exhaustive interpretation in quantified NPs. We will show how comitative markers develop into quantifier-like items in Hill Mari, using the data of Moksha Mordvin as intragenetic background.

Keywords: comitative, collective numerals, quantified expressions, quantification, Hill Mari, Moksha Mordvin, Finno-Ugric languages

Elena Rudnitskaya

Delimiter affix -riktV- and focus particle (h)ələ in Evenki as heads of DelimP and FocP

In the paper, the ‘derivative particle’ delimiter -riktV- and the focusing particle (h)ələ are compared. -RiktV- is a delimitative/ restrictive derivation affix, and its meaning is close to the meaning of tol’ko (the latter has been borrowed from Russian, and is also used in oral stories). (H)ələ ‘so, just’ is a focalizing particle that marks narrow focus; nowadays, it is also used as a connector and introduces wide focus. (H)ələ has a rather abstract meaning that is close to so-called ‘focus clitics’ (=dV̄, =kV̄, =tV̄, etc.), and its position in the sentence is relatively free.

Keywords: Evenki, particles, delimiter, focus

Polina Pleshak, Maria Sidorova

Approximative quantative constructions as a context for small nominal in Moskva Mordvin and Hill Mari

This paper deals with syntactic structure of Quantified Expressions (with numerals and nominals quantifiers as well) in Moksha Mordvin and Hill Mari. Firstly, such quantifiers may belong to different morphosyntactic categories. Secondly, approximative marker occupies different positions within NPs. According to our analysis, some languages allow such marker to attach merely to numerals or nominal quantifiers. In other languages, approximative marker follows after a whole NP, being a context for small nominals.

Keywords: Moksha Mordvin, Hill Mari, Finno-Ugric languages, syntax, noun phrase, generative approach, approximative constructions, numerals, quantified expressions, pseudopartitive constructions.

Alexei Kozlov

Hill Mari particle =ok and aspects of emphatic identity

The article deals with the semantics of the focus particle =ok in Hill Mari. The author argues that the particle introduces two presuppositions: that of exhaustivity

and that of givenness of the focal referent. This assumption allows us to describe many uses =ok which at first glance could have seemed heterogeneous

Keywords: focus particles, Hill Mari

Eugenia Khristoforova

The impact of communicative structure on the choice of semantic classifiers

Semantic classifiers are hand configurations that combine with a verbal root and describe a referent by referring it to a particular semantic class. We found that, in Russian Sign Language, animated referents with tree legs can be indicated by three different semantic classifiers. Based on a corpus of comics retellings we predicted that the choice between these three classifiers may be motivated by a particular information structure of the discourse. Our predictions were confirmed by the distribution of the occurrences of these three classifiers throughout the retellings and their correlation with focus on the three leggedness of the referent in the plot.

Keywords: sign languages, Russian Sign Language, semantic classifiers, natural discourse, information structure, sign language morphology, corpus research.

Пайял Кхуллар

магистр лингвистики, аспирант
Международный институт информационных технологий Хидерабада
payal.khullar@research.iiit.ac.in

Джузеппе Торколаччи

Ph.D.
Университет Лейдена
giuseppeandrea1012@hotmail.com

Пётр Михайлович Аркадьев

кандидат филологических наук
Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет, доцент
peterarkadiev@yandex.ru

Ирина Сергеевна Бурукина

магистр лингвистики, аспирант
Университет имени Лóранда Ётвёша
isbms27@gmail.com

Евгения Сергеевна Клягина

Российский государственный гуманитарный университет,
студент бакалавриата
eklyagina@gmail.com

Алексей Андреевич Козлов

магистр теоретической и прикладной лингвистики
Института языкознания РАН, младший научный сотрудник
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший преподаватель
alexius.kozlov@gmail.com

Лев Сергеевич Козлов

бакалавр лингвистики
Независимый исследователь
lieoua.k@gmail.com

Екатерина Анатольевна Лютикова

доктор филологических наук
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доцент
Московский педагогический государственный университет, профессор
lyutikova2008@gmail.com

Надежда Владимировна Макеева

кандидат филологических наук
Институт языкознания РАН, научный сотрудник
umutall@yandex.ru

Ольга Владимировна Митренина

кандидат филологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет, доцент
mitrenina@gmail.com

Дарья Дмитриевна Мордашова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
студент бакалавриата
mordashova.d@yandex.ru

Полина Сергеевна Плешак

бакалавр лингвистики
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
студент магистратуры
polinapleshak@yandex.ru

Елена Леонидовна Рудницкая

доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН, Отдел языков народов Азии и Африки,
ведущий научный сотрудник
erudnitskaya@gmail.com

Мария Александровна Сидорова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
студент бакалавриата
b.originative@gmail.com

Даниил Борисович Тискин

кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра общего языкознания
daniel.tiskin@gmail.com

Мария Владимировна Трубицина

магистр лингвистики
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики, аспирант
Институт современных лингвистических исследований Московского
педагогического государственного университета, директор
jackisdead@yandex.ru

Ирина Андреевна Хомченкова

МГУ им. М. В. Ломоносова, студент бакалавриата
irina.khomchenkova@yandex.ru

281

Евгения Христофорова

Российский государственный гуманитарный университет,
студент бакалавриата
Fater3000@mail.ru

Антон Владимирович Циммерлинг

доктор филологических наук

Государственный институт русского языка имени А.С.Пушкина, профессор
Институт современных лингвистических исследований Московского
педагогического государственного университета, научный руководитель
Институт языкознания Российской академии наук, ведущий научный
сотрудник
fagraey64@hotmail.com

Андрей Болеславович Шлуинский

кандидат филологических наук

Институт языкознания РАН, заместитель директора
ashl@yandex.ru

AUTHORS' INFORMATION

Payal Khullar

Master of Linguistics

International Institute of Information Technology Hyderabad, Ph.D. Candidate

payal.khullar@research.iiit.ac.in

Giuseppe Torcolacci

Ph.D.

University of Leiden

giuseppeandrea1012@hotmail.com

Peter Arkadiev

Ph.D.

Institute of Slavic Studies RAS, Senior Researcher

Russian State University for the Humanities, Assistant Professor

peterarkadiev@yandex.ru

Irina Burukina

Master of Linguistics

Eötvös Loránd University, Ph.D. Candidate

isbms27@gmail.com

Aleksej Kozlov

Master of Theoretical and Applied Linguistics

Institute of Linguistics RAS, Junior Researcher

Higher School of Economics – National Research University, Senior Lecturer

alexius.kozlov@gmail.com

Lev Kozlov

Bachelor

Independent Researcher

lieoua.k@gmail.com

Evgenia Klyagina

Russian State University for the Humanities, Bachelor Student

eklyagina@gmail.com

Irina Khomchenkova

Lomonosov Moscow State University, Bachelor Student

irina.khomchenkova@yandex.ru

Evgenia Khristoforova

Russian State University for the Humanities, Bachelor Student
Fater3000@mail.ru

Ekaterina Lyutikova

Dr. habil.

Lomonosov Moscow State University, Assistant Professor
Moscow State University of Education, Professor
lyutikova2008@gmail.com

Nadezhda Makeeva

Ph.D.

Institute of Linguistics RAS, Researcher
umutall@yandex.ru

Olga Mitrenina

Ph.D.

Saint-Peterburg State University, Assistant Professor
mitrenina@gmail.com

Daria Mordashova

Lomonosov Moscow State University, Bachelor Student
mordashova.d@yandex.ru

Polina Pleshak

Bachelor of linguistics

Lomonosov Moscow State University, Masters Student
polinapleshak@yandex.ru

Elena L. Rudnitskaya

Dr. habil.

Institute of Oriental Studies RAS, Department of Asian and African languages,
Leading Researcher
erudnitskaya@gmail.com

Maria A. Sidorova

Lomonosov Moscow State University, Bachelor Student
b.originative@gmail.com

Daniel Tiskin

Ph.D.

Saint Petersburg State University, Dept. of General Linguistics
daniel.tiskin@gmail.com

Maria Trubitsina

Master of Linguistics

Lomonosov Moscow State University, Ph.D. Candidate

Moscow State University of Education, Institute for Modern Linguistic Research,

Director

jackisdead@yandex.ru

Anton Zimmerling

Dr. habil.

Pushkin State Russian Language Institute, Professor

Moscow State University of Education, Institute for Modern Linguistic Research,

Scientific Director

Institute of Linguistics RAS, Leading Researcher

fagraey64@hotmail.com

Andrej Shluinsky

Ph.D.

Institute of Linguistics RAS, Deputy Director

ashl@yandex.ru

Ekaterina Lyutikova, Anton Zimmerling

Parametric grammar and semantics 5

I. Parametric grammar and formal Russian linguistics

Daniel Tiskin

Head Doubling under Complement Coordination: Evidence from Russian 20

Irina Burukina

On the possibility of subject raising in Russian 34

Anton Zimmerling

Nowhere agreement: Pospelov's hypothesis or Russian predicatives
against Russian adjectives. 45

Olga Mitrenina

Dative-Infinitive Construction in Russian as Prepositional Phrase 64

Maria Trubitsina

Non-substantive titles in Russian: on the paradigmatic completeness. 71

II. Parametric typology of grammatical systems

Giuseppe Torcolacci

The syntax-morphology interplay on southern Italo-Romance
verbal inflection 84

P. Khullar

Syntactic Doubling of Agreement Features in Awadhi: A Functional
Perspective 99

Peter Arkadiev

Deictic preverbs in Circassian and the typology of the inersive. 105

Eugenia Klyagina

The zone of «superpast» in the Kuban dialect of the Kabarda-Circassian
language 120

Daria Mordashova

Cognates of the verb *vilja in Scandinavian:
on the grammaticalization path 132

286	Andrey Shluinsky Predicative participles in Forest Enets	146
	Nadezhda Makeeva, Andrey Shluinsky Ditransitive construction in Akebu	161
	Lev Kozlov The Directive-Locative Concurrency in Finno-Permic Languages	177
	Irina Khomchenkova, Maria Sidorova Non-canonic functions of the comitative in Hill Mari	192
	III. Communicative-to-grammar interface	
	Elena Rudnitskaya Delimiter affix -riktV- and focus particle (h)ələ in Evenki as heads of DelimP and FocP	209
	Polina Pleshak, Maria Sidorova Approximative quantative constructions as a context for small nominal in Moskva Mordvin and Hill Mari	222
	Alexei Kozlov Hill Mari particle =ok and aspects of emphatic identity	240
	Eugenia Khristoforova The impact of communicative structure on the choice of semantic classifiers	255
	Summaries and keywords [in Russian].	267
	Summaries and keywords.	273
	Authors' information	279
	Contents	285

**Типология морфосинтаксических параметров. Выпуск 4.
Сборник материалов международной конференции
"Типология морфосинтаксических параметров-2017"**

Под ред. Е.А. Лютиковой и А.В. Циммерлинга

*Компьютерная верстка Е. А. Васюкова
Статьи публикуются в авторской редакции*

Гарнитура Таймс. Формат А5.

Редакционный отдел Управления научной деятельности
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute